СТЕФАН АНХЕМ

ЖЕРТВА БЕЗ ЛИЦА

18+

«УВЛЕКАТЕЛЬНЕЕ, ЧЕМ Ю НЕСБЁ,
И МРАЧНЕЕ, ЧЕМ СТИГ ЛАРССОН».

ТОНИ ПАРСОНС

Annotation

Можно ли уйти от своей судьбы?

В маленьком шведском городке совершены два жестоких убийства. Жертвы – двое взрослых мужчин, когда-то бывших одноклассниками и неразлучными друзьями. Все знают, что в школе они травили и били ребят, которые имели несчастье им не понравиться. Многие догадываются, что, повзрослев, они не сильно изменились. На месте преступления полицейские обнаружили фотографию того самого класса. Лица убитых были перечеркнуты.

Фабиан Риск учился в том же классе. Его сразу же привлекают к расследованию.

Вскоре появляются новые жертвы – бывшие одноклассники. Фабиан начинает опасаться, что и ему самому грозит опасность. Однако, лихорадочно работая над делом, он не замечает самого главного, и за это ему придется жестоко поплатиться.

- Стефан Анхем
  -
  - Пролог
  - Часть 1
    -
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15

- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44

- Часть 2
  -
  - 45
  - 46
  - 47
  - 48
  - 49
  - 50
  - 51
  - 52

- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91

        - 92
        - 93
        - 94
        - 95
        - 96
        - 97
        - 98
        - 99
        - 100
        - 101
        - 102
        - 103
        - 104
        - 105
        - 106
        - 107
        - 108
        - 109
        - 110
        - 111
    - Эпилог
    - Спасибо
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16

- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50

Стефан Анхем
Жертва без лица

Stefan Ahnhem
ÖFFER UTAN ANSIKTE

© Stefan Ahnhem 2015
© Серебро Е., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Через три дня

Ворона села ему на голый живот и вцепилась в него острыми когтями. Первые несколько раз, когда он просыпался от этого, ему удавалось прогнать птицу и заставить ее ослабить хватку. Но сейчас, похоже, пернатую будет не так легко отпугнуть. Ворона продолжала сидеть на нем и бесцеремонно топтать его лапами, становясь все более нетерпеливой и голодной. Еще немного, и она начнет клевать его, отрывая по кусочку. Он крикнул изо всех сил, и в конце концов птица разжала лапы и улетела, каркая и махая крыльями.

Сначала он думал, что ему снится кошмарный сон, и что стоит только проснуться, как все опять встанет на свои места. Но когда он все-таки открыл глаза, то не увидел ничего, кроме темноты, – глаза у него были завязаны.

Подул слабый теплый ветерок, и он понял, что находится на улице и голый лежит на чем-то твердом и холодном в позе Витрувианского человека с рисунка Леонардо да Винчи. Вот и все, что он знал. Остальное – одни сплошные вопросы. Кто положил его сюда? И зачем?

Он снова попытался высвободиться, но чем сильнее старался, тем глубже шипы от ремней впивались ему в запястья и лодыжки. Его пронзала острая боль, напоминая о мучениях, которые он испытал в девять лет: ему не удалось убедить зубного врача в том, что наркоз не подействовал.

Но это не шло ни в какое сравнение с той болью, которая приходила раз в сутки и чаще всего длилась по несколько часов. Она обжигала, как сварочное пламя, и медленно перемещалась по его голому телу. Иногда она внезапно прекращалась, чтобы так же внезапно вернуться. Иногда боль вообще не приходила. Он старался понять, что это – может быть, его время от времени пытают, – но потом оставил эти напрасные попытки и сосредоточил все свои силы, стараясь выдержать боль.

Он определил, что, наверное, опять прошел час, и как можно громче позвал на помощь. Его поразило, какой жалкий звук он издает, и он закричал снова, постаравшись придать голосу бо́льшую силу и басовитость. Но в затихающем эхе услышал, как настойчиво пробиваются резкие нотки отчаяния. Он сдался. Его все равно никто не слышит. Никто, кроме вороны.

Он предпринял еще одну попытку восстановить ход событий, не зная, в который раз. Может быть, он упустил какую-нибудь маленькую деталь, которая могла бы дать ему ответы.

Утром он вышел из дома около шести; до начала смены оставался почти час. Он решил не брать машину – так он поступал всегда, как только позволяла погода: прогулка по парку, как правило, занимала не больше двенадцати минут, так что у него было полно времени.

Стоило ему выйти из дома, как он всем телом ощутил беспокойство. Причем так явственно, что остановился и обвел взглядом квартал, но не увидел ничего необычного. То есть ничего, кроме соседа, который упорно старался завести свой старый ржавый «Фиат пунто», и женщины с красивыми светлыми волосами, проехавшей мимо на велосипеде. Ее юбка развевалась на ветру, а велосипедную корзину украшали пластмассовые ромашки. Создавалось впечатление, что женщина села на велосипед только для того, чтобы подарить всем радость.

Но на него это совершенно не подействовало. Беспокойство завладело им, и, поглощенный тревогой, он перешел дорогу на красный свет, чего никогда не делал в обычной ситуации. Однако это утро было необычным. Он напрягся всем телом, как пружина, и, пройдясь немного по парку, отбросил сомнения.

За ним определенно кто-то шел по пятам. Судя по звуку шагов по гравию, человек был обут в кроссовки.

Он заметил, что прибавил шагу, и заставил себя идти медленнее.

Шаги становились все ближе, но он боролся с желанием бросить взгляд через плечо. У него участился пульс, по телу покатился холодный пот. Ему показалось, что он теряет сознание, и в конечном итоге он сдался и обернулся.

К нему направлялся мужчина, действительно, в кроссовках. Пара черных Reebok. Мужчина был одет в черную одежду с множеством карманов. На спине – набитый рюкзак, в руке – тряпка.

Но только когда мужчина поднял глаза и встретился с ним взглядом, он смог увидеть его лицо.

После этого все провалилось. От удара кулаком прямо в солнечное сплетение боль пронзила все нервные волокна. Он отчаянно пытался вдохнуть, опустился на колени и почувствовал, как к его лицу прижали тряпку.

Следующее воспоминание – он очнулся от того, что ему в живот вонзились когти.

Высоко над его головой одинокое облачко заслонило солнце. Спасение такое же мимолетное, как замок из песка. Когда облако наконец поплыло дальше и исчезло, небо стало совершенно голубым, каким оно бывает только в разгар шведского лета. Теперь солнце шпарило на линзу, размещенную таким образом, что она, в свою очередь, направляла лучи на точку рядом с распятым человеком. Об остальном заботилось вращение земли вокруг своей оси.

Последнее, что он услышал, – неприятное потрескивание собственных горящих волос.

Часть 1

30 июня – 7 июля 2010 года

Осенью 2003 года психолог Киплинг Д. Уильямс провел эксперимент: он подверг своих подопытных социальной обструкции посредством «Кибербола» – виртуальной игры, когда трое игроков передают друг другу мяч. Через какое-то время двое игроков стали перебрасывать мяч исключительно между собой. Третий, не зная, что играет с компьютером, сразу же почувствовал, что его исключили и забраковали. Чувство было настолько сильным, что магнитно-резонансная томография зафиксировала повышенную активность именно в той части мозга, которая отвечает за физическую боль.

1

Фабиан Риск проделывал этот путь бесчисленное количество раз. Но никогда раньше он не испытывал такой легкости и подъема, как сейчас. Они выехали рано утром, как и планировали, и смогли себе позволить спокойно пообедать в Гренне.

Уже тогда волнение из-за переезда стало проходить. Соня радовалась, почти что ликовала, и вызвалась сесть за руль на последнем отрезке пути через Смоланд, чтобы он смог выпить большую кружку крепкого пива с салакой. Все шло до такой степени гладко, что он поймал себя на мысли, что жена притворяется. Если уж совсем честно, в глубине души он сомневался, что можно на самом деле вот так просто взять и убежать от проблем и начать все сначала.

Реакция детей была ожидаемой. Матильда смотрела на переезд как на увлекательное приключение, хотя ей предстояло пойти в четвертый класс в совершенно новую школу. Теодор отнесся не так одобрительно и грозился остаться в Стокгольме. Но, похоже, после обеда в Гренне даже он решил дать судьбе шанс и, к всеобщему удивлению, несколько раз вынимал из ушей наушники и вступал в разговор с остальными.

Но лучше всего было то, что прекратились крики. Крики и вопли людей, которые молили о пощаде и просили сохранить им жизнь. Их голоса преследовали его последние полгода – и во сне, и почти все время наяву. Наконец они смолкли.

Первый раз он заметил это в районе Седертелье, но решил, что ему всего лишь кажется. И только когда они проехали Норрчепинг, он убедился окончательно. Голоса ослабевали с каждым километром, который они оставляли за собой. Теперь, когда они прибыли на место, проехав 556 километров, голоса смолкли окончательно.

Жизнь словно разделилась на «до» и «после». В «до» остался Стокгольм и события прошлой зимы. А теперь наконец – наконец-то! – наступил период «после», подумал Фабиан, вставляя ключ в замок их нового дома – английского таунхауса из красного кирпича на улице Польшегатан. Пока что он был единственным из всех членов семьи, кто побывал в доме, но он совсем не волновался по поводу мнения остальных. Как только он увидел, что дом продается, у него появилась уверенность, что здесь и только здесь они должны начать свою новую жизнь.

Польшегатан, 17, район Тогаборг, до города рукой подать, за углом –

лес Польшескуг. Здесь он будет бегать по утрам и опять станет играть в теннис на корте. Если захочется на море, надо только спуститься вниз по улице Халалидбаккен – и ты на пляже Фриа бад, где он всегда купался в юности. В то время он мечтал жить именно в этой части города, а не в желтых жилых казармах в районе Дальхем. Теперь, тридцать лет спустя, мечта сбылась.

– Папа, чего ты ждешь? Почему молчишь? – спросил Теодор.

Фабиан очнулся от восторга и осознал, что его семья стоит на тротуаре и ждет, когда он возьмет мобильный телефон, который звонил у него в кармане. Достав телефон, он увидел, что это Астрид Тувессон, глава криминального отдела полиции Хельсингборга, его новый, или точнее сказать, будущий начальник.

Формально еще шесть недель он числится в стокгольмской полиции. С точки зрения непосвященных, он сам решил уволиться. Но вне всяких сомнений, большинство его бывших коллег знают, как на самом деле обстояло дело и что ноги его там больше не будет.

Мысль о шести неделях вынужденного отпуска начинала его привлекать. Он не мог вспомнить, когда в последний раз так долго отдыхал со дня окончания школы. Время покажет, хватит ли ему этих недель. Он планировал сначала не спеша обустроиться в новом доме. Потом заново познакомиться со своим родным городом, а затем, в зависимости от погоды и желания, поехать куда-нибудь в теплые края. Ему надо избегать стресса. Обо всем этом Астрид Тувессон следовало бы знать.

И все-таки она позвонила.

Что-то случилось, и он уже собрался было ответить, чтобы узнать, что именно. Но они с Соней дали друг другу обещание. Этим летом они опять станут семьей и будут делить ответственность. Может быть, у нее даже хватит куража закончить последние картины к осенней выставке? К тому же наверняка в полиции Хельсингборга не все ушли в отпуск?

– Нет, подождет, – он положил мобильный обратно в карман, отпер дверь и впустил Теодора и Матильду – каждый хотел войти первым. – Будь я на вашем месте, я бы начал с сада! – Он повернулся к Соне, которая поднялась к нему на крыльцо с переносной колонкой в руке.

– Кто звонил?

– Ничего важного. Иди сюда, сейчас я покажу тебе дом.

– Это не…

– Нет, не это, – отозвался Фабиан. Но по глазам жены понял, что она ему не верит, и для пущей убедительности показал ей мобильный. – Это моя будущая начальница, она, наверное, просто хотела поздравить нас с

новосельем. Идем. – Он взял динамик и провел Соню в дом, рукой закрыв ей глаза. – Тадам! – он отнял руку. Она обвела взглядом пустую гостиную с открытым камином и прилегающей кухней, окна которой выходили на маленький сад с задней стороны дома – Теодор и Матильда уже прыгали там на большом батуте.

– Ой. Это же совершенно… Совершенно потрясающе!

– Значит, ставишь зачет? Одобряешь?

Соня кивнула:

– А фирма-перевозчик сказала, когда они будут?

– Они только сказали, что приедут во второй половине дня ближе к вечеру. Но всегда есть надежда, что они припозднятся и явятся только завтра.

– Можно спросить почему? – спросила Соня, обняв его за шею.

– У нас есть все, что нужно. Чистый пол, свечи, вино и музыка. – Фабиан поставил динамик на кухонный стол, вставил в него свой старый поцарапанный «Айпод Классик» и включил «For Emma, Forever Ago» группы «Бон Ивер» – его любимый альбом на протяжении вот уже нескольких недель. Он поздно запрыгнул в поезд «Бон Ивер». При первом прослушивании диск показался ему скучным, но он дал ему второй шанс и тогда понял, что это настоящий шедевр.

Он обнял Соню и начал танцевать. Она засмеялась, изо всех сил стараясь двигаться в такт его импровизированным па. Он заглянул в ее каре-зеленые глаза, а она расстегнула заколку и распустила свои каштановые волосы. Тренинг, который ей назначил психотерапевт, определенно дал результат. Как физический, так и психический. Жена явно похудела на пять-шесть килограммов. Она никогда не была полной, скорее наоборот. Но черты ее лица стали более четкими, и ей это шло.

Он быстро закрутил ее в танце, и она упала в его объятия. Она опять засмеялась, и он понял, что ему очень не хватало ее смеха.

Они обсуждали самые разные варианты. Например, выехать из городской квартиры в районе Седра Сташун и приобрести дом в каком-нибудь ближнем стокгольмском пригороде. Или даже купить маленькую квартиру, разъехаться и поочередно заботиться о детях. Но ни один из этих вариантов по-настоящему не годился. Оставалось только понять, то ли это от сильной боязни развода, то ли от того, что в глубине души они любят друг друга.

И только когда он нашел дом на улице Польшегатан, пазл сложился. Должность криминального инспектора в полиции Хельсингборга, свободные места в школе в районе Тогаборг и большое чердачное

помещение со слуховыми окнами, которое идеально подходит для Сони как ателье. Словно кто-то смилостивился над их судьбой и решил дать им последний шанс.

– А дети? Ты подумал, где они будут спать? – прошептала Соня ему в ухо.

– В подвале наверняка есть какая-нибудь комната, где мы их можем запереть.

Соня собралась ему ответить, но он не дал ей ничего сказать, поцеловал ее и опять стал танцевать. И тут в дверь позвонили.

– Они уже здесь? – Соня прервала его поцелуй. – Значит, будем ночевать в своих постелях.

– А я так мечтал о ночевке на полу.

– Но ведь пол остается? К тому же я сказала «ночевать», ничего другого. – Она коснулась губами губ мужа, провела рукой по его животу и засунула руку ему за пояс.

«Это пройдет, и мы будем жить счастливо до конца наших дней», – успел подумать Фабиан, прежде чем она вытащила руку и пошла открывать.

– Привет, меня зовут Астрид Тувессон. Я одна из новых коллег твоего мужа. – Стоявшая в дверях женщина протянула Соне руку. Другой рукой сдвинула солнечные очки вверх на светлые вьющиеся волосы, благодаря которым, а также цветастому платью, тонким загорелым ногам и босоножкам, выглядела на десять лет моложе своих пятидесяти двух.

– Вот как? Привет, – Соня повернулась к Фабиану, который подошел к ним и пожал Тувессон руку.

– Ты хочешь сказать, *будущий* коллега. Я выхожу на работу только шестнадцатого августа, – сказал Фабиан и заметил, что у нее нет мочки левого уха.

– Будущий *начальник*, если уж быть совсем точными, – гостья рассмеялась и поправила волосы так, что не стало видно уха. Фабиан невольно спросил себя, что это может быть: ранение или врожденный дефект. – Извини. Я действительно не хочу вам мешать в разгар вашего отпуска, и вы, должно быть, совершенно вымотались после дороги, но…

– Ничего страшного, – прервала ее Соня. – Входи, входи. Но, к сожалению, ничем угостить не сможем, поскольку все еще ждем наши вещи.

– Ничего страшного. Мне только на несколько минут нужен ваш муж.

Соня молча кивнула, и Фабиан провел Тувессон на террасу с задней стороны дома и закрыл за собой дверь.

– Я в итоге тоже сдалась и купила батут. Дети канючили несколько лет, а когда я его купила, они уже успели вырасти.

– Прости, но в чем дело? – у Фабиана не было ни малейшего желания посвящать отпуск светской беседе со своей будущей начальницей.

– Произошло убийство.

– Правда? Бывает. К сожалению. Не хочу вмешиваться, но не лучше ли тебе обратиться к тем коллегам, которые не ушли в отпуск?

– Йорген Польссон. Тебе знакомо это имя?

– Он жертва?

Тувессон кивнула.

Фабиан слышал это имя, но у него не было никакого желания пытаться понять, кто это. Меньше всего ему хотелось работать. Он почувствовал себя полностью заправленным нефтяным танкером, который только что захватили пираты и который вынужден сменить курс прочь от райского острова.

– Может быть, так ты лучше вспомнишь? – Тувессон показала файл с фотографией. – Это лежало на жертве.

Фабиан взял папку, посмотрел на фото и сразу же понял, что никакого райского острова не будет. Он узнал фотографию, хотя едва ли мог вспомнить, когда последний раз ее видел. Это было фото их класса в девятом классе. Последняя фотография, на которой все в сборе. Сам он стоял во втором ряду, а за ним по диагонали – Йорген Польссон.

Перечеркнутый черным фломастером.

2

Он пробыл в доме всего час, а потом в дверь позвонили. Конечно, он понимает, почему Тувессон предпочла обратиться к нему. Не сделать этого – все равно что совершить должностное преступление. А вдруг он помнит что-то, что сможет ускорить расследование, и в конечном итоге спасет несколько жизней. Но у Фабиана почти не осталось воспоминаний о средней школе и, честно говоря, не было ни малейшего желания воскрешать в памяти то время.

– Вон та белая «Королла», – сказала Тувессон, и Фабиан перешел за ней на другую сторону улицы. Она предложила отвезти его до места преступления и потом обратно домой, чтобы Соня могла спокойно разгрузить вещи из их машины. – Знаешь, я действительно ценю, что ты нашел время поехать со мной, хоть ты и в отпуске.

– Мой отпуск еще даже не начинался.

– Обещаю, это займет не больше пары часов. – Тувессон вставила ключ в замок и повернула его. – Машина запирается на центральный замок, но дверь заедает, так что потяни немного.

Фабиан распахнул дверь и увидел пассажирское сиденье, заваленное бумажными стаканчиками из-под кофе, начатыми пачками Мальборо, ключами, остатками еды, использованными бумажными полотенцами и пачкой тампонов.

– Извини. Подожди, я только… – Она сбросила все на пол, кроме ключей и сигарет. Фабиан сел, и Тувессон завела машину и выехала. – Можно, я сделаю затяжку? – Не успел Фабиан ответить, как она закурила и опустила стекло. – Вообще-то я бросаю. Знаю, так всегда говорят, и вместо того, чтобы болтать и обещать, надо делать. Я и сделаю. Только не сейчас. – Она глубоко затянулась, одновременно сворачивая на улицу Тогагатан.

– Ничего страшного, – ответил Фабиан, взглянув на фотографию своего класса и перечеркнутое лицо Йоргена. Почему он с таким трудом вспомнил, кто такой Йорген Польссон? Если уж кого и помнить, так именно Йоргена. Он никогда его не любил, и, может быть, этим всем объяснялось. Он просто-напросто вытеснил его из памяти. – Где его нашли?

– В школе в районе Фредриксдаль. Насколько я понимаю, он работал там учителем труда.

– К тому же он учился в этой школе в старших классах.

– Да, не все добираются аж до самого Стокгольма. Кстати, что ты о нем знаешь?

– Более или менее ничего. Мы никогда не общались. – Фабиан вспомнил шерстяные свитера Lyle Scott и Lacoste и как в класс вкатили телевизор и прервали урок, когда Стенмарк[1] должен был броситься со склона. – Если уж совсем честно, мне Йорген никогда не нравился.

– Да? А почему?

– Он был самым крутым в классе, и с ним было тяжело. Ну, ты знаешь, он делал, что взбредет в голову.

– У нас тоже был такой. Он мешал на всех уроках, отнимал у остальных подносы с едой и так далее. И никто не смел ему перечить. Даже учителя. – Тувессон втянула остатки никотина из сигареты и выкинула окурок в окно. – Это было в те времена, когда такое поведение не считалось диагнозом.

– К тому же он слушал только «Kiss» и «Sweet».

– А что в них плохого?

– Ничего. Наоборот. Но я понял это только несколько лет назад.

Фабиан вышел из машины и посмотрел на школу – двухэтажное здание из красного кирпича находилось за пустынным школьным двором. Из асфальта торчали два баскетбольных щита с рваными сетками, напоминая о том, что вообще-то это детская площадка. Он прошелся глазами по длинному ряду узких окон, похожих на тюремные. Теперь он с трудом представлял, как мог продержаться в этом здании три года, окончательно не сломавшись.

– Кто его нашел?

– Сначала позвонила его жена и заявила о пропаже, но тогда мы мало что могли сделать.

– А когда она позвонила?

– В прошлую среду. За день до этого он поехал в Германию за пивом для праздника середины лета и должен был вернуться в тот же день вечером.

– Покупать пиво в Германии? Это по-прежнему выгодно?

– Если покупать много. Сорок крон за упаковку. К тому же тебе возвращают деньги за билет на паром, если ты пробудешь там не больше трех часов.

Проделать весь путь до Германии только для того, чтобы доверху забить машину пивом. Чем больше Фабиан об этом думал, тем больше узнавал Йоргена, которого теперь начал вспоминать. Йоргена и, возможно, Гленна.

– Но он так и не доехал до Германии, так ведь?

– Нет, он там был. Мы сверились с Эресуннским мостом – он вернулся, как и собирался, во вторник вечером. Но потом все следы теряются. Только вчера мы несколько продвинулись, когда стекольная фирма потребовала эвакуировать машину, которая не давала проехать их автовышке.

– Его машину?

Тувессон кивнула. Они завернули за угол и оказались на задней стороне здания. В двадцати метрах от них рядом с автовышкой была припаркована «Шева пикап». Прилегающий участок уже оцепили, и его охраняло двое полицейских в форме.

К ним подошел мужчина средних лет с редкими волосами, одетый в голубой одноразовый комбинезон. Очки были сдвинуты на кончик носа.

– Это Ингвар Муландер, наш криминалист, а это Фабиан Риск, который на самом деле в отпуске и приступит к работе только в августе, – сказала Тувессон.

– Вот как. Отпуском больше, отпуском меньше. Какое это имеет значение, когда у нас такое расследование? Что скажешь? – Муландер сдвинул очки на самый кончик носа и оглядел Фабиана, одновременно подавая ему руку.

– По крайней мере, мне немного любопытно, – улыбнулся Фабиан и пожал мужчине руку.

– Совершенно верно. Ты не разочаруешься, обещаю.

– Ингвар, он только глянет одним глазком.

Муландер посмотрел на нее так, что Фабиан, хоть и невольно, почувствовал, как в нем просыпается интерес. Муландер провел их в здание школы и выдал им комбинезоны.

– Пожалуйста, проходите.

Фабиан оказался в школе первый раз за почти тридцать лет. Все было точно так, как он запомнил. Красные кирпичные стены в коридорах и звукопоглощающие плиты на потолке, напоминающие спрессованный мусор. Здесь, в самом дальнем коридоре, находился кабинет труда. Этим предметом он совершенно не интересовался, пока не понял, что можно самому делать скейтборды. В конце четверти он нагрел, согнул и выпилил столько оргалитовых плит, что сумел продать их и скопить на пару настоящих «Tracker Trucks».

– Добро пожаловать на место убийства, которое с легкостью попадет в десятку самых страшных из всех, что мне доводилось видеть. – Муландер открыл Фабиану и Тувессон дверь. – К счастью, преступник включил

кондиционер на самую низкую температуру. Иначе бы это место вошло в пятерку, ведь тело пролежало здесь больше недели.

В кабинете труда было по-настоящему холодно. Фабиану показалось, что он попал в холодильник, хотя градусник показывал 12-13 градусов выше нуля. В помещении работало еще три человека в комбинезонах – они делали снимки, осматривали и собирали технические доказательства. К хорошо знакомому запаху дерева и древесной стружки примешивалась спертая сладковатая вонь. Фабиан подошел к телу Йоргена Польссона, неподвижно лежавшему в большой луже высохшей крови прямо рядом с дверью. Защелка и дверная ручка запачканы кровью. На большом натренированном теле – потертые просторные джинсы и белая окровавленная майка.

Фабиан не помнил, чтобы Йорген был таким большим. Сильный и наглый, но не большой. Теперь, наверное, он был силен как бык. И все же преступнику удалось отпилить ему кисти обеих рук в татуировках. Глядя на окровавленные культи, Фабиан с трудом представлял, какую чудовищную боль испытывал Йорген. И почему именно кисти рук?

– Как видите, судя по кровавым следам на полу, жертва добралась от столярного станка вон там до двери, в которую вы вошли, – стал объяснять Муландер. – Дверь была не заперта, но он не знал, что с другой стороны ее забаррикадировали партами, стульями и столами. Тогда он дополз до другой двери и попытался выбраться через нее. Но легко ли повернуть защелку, если у тебя нет рук?

Фабиан осмотрел окровавленную защелку.

– А вы успели обследовать замок? – спросила Тувессон.

– Заклеен суперклеем, и вот результат, – Муландер взял медицинские щипцы и приподнял верхнюю губу Йоргена – передние зубы были полностью стерты.

– Значит, он попытался повернуть защелку ртом? – спросила Тувессон.

Муландер кивнул:

– Инстинкт самосохранения. Сам бы я наверняка умер, сохранив зубы.

– Я не понимаю. Ведь он же оказывал сопротивление? – задала вопрос Тувессон.

– Хороший вопрос. Может быть, оказывал. А может быть, его накачали наркотиками. Кто знает? Посмотрим, что выяснит Коса.

– А сколько времени это продолжалось?

– Часа три-четыре, – Муландер подвел их к другому столярному станку, тоже запачканному кровью. – Вот этим зажимом убийца закрепил ему руки, а этой ножовкой распилил запястья, – он показал медицинскими

щипцами на брошенную на пол окровавленную пилу.

– Кстати, а вы не проверили стекольную фирму, которая позвонила и потребовала эвакуировать машину? – спросил Фабиан.

Тувессон посмотрела на него:

– Что? Ты хочешь сказать, что они могут быть причастны?

– Если хотите знать мое мнение, тот, кто это сделал, ничего не пускает на самотек.

Тувессон и Муландер переглянулись и кивнули.

– У меня есть их номер, – Тувессон достала свой мобильный, набрала номер и включила телефон на громкую связь. Раздались гудки, которые сменились сообщением «Неправильно набран номер». – Похоже, ты прав. Нам надо проверить, кто нанял автовышку, а ты, Ингвар, потом пойдешь по этому следу.

Муландер кивнул.

– Что насчет кистей рук? – продолжила Тувессон.

– Мы их по-прежнему ищем.

Тувессон кивнула и повернулась к Фабиану.

– Ну что? Что скажешь? Ничего на ум не приходит?

Фабиан обвел взглядом столярный станок, окровавленную ножовку, следы крови на полу и тело с отпиленными кистями рук. Встретившись глазами с Тувессон и Муландером, покачал головой:

– К сожалению, нет.

– Совсем нет? Ни малейшего представления о том, может ли это быть кто-то из одноклассников и почему жертвой оказался именно Йорген Польссон?

Фабиан покачал головой.

– Ну ладно, во всяком случае, мы попытались. – Тувессон направилась к выходу. – Но если тебе что-нибудь придет в голову, что угодно, обещай позвонить мне или зайти в полицию. О’кей?

Фабиан кивнул и вышел вслед за ней из кабинета труда. Его не отпускал вопрос, который так и не даст ему покоя, пока он не найдет на него ответ.

Почему именно кисти рук?

18 августа

Пишу в тебе первый раз, хотя мама подарила мне тебя еще на позапрошлое Рождество. Она сказала, что всегда хорошо записать, чтобы не забыть, и вот я пишу. Вчера я убрал свою комнату и набил мусором целый черный мешок. Мама очень обрадовалась, а я нашел дроида С-3РО,

который потерялся больше года назад.

Сегодня все вернулись в школу. Все, кроме Хампуса. Все радовались новой классной комнате и новым книгам. Только не я, потому что теперь моя очередь, и все началось уже на математике. Они смотрели на меня, хотя я ничего не сделал. Я только пытался вести себя, как обычно, будто ничего не замечаю. Но они просто продолжали пялиться, и я знаю, что это значит. Все знают. Я знал, что так и будет. Знал это все время. Когда Хампус сказал, что переезжает, я сразу же понял. Хотя надеялся, что ошибаюсь, но не ошибся. Все лето я только и думал об этом.

На английском я сел за самую первую парту, чтобы не видеть, как они пялятся. Хотя знал, что они делают это все время, да еще бросают бумажки. Но я делал вид, что ничего не замечаю. Я ни разу не обернулся. Ни единого раза.

Йеспер прочел одну из бумажек. Там было написано, что я урод и плохо пахну. Обычно я всегда очень тщательно моюсь, а последний год вообще пользуюсь дезодорантом, чтобы не пахло потом, но мама сказала, что у всех пахнет. Попытался проверить – а вдруг от меня пахнет. Вроде нет. Но я знаю, что я урод. Урод уродом.

P.S. Завтра Лабану исполняется год, куплю ему специальное колесо, новую бутылку для питья и новые опилки.

3

Когда Фабиан вернулся домой, грузчики как раз заносили в дом их пожитки. Заглянув в трейлер, он увидел, что они успели выгрузить чуть больше половины. Оставалась груда картонных коробок, старые торшеры, хоккейные клюшки, перепачканные икеевские диваны, овальный стол с копиями стульев «Муравей»[2], старый «толстый» телевизор, который стоял в комнате Теодора и который тот никогда не смотрел, беговые лыжи, велосипеды, несколько ламп, шкаф с треснувшим стеклом и куча набитых доверху черных мешков.

И это все, что он успел нажить за свои сорок три года? Несколько потертых диванов и пыльные абажуры. Фабиану захотелось попросить рабочих больше ничего не выгружать, а отвезти все на свалку.

Словно бы он только что купил новый дорогой компьютер и первым делом перенес туда все старые файлы со всеми вирусами. А он хочет начать с чистого листа. Раз в жизни плюнуть на деньги и купить все новое. Вскрыть полиэтиленовую упаковку и вдохнуть запах новой вещи.

Он кивком поздоровался с грузчиками, которые выгружали одну из подаренных ему на двенадцатилетие старых тумбочек для письменного стола цвета авокадо. Последние двадцать лет эти тумбочки провели на чердаке. Похоже, тумбочка немало весит, – ее переносили двое. Что же в ней такого тяжелого? Он задумался над тем, что лежит в ящиках, и не смог вспомнить, когда открывал их в последний раз.

Спустя час после того, как он помог Соне вынуть все из ящиков с кухонными принадлежностями, он вспомнил, что лежало в тумбах, и сразу же захотел на это посмотреть. Соня отправила их в подвал. Спускаясь туда, Фабиан понял, что до сих пор ни разу не был там – в помещении, которое каждый серьезный потенциальный покупатель должен посетить в первую очередь.

Сам он полностью доверился риелтору, который гарантировал, что дом в превосходном состоянии. *Превосходном.* Словно это пациент, выздоровевший после тяжелой болезни. Но Фабиан совсем не беспокоился. Он покупал старый дом с толстыми кирпичными стенами и естественной тягой, а не эти тесно прилегающие друг к другу новостройки в Мариастадене, или Плесень-стадене, как теперь в народе стали называть тот район.

С бывшим владельцем дома он тоже так и не встретился. Отто

Пальдински, явно настоящий педант, заботился о доме, как о собственном ребенке, все тридцать лет, что прожил здесь со своей семьей. *По причинам личного характера* он хотел совершить сделку как можно скорее и был готов значительно снизить цену, что, по мнению риелтора, было равнозначно выигрышу в лотерею. Второго такого шанса не будет.

Надо признать, что Фабиана не пришлось долго уговаривать. Но он не переставал думать о том, что на самом деле означают *причины личного характера*. Он даже спросил об этом риелтора, но тот ответил, что не имеет привычки вмешиваться в частную жизнь своих клиентов и элегантно перешел к тем преимуществам, которыми эти причины обернулись для Фабиана как для покупателя. Фабиан принял ответ, улыбнувшись и кивнув, и решил больше в это не углубляться.

Фабиан направился прямо к тумбочке цвета авокадо, выдвинул самый верхний ящик и сразу же нашел то, что искал, – школьный альбом девятых классов. Сев на тумбу, нашел свой класс и ту самую фотографию, которую преступник оставил после себя на месте убийства, с той только разницей, что ни одна голова не была перечеркнута.

Самая точная примета времени – прически. 1982 год. В то время все так ходили. Сет Корхеден с редкими усиками, Стефан Мунте и Никлас Бекстрем, которые жили в его дворе и так же, как и он, были помешаны на скейтборде. Не говоря уже о Лине с ее белокурыми кудрями. Даже Йорген, похоже, расчесал волосы на прямой пробор. Они выглядели, как компания настоящих ботаников. Особенно он сам в заправленной рубашке, брюках с завышенным поясом и подстриженными в домашних условиях волосами, которые отказывались лежать, как положено.

Его поразило, что он не общался ни с кем из своих одноклассников с тех пор, как переехал в Стокгольм. Даже с Линой. Будто сложил свои детство и юность в картонную коробку и оставил их в Хельсингборге, где те так и простояли все эти годы, забытые и оплетенные паутиной.

До сегодняшнего дня.

– Так вот где ты прячешься!

Фабиан вздрогнул и увидел перед собой Соню.

– Извини, я не хотела тебя пугать.

Он захлопнул альбом, словно его застали с поличным.

– Я просто не слышал, как ты вошла.

– Как насчет того, чтобы сделать перерыв и пойти поесть пиццу или что-нибудь в этом роде? Дети страшно голодные.

Фабиан отложил альбом и встал.

– Отличная идея. Всего в нескольких кварталах отсюда есть, или, по

крайней мере, была, прекрасная пиццерия. – Он повернулся и пошел к лестнице, но Соня взяла его за руку.

– Дорогой, с тобой все в порядке?

Фабиан оглянулся и кивнул, но по ее глазам увидел, что она ему не верит.

В пиццерии «Тогаборг» каждый из них взял по пицце, а потом они спустились вниз на набережную и сели на нагретую солнцем стену с видом на пролив и Данию. Красиво. Гораздо красивее, чем он помнил. Набережную расширили, и теперь по ней гуляли люди, наслаждаясь легким вечерним бризом. Ближе к пляжу «Фриа бад» раздевалки перестроили в рестораны, а старое железнодорожное полотно заменили травяным покрытием с зоной для боулинга и мангалами. Еще дальше виднелись пальмы, которые поставили во время Ярмарки жилья в 1999 году. С тех пор, как понял Фабиан, это стало традицией, и некогда маленький заброшенный пляж превратился в один из самых популярных пляжей Хельсингборга под названием Tropical Beach[3]. Ему показалось, что он вернулся домой в совершенно новый город.

– В жизни не ела такой вкусной пиццы! – воскликнула Матильда, и Фабиан был готов с ней согласиться. Он тоже никогда не ел более вкусной пиццы.

Они сидели и смотрели на паромы, курсирующие между Хельсингборгом и Хельсингером. Замок Кронборг в Хельсингере – живое доказательство того, что теперь они находятся ближе к Европе. Фабиан пообещал самому себе больше никогда ни на метр не двигаться в сторону севера и повернулся к Теодору, который пустым взглядом смотрел на пролив.

– А как твоя пицца? Тоже самая вкусная в твоей жизни?

– Нет, но вполне ничего.

– Четыре или пять?

– Три с плюсом.

– Тогда попробуй мою. Минимум шесть баллов, – сказала Матильда, протягивая ему порцию.

Теодор откусил приличный кусок и кивнул:

– О’кей, могу поставить четыре балла. Но не больше.

– Боже, ну ты и жадина. Правда, мама?

Соня кивнула и встретилась глазами с Фабианом. Он делал все, чтобы никто ни о чем не догадался, и она пока не спрашивала, что было нужно Тувессон. Но, без сомнения, поняла: что-то не так. Как обычно, она видела мужа насквозь, несмотря на его жалкие попытки быть здесь и сейчас. Но

именно в этот вечер жена решила подыграть ему и притвориться, что они просто спокойно сидят на прогретой стене прогулочной набережной и наслаждаются красным вечерним солнцем и звуком волн, которые плещутся о камни.

Той ночью они любили друг друга именно так, как он мечтал в машине на пути сюда.

На полу.

С вином и при свечах.

For Emma, Forever Ago…

4

Фабиана и Соню разбудила Матильда, которая заползла на них, не понимая, почему они спят на полу в гостиной. Они вместе выдумали объяснение – мол, чтобы спать в кроватях в спальне, их надо привести в порядок. Даже Теодор спустился вниз и помог накрыть на террасе, пока Соня и Матильда сбегали в супермаркет купить что-нибудь к завтраку, который они все вместе с наслаждением съели на утреннем солнце. Не хватало только свежей газеты, которую, как утверждала Соня, она забыла купить.

– Что сегодня будем делать? – спросила Матильда.

– Будем продолжать распаковывать вещи и…

– Приведем в порядок кровати! Чтобы вам не надо было спать на полу!

– Да, и это тоже, – рассмеялась Соня. – И еще я подумала, что после обеда мы можем пойти купаться.

– Дааа!

– Папа, давай тогда сначала съездим в магазин за трубкой и маской, – предложил Теодор.

– Увы, будете купаться без меня.

– Что? А почему? – воскликнула Матильда. – Ведь у тебя же отпуск?

– Да, но папе надо кое-что сделать, – сказала Соня. – Ему из-за этого так же грустно, как и нам. Остается только надеяться, что это не займет много времени. – Он встретился с ней взглядом и понял, что в магазине ей попалась на глаза газета.

Фабиан зашел в недавно построенный полицейский участок. Оно было белого цвета и находилось совсем рядом с трассой E4 и всего лишь в нескольких шагах от старой похожей на замок тюрьмы в районе Берга. Он подошел к мужчине, сидевшему за стойкой регистрации. На стойке лежали газеты «Хельсингборгс Дагблад», «Квельспостен», «Дагенс Нюхетер» и «Свенска Дагбладет».

УЧИТЕЛЬ ТРУДА ЗАМУЧЕН ДО СМЕРТИ В СВОЕМ КАБИНЕТЕ

Типичный заголовок для вечерней газеты «Квельспостен». Соня узнала отсюда? «Хельсингборгс Дагблад» выбрала не такую резкую

формулировку, но примерно то же фото, что и «Квельспостен». На обоих фото, сделанных с большого расстояния, были засняты автовышка и машина Йоргена, припаркованная перед зданием школы. Конечно, регистрационные номера машины закрашены, но по кроваво-красному зданию с длинным рядом тюремных окон совсем нетрудно понять, о какой школе идет речь. А много ли в школе учителей труда?

Фабиан представился и объяснил, что вообще-то он выйдет на работу не раньше середины августа, но Тувессон подключила его к расследованию дела об убийстве учителя труда еще накануне, сказав, что в случае чего он может просто зайти. Рецепционист, мужчина лет тридцати в полицейской форме, начал стучать по клавишам. Фабиану показалось, что стрижка мужчины наводит на мысль о Германии тридцатых, и он не мог не восхититься его прямой осанкой.

– Извините, как вас зовут?

– Риск. Фабиан Риск. Но, наверное, меня нет в базе. Как я уже сказал, я приступаю к работе только в августе.

Рецепционист проигнорировал его и стал терзать мышь, задавая различные команды, пристально глядя на экран и все сильнее нервничая.

– Сожалею, но я не могу вас найти.

– Я об этом и говорю. Но если вы позвоните Тувессон, то…

– У Астрид Тувессон оперативка, и она не любит, когда ей мешают.

– Это именно та оперативка, на которой я должен быть. Она наверняка сейчас сидит и ждет меня, – соврал Фабиан и понял, что напрасно злится. – Может быть, мне ей позвонить?

– Не мне решать, кому вам звонить. Но готов поспорить, что она не возьмет трубку. Она всегда так делает, когда у нее совещание.

Фабиан знал, что мужчина скорее всего прав. Он уже пытался дозвониться до коллеги, но безрезультатно.

– Как тогда быть? Мне надо войти.

– Не знаю. Не спрашивайте меня. Понятия не имею. Я ведь не могу пускать кого угодно и как угодно. Разве не так? Сами подумайте, что тогда будет.

– Наверное, это Фабиан Риск, – раздался женский голос у него за спиной.

Фабиан обернулся и увидел стройную подтянутую женщину лет тридцати пяти. Женщина была одета в клетчатую рубашку с короткими рукавами и потертые джинсы, отрезанные до колена. Темные волосы коротко подстрижены, в одном ухе минимум двадцать сережек.

– Туван сказала, что ты наверняка будешь стоять здесь и пытаться

войти, если она правильно тебя поняла. Я думала, ты приступишь только в августе.

– Я тоже так думал, – ответил Фабиан, гадая, сколько Тувессон удалось о нем разузнать.

Они пожали друг другу руки.

– Ирен Лилья.

– Может быть, тебе удастся убедить вот этого мужчину впустить меня?

– Его нет в списке, а я получил подробную инструкцию ни при каких обстоятельствах не впускать того, кто не…

– Все в порядке. Он войдет со мной, а я попрошу внести его в список. – Лилья кивнула Фабиану, и он прошел за ней через запертую стеклянную дверь и дальше к лифту.

– Тебе повезло, что я припозднилась. Флориан обычно ревностно относится к своим обязанностям.

Они вошли в лифт.

– Ну что? Тебе что-нибудь пришло в голову?

– Нет, к сожалению.

– Тогда что ты здесь делаешь? Насколько я понимаю, ты только что сюда переехал и у тебя масса дел.

Фабиан стал придумывать ответ, но тут двери лифта открылись.

Лилья провела Фабиана в комнату для совещаний – просторное помещение с панорамным видом на Хельсингборг, Эресунн и всю дорогу до Дании. Посреди комнаты стоял овальный стол, а стены с подсветкой служили одновременно грифельными досками и экранами для встроенных в потолок проекторов. Фабиан никогда не был в таких продвинутых переговорных. Сам он привык проводить совещания в комнатах без окон и вентиляции.

– Нет, он не вычислил, кто преступник, так что дышите спокойно, – объявила Лилья.

– Мне бы хотелось послушать, к чему вы пришли, и немного посидеть с вами. Можно? – спросил Фабиан.

– Конечно. Естественно. Проходи, садись, – сказала Астрид Тувессон и представила его остальным членам группы.

Помимо Астрид Тувессон, Ирен Лильи и Ингвара Муландера в группу входил Сверкер Хольм по прозвищу Утес, мощный мужчина за пятьдесят.

– Придется обойтись без Хуго Эльвина. Он только что уехал в Кению и вернется лишь через месяц.

– Кения, – пробормотал Утес. – Так вот куда надо ехать, чтобы

отдохнуть. – Он повернулся к Фабиану. – Фабиан. Ведь тебя так зовут? – Фабиан кивнул. – Предупреждаю тебя. Стоит тебе сесть на этот стул, как придется забыть об отпуске. Если тебе нужен отпуск, поезжай в Кению. Или еще куда подальше. Самому мне приходится довольствоваться домом родителей жены на острове Костер, и вот я здесь. – Утес развел руками.

– Ты сам решил прервать отпуск и выйти на работу, за что, кстати, я тебе страшно благодарна, – заметила Тувессон и повесила на стену фотографию Йоргена Польссона над фотографиями с места убийства.

– Что тут решать? Ты что, думаешь, я могу лежать на пляже и ковыряться в пупке, когда преступник, способный на такое, на свободе?

– Ты ведь все равно всегда жалуешься на этот дом и говоришь, что находиться там скорее работа, чем отдых, – вставила Лилья.

– Ясно, что мне в сто раз лучше с моей семьей, чем здесь, и, черт возьми, надо запретить совершать серьезные преступления во время моих отпусков.

– Тогда вноси предложение об изменении законодательства, – Тувессон своим тоном дала понять, что болтовня окончена. – Фабиан, тебе не надо волноваться. Как бы я ни хотела, я не могу отменить твой отпуск, поскольку ты получил его за работу в Стокгольме.

Фабиан кивнул и сел.

– Только не говори потом, что я тебя не предупреждал, – заметил Утес.

– Извините, можно вопрос? Вы случайно не нашли отпиленные кисти? – спросил Фабиан.

– Мы как раз обсуждаем это, – Тувессон кивнула Муландеру, который встал и нажал на кнопку пульта. На потолке зажегся проектор, и на экране появилась фотография двух отпиленных кистей рук, лежащих на окровавленном полу из белой кафельной плитки.

– Фото сделано в душевой для мальчиков, которая примыкает к физкультурному залу.

– Это та же школа? – спросил Утес.

Муландер кивнул.

– А вы начали составлять психологический профиль преступника? – поинтересовался Фабиан.

– Ну, что я говорил? – сказал Утес. – Он уже включился в работу, и, как пить дать, сам даже не осознает этого.

– Пока нет, – взяла слово Тувессон. – Многое говорит о том, что мы имеем дело с наихудшим типом преступника: псих-одиночка, который хочет что-то сказать, у которого есть план действий и который к тому же достаточно сообразителен, чтобы этот план осуществить.

– А откуда такая уверенность, что он или она действует в одиночку? – спросила Лилья, наливая себе кофе.

– Тут все доведено до крайности, – Тувессон показала на фотографии с места убийства. – И вместе с тем слишком хорошо спланировано и выполнено, чтобы речь шла о нескольких людях. Когда такое безумное преступление совершает группа, это почти всегда минутный порыв под сильным воздействием наркотиков. Такие преступники допускают ошибки и оставляют после себя целый ряд следов и технических улик. Здесь все сделано без ошибок. Не найдены ни отпечатки пальцев, ни волоски. Ничего. К тому же, Фабиан, ты правильно сказал о стекольной фирме. Ее не существует, а автовышку на самом деле арендовала строительная фирма Peab, которая понятия не имела о том, что ее у них угнали. Иными словами. Убийство Йоргена Польссона – не несчастный случай; оно было хорошо спланировано вплоть до мельчайших деталей: где оно произойдет, как будет выполнено и когда обнаружится.

– Остается только спросить: почему? – подал голос Муландер.

– Да, хороший вопрос, – отозвалась Лилья. – Почему кому-то отпиливают кисти рук?

– Может быть, он что-то украл? – предположил Утес. – По законам ислама так наказывают за кражу.

– Ты думаешь, преступник – мусульманин?

– А почему бы и нет? – сказал Утес и указал на фото класса. – Вот у этого вполне мусульманский вид. Что скажешь, Фабиан? – он протянул фото Фабиану. – Ты его помнишь?

Фабиан кивнул:

– Яфаар Умар. Мы звали его Яффе. Классный парень, самый веселый в классе. Мог шутить обо всем на свете.

– Похоже, это не наш случай, – сказала Лилья.

– Обычай отрубать руки существует у нескольких народов, – вмешался Муландер. – Взять хотя бы войну в Руанде. Там отрубали руки военнопленным, чтобы они больше не могли сражаться.

– Там отрубали руки целым деревням, – подхватил Утес. – Мужчинам, женщинам и детям, только чтобы они не смогли оставить отпечатки пальцев на бюллетенях для голосования.

– При чем здесь отпечатки пальцев? – удивилась Лилья. – Ведь голосуют анонимно.

– Да, но чтобы в принципе получить бюллетень для голосования, ты должен был удостоверить свою личность, и делалось это с помощью отпечатков пальцев.

Фабиан не верил, что это убийство – наказание за кражу по законам ислама. Насколько он помнил, Йорген Польссон не был замечен в воровстве. Трудный подросток, но склонности к воровству у него вроде не наблюдалось. Вопрос заключался в том, что это могло значить. Отпиленные руки, которые положили в душевую. Без сомнения, убийца хотел этим что-то сказать.

– Риск. О чем ты думаешь?

Фабиан поднял голову и увидел вопросительный взгляд Тувессон.

– Что хотел сказать преступник? Имеет ли значение, что убийство Йоргена было совершено на его рабочем месте, или это чистая случайность, что он работал в той же школе, где учился?

– Ты считаешь, это мог сделать какой-нибудь ученик?

– Не знаю. Или учитель. Кто-то, над кем он насильничал.

– Насильничал? Что ты хочешь сказать? Насиловал? – уточнил Утес.

– Тогда бы ему отпилили не руки, – заметила Лилья.

– И еще, – продолжил Фабиан, сам удивляясь, откуда он взял это «насильничать». – Если Йорген Польссон действительно проехал по мосту через Эресунн, это должна была заснять камера наблюдения. Разве нет?

– Мы знаем, что он проехал по мосту, – сказал Утес, протягивая распечатку. – Вот точное время заезда на пункт оплаты рядом с Лернаккеном и выезда из него.

– Но, с другой стороны, получить фото для подтверждения не помешает. Если у тебя есть желание, можешь смело к ним обратиться, – сказала Тувессон.

– Конечно, давайте, – отозвался Фабиан и понял, что Утес полностью прав. Мысль об отпуске казалась все более и более далекой.

– Утес и Ирен. Постарайтесь установить личности бывших учеников этого класса и собрать о них максимум сведений, не обращаясь к ним самим. Поскольку преступник может быть одним из них, я хочу, чтобы мы, по возможности, не посвящали в расследование посторонних, пока не узнаем больше. Хорошо?

Лилья и Утес кивнули.

– А как быть с Фабианом? – спросила Лилья. – Ведь он тоже учился в этом классе.

Остальные повернулись к Фабиану.

– Я сама им займусь, – сказала Тувессон.

– О’кей, – Лилья старалась не смотреть Фабиану в глаза.

– Еще у нас есть жена жертвы, – продолжил Утес. – Или вдова. Кто с ней свяжется?

– Ты имеешь в виду Лину Польссон? – уточнила Тувессон.

– Лину? Ее зовут Лина? – переспросил Фабиан. Тувессон кивнула. – Тогда, наверное, это она, – он показал на девочку – блондинку с завитыми волосами, стоящую рядом с перечеркнутым Йоргеном. – Они были вместе еще в то время. Невероятно. Если хотите, могу с ней связаться.

– Да уж я думаю, – сказал Утес, посмотрев на фотографию. – Настоящая красотка. – Он похлопал Фабиана по плечу.

– То, как они все выглядели тогда, и как выглядят сейчас – разные вещи, – заметил Муландер. – К сожалению.

– Не обязательно: посмотрите на Фабиана, – возразила Лилья.

Остальные рассмеялись, собрали свои бумаги и вышли из комнаты. Все, кроме Тувессон.

– Не знаю, что ты там себе думаешь. Но если у тебя есть желание помочь следствию, я, конечно, буду очень благодарна. Если ты предпочтешь отдых с семьей, я тоже тебя пойму. Так что выбор целиком и полностью за тобой.

– Я с удовольствием помогу, – сказал Фабиан, думая о том, насколько Тувессон неправа.

Какой у него может быть выбор, когда произошло такое? Он не первый раз занимается делом, в котором преступник тщательно подготовился. Но это случай особый. Одного из его бывших одноклассников жестоко убили и нашли спустя несколько суток именно в тот день, когда он сам с семьей приехал в город. Конечно, это могло быть случайностью. Но что-то подсказывало ему, что это так же мало похоже на случайность, как и отпиленные руки.

– Отлично. Хочу только, чтобы ты уяснил одно. – Она встретилась с ним взглядом. – Не знаю, как вы обычно делаете в Стокгольме. Но мы здесь одна команда и работаем все вместе, и тебя это тоже касается.

Фабиан кивнул.

– Хорошо. Зарплату мы уже обговорили, так что мне остается только дать указание, чтобы тебе начисляли ее с сегодняшнего дня.

– И, пожалуйста, внеси меня в систему, чтобы этот Флориан меня пропускал.

– Естественно. К тому же тебе выдадут пропуск. По понятным причинам, мы не привели в порядок твое рабочее место, но пока садись на место Хуго Эльвина. Как я уже сказала, его не будет несколько недель. Пойдем, я тебе покажу.

Фабиан пошел вслед за Тувессон по отделу, но не слышал ни единого ее слова. Его мысли были далеко. С того момента как он узнал об убийстве

Йоргена Польссона, в его подсознании что-то зрело и никак не могло сформироваться. Это произошло теперь, на совещании. Он не случайно употребил слово *насильничал*. Воспоминания о школьных годах стали проясняться, усиливая чувство, которое он испытывал с тех пор, как к нему обратилась Тувессон.

Чувство, что Йорген Польссон получил по заслугам.

5

Сначала Лина Польссон даже не поняла, кто он. Хотя он представился, назвав свое полное имя и напомнив, что они учились в одном классе в средней школе, ей это ничего не сказало, так что Фабиан сам стал сомневаться, та ли это Лина из класса. И только когда он представился как Фаббе, до нее все дошло, и она сразу же пригласила его домой на кофе в тот же день в час дня. Таким образом, у него хватит времени обустроиться на новом месте и связаться с Эресуннским мостом.

Рабочий стул Хуго Эльвина выглядел, как передовой эксперимент из будущего: из него торчало множество ручек и регуляторов, что отнюдь не прибавляло стулу красоты. Сидеть на нем было неудобно, и Фабиан принялся крутить ручки, одновременно объясняя свое дело диспетчеру Эресуннского моста. Его переключили на нужного человека, и пока шли гудки, ему удалось найти идеальное положение стула. Он все время гадал, какое же у Хуго Эльвина телосложение.

– Так это ты новый Курт Валландер[4]? – неожиданно спросила женщина на другом конце провода, и Фабиан, не успев понять, что гудки прекратились, пояснил, что Валландер был криминальным комиссаром, а не инспектором. Если он вообще существовал, хотелось ему добавить. – Послушайте, вы действительно такие жутко умные?

Через пять минут Фабиан сумел взять инициативу в свои руки и стал задавать женщине вопросы. Она рассказала, что все транспортные средства, которые едут через пункт оплаты в Лернаккене, снимаются на две камеры. Одна спереди, чтобы были видны регистрационные номера, а другая сверху, чтобы измерить длину транспортного средства. Все это делается с целью правильно рассчитать стоимость билета и иметь доказательство в случае исчезновения машины с места происшествия.

Фабиан рассказал, что его интересует «Шева пикап» с регистрационными номерами BJY 509, которая должна была проехать пункт оплаты на пути в Данию во вторник 22 июня около половины седьмого утра и вернуться в тот же день вечером в восемнадцать минут двенадцатого. Женщина пообещала найти фото и спросила его мейл. Фабиан, у которого еще не было своего, дал ей мейл Тувессон, поблагодарил за помощь и вышел из участка.

Лина Польссон продиктовала ему свой адрес, и навигатор, попросив

его свернуть в сторону Эдокры, направил его через коттеджный поселок, похожий на все другие подобные поселки, до улицы Тегатан, где Фабиан остановился у дома номер 9. Он вышел из машины и направился к двухэтажной вилле, сложенной из такого же красного кирпича, что и школа во Фредриксдале. Йорген и Лина… Фабиан не мог понять, как им удалось продержаться вместе больше тридцати лет. Когда-то он не сомневался, что их отношения не продлятся и учебной четверти.

Фабиан нажал на кнопку дверного звонка и вспомнил самый первый раз, когда позвонил в ее дверь. Он учился в четвертом классе. Не решившись остаться у двери, он прятался этажом выше, пока ему не открыл ее отец.

С того дня он звонил в ее дверь каждое утро, и они вместе шли в школу, что было для него кульминацией дня. Во время этой прогулки она принадлежала одному ему. Они болтали и смеялись, и он делал все, чтобы они шли как можно медленнее и как можно дольше.

Утес прав. Лина была самой красивой девочкой в классе. «Интересно, а сейчас она такая же красивая?» – думал Фабиан, пока ему открывали дверь.

На пороге стояла крупная, можно сказать, толстая женщина в свободном коричневом платье. Волосы с седыми корнями были выкрашены в черный цвет. Женщина выглядела усталой и измученной. «На вид ей больше ее сорока трех», – первым делом подумал Фабиан, признавая, что Муландер тоже прав.

– Наверное, вы Фабиан Риск, – сказала она. Фабиан кивнул, и они пожали друг другу руки. – Агнета, кузина Лины. Мы дежурим у нее по очереди, чтобы она не оставалась одна. Проходите.

Фабиан вошел и обвел взглядом гостиную. Она оказалась симпатичнее, чем можно было подумать, глядя на фасад дома. Лины нигде не было видно.

– Подождите здесь, сейчас принесу кофе, – сказала женщина и пошла на кухню.

Фабиан подошел к стеллажам. Конечно, мы живем в эпоху электронных гаджетов, но стеллаж в гостиной все еще остается одним из тех мест в доме, которые хранят большинство секретов.

Содержимое полок было вполне предсказуемым: разноцветные бутылки и разномастные хрустальные бокалы, а также сувениры из Греции и с Канарских островов. Музыкальных альбомов было совсем немного, а коллекция DVD состояла наполовину из фильмов Диснея, а наполовину – из шведских детективных сериалов. Три четверти крайне скромной

библиотеки занимали книги Гийу, Манкелля и Гришэма, дополненные обязательными томами Стриндберга, Шекспира и Диккенса. Картину портили или, наоборот, улучшали – как посмотреть – Пол Остер, Кормак Маккарти и Джонатан Франзен.

Фабиан решил, что это книги Лины. На самой нижней полке он обнаружил фотоальбомы. В первом были свадебные фотографии Йоргена и Лины, и Фабиан невольно подумал о том, на какой же мезальянс она пошла. Во втором альбоме чего только не было – от сочельников и дней рождения до крестин и праздников раков. На нескольких фотографиях Йорген стоял с обнаженным торсом и демонстрировал хорошо натренированные мускулы в татуировках.

– Нашел что-нибудь интересное?

Фабиан поспешно оторвался от альбома и увидел Лину.

– А, это ты.

Он отложил альбом, порываясь ее обнять, но потом решил протянуть руку, хотя ладонь уже вспотела.

– Привет.

– А обняться?

– Да, конечно, прости. Я просто не хотел… – Он осторожно обнял ее.

– Тебя не узнать. Я слышала, ты переехал в Стокгольм.

– Да, но теперь я вернулся. А я тебя сразу узнал. Ты совсем не изменилась.

– Спасибо.

Фабиан понятия не имел, что ему делать дальше, чтобы молчание не слишком затянулось, и почувствовал себя мальчиком, который только что позвонил в ее дверь, но не успел убежать и спрятаться. Агнета принесла из кухни поднос с кофе и поставила на столик у дивана.

– Лина, хочешь, я посижу с вами?

– Нет, Агге, спасибо. Все хорошо.

Агнета ушла, и Лина с Фабианом опустились на диван.

– Значит, ты полицейский и будешь расследовать это дело? – спросила Лина и стала наливать кофе. Но поскольку руки у нее дрожали, это получалось с трудом.

– Подожди, давай я, – Фабиан забрал у нее кофейник.

– Извини, извини, – Лина беззвучно расплакалась. – Не понимаю. Не понимаю, как так можно поступать? Ведь его все безумно любили. Совершенно не могу понять.

Фабиану захотелось придвинуться к ней поближе и утешительно положить руки на ее трясущиеся плечи, но он решил этого не делать. Он

пришел к ней как полицейский, и ничего больше.

– Лина, понимаю, что тебе страшно тяжело. Но у тебя есть… Хоть какое-то предположение о том, кто стоит за всем этим?

Лина покачала головой.

– Никакого. Я же сказала, что его все любили. Ученики его просто боготворили. Он умел найти к ним подход. Особенно к трудным детям. Он точно знал, как с ними надо обращаться.

– Да, могу себе представить. Ведь он и сам был немного… Как бы это сказать, с ним было непросто.

Лина подняла глаза и встретилась взглядом с Фабианом.

– Что ты имеешь в виду?

Или она это вытеснила из памяти, или просто сейчас не в том состоянии, подумал Фабиан и поставил кофейную чашку на стеклянный столик.

– Лина, чтобы у нас был хоть какой-то шанс поймать того, кто это сделал, придется поворошить прошлое.

Лина отвела взгляд. Фабиан не стал нарушать молчания, и в конце концов она сдалась и кивнула.

– Насколько я понимаю, он поехал в Германию за пивом. Ты не знаешь, он поехал с кем-то?

– Нет, он всегда ездил один.

– И этот раз не был исключением?

Лина покачала головой:

– Если бы ему пришлось делить с кем-то место на погрузочной платформе, не стоило бы и ездить.

– Я имею в виду просто за компанию.

Лина вновь покачала головой:

– Кому это нужно? Просто съездить на машине в Германию и обратно, даже не имея возможности что-то купить?

Она права, подумал Фабиан, по-прежнему не видя никакого смысла в такой поездке.

– Ну, не знаю. Какой-нибудь приятель. Кстати, он общался с кем-нибудь из класса? Кроме тебя?

– Нет, только с Гленном. Ну, ты знаешь, Гленн Гранквист.

Фабиан кивнул. К нему возвращалось все больше воспоминаний. Гленн и Йорген стали лучшими друзьями еще до школы. Насколько помнил Фабиан, они были из одного теста. Следующим пунктом будет разговор с Гленном.

– Я посмотрел альбом. Йорген всегда был в очень хорошей форме.

– Да, он всегда тщательно следил за своим телом. Одно время, когда дети были маленькими, казалось, что он больше времени проводит на тренировках, чем дома.

– Значит, он часто тренировался, – сказал Фабиан и решил, что теперь либо пан, либо пропал. – А он не принимал препараты для роста мышц?

Лина подняла глаза и встретилась с ним взглядом, словно ждала какой угодно вопрос, но только не этот.

– Не понимаю, куда ты клонишь. Анаболические стероиды? Естественно, нет.

Фабиан был уверен в том, что Йорген их принимал. Но это не имело значения. Значение имело, как ответит Лина, а она соврала.

– Он никогда не поднимал на тебя руку?

Теперь Лина подготовилась лучше. Спокойная и собранная. Она фыркнула и покачала головой.

– Честно говоря, не понимаю, что ты хочешь сказать. Йорген был одним из самых прекрасных людей на свете и никогда бы не сделал мне больно, не говоря уже обо всех остальных.

– Лина, я не собираюсь очернять Йоргена. Но мы оба знаем, каким он был в школе, и я только хочу, чтобы…

– Тебе лучше уйти. – Она встала. – Пожалуйста, уходи.

– Извини. Я не хотел…

– Агге! Можешь войти. Мы закончили!

6

Фабиан сел в машину и вставил ключ в зажигание. Он, без сомнения, получил именно то, что хотел, и зревшее в нем подозрение переросло в уверенность. Йорген Польссон сам вырыл себе могилу. Но Фабиан понимал, что действовал слишком жестко, совсем не принимая во внимание, что она только что потеряла мужа.

Так вот с чем он не мог примириться. С тем, что из всех Лина выбрала Йоргена и что они столько лет были вместе? Какое он имеет право подвергать сомнению ее выбор? Как будто у него есть хоть малейшее представление о том, что для нее лучше.

Он открыл бардачок, достал последний протокол техосмотра и на обратной стороне написал ей записку. В записке он очень извинялся за то, что ранил ее, и настоятельно просил связаться с ним в случае необходимости в любое время. В конце он приписал свой адрес и номер мобильного телефона, подписался, сложил записку и опустил в почтовый ящик Лины.

Все это время Фабиан чувствовал, что Лина стоит у окна и смотрит на него сквозь тонкую занавеску, и, прежде чем сесть в машину и уехать, обернулся, улыбнулся и слегка помахал ей рукой.

Очень скоро зазвонил мобильный. Однако звонила Тувессон.

– Мы получили фотографии из Лернаккена.

– Что-нибудь видно?

– Лучше всего тебе приехать сюда.

На пункте оплаты было сделано четыре снимка. Тувессон выложила их на сервере полиции, чтобы показать фото в комнате для совещаний в виде проекций на стене.

– Только не говорите, что молоко опять кончилось, – сказала Лилья, держа в руке чашку свежего кофе.

– Есть сливки, – отозвался Утес, плеснув каплю в свою чашку. – Всего лишь несколько лет тому назад ни у кого не было проблем с… – его прервал звонок мобильного. Он достал телефон и посмотрел на него.

– Ты не собираешься отвечать? – спросила Лилья.

Утес вздохнул и ответил:

– Привет, дорогая. Послушай, я сейчас на совещании и… Что? Снова? – он опять вздохнул. – Берит, я же говорил тебе много раз. Нельзя

тратить тонны туалетной бумаги. Тогда… – На всю комнату раздался голос Берит. – Ну ладно, о’кей. Кому-нибудь позвоню… Нет, только не прямо сейчас. Как только освобожусь. Дорогая, я больше не могу говорить. Пока. – Утес отложил свой телефон и молча развел руками.

– Ну что, начнем? – сказала Тувессон и включила проектор.

– Первый снимок сделан спереди. На нем видно, как «Шева» Йоргена Польссона ждет, когда ее впустят на мост в сторону Дании. В нижнем углу указаны время 06:23 и дата 22.06.10. На фото ясно видно, что за рулем сидит Йорген Польссон. Следующий снимок сделан сверху. Тут Йорген протягивает кредитную карточку своей рукой в татуировках.

– Во всяком случае, здесь он еще с руками, – заметил Утес.

– А вот это уже по-настоящему интересно, – Тувессон показала третье фото, снятое 22.06.10 в 23:18. Оно было гораздо темнее, чем два первых, и лицо Йоргена было едва различимо.

Но их внимание привлек не Йорген, а мужчина в темной одежде, сидящий рядом с ним на пассажирском сиденье. На голове у него была кепка, опущенная так низко, что закрывала все лицо. Вот он – мужчина, которого они ищут. Он слился с темнотой, словно привидение без очертаний.

– Я могу попробовать обработать фото и постараться сделать его более контрастным, – предложил Муландер.

– Достаточно контрастным, чтобы его можно было обнародовать? – спросил Утес.

Муландер пожал плечами.

– Сомневаюсь. Посмотрим.

– А мы на сто процентов уверены, что это действительно преступник? – спросила Лилья.

– Нет, но многое говорит об этом, – отозвалась Тувессон. – И, естественно, мы не будем делать никаких заявлений, пока не соберем больше сведений.

– Это же может быть кто угодно, – сказала Лилья.

– Что значит – «кто угодно»?

– Например, просто попутчик.

– Кто сегодня сажает таких людей в свою машину? – удивился Утес. – Сейчас и остановиться-то практически негде.

– Я сажаю. Мир на самом деле не так уж ужасен, как может показаться в этих стенах, – заметила Лилья.

– Нет, он еще хуже, – возразил Муландер.

– Даже если этот человек не преступник, он, по всей вероятности,

последний, кто видел Йоргена живым. Как бы то ни было, мы должны его найти. А теперь давайте представим, что человек на фото действительно преступник, – взяла слово Тувессон. – Тогда возникает вопрос: почему Йорген Польссон посадил его в свою машину?

– И где? – спросила Лилья.

– А они могли договориться о встрече? – задала вопрос Тувессон.

– Нет, по словам Лины он всегда ездил один, – сказал Фабиан.

– Это она так думает. Но что доказывают ее слова? – вмешался Утес. – Например, моя жена знает обо мне не все.

– Счастливая, – заметил Муландер.

– Поскольку убийство тщательно спланировано, мы в любом случае должны исходить из того, что преступник был на сто процентов уверен, что его посадят в машину, – продолжил Фабиан. Другие кивнули. – Все обстоит именно так, как сказал Утес. Практически весь отрезок пути – автострада, где нельзя останавливаться. Может быть, нам надо узнать номер его кредитной карточки и сделать распечатку платежей.

– Точно, он посадил мужчину там, где остановился бы в любом случае, – заметила Тувессон.

– Хорошая мысль, – Утес повернулся к Тувессон. – А он далеко не дурак, наш новенький. К сожалению, это займет массу времени. Банки любят тянуть до последнего.

Фабиан знал, что Утес прав. Но у него было решение по имени Нива Экеньельм из Радиотехнического центра вооруженных сил. Она как никто умела прорваться сквозь самые толстые брандмауэры, чтобы получить нужную информацию. Нива много помогала ему в последнем расследовании. Но у помощи была своя цена, и Фабиан пообещал себе никогда к ней больше не обращаться.

Женщина из диспетчерской Эресуннского моста сразу же узнала его голос и спросила, как идет дело и нашли ли они убийцу. Фабиан уклончиво ответил, что расследование продвигается, и что они делают все, что в их силах, чтобы как можно быстрее раскрыть преступление.

– Да, понимаю, дорогой мой. Ты дал подписку о неразглашении, так что тебе нельзя раскрывать оперативно-технические детали, – сказала женщина с тягучим южно-шведским говором. – Но ведь это он сидит рядом на пассажирском сиденье? Правда?

– Ты наверняка понимаешь, что я не могу рассказать все, что мы знаем, – ответил он, надеясь, что этого достаточно.

Ему по-прежнему была нужна ее помощь, и он не хотел быть

невежливым.

– Считаю это утвердительным ответом. Но тебе не стоит беспокоиться, я не сделаю заявления в газете. Во всяком случае, пока.

Фабиан решил, что надо внушить ей ощущение причастности.

– А я и не беспокоюсь. Ты сама все понимаешь, и мы не хотим, чтобы преступник узнал столько, сколько знаем мы. Ясно?

– Ясно.

– И именно потому, что ты уже в курсе дела, мне нужна твоя помощь еще кое с чем.

– Вот как!

– Ты не могла бы выяснить номер кредитной карточки, которой он расплачивался?

Женщина ответила не сразу:

– Ты же знаешь, что мы не имеем права сообщать такие сведения без разрешения прокурора.

А она не дура, подумал Фабиан. Проблема заключалась в том, что на прокурора не было времени.

– Но только ради тебя, Фабиан Риск, мой маленький Валландер, я сделаю исключение. При одном условии.

– Каком?

– Что в следующий раз, когда ты окажешься в наших краях, ты зайдешь ко мне.

Вставив наушник от мобильного в одно ухо, Фабиан нашел мини-кухню, где стоял большой кофейный автомат с длинным рядом кнопок – выбор был большой. Он нажал на кнопку капучино и услышал, как автомат заработал. В трубке тем временем шли гудки. Она видит, что он звонит, в этом он не сомневался. Наверняка она сейчас сидит с мобильником в руке и смотрит на экран.

– Как ты смеешь мне звонить?

Фабиан растерялся и не нашел, что ответить.

– Але? Ты думаешь, я не понимаю, что это ты? Какого черта…

– Нива, я не хотел…

– Между нами все кончено. Ты что, уже забыл это?

– Нет, не забыл, но я звоню не поэтому.

– Нет, ты, наверное, звонишь, чтобы рассказать, какой счастливой семейной ячейкой вы стали, когда покинули поле битвы и эмигрировали в Сконе?

– Я звоню, потому что мне нужна твоя помощь в расследовании одного дела, и время не терпит, – сказал Фабиан. Ее молчание он расценил как

согласие. Она успокоилась. – Я расследую убийство своего старого школьного приятеля. Ты наверняка читала об этом в газетах. Учитель труда, которому отпилили руки.

– Конечно, читала. Так поступают у вас в Сконе. Значит, это твой старый школьный приятель?

– На самом деле, не такой уж и приятель. Мы учились в одном классе, и мне надо выяснить, какие покупки он совершил по карточке 22 июня.

– Пошли мне смс с номером карточки, и я тебе отвечу.

– О’кей. Спасибо тебе. Прекрасно. И чтоб ты знала: я совсем не хотел…

– А в целом как оно?

– Ничего. Мы только что переехали, так что пока все вверх дном. Такое ощущение… Все будет хорошо. А как ты?

– Как обычно, страшно одиноко. Психотерапевт говорит, что должно пройти время.

– Тебе скоро станет легче, вот увидишь. Теперь, когда я переехал, весь Стокгольм твой.

– Как это может помочь, когда ты продолжаешь мне звонить?

Фабиан собрался ответить, но не успел. Она положила трубку. Он взял чашку с капучино, сделал глоток и вылил кофе в раковину.

7

– Папа, а ты знаешь, что мы делали? – закричала Матильда и бросилась к Фабиану, который входил в дверь. – Мы купались! Огромные волны и страшно холодно! Завтра мы опять пойдем на пляж, и мама обещала купить мне новый купальник! – Дочка прыгнула в его объятия. – Давай с нами. Пожалуйста.

– Даже не знаю. А что если я замерзну? – Он вошел в кухню, держа на руках Матильду.

– Папа, ну пожалуйста. Пожалуйста.

Фабиан подошел к Соне, которая накрывала стол к ужину, и поцеловал ее.

– Все готово, – сказала она с улыбкой. – Как дела? Закончил то, что должен был? – Жена сняла фартук и встретилась с ним взглядом.

– Любимая, это…

– О’кей, понимаю. Забудь, что я тебя спрашивала. Забудь, что вообще-то у тебя отпуск.

– Любимая…

– Больше мы об этом не говорим. Сходи лучше за Тео.

– Конечно, а где он?

– В своей комнате.

– Он весь день там просидел, – сказала Матильда.

– Он не ходил купаться?

– Нет, он надеялся, что ты пойдешь с ним и поможешь ему купить маску и трубку, – ответила Соня.

– Папа, обещай, что завтра пойдешь с нами. Пожалуйста, обещай.

– Хорошо, обещаю. Буду стараться изо всех…

– Ну и дурак, – Матильда высвободилась из его объятий.

Фабиан направился к лестнице, но тут зазвонил телефон.

– Уже подключили?

– Наверное, – Соня подошла к телефону и взяла трубку. – Да, это Соня Риск… Понятно. Да, он дома. Это тебя.

По коротким репликам Фабиан сразу же понял, кто звонит. Ах ты, змея подколодная, подумал он, взял трубку и перешел в гостиную.

– Фабиан Риск слушает, – сказал он официальным тоном.

– Привет, милый, – отозвалась Нива на другом конце провода. – Решила позвонить тебе домой по городскому, чтобы не вызывать

подозрений. Мы же не будем с тобой секретничать?

– Нет, конечно, не будем, – Фабиан пожал плечами и посмотрел на Соню. – Что-нибудь выяснила?

– Как всегда, рвешься в бой. Честно говоря, не понимаю, как Соня это выдерживает. Когда, наконец, ее терпение лопнет и все будет кончено?

– Нива, мы как раз собирались есть.

– Как мило. Заправка в Леллинге в 22:22, 739 датских монет. Кроме приграничного магазина «Bordershop» в Путтгардене, где он накупил пива на целый Октоберфест.

– Хорошо, спасибо тебе за помощь.

– Не за что.

Фабиан положил трубку и сел за стол. Соня, естественно, недоумевала. С полным правом.

Но ей придется подождать.

Подождать, пока он снова не вернется домой.

Часы уже показывали начало одиннадцатого, когда Фабиан вышел из дома, завел машину и выскользнул в темноту. Заправка в Леллинге находилась на одном расстоянии с Кеге, в нескольких милях от Копенгагена, и он рассчитывал быть там около полуночи.

Хотя Теодор отказался открывать дверь своей комнаты, а Матильда все еще злилась на него, не говоря уже о Соне, он решил не откладывать поездку на следующий день. Ему удалось выиграть немного времени, и он не может позволить себе потерять целую ночь.

Преступник никак не мог знать, где и сколько раз будет останавливаться Йорген. Но, должно быть, рассчитывал, что тот остановится хотя бы один раз на заправке. По словам Муландера, в баке «Шевы» было 88 литров 95-го бензина. Всего бак вмещает 120 литров, а это значит, что Йорген использовал 32 литра до того, как встретил свою судьбу в кабинете труда. Место, где он заправился, находится в 144 км от школы, считая мост. 32 литра на 144 км означает, что полностью заправленная «Шева» расходовала 2,2 литра каждые десять километров, что представляется вполне правдоподобным, и в свою очередь означает, что машина никуда не заезжала без надобности и ехала прямой дорогой до кабинета труда.

Йорген Польссон использовал свою карточку в Дании один-единственный раз. В 22:22 он заплатил 739 датских крон, что соответствует примерно 75 литрам бензина. Исходя из того, что он выехал из Эдокры с полным баком и заправился только в Леллинге спустя 380 километров, 75

литров вполне подходят. Через 56 минут, в 23:18, он доехал до пункта оплаты в Лернаккене. Отрезок пути, который можно проделать максимум за 40 минут. Это означает, что он провел на заправке 15-20 минут, прежде чем отправиться дальше.

Теперь уже с попутчиком.

Мужчина в будке вернул Фабиану карточку, и перед ним поднялся шлагбаум. Он нажал на газ и доверился автоматической коробке передач, слушая по радио одну из своих любимых композиций. Он прибавил громкость, и голос Кейт Буш заполнил весь салон.

По мосту он ехал в первый раз. С высоты открывался почти магический вид. В свете полумесяца небо переливалось темно-синими и золотыми красками, а далеко внизу простиралась гигантская зеркальная гладь спокойной воды Эресунна.

And if I only could
Make a deal with God
And get him to swap our places
Be running up that road
Be running up that hill[5]

8

Гленн Гранквист сел за кухонный стол, отвернул крышку стеклянной банки и посмотрел на кусочки сельди, плавающие в мутном рассоле. Банка осталась со времен их совместной жизни с Анки. Сам же он сельдь не любил. В составе было что-то не то, и поэтому ему приходилось глотать все целиком и запивать холодным пивом, чтобы еда не пошла обратно.

Но пиво кончилось. И вообще, закончилось почти все, что Гленн любил. Теперь он открывал продукты с давно истекшим сроком годности. Оливки, корнишоны, горчица, соус орли и эти проклятые банки с сельдью Анки. Он выловил кусочек сельди, отправил его в рот и запил компотом из банки с консервированными ананасами.

С тех пор как он узнал о судьбе Йоргена, он не мог расслабиться. Ему было трудно усидеть на месте, и он постоянно находился в движении. Все тело было напряжено, и ему казалось, что сердце бьется в два раза быстрее. Умер его лучший друг. Не в результате несчастного случая или от болезни. Кто-то сознательно лишил его жизни таким изощренным и жестоким способом, что от одной мысли об этом Гленна пробивала холодная дрожь.

Он вспоминал, как хорошо им было все эти годы – целых тридцать семь лет. Пожизненный срок. Мысли путались.

Они познакомились в первом классе. Через несколько минут подрались. С тех пор они стали лучшими друзьями и шли друг за другом в огонь и в воду.

Конечно, они наделали глупостей. И причем немало, если задуматься. Большинство было в прошлом, и время от времени они внушали друг другу, что им нечего стыдиться. И это срабатывало. Все эти годы он почти всегда прекрасно спал по ночам, а совесть его была чиста, как в рекламном ролике. До этих пор.

Больше недели назад позвонила Лина и сказала, что Йорген исчез. Гленн сразу же догадался, в чем может быть дело, и на него нахлынули воспоминания. Старые забытые воспоминания, которые он сбил в твердую невнятную массу и закатал под асфальт, чтобы они никогда больше не увидели дневной свет.

Но именно это и произошло.

Его совершенно не удивило ни что Йорген мертв, ни что его убили. Его до смерти напугали эти чертовы отпиленные кисти рук.

Если бы не эта деталь, он наверняка не лежал бы ночами без сна,

который был ему так необходим. Мог бы оплакивать Йоргена и утешать Лину. А сейчас он даже не решался с ней общаться.

Сильной стороной Йоргена были именно руки. Удар кулаками. Ничем другим, только кулаками. Даже если они разбиты в кровь, все равно. Это всегда было его делом. Только позже, после девятого класса, он стал использовать кастет. Гленн же специализировался на ударах ногами, обутыми в красные лакированные мартинсы с металлическими набойками.

Задним числом он не мог понять, почему они так долго этим занимались. В школе все было по-другому. Им было жутко скучно и надо было как-то проводить время. И почему бы не с жертвой, которая делала все, что они говорили, и вся дрожала от страха при одном только их приближении. Но потом, после? У них словно появилась зависимость, и они не могли остановиться, пока он не умрет, что, как они считали, произошло после их последней с ним встречи. Они назвали это встречей.

Встреча длилась больше пяти часов.

Через одиннадцать лет после окончания школы.

После школы они отстали от него и занялись другими. Откровенно говоря, он им надоел, и они практически забыли про него. Но внезапно, во время ночной попойки в Копенгагене, Йоргену пришла в голову мысль найти его и устроить последнюю встречу.

Существуют таблицы, показывающие расход калорий при беге, занятиях сексом или во время сна. Но ни одна таблица не расскажет, сколько калорий сжигается в драке. Надо думать, много, потому что через три часа и он, и Йорген были полностью без сил.

Он кричал, плакал и молил их о пощаде. Говорил, что они могут взять его деньги и что он готов на все что угодно, только бы они прекратили. Но он ничего не мог сделать. Только умереть. Сдаться.

Но этот черт отказывался. Конечно, они могли пырнуть его ножом, но это была бы халтура. Руки и ноги, только так. Ничего кроме.

Они вышли из квартиры и отправились в «Три лошади», съели по куску говядины с картофелем фри и соусом «Бернез» и выпили по большому стакану колы. Гленн до сих пор помнит, как же было вкусно. Им было крайне необходимо повысить уровень сахара в крови. После этого они сыграли в пинбол. Ему удалось заполучить большое количество мульти-шариков, и он был близок к личному рекорду, но игра завяла. Во время игры они ни слова не сказали об избиении. Но молчаливое соглашение витало в воздухе. Они будут продолжать, пока он не сдастся. Не сдастся по-настоящему. Раз и навсегда.

Когда они вернулись, оказалось, что ему удалось доползти до

прихожей и стянуть со стола телефон. Откуда ему было знать, что они перерезали провод?

Через два часа сдались они. Первый раз за всю свою жизнь они устали бить. Последние полчаса прошли однообразно и без напряжения. Гленн помнил, к какому выводу они пришли: даже если сейчас он еще не умер, через несколько часов все равно умрет.

Последующие недели они от корки до корки читали газеты, высматривая некролог или хотя бы маленькое сообщение в новостях об убийстве. Но ничего не нашли, даже заявления в полицию. Через два месяца они осмелились прийти в его квартиру и обнаружили, что она совершенно пуста. Он исчез. Растаял как дым.

Их стало грызть все нараставшее беспокойство. Беспокойство из-за того, куда на самом деле делась их жертва. А вдруг он собирается им отомстить? Они нередко обсуждали это и решили, что волноваться не стоит, а через несколько лет вообще перестали об этом думать.

Отпилить обе кисти. Ничего себе!

Значит, скоро его очередь? Ему отпилят ноги?

Он лег на диван на кухне и закрыл глаза. Казалось, усталость медленно пожирает его изнутри. Но он боялся уснуть. К тому же те немногие часы за последнюю неделю, которые ему удалось проспать, были худшим испытанием, чем бодрствование. Такие странные сны ему еще никогда не снились. Вытесненные воспоминания возвращались к жизни и превращались в мечту любого режиссера фильма ужасов.

Он читал об одном ученом, который продержался без сна одиннадцать суток. Через четверо суток у него начались галлюцинации, и он вообразил себя Диего Марадоной. Еще через шесть суток он восстановился и, прежде чем наконец заснуть, даже умудрился обыграть своих ассистентов в пинбол.

Одиннадцать суток он бы никогда не выдержал.

Важно ясно мыслить и не терять концентрацию. Не расслабляться. Гленн сел, потер глаза, запихнул в рот еще один кусочек сельди и попытался проглотить его, но не получилось. Компот из ананаса кончился, а сельдь упрямо шла обратно, пока он усилием воли не начал жевать. Надо есть. Надо держать себя в форме, чтобы иметь хоть крошечный шанс, когда придет время. Он собирается защищаться. Что бы ни случилось, он окажет сопротивление.

Никто не упрекнет его в лени. Он закончил почти все приготовления. Вооружился, повесил на все окна в доме замки и так настроил лампы, что теперь они гасились одним нажатием кнопки на пульте, который он всегда

носил с собой. На лужайке за домом разложил колючую проволоку и с помощью лески соединил ее с лебедкой, висевшей на окне верхнего этажа.

Единственное, что осталось сделать, – вставить во входную дверь глазок, но это подождет до утра, пока не рассветет. Старая дверь была с глазком. Но когда ее пришлось поменять, он решил, что нет смысла тратиться на глазок. Через несколько недель он пожалел об этом и купил глазок, с тем чтобы самому вставить его. С тех пор прошло три с половиной года. Но завтра он его вставит.

На самом деле, очень глупо с его стороны было остаться жить в доме после того, как Анки смылась. Он сделал это только чтобы ей досадить. Дом ему совсем не нравился. В принципе, он совсем не против домов. Но именно этот дом построен кое-как – тонкие гипсовые стены уже пахнут плесенью, хотя им всего десять лет. Не говоря о входной двери, которую давно надо было…

Мысли Гленна прервал звонок в дверь. Половина двенадцатого ночи. Кого это черт принес в такое время?

В дверь опять позвонили.

По его хладнокровным расчетам, незваный гость проникнет через сад с задней стороны, которая не просматривается. Споткнется о натянутую колючую проволоку, и тогда Гленн набросится на него и втащит в дом. Если же, вопреки предположению, этому человеку удастся добраться до дома, он без усилий разобьет стеклянные двери. Но Гленн к этому подготовился. Он не против заманить визитера в кабинет. А оттуда ему уже не выбраться.

Во всяком случае, не раньше, чем Гленн спокойно позвонит в полицию и отопрет дверь. Он представлял себе, как газеты напишут о нем как о герое, задержавшем преступника. И тогда Анки получит по заслугам.

Но звонили в дверь, что никак не входило в его планы. Не мог же этот подойти к фасаду и просто позвонить? Это невозможно. Тогда кто же там?

Вообще-то сигнализация на лебедке уже сработала в прошлую ночь. За долю секунды Гленн погасил свет во всем доме и быстро вышел в сад. Но оказалось, что это всего лишь какая-то приблудная собака застряла в проволоке; он не успел прийти ей на помощь – ей самой удалось выпутаться и скрыться.

Может быть, звонит хозяин собаки? А вдруг закон запрещает натягивать колючую проволоку в своем саду? – думал Гленн. С другой стороны, это ведь мой участок.

Не терять концентрацию и ясно мыслить.

Он схватил бейсбольную биту и осторожно спустился вниз открыть

дверь.

Позвонили опять. Долго и настойчиво.

Проклятие, он так и не вставил этот чертов глазок. Он отпер замок и открыл дверь.

9

Было только половина двенадцатого, когда Фабиан Риск снизил скорость при заезде на улицу Рингстедвей в Леллинге и навигатор сообщил ему, что скоро он будет у цели. Он доехал быстрее, чем рассчитывал. Машин почти не было, а по радио передавали «Взбегая на холм». Это его так вдохновило, что он прослушал весь альбом «Гончие любви», который в свою очередь помог ему мысленно уйти в прошлое.

Ему никогда не нравился Йорген Польссон. Все школьные годы он старался держаться от него как можно дальше. И не потому, что боялся. Если честно, больше из малодушия, чтобы не быть свидетелем нападений и не принимать ту или иную сторону. Легче всего было повернуться спиной. Наверное, поэтому у него такие расплывчатые воспоминания, такие скудные. Как назло.

Теперь, во всяком случае, он вспомнил, что Йорген Польссон и Гленн Гранквист наводили на всех страх и в качестве жертвы выбрали Клаеса Мельвика.

Уже в первом классе, когда учитель проводил перекличку, парню пришлось несладко. И так продолжалось до девятого класса, что все одноклассники прекрасно осознавали. Учителя наверняка тоже. И тем не менее, все закрывали глаза.

Но на одно происшествие Фабиан не мог закрыть глаза. Этот эпизод он вытеснил из памяти, но зрелище отпиленных кистей в душевой вернуло его. В тот раз он чувствовал, что в происходящем его вины не меньше, чем Йоргена и Гленна.

Они были в раздевалке после урока физкультуры. Обычно Клаес никогда не принимал душ, о чем учитель физкультуры узнал и пригрозил поставить ему неуд, если тот не будет мыться. Принимать душ после физических упражнений важно для гигиены не только самого человека, но и для всего его окружения, говорил учитель, который, вероятно, понятия не имел о том, на что в этот момент обрекает Клаеса.

Душевая, где с двух сторон было всего восемь кабинок, была выложена белой кафельной плиткой. Все почувствовали, что в воздухе повисла угроза, и стали быстро мыться. Все, кроме Йоргена и Гленна. «Ну, чего уставился? Ты что, гомик? Нет, он трансвестит! Ты только посмотри на его член! Такой маленький, прямо как манда!»

Фабиан до сих пор помнил, как Клаес смотрел в его сторону

умоляющим взглядом и как он притворился, будто ему в глаза попало мыло, и зажмурился. В этот момент он услышал первый удар, и когда снова открыл глаза, Клаес лежал на твердом кафельном полу в позе эмбриона и пытался защитить свой член от пинков Гленна, а свою голову – от ударов Йоргена.

Фабиан трусливо сбежал из душевой вместе с остальными. Клаес не издал ни единого звука. Он не кричал и не говорил. Он даже не просил их прекратить. Просто молча принимал удары и пинки. Он закричал только тогда, когда они до упора открыли кран с горячей водой.

Теперь, больше тридцати лет назад, преступник отпилил Йоргену руки и положил их именно в той самой душевой.

Если у кого и был серьезный мотив, так это у Клаеса Мельвика.

Объехав здание заправки, Фабиан припарковался на углу рядом с мусорным контейнером и вышел из машины. Наполнил легкие ночным воздухом, по-прежнему плотным и теплым. Если и дальше так пойдет, скоро в газетах напишут о самом теплом июле за последние сто лет.

Он стал обходить здание, глядя по сторонам. Через какое-то время он понял, что не имеет ни малейшего представления о том, что должен искать, хотя в машине у него возникло чувство, которое никак его не отпускало. Смутное ощущение, что ему надо поехать сюда сейчас, не откладывая. Он осмотрел местность рядом с заправкой, и чувство только усилилось. Конечно, он не мог знать наверняка, но он все больше убеждался в том, что преступник вступил в контакт со своей жертвой именно здесь.

Однако преступник не мог предвидеть заранее, что Йорген Польссон решит заправиться на этой заправке. Он мог рассчитывать только на то, что Йоргену придется остановиться где-нибудь по дороге домой. Значит, он ехал за ним в своей машине. Эту машину он был вынужден оставить здесь, и если он еще не забрал ее, оставался шанс, что она так и стоит.

Фабиан продолжал обходить заправку с задней стороны, пытаясь яснее представить себе Клаеса Мельвика. Он вспомнил, что Клаес был очень застенчивым и осторожным. Он едва смел поднять в классе руку, чтобы ответить на вопрос. А теперь, получается, он зашел настолько далеко, что лишил жизни своего мучителя самым жестоким и изощренным способом, который только можно представить. Фабиан не знал, что и думать. С другой стороны, почти нет предела тому, что насилие и психический террор могут сделать с человеком. На самом деле, именно так и рождаются чудовища.

С задней стороны были припаркованы пять автомобилей. Похоже, ни один из них не принадлежал клиентам магазина. Три машины стояли на парковке для персонала, а там, где стояли две остальные, вообще не было

разметки. Одна была покрыта толстым слоем грязи и засохшей листвы. Фабиан подошел к последней машине, «Пежо 206» с шведскими регистрационными номерами, и стал ее осматривать. На ней лежал тонкий слой пыли, а это значит, что она стоит здесь без движения несколько дней или максимум неделю.

Надо бы позвонить Тувессон, но она наверняка будет недовольна, что он действует на свой страх и риск. Поэтому он позвонил Лилье.

– Ирен Лилья слушает.

– Привет, это Фабиан Риск, твой новый…

– Я знаю, кто ты такой.

– Надеюсь, я тебя не разбудил.

– Все в порядке. Я еще на работе и пытаюсь помочь Утесу найти список учеников твоего класса, что практически невозможно. Ведь ты учился в 9С?

– Да, но если нам слегка повезет, список не понадобится. – Он обошел машину. – Я сейчас в Дании и, возможно, нашел машину преступника.

– Что? Что ты такое говоришь? Как тебе это удалось? А Тувессон знает?..

– Потом объясню, и, может быть, я ошибаюсь. Это пока что только предположение. Но если бы ты могла проверить JOS 652, было бы…

– Перезвоню.

Фабиан глубоко вздохнул, положил в карман мобильный и направился к круглосуточному магазину. Если выяснится, что владелец «Пежо» – Клаес Мельвик, его подозрения станут конкретными доказательствами, и следствие одним махом перейдет в заключительную стадию: установление местонахождения и собственно задержание.

Эта стадия, конечно, может затянуться. Но он сделал свое дело и даже сверх того и может с чистой совестью вернуться к отдыху. Завтра сразу же после завтрака он повезет Теодора в «Велу» и купит трубку для плавания, а потом всей семьей они поедут на морской курорт Мелле, где будут загорать и нырять среди скал, а затем он пригласит их на торжественный ужин в Гранд-отель Мелле.

Зайдя в магазин, он купил в автомате кофе латте, шоколадку «Дайм» и воду «Рамлеса», или *датскую воду*, как упрямо называли датчане воду из Хельсингборга. За кассой стояла молодая девушка, с виду не старше двадцати. На проколотой нижней губе висело три кольца. Нельзя такой юной девушке работать здесь одной в ночную смену, подумал Фабиан, выкладывая покупки.

– Ваша машина? – она кивнула в сторону «Пежо».

– Нет, а вы не знаете, она давно здесь стоит?

– Чуть больше недели.

– А она стояла здесь в прошлый вторник, 22 июня?

– Понятия не имею, – девушка пожала плечами и принялась сканировать товары. – По вторникам и средам я выходная. Первый раз я увидела ее в прошлый четверг. С вас семьдесят восемь крон.

Фабиан протянул карточку и мысленно отметил, что «Пежо» вполне может находиться на парковке с прошлого вторника. Он расписался на слипе и вышел из магазина. Тут завибрировал его мобильный.

– Это Ирен Лилья. Его зовут Руне Шмекель.

– Прости? Как ты сказала? – Фабиан остановился у вытяжки, откуда что-то капало и испарялось. Он был так настроен услышать «Клаес Мельвик», что решил, что ослышался.

– Руне Шмекель. Правда, мерзкая фамилия?

Фабиан весь как сдулся. Если бы машину, например, взяли напрокат, он хотя бы знал, куда двигаться дальше. Во всяком случае, никакого Руне Шмекеля у них в классе не было.

– Она значится в угоне?

– Нет, это первая мысль, которая пришла мне в голову.

Черт возьми, мысленно выругался Фабиан. Может быть, это все-таки не машина преступника? Или он идет по совершенно ложному следу? Может, это вообще не месть затравленной жертвы?

– Фабиан, ты меня слышишь?

– Да, только я ожидал не такого ответа.

– Во всяком случае, вот его домашний адрес: улица Адельгатан, 5, Лунд. Он работает там в больнице.

– О’кей. Я должен прерваться. Продолжим потом.

– Ладно. Увидимся завтра.

Фабиан закончил разговор. У него пропало желание говорить. Ему надо было подумать.

Обдумать все с самого начала.

10

Было только самое начало третьего, но уже начинало светать, и на обратном пути в Швецию Фабиан смог убедиться, что вид на пролив Эресунн превзошел сам себя. Но он был не в состоянии любоваться. Ему даже не хотелось слушать музыку. Из головы не шел Клаес Мельвик и все то, чему его подвергали в школе. В памяти всплыло еще больше случаев, один страшнее другого, что только подкрепляло мотивы убийства. Проблема заключалась в отсутствии конкретных улик. Единственное, чем он располагал, – смутные воспоминания.

Он затормозил у пункта оплаты в Лернаккене и остановился у опущенного шлагбаума, протянув мужчине в будке свою кредитную карточку. Он надеялся, что Соня уснет до его возвращения. Иначе разговор о том, почему позвонила Нива, не даст им уснуть до утра.

– Попрошу вас опять выехать и проехать вон к тому зданию, – сказал мужчина в будке, возвращая Фабиану кредитную карточку.

– Что-то не так? У меня есть другая карточка, если что.

Мужчина покачал головой и указал на здание барачного типа. Фабиан не понял, в чем дело. Даже когда увидел, что ему навстречу идет полная женщина.

– Эй, Фабиан Риск, ты что, хотел смыться? Обещал же пригласить меня на свидание в следующий раз, когда будешь проезжать мимо, – произнесла дама.

Фабиан вышел из машины и пожал ей руку, мечтая оказаться как можно дальше от этого места. Женщина представилась Кикой и затащила его в барак. Там она вылила из кофеварки старый кофе и заварила новый. Подсчитав, сколько ложек Кика бросила в кофейный фильтр, Фабиан понял, что, в общем, неважно, будет ли Соня спать, когда он придет домой. Все равно он не сомкнет глаз.

– А ты настоящий красавчик! Даже лучше, чем я думала, – сказала Кика, наливая две чашки черного кофе. – Одинокий (без пары/ты свободен)? Или это уже слишком? Мне нравятся длинные прогулки и романтические ужины. Хотя, честно говоря, ужины предпочтительнее.

– Извини, но я женат, – выдавил из себя Фабиан, не понимая, чем заслужил такое счастье.

– Тебе не за что извиняться. Вижу, у тебя кольцо. Я же не дурочка. Но попытка не пытка. Разве нет?

– За спрос не дают в нос.

– Что?

– Ничего.

– Да, кстати. Хочешь печенье?

– Нет, спасибо, не надо, – сказал Фабиан. Он силой заставил себя выпить кофе и встал. – Мне пора домой. Было приятно познакомиться, и спасибо за кофе.

– Не за что. Надеюсь, я не очень напугала тебя своей болтовней. Знаешь, иногда в будке становится немного одиноко. Но никто об этом не думает. Все куда-то едут. Все, кроме нас.

– Да, понимаю, что здесь бывает одиноко. Всего тебе хорошего. – Фабиан направился к двери.

– Послушай, я вот тут подумала, ну, о том деле, над которым ты работаешь.

– Да? – Фабиану не удалось подавить зевок.

– Предположим, что на том фото, которое я тебе дала, на пассажирском сиденье сидит преступник, тоже швед. Значит, он тоже проехал по мосту, только в другой машине, которую потом оставил в Дании. Так ведь?

– Так. Но, к сожалению, вопросов по-прежнему так много, что нельзя сказать что-то определенное, – ответил Фабиан тоном, который явно давал понять, что ему больше нечего добавить, хотя в глубине души он был впечатлен аналитическим умом женщины.

– Минутку. Если, например, так и было, получается, что этот человек проезжал здесь примерно в то же время, что и жертва. Так?

Фабиан понял, что Кика сделала совершенно логичный вывод, а он это упустил.

– Я об этом не подумал. Но ясно, что так и было. А можно получить фото машин, которые проехали до и после?

Улыбаясь, женщина достала коричневый конверт, помахала им, открыла его и разложила на столе черно-белые фотографии, сделанные камерой наблюдения.

– Сначала я решила, что он ехал сразу за жертвой через то же окошко. Но не думаю, что здесь есть его машина, – она показала указательным пальцем на несколько фотографий. – И я проверила машины в других окошках, – она выложила еще несколько снимков, – и остановилась на этой. Понятно, я могу ошибаться. А ты что думаешь? – Она выложила последнее фото – «Пежо» с регистрационными номерами JOS 652.

– Почему ты остановилась именно на ней?

– Видишь, как он наклонился? Такое бывает крайне редко. Люди не думают о том, что их снимают. Но он держит это в голове, и у него нет ни малейшего желания попасть в кадр. К тому же он расплатился наличными.

Фабиан стал изучать фото, на котором водитель машины спрятал лицо, наклонившись вперед. Кика права, и более того: она выполнила большую часть его работы. Он поблагодарил ее, забрал фотографии и обещал, что в следующий раз, когда будет проезжать мимо, не забудет остановиться и перекусить с ней вместе.

– Перекусить? Ну-ну. В следующий раз у нас уже будет второе свидание. Тогда надо будет продвинуться немного дальше, – она хитро подмигнула и засмеялась.

Не понимая, шутит ли она, Фабиан сел в машину и поехал обратно по мосту.

Назад в Данию.

Хотя была половина третьего утра, Тувессон ответила после второго гудка.

– Почему ты не сообщил мне, что отправился в сольное турне по Дании?

– Извини, не хотел будить тебя напрасно.

– Напрасно?

– Да, пока не узнал, к чему это может привести, – Фабиан сам заметил, как глупо звучат его оправдания, так что решил просто продолжать. – Разве Лилья не позвонила тебе по поводу владельца машины? Некто Руне Шмекель, который якобы живет в Лунде.

– Позвонила. И местная полиция уже побывала по адресу, но дома никого не застала. – Было слышно, как она глубоко затянулась.

– А вы звонили в больницу? Может быть, он на дежурстве?

– Он в отпуске. Фабиан, а ты сейчас где, хотелось бы знать?

– Еду домой, – соврал Фабиан. – Вопрос только в том, что мы будем делать с машиной? Она ведь по-прежнему стоит у заправки, и ее надо осмотреть. Кстати, а Муландер в курсе?

– Мы все равно не можем ничего делать, пока не получим добро от наших датских коллег, и в таких случаях им обычно нужно несколько дополнительных дней. Сам знаешь, как бывает, когда старший брат просит младшего об услуге.

– Тогда мы можем опоздать.

– Она стоит там уже больше недели. Вероятно, он вообще не станет ее забирать.

– А квартира? Когда мы сможем туда войти?

– Сейчас разгар отпусков, но я буду настаивать.

– Хорошо. Увидимся завтра.

– Будем надеяться. Кстати, Фабиан.

– Да?

– Как я уже говорила сегодня, я очень благодарна, что ты взялся за это дело в свой отпуск. Но, черт возьми, не забывай, что мы одна команда!

Не успел Фабиан ответить, как она положила трубку.

Через сорок минут он опять завернул на заправку в Леллинге и объехал ее, чтобы проверить, нет ли там еще кого-то. Но никого не было – кроме него самого и девушки с пирсингом из магазина. Он обдумал свои действия, взвесив все за и против. Он прекрасно понимал, что это противоречит большинству известных ему правил. И если когда-нибудь его призовут к ответу, аргументов у него будет не так уж много. И все равно он был уверен в том, что это единственный правильный выход.

Чтобы не терять времени, он припарковался прямо рядом с «Пежо», вынул из багажника домкрат, положил его под машину и стал крутить до тех пор, пока не приподнял заднее колесо. С помощью гаечного ключа открутил четыре колесных гайки и снял колесо.

Девушка с пирсингом, стоящая за прилавком, оторвала глаза от газеты.

– Привет, меня зовут Фабиан Риск, я из полиции Хельсингборга. – Он показал удостоверение.

– Что случилось? – в ее глазах сразу же появилось недоумение и беспокойство.

Не важно, в чью дверь стучать. Если его прихода не ждут, обычно достаточно только представиться, как его встречает такой взгляд. *Что я сделал?*

– Речь идет о «Пежо» с шведскими номерами, который стоит на улице. Нам придется забрать его для проведения технической экспертизы по делу об убийстве, которое расследуется в Швеции, как только между нашими странами будут подписаны соответствующие бумаги.

– О’кей. О’кей. Никаких проблем, – девушка пожала плечами и кивнула с натянутой улыбкой.

– А пока что мне нужна ваша помощь, – продолжил Фабиан, отметив, что улыбка исчезла, и ей на смену опять пришло беспокойство. – Вероятно, подозреваемый оставил здесь машину насовсем. Но если он, вопреки всем предположениям, решит вернуться, чтобы забрать ее, прошу вас сразу же связаться со мной. Хорошо? – Он написал свое имя и мобильный телефон на клочке бумаги.

Девушка посмотрела на записку и лизнула пирсинг на губе.

– А как я пойму, что это он? А что, если он просто возьмет и уедет?

– Не уедет, поскольку заднее колесо будет у вас. – Фабиан открыл дверь и вкатил колесо в магазин. Девушка неохотно забрала колесо и поставила его под прилавок.

– Честно говоря, я должна позвонить начальнику.

– Конечно. Пусть звонит мне, если хочет.

Фабиан вложил написанную от руки записку в полиэтиленовый файл, положил его на стекло «Пежо» за щетками, сел в свою машину и поехал домой.

МАШИНА ЗАДЕРЖАНА ПО ПРИЧИНАМ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА
ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАТИТЕСЬ К ПЕРСОНАЛУ

20 августа

Ненавижу школу. Ненавижу! Все видят, что происходит. Я знаю, что видят. Но никто ничего не делает. Хотя нет, делают – смеются и смотрят в сторону. На перемене хотел остаться в классе, но учительница не разрешила. Она сказала, что все должны выйти подышать свежим воздухом. Я сказал, что они глупые. Она ответила, что один в поле не воин. Неправда. Я спрятался в туалете и слышал, как они искали меня и кричали, что если я не выйду, значит, я гомик. Но я продолжал сидеть, ведь я знаю, что я не гомик. Мне нравятся девчонки. Я знаю, что нравятся. Хотя я ни с кем еще не был, но я совершенно уверен. Почти все, кто признаются, что они гомики, говорят, что знали об этом с детства, и тогда я бы тоже это сейчас знал, а я не знаю. Значит, никакой я не гомик.

Когда я шел домой, они стояли у школьного двора. Хампус всегда говорил, что не надо бежать, поскольку им только этого и нужно. Я хотел побежать, но пошел, как обычно. Они загородили мне дорогу. Я пытался обойти их, но они меня все время останавливали. Я попросил их отойти, но они сказали, что я урод и плохо пахну и должен нести их ранцы. Я ответил, что совсем не пахну. Тогда они ударили меня в живот и сказали, что я сам виноват. Слишком сильно задираю нос.

Поэтому обещаю:

1. Никогда больше не задирать нос.

2. Никогда никому ничего не говорить в школе.

3. Никогда-никогда.

P.S. Лабан так ни разу и не бегал в своем колесе. Глупый хомяк.

11

Крики отдавались эхом в складском помещении длиной более ста метров. Жалкие беспомощные крики. Хотя он выбрал место в другом конце здания, эти вопли упрямо прорывались сквозь высокие складские полки. Будто резали поросенка.

Он не любил крики. Особенно когда их издавал мужчина. Считал это признаком слабости и отсутствия самоконтроля. К этому моменту кричащему уже следовало бы понять, что все кончено. Что от него больше ничего не зависит. Что бы ни случилось, он умрет. И почему бы не сделать это с достоинством? Меньше и требовать нельзя.

На часах была половина четвертого утра. Фирма стройматериалов «Åstorps Byggvaror», закрытая на период отпусков, откроется только в понедельник после выходных. Место, где он обосновался, находится немного на отшибе, между двумя складскими полками. Он смог расстелить здесь одеяло прямо на бетонном полу и уселся с пакетом из «Макдональдса».

Последние сутки он не спал и не ел. И не потому, что у него не было аппетита или он не мог заснуть. У него не было времени. И, тем не менее, он опаздывал на сутки. Маленький инцидент задержал его и поставил весь план под угрозу. Но после тщательного анализа ситуации он пришел к выводу, что особой опасности нет. Преимущество на его стороне, и завтра все пойдет своим чередом.

Он заберет машину из Леллинге и припаркует ее в гавани рядом с городом Исхой. А там ее нескоро найдут. Скорее всего, машину обнаружат только тогда, когда все необходимое уже давно будет сделано. Но он считал это дополнительной мерой безопасности, которая в первую очередь входила в его план.

Через неделю с небольшим он все закончит. Тогда он сможет отойти в сторону и дать другим возможность во всем разобраться. Сложить фрагменты и попытаться понять. Проанализировать и подивиться его мастерству. Им будет чем заняться не один год, все будут только и делать, что говорить о нем.

Он разорвал влажный бумажный пакет и запихнул в себя холодный пористый гамбургер и пресный картофель фри. Пирожок с яблоками оставил на завтрак. Слизав с пальцев фритюрное масло, поставил таймер на четыре часа. Если кто-то, вопреки ожиданию, придет раньше, он

проснется от звука, и у него будет минимум минута, чтобы свернуть одеяло и выбраться через окно. Оно, конечно, открывается вверх, это минус, но он уже ослабил крючки и подпер окно палкой, которая легко убиралась с наружной стороны.

Он подготовился на славу. Без конца прокручивал в голове все возможные сценарии и чувствовал себя таким же сосредоточенным, как, наверное, в свое время Бьорн Борг[6]. Он был абсолютно убежден, что именно скрупулезная подготовка и полная сосредоточенность – это ключ к успеху. Поэтому последние три года он занимался исключительно подготовкой.

Весной 2007 года он принял решение. Сама по себе идея возникла раньше. Сколько он себя помнит, он вынашивал в себе злобу. Рана никак не заживала, и нагноение с каждым днем все усиливалось. В нем все кипело, а он пытался быть приятным и угождать, только чтобы его полюбили. Сегодня он с отвращением вспоминал свое прежнее заискивающее поведение и не мог понять, как у него хватало сил так долго улыбаться.

Но скоро все будет кончено. Теперь рану вскроют и вычистят, и те, кто виноват, получат по заслугам. Каждый мерзавец, который спокойно спит по ночам и думает, что ему нечего стыдиться, заплатит сполна.

Наконец-то будет предъявлен счет.

Он вспомнил о Фабиане Риске, который неожиданно появился на игровом поле. Он всегда считал Риска хлюпиком. Правильный и вместе с тем себе на уме; постоянно занят тем, чтобы всем угодить, никогда не скажет, что думает на самом деле. Никого, наверное, не удивило, что он стал полицейским.

Более удивительно, что Риск вернулся в родной город. На это он никак не рассчитывал. Это внесло в начало плана определенные корректировки, хоть и незначительного характера. Но все же он расценил возвращение Риска как неожиданный бонус, а ознакомившись с послужным списком Риска в столице, вообще перестал беспокоиться.

Несколько убийств, ряд ограблений инкассаторов и запутанное дело о педофилах, по которому всех отпустили по причине отсутствия доказательств. И последнее: зимой его практически уволили из-за совершенно непонятного и столь же незаконного проникновения в Посольство Израиля. Нет, Фабиан Риск не представлял особой угрозы ни для него, ни для того, что он задумал и готов осуществить. К тому же удалось сэкономить два дня, предназначенные для поездки в Стокгольм.

В отличие от Риска, Йорген Польссон был более предсказуем. Последние три года он ездил в Германию за пивом накануне праздника

середины лета. Так было и в этом году. Лучше плана и не придумаешь. Оставалось только последовать за его шикарным пикапом в Мальме и дальше через мост в Редбю. А сразу же после заправки на обратном пути сделать вид, что они столкнулись случайно.

Единственное, что его беспокоило, – это масса тела. Когда он оказался с ним с глазу на глаз, ему показалось, что такое накачанное тело рискует взорваться при малейшем прикосновении. Но отступать было поздно, и к тому же бодибилдеры редко бывают такими сильными, какими кажутся.

Йорген его не узнал и даже пальцем не пошевелил, чтобы напрячь свою память. Тогда он рассказал, что машина его подвела и он не знает, как вернуться домой в Хельсингборг. Йорген сразу же клюнул и предложил подвезти его.

Сидеть рядом с Йоргеном и поневоле слушать его бредовую болтовню – вот что оказалось большой проблемой, небывалым испытанием, и несколько раз у него возникало желание достать пакет с пропитанной тряпкой и сунуть ее ему в морду, чтобы тот заткнулся. Но он держал себя в руках в ожидании подходящего момента: улица Лармвеген во Фредриксдале, где он якобы жил.

Йорген настоял на том, чтобы довезти его до самого дома, и когда они приехали, он, наконец, смог достать тряпку. Дальше все пошло как по маслу. Йорген проспал в течение всей операции и, если верить газетам, проснулся, когда надо. Но выбраться ему не удалось. Суперклей в замке оказался вишенкой на торте. Эта мысль по-прежнему окрыляла его.

С Гленном Гранквистом шло не так гладко. Конечно, он принял во внимание, что из-за новости о смерти Йоргена Гленн будет начеку и станет волноваться, что он следующий в очереди. Как бы еще он истолковал отпиленные руки? Но то, что со своими мерами предосторожности он зайдет так далеко, оказалось полной неожиданностью и поставило под угрозу всю операцию. Это надо признать. Он недооценил Гленна и попался в его ловушку.

По плану он должен был проникнуть в дом Гленна «Вилла Гармония» в Экше с задней стороны через дверь на террасе и после этого подняться на второй этаж, где находилась спальня Гленна. Само нападение представлялось легче легкого. Но так далеко дело не зашло. Он застрял уже в саду, где, как оказалось, была натянута колючая проволока, которая, в свою очередь, наверняка была подключена к какой-нибудь сигнализации.

Не прошло и пятнадцати секунд, как Гленн выскочил в сад, вооруженный бейсбольной битой. Ему ничего не оставалось, кроме как броситься на землю и спрятаться за кустами смородины, изо всех сил

старяясь не закричать от боли, поскольку проволока вонзилась ему в шею. В тот момент он был уверен, что все кончено и три года работы ушли в песок, что наверняка и произошло бы, если бы не собака, которая возникла словно из ниоткуда и тоже застряла в проволоке. Гленн подошел к ней и попытался помочь, но собака вырвалась и, скуля, исчезла.

Через пять минут Гленн вернулся в дом, и тогда он смог осторожно вытащить металлические колючки из шеи. У него было сильное кровотечение, и ему пришлось ретироваться. Дома он заметил, что раны настолько глубокие, что их надо зашить. Что он сам и проделал перед зеркалом в ванной. Не особенно красиво, но все было сделано чисто, и кровь больше не шла.

Он потрогал неровные стежки на шее и решил, что шрамы будут постоянно напоминать ему о том, что никогда не надо недооценивать противника. Он лег на одеяло и отметил, что крики, наконец, прекратились. Сейчас все было под контролем, и завтра, когда он переставит «Пежо», положение вещей восстановится, и он сможет спокойно перейти к следующему шагу.

Закрыв глаза, он задался вопросом, сколько же человек сейчас пытаются сложить его пазл и вычислить, как одно соотносится с другим. А это ведь только начало. Эта мысль обдала его приятной теплой волной, и он уснул.

Скоро весь класс будет лежать без сна.

12

Фабиан Риск постарался как можно тише закрыть за собой дверь, снял кеды и прошел в гостиную, которая выглядела так, будто там только что разорвалась бомба. Все вверх дном, повсюду разбросаны картонные коробки, открытые и наполовину пустые. Было почти четыре утра, и уже рассвело, так что скорее был день, чем ночь. Чтобы никого не разбудить, он почистил зубы и умылся на кухне и, несколько минут поискав полотенце, сдался и вытерся рубашкой, после чего поднялся на второй этаж.

Соня спала с краю, повернувшись спиной к его половине кровати. Плохой знак. Значит, засыпая, она по-прежнему дулась. Он осторожно залез под одеяло, и она в ответ сделала глубокий вдох и легла на спину, что можно было истолковать как протянутую руку. Ему оставалось взять эту руку.

Он решил попытаться и нащупал ее ногу. Она никак не отреагировала, продолжая крепко спать. Рука поднималась все выше, и на уровне бедра он отметил, что на ней нет трусов. Будучи уверенным в том, что истолковал ее движение правильно, он стянул одеяло и раздвинул ей ноги. Она не помогала, но и не оказывала никакого сопротивления. Он сдвинулся вниз и стал слегка водить языком по внутренней стороне ее ляжек. Сначала по одной стороне, а потом по другой. С каждым разом язык все больше и больше приближался к лону.

Он услышал, как участилось ее дыхание, и когда кончик его языка коснулся половых губ, в ответ она сжала влагалище. Тогда он ввел в него палец, одновременно продолжая ласкать языком. Ее всю крутило от наслаждения, и через несколько минут она зарылась лицом в подушку, и у нее наступил оргазм.

Придя в себя, она отодвинула его голову, и ее дыхание стало замедляться. Словно она так и не просыпалась. Фабиан почувствовал, как в нем нарастает разочарование, но он знал, что нет никакого смысла продолжать, и закрыл глаза.

Картинки, которые ему так надолго удалось вытеснить, наскочили на него, как волейбольный мяч. Как все выкрикивали его имя и как он, не думая, прыгнул и ударил по мячу со всей силой. Как мяч попал в Клаеса из команды противника, и у него разбились очки. Как у него из носа потекла кровь, и все засмеялись. Даже учитель физкультуры. Даже он сам. Как

Йорген вышел вперед и поднял большой палец: «Браво, Фабиан!» Как Клаес заплакал и попытался уйти домой, но учитель задержал его. «После физкультуры здесь все принимают душ!» Белый кафель и душевые вдоль стены. «Какого черта ты пялишься?» Умоляющий взгляд Клаеса. Как он предательски притворился, что ему в глаза попало мыло.

– Привет, папа! Мама сказала, что ты страшно устал и тебе надо было поспать.

Фабиан спустился по лестнице и обнял Матильду. Всю ночь его преследовали воспоминания. Вырванные из контекста, они превращались в странные кошмары. Он проснулся весь в поту и обнаружил, что уже половина десятого.

– Матильда, марш наверх чистить зубы, мы уезжаем, – сказала Соня.

– Мы едем в Данию!

Фабиан выпустил Матильду, которая поплелась вверх по лестнице, и пошел дальше на кухню, где Соня убирала со стола после завтрака.

– Доброе утро. Хорошо спал?

Фабиан кивнул.

– Как ты слышал, сегодня мы едем в Данию. В Луизиану.[7]

– Ух ты, здорово. А что там за выставка?

– Тео не хочет ехать.

– Это почему?

Соня пожала плечами.

– Похоже, он вообще ничего не хочет делать, если ты в этом не участвуешь.

– Соня, я больше всех хочу, чтобы…

– Знаю. Ты делаешь то, что должен. Что тебе еще остается? – Она встретилась с ним взглядом. – Но если эта Нива только посмеет подумать о том, чтобы позвонить тебе еще раз, разбирать вещи и устраиваться в доме ты будешь в одиночестве.

– Любимая, все совсем не так, как ты думаешь, – он подошел к жене и взял ее руки в свои. – Она просто позвонила, чтобы…

– Ты понятия не имеешь, о чем я думаю, – она высвободила руки и стала ставить посуду в посудомоечную машину.

Фабиан прекрасно знал, о чем думала Соня. Точно так же он знал, что никогда не сможет изменить ее мнение. После нескольких неудачных попыток он отказался от идеи постараться объяснить и рассказать, что произошло на самом деле. Или, скорее, что не произошло.

– Софи Калле.

– Что? Извини…

– Ты спросил, что за выставка. Ну, ты знаешь, француженка, которая создала произведение искусства на основе мейла от ее бойфренда, в котором он рвал с ней отношения.

Когда Фабиан пришел, Тувессон, Муландер, Лилья и Утес уже заседали – и, судя по почти пустой вазе с фруктами, довольно долго. Фабиан сел на свободный стул и сразу же почувствовал, что обстановка накалена до предела. Что-то случилось.

– Да. Раз ты наконец здесь, не мог бы ты объяснить нам? – спросила Тувессон.

Все посмотрели на него вопросительно, и Фабиан понял, что дело в нем.

– Извини, но я не очень понимаю.

– Я имею в виду твое маленькое сольное турне ночью.

– А, понятно.

– У тебя явно много мыслей и идей, которыми ты по какой-то причине не хочешь с нами делиться. Это так?

– Я хотел бы подождать, пока у меня будет больше информации. Пока я не буду полностью уверен.

– Фабиан, я уже говорила, что не знаю, как вы работаете там, в Стокгольме, – сказала Тувессон, вытаскивая из шуршащей упаковки две никотиновые жвачки. – Я знаю только одно: здесь мы работаем в группе. Уверены мы или нет. Один черт. – Она положила жвачку в рот и стала энергично жевать, словно хотела как можно быстрее втянуть в себя никотин.

Фабиан почувствовал себя учеником, которого отчитали перед всем классом.

– Я думал, что получил полное представление о мотивах преступления, но, к сожалению, это не так.

– А может быть, так?

– У нас все равно нет альтернативы, – заметила Лилья.

Фабиан понял, что отступать поздно. Он встал, подошел к доске и обвел фотографию Йоргена.

– Думаю, что Йорген Польссон в каком-то смысле получил по заслугам. – Краем глаза он увидел, как его коллеги переглянулись. – Я не знаю, каким он стал после, но в школе он был страшным хулиганом. Он специализировался на ударах руками, точнее, кулаками. Он мог бить, пока костяшки не сотрутся до крови.

– А почему ты говоришь об этом только сейчас? – спросила Тувессон.

– Меня он не трогал, и я поступал, как все. Отводил глаза и делал вид, что ничего не происходит. В конце концов, стало казаться, что ничего и не происходит, и только вчера вечером я вспомнил, как он избивал одного парня именно в той душевой, – Фабиан пририсовал стрелку к одной из фотографий отпиленных рук на кафельном полу.

– А кого он избивал? – спросила Тувессон.

– Клаеса Мельвика, – он обвел Клаеса на увеличенной фотографии класса, и его коллеги подошли к доске и стали смотреть.

– Единственный в очках, – сказала Лилья.

– Этого достаточно, – сказал Утес и взял из вазы последнюю грушу.

– Ты считаешь, что его убили из мести? – спросила Тувессон.

Фабиан кивнул.

– А он мог наброситься на кого угодно? – поинтересовалась Лилья.

– В начале были всякие разные, но под конец они довольствовались Мельвиком.

– Они? Йорген Польссон действовал не один? – задала вопрос Тувессон.

– Да, вместе с Гленном Гранквистом, – Фабиан обвел Гленна на школьном фото. – Они были не разлей вода, и Гленн выполнял любые приказания Йоргена.

– А он на чем специализировался? – подал голос Муландер.

– Пинал ногами.

– Так что если твоя версия верна, ему тоже грозит опасность.

Фабиан кивнул.

– Я надеялся, что владелец «Пежо», который сейчас стоит в Дании, – Мельвик.

– Но это не так, – констатировал Муландер.

– Да, не так. «Пежо» зарегистрирован на некоего Руне Шмекеля. А насколько я знаю, таких у нас в классе не было.

– О’кей, будем считать, что у нас появился еще один след, – сказала Тувессон, допивая остатки своего кофе. – Ирен, собирай все, что можно, о Мельвике и Шмекеле. Утес, как там с остальными в классе?

– Не очень-то, если честно. Вся страна лежит в гамаках. Нам даже не удалось достать полный список класса.

– Может быть, он есть у Фабиана? – предположила Тувессон.

– К сожалению, нет. Я нашел только школьный альбом девятых классов. Но я спрошу у Лины Польссон, вдруг у нее есть.

Утес рассмеялся и похлопал Фабиана по плечу.

– Конечно, ты можешь спросить, только я уже это сделал.

– Ясно. И что она сказала?

– Что списка у нее нет. Но, по крайней мере, она перечислила несколько человек и дала их номера, большая часть которых, наверное, осталась в эпохе неолита.

– А что еще она сообщила?

– Ничего. А что она должна была сообщить?

– Может быть, ей что-то пришло в голову после того, как я с ней говорил? – спросил Фабиан, понимая, что загоняет себя в угол. – Ну ладно. Тогда, наверное, список класса есть в школе?

– Возможно, – отозвался Утес. – Но по словам завхоза, списки классов и все такое есть только начиная с выпуска 1988 года.

– А почему именно с 1988 года? – спросила Лилья.

– Потому что тогда появилась электронная база данных. До этого были копии в бумажных архивах.

– Которые, конечно, не сохранились.

– Нет, сохранились, но они давно отправлены в Городской архив.

– А туда ты обращался? – спросила Тувессон.

– Пока нет, но обязательно обращусь.

– Хорошо, – Тувессон повернулась к Фабиану. – А тебя я хочу видеть в моем кабинете через пять минут.

Кабинет Тувессон выглядел совсем не так, как представлял себе Фабиан. После поездки в ее прокуренной машине он ожидал увидеть все, что угодно, но только не эту скромно обставленную комнату с большим чисто убранным письменным столом посредине, кожаными диванами в углу и несколькими плакатами в рамках из художественного музея в Лунде на выкрашенных в белый цвет стенах.

Он пробежался глазами по корешкам на книжном стеллаже вдоль короткой стены. Помимо множества книг по специальности, он увидел добротную подборку криминальных романов начиная с «Дочери времени» Джозефины Тэй и заканчивая «Третьим» Грэма Грина.

Подойдя к окну, Фабиан стал смотреть на открывающийся вид. На другой стороне автострады виднелась крыша здания, в котором располагается газета «Хельсингборгс Дагблад», а еще через несколько километров – школа в районе Фредриксдаль. Он попытался определить, в каком именно доме из красного кирпича находится школа, но здание было слишком низким, и его загораживали впередистоящие дома.

Часы показывали, что Тувессон опаздывает на полторы минуты, и Фабиан стал размышлять, не нарочно ли это. Она появилась еще через

полторы минуты с двумя только что купленными стаканчиками кофе латте, которые поставила на письменный стол.

От нее пахло дымом, и Фабиан подумал, не из-за его ли поездки в Данию ей теперь требуется больше никотина.

– А ты уже пробовал здешний кофе?

– К сожалению, да, – ответил Фабиан, садясь на стул для посетителей.

– Этот автомат стоил целое состояние. В нем как минимум тридцать разных кнопок и дисплеев и бог знает чего еще. В нем только нет хорошего кофе. За хорошим кофе надо ехать в кафе на улицу Бергавеген.

Фабиан попробовал кофе и не мог не согласиться, что латте почти идеален. Не слишком горячий и молока в меру.

– Фабиан, а теперь я хотела бы знать, что ты не понял на нашем совещании? – от ее улыбки не осталось и следа.

– Извини, разве я…

– Что было такого непонятного в моих словах о том, что мы работаем в группе? В команде.

– Ничего.

– Нет, было. Наверняка было, поскольку ты по-прежнему не понял до конца, – Тувессон замолчала, давая ему возможность высказаться, но он не знал, что сказать. – Конечно, тебя окунули во все это, толком не рассказав, как мы работаем. Мы же едва знаем друг друга. Это многое объясняет. Но я надеялась – и даже ждала, – что ты воспользуешься шансом и расскажешь все на сегодняшней встрече. Но ты этого не сделал. Так же, как и сегодня ночью. Когда мы говорили по телефону, ты сказал, что едешь домой. Но ты ехал не домой, так ведь?

Откуда она знает?

– Ты повернул обратно на заправку. Почему?

– Я почти убедился в том, что машина имеет отношение к преступнику, и хотел подстраховаться, чтобы он не смог забрать ее.

– Это как?

– Я снял одно заднее колесо и оставил его в магазине.

Похоже, Тувессон требовалось время, чтобы обдумать его слова.

– Значит, ты снял колесо и отдал его работникам магазина?

– Да. И они обещали дать знать, если кто-то будет о нем спрашивать.

Тувессон, судя по ее виду, не могла решить, как ей реагировать. Они находились на перепутье.

Что бы она ни выбрала, это надолго повлияет на их дальнейшие рабочие отношения.

– Ладно. Давай надеяться, что он не будет трогать машину, пока за

дело не возьмутся датчане.

– А ты уже с ними связывалась?

Тувессон кивнула.

– Да, кстати. А то забуду. Вот твой пропуск, – она протянула Фабиану пластиковую карточку. – Код 5618. Все понятно?

Фабиан кивнул, взял пропуск и вышел из комнаты.

– Ну что, получил нагоняй?

Фабиан остановился и просунул голову в дверь комнаты Ирен Лильи.

– Есть немного.

– Тогда наверняка по заслугам. Вообще-то я не люблю женщин-начальников. Но она хорошая, чтоб ты знал. Будь я на ее месте, я бы и близко не подпустила тебя к этому расследованию.

– Но ты не на ее месте.

– Да, именно, – Ирен встретилась с ним взглядом. – Входи, у меня для тебя есть подарок.

Фабиан вошел в кабинет, полную противоположность кабинету Тувессон. В маленькой комнате громоздились стопки разных предметов, вот-вот готовые рухнуть. Стопки были такой высоты, что Фабиан подумал, если они не падают, значит, вещи приклеены друг к другу. На окне висела желто-оранжевая индийская ткань с золотыми слониками и маленькими вшитыми зеркальцами, а в углу на подстилке лежал раскрытый спальный мешок. Одна стена представляла собой большую доску с прикрепленными фотографиями и записками, от которых во все стороны шли стрелки и странные символы. Посреди всего этого за маленьким письменным столиком сидела Лилья.

– Можно спросить, за что?

Лилья засмеялась.

– А разве это не очевидно? Я понимаю мотивы Тувессон. Ты наверняка владеешь бесценной информацией. Но ничто не может снять с тебя подозрений, как и с любого другого из твоего класса. Кроме твоей версии о Мельвике.

– Да, ты совершенно права, – сказал Фабиан, пытаясь остановить на чем-то взгляд. – Ты что-то говорила о подарке?

Лилья просияла и кликнула мышкой, после чего забурчал принтер.

– Вон там, – она кивнула в сторону принтера, спрятанного за книгами и папками.

Фабиан взял распечатку как можно более осторожно, стараясь ничего не опрокинуть, и посмотрел на нее.

– Гленн Гранквист?

– Правая рука Йоргена Польссона, если верить тебе. Есть только три человека с таким именем – один живет в Эльвсбюне, другой – в Эребру, так что даю голову на отсечение, что наш живет в Эдокре. Похоже, не самый умный человек на свете. Он окончил только девять классов, кое-как отслужил в армии и скоро будет праздновать 25-летие с начала своей работы в качестве водителя автопогрузчика на складе стройматериалов в Осторпе.

– Почему меня это нисколько не удивляет? – сказал Фабиан, направляясь к двери. – Попробую с ним связаться. А потом пойдем обедать?

– Да, почему бы и нет?

– А если ты узнаешь нечто подобное о Руне Шмекеле, могу даже угостить тебя.

Лилья улыбнулась, и Фабиан прочитал ее мысли.

– Пожалуйста, продолжай подозревать меня на здоровье.

Фабиан уселся на навороченный футуристический стул, который теперь показался ему по-настоящему удобным, и начал набирать в мобильном номер Гленна.

– А ты, я вижу, уже освоился.

Фабиан обернулся и увидел Муландера.

– Я только хотел спросить: не хочешь с семьей прийти к нам сегодня на барбекю?

– Прямо сегодня?

– Если у вас другие планы, понимаю. Но если нет, то сегодня пятница, светит солнце, и все такое. Остальные тоже будут, так что…

– Большое спасибо. Только поговорю с женой.

– Конечно. Никаких проблем, – Муландер пошел дальше.

Фабиан задумался: у него паранойя, или Муландер тоже считает его потенциальным преступником и именно поэтому пригласил его? Но независимо от этого он должен пойти.

Через пять минут Муландер вернулся с полной чашкой кофе.

– Ну что? Получил согласие от жены?

– Нет, но в любом случае можешь на меня рассчитывать.

– Хорошо, – сказал Муландер и хотел было пойти дальше.

– Да, кстати, вот этот Хуго Эльвин, на чьем месте я сижу, – что он за тип?

– Хуго? – Муландер рассмеялся. – Этого человека невозможно описать. Его надо как следует прочувствовать. Но будь я на твоем месте, я бы не

очень трогал его вещи, особенно стул. Мягко говоря, Эльвина лучше не раздражать понапрасну. До вечера. – И Муландер исчез.

Фабиан посмотрел вниз на все рычаги и кнопки на стуле, понял, что уже поздно, достал мобильный и позвонил Гленну. Через шесть гудков автоответчик сказал голосом Роберта де Ниро:

– *You talking to me?*[8]

13

Он наслаждался каждой секундой из четырех часов сна на одеяле, пока не прозвенел будильник. Спал он крепко. Крепче, чем планировал, а это значит, что он расслабился и чувствует себя в безопасности. Чересчур в безопасности, как он понял несколько минут назад, когда собрал вещи и обнаружил, что у него гости.

Упаковка яблочного пирожка была разорвана, а от него самого остались одни крошки. Зато повсюду был разбросан крысиный помет. Значит, они были более голодными, чем он предполагал. Удача снова была на его стороне, напомнив ему о том, что вообще-то на удачу рассчитывать не стоит.

Он выбрался из склада через окно и пошел к машине, спрятанной в кустах на другой стороне улицы. Ни единой живой души. Только он и утро. Он спокойно стянул ботинки и темную рабочую одежду, умылся водой из канистры, стоявшей в багажнике, и надел на себя короткие брюки песочного цвета с большими боковыми карманами, голубую тенниску, желтую кепку и пару зеленых кроксов.

В новой одежде он чувствовал себя клоуном, зато теперь выглядел как самый обыкновенный швед, который поехал в Данию попить пивка. Он положил в рюкзак сменную футболку розового цвета, бутылку воды, перчатки, фотоаппарат со сменным объективом, веревку, ключи от «Пежо», карманный фонарик, а также строительный нож и шприц с пропофолом. Последнее – просто на всякий случай, до таких крайностей вряд ли дойдет.

Он вовремя прибыл на вокзал Кнутпунктен в Хельсингборге и по пути через пролив смог выпить пресловутое пиво и заесть его большим бутербродом с креветками, обильно политым майонезом. Он заставил себя съесть все. В следующий раз он поест нескоро. В 10:55 он выехал на поезде из Хельсингера и в 11:41 прибыл в Копенгаген. Там у него было 19 минут для посещения такого отвратительного туалета, что он чуть было не опоздал на электричку до Рингстеда. Через 34 минуты он приехал на станцию Рингстед, откуда пошел пешком на автобусную остановку.

Солнце прибавило жару, температура поднялась до 35 градусов, и он радовался, что оделся так легко. Даже кроксы неожиданно оказались удобными. В 13:00 он сел в автобус и занял самое переднее место. Он не любил сидеть в хвосте. Особенно в такую жару, когда в автобусе было полно потных пассажиров.

В 13:28 он сошел с автобуса у школы в Леллинге и наконец смог несколько раз глубоко вдохнуть воздух без примеси чужого пота. Заправка, рядом с которой он припарковал машину полторы недели назад, находилась меньше чем в трехстах метрах от школы, т. е. максимум в двух минутах ходьбы. Но он пошел в обход по маленьким улочкам, описав широкий круг в районе заправки, чтобы убедиться, что нигде не дежурят полицейские.

Сначала он испытал облегчение, но когда спустя какое-то время понял, что не встретил ни одного человека и что весь поселок словно вымер, начал беспокоиться. Где все? Он что-то пропустил?

Только когда он прошел мимо дома с открытыми окнами и услышал звук телевизора, все встало на свои места. В отличие от Швеции, Дания прошла на чемпионат мира по футболу и теперь играла в Южной Африке.

Иными словами, это был идеальный момент, чтобы забрать машину. Проходя мимо сада, заставленного фигурками гномов, он укрылся за деревьями, достал фотоаппарат и снял с приближением заправку в пятидесяти метрах от него. Людей видно не было, и «Пежо» стоял на том самом месте, на котором он его оставил. Только к стеклу кто-то прикрепил записку. Ну, бывает.

Он убрал фотоаппарат и торопливо пошел к машине. С каждым шагом у него учащался пульс, но все уляжется, как только он повернет зажигание и уедет отсюда. Это только доказывало, что организм качает адреналин и что он сосредоточен.

Но чем ближе он подходил к машине, тем сильнее становилось чувство, что что-то не так. Машина стояла под углом, словно вот-вот завалится вперед. И только подойдя вплотную, он увидел, в чем дело, и сорвал записку.

МАШИНА ЗАДЕРЖАНА ПО ПРИЧИНАМ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАТИТЕСЬ К ПЕРСОНАЛУ

14

Ирен Лилья предложила встретиться в кафе «Olsons Skafferi» рядом с площадью Мариаторгер в самом начале второго. Фабиан знал это место – он бывал здесь несколько раз в последние годы перед переездом в Стокгольм. Тогда это было новое и богемное место. Теперь оно перешло в разряд классики.

Он пошел по улице Хельсубаккен. По дороге дозвонился до Сони, которая вместе с Матильдой обедала на террасе в кафе музея Луизиана, откуда открывается вид, явно стоящий всей поездки.

Он рассказал о приглашении на барбекю к Муландеру, и, к его удивлению, жене эта идея понравилась. Им все равно надо обзаводиться новыми знакомыми, и если среди его коллег есть приятные люди, то почему бы с ними не подружиться.

Сначала Фабиан подумал, что она иронизирует. Соня никогда особо не стремилась встречаться с его друзьями. Еще меньше – с его коллегами. Но потом он решил принять ее согласие как желание сделать то, о чем они договорились: дать их жизни честный шанс. Они условились встретиться дома около пяти, а он по дороге купит вино.

Он нашел свободное место на улице Хестмелленгренден напротив винного магазина, где осмотрел полки в поисках достойного выбора. Как обычно, все кончилось несколькими бутылками риохи, взятыми наугад, хотя и с дорогой полки.

Еще недавно, пару лет назад, неумение разбираться в винах не давало ему покоя. Как только у него в руках оказывалась винная карта и ему предстояло сделать выбор, его охватывала паника. Он попытался исправить положение и пошел на курсы сомелье. Но уже через несколько встреч, на которых он старался испытывать хоть какой-то энтузиазм, дегустируя вина и обсуждая года урожая и сорта винограда, он признал, что ему не суждено блистать познаниями в этой области.

Он вошел в кафе и увидел, что Ирен Лилья уже ждет его за столиком у окна в самом дальнем углу.

– Что скажешь о косуле по-сконски с обжаренными в масле лисичками, пюре из пастернака и картофельными блинами, а также телячьем студне, приправленном брусникой?

Фабиан кивнул и сел.

– Хорошо, потому что я уже заказала для нас обоих. К тому же это

самое дорогое блюдо, – продолжила она, кладя на стол папку.

– Шмекель?

Лилья кивнула.

– И?

– Пока что я смотрела только в Интернете, но уже совершенно ясно, что он нам интересен, и, похоже, у него полный шкаф скелетов. Он того же года рождения, что и ты, 1966-го. Одинокий, детей нет, работает в больнице Лунда – что примечательно – хирургом.

– Хирург? А какая специализация?

Лилья кивнула и откусила кусочек хлеба.

– В 1997 году он начал работать в больнице Лунда и скоро стал одним из лучших в стране специалистов по операциям рака простаты. Но в 2004-м допустил врачебную ошибку и на двенадцать месяцев был отлучен от профессии.

– А что за ошибка?

– Он забыл в пациенте два пластмассовых зажима.

– Надо же, он что, забыл их в самом…

Лилья кивнула и сделала глоток минеральной воды.

– В мочевом пузыре. Пациенту Торгни Сёльмедалю пришлось избавляться от них путем мочеиспускания, и он якобы сказал, что это было самое страшное испытание в его жизни. Какая ирония, если вспомнить о фамилии Руне[9], ты не находишь?

– И на этом все кончилось?

– Нет, насколько я понимаю, началось очень серьезное расследование. Дело раздули дальше некуда. Как бы то ни было, оказалось, что Руне страдал от нехватки сна и, чтобы выполнять свою работу, глотал таблетки горстями, как Майкл Джексон, но это не помогало. Но руководство больницы поддерживало его все это время, и год спустя он опять взял в руки скальпель. Но теперь он главным образом занимается паховыми грыжами и прямой кишкой.

– Были ли еще инциденты?

– Больше я ничего не нашла.

– Хорошо, а что ты выяснила о его прошлом?

– Более или менее ничего, что подозрительно. С 1994 года и до сегодняшнего дня все в основном нормально. Образование, места работы, различные домашние адреса, телефонные номера, собственные машины и так далее. Например, каждый год он бежит Хельсингборгский марафон Springtime.

– С какого года?

– В том-то и дело, что с 1994-го. До этого почти нет никаких сведений. Я нашла его только в Википедии, где написано вот что: «Руне Шмекель вырос в Мальме, где окончил гимназию (естественные науки) с наивысшими баллами. После этого служил в армии в качестве командира отделения в Кристианстаде». Вот и все. До этого его как будто не существовало.

– Значит, ты не веришь этим сведениям?

– Во всяком случае, он не служил в армии в Кристианстаде. Он кое-что выдумал, чтобы приукрасить свою биографию.

– А зачем ему это надо?

Лилья просияла и наклонилась к нему:

– Чтобы скрыть, что на самом деле ничего не было.

Ее предположение не было лишено основания. В 90-е Интернет находился в зародыше, но обычно имелось достаточно информации, чтобы получить представление о человеке. Пустота имеет обыкновение заполняться. Но явно не тогда, когда речь идет о Руне Шмекеле.

– А ты нашла его фотографию?

– Третья страница, – Лилья протянула папку Фабиану, и он почувствовал, как при взгляде на фото Руне Шмекеля внутри у него что-то щелкнуло. Он никогда раньше не видел этого человека, и, тем не менее, что-то в его лице показалось ему знакомым. Он попытался было понять, что именно, но оставил эти попытки, когда принесли еду.

Через несколько минут Лилья нарушила молчание:

– Положа руку на сердце. Ты и твоя семья – вы переезжаете в Хельсингборг или сбегаете из Стокгольма?

Фабиану пришлось прожевать кусок косули по-сконски, который он только что положил в рот, и только потом он смог ответить:

– Не понимаю. Ты о чем?

– О тебе и твоей жене.

– Соня, ее зовут Соня.

– Ты и Соня, у вас все в порядке, или как у большинства?

Фабиан ни на секунду не сомневался, каким должен быть ответ. Тем труднее было придумать, что сказать.

– Извини, не хотела наступать на больную мозоль.

– Ничего страшного. Ты меня немного ошарашила. Но мы скорее переезжаем в Хельсингборг. Хотя у нас, как у большинства, есть свои взлеты и падения. А у тебя? Давно живешь на работе?

– С прошлой недели. Бред какой-то. Он отказывается переезжать, хотя вообще-то квартира моя.

– Может быть, он надеется, что ты вернешься?

Лилья фыркнула.

– Об этом пусть забудет. Ты себе не представляешь, какой это мерзавец, и, черт возьми, между нами все кончено, даже если я буду спать на работе до конца лета. – Она продолжила есть молча, а потом встретилась с ним взглядом. – Да, кстати. Происшествие в израильском посольстве прошлой зимой, это ведь твои коллеги?

Фабиан ждал этого вопроса и молча кивнул.

– Что произошло на самом деле?

– Вот вообще без понятия.

– Понимаю, еще идет следствие. Правда, странно, что об этом так мало писали в газетах? Ведь погибло двое полицейских. Что скажешь?

– Не знаю, – Фабиан пожал плечами. – Кстати, я попытался связаться с Гленном Гранквистом…

– Похоже, это дело замяли. Так ведь?

– Я же сказал, что понятия не имею.

– Извини. Тебе, наверное, нельзя об этом рассказывать. Бог с ним. Забудь. Кофе?

Фабиан кивнул, и Лилья пошла за кофе. Он понимал ее любопытство. Возможно, на ее месте он бы задавал те же самые вопросы. С одной только разницей: он никогда бы не задал их вслух. Но Лилья хотела получить ответы и не церемонилась с расспросами. И хотя она пристала к нему, как назойливая муха, она ему нравилась.

– Ты попытался связаться с Гранквистом, – Лилья поставила чашки с кофе на стол.

– Да, но он не отозвался, и я решил поехать к нему домой.

– А я собираюсь заглянуть в реестр народонаселения и посмотреть, что у них есть о Шмекеле, – сказала Лилья, залпом выпив свой кофе.

– И мы как можно быстрее должны попасть в его квартиру.

– Да, Тувессон обещала сделать все, что в ее силах, но из-за отпусков это может произойти не раньше конца следующей недели.

– Да? Будем надеяться, что все решится раньше.

– Что значит «надеяться»? – сказала Лилья, поднимаясь.

Полицейский не *надеется*. Полицейский действует и целенаправленно работает до тех пор, пока преступник не будет схвачен, а также заботится о том, чтобы доказательств хватило для обвинительного приговора. И все же он выразился именно так. Он задумался, почему, повернул зажигание и свернул на улицу Дроттнинггатан.

Он уже сдался и понял, что битва проиграна? Что независимо от того, как будут разворачиваться события, он совершенно бессилен перед развязкой, и его единственный козырь – слабая надежда на то, что все в конечном итоге образуется, как в воскресном фильме на канале ТВ4. На самом деле он понятия не имел, как все закончится. Наверняка он знал только одно: что-то в этом деле внушало ему страх. Впервые за долгое время он боялся.

Того, что до конца еще очень далеко.

Того, что начнется, когда окажется, что он потерпел неудачу.

Снова.

Фабиан нажал на газ, чтобы успеть в «зеленый коридор», который сопутствовал ему всю дорогу от улицы Хельсубаккен. Мимо полицейского участка он проехал со скоростью 145 км в час. В районе Велы ему позвонила Тувессон.

– Я только что говорила со Стеном Хаммаром по поводу обыска у Шмекеля.

– И?

– К сожалению, он считает, что оснований недостаточно, и меня это не удивляет. У нас есть только машина, которая проехала по Эресуннскому мосту одновременно с жертвой, и теперь стоит на парковке в Дании рядом с заправкой. Этого недостаточно. Нам нужно что-то более конкретное.

Тувессон права. Проблема только в том, что *что-то более конкретное* вполне может находиться в квартире.

Он вставил в CD-плеер диск «Hail to the Thief»[10] группы Radiohead и прибавил громкость. Под последние такты композиции «2 + 2 = 5» свернул в сторону Эдокры и вскоре притормозил на улице Юпитервеген у дома Гленна Гранквиста. Выйдя из машины, обвел взглядом окрестности, пустынные, словно после ядерной катастрофы.

Дом Гранквиста выглядел, как все остальные: побеленный фасад, два этажа с покатой крышей и отдельно стоящий гараж. Большая часть участка находилась за домом.

Фабиан направился к главному входу, заметив, что дом освещен снаружи, хотя солнце по-прежнему в зените. Люстра в гостиной тоже горела. Значит, он пришел слишком поздно, и Гленн уже получил свое наказание? Или версия с издевательствами в школе завела его в тупик?

Он решительно позвонил в дверь и долго держал кнопку звонка, глядя на секундную стрелку наручных часов. Он решил выждать шестьдесят секунд.

Веря, что Гленн в добром здравии откроет ему дверь, он не мог отрицать, что в самой глубине души надеется на обратное. Тогда все его сомнения относительно мотива преступления как рукой снимет.

Но дверь никто не открывал.

Он позвонил опять. В этот раз он держал кнопку еще дольше.

Шедшая мимо женщина с коляской бросила на него подозрительный взгляд. Он улыбнулся в ответ.

– Вы случайно не знаете, Гленн Гранквист, ну, который здесь живет, дома?

Женщина покачала головой.

– В доме горит свет. Вы случайно не видели его в последние дни?

Она снова покачала головой и поспешила дальше.

– Ну ладно. – Он достал мобильный и набрал домашний номер Гленна, который взял у Лильи. Он четко слышал звонки.

В своем мобильном…

И в доме…

И на английском: «You talking to me?»

В этот раз Фабиан оставил сообщение, представившись и попросив Гленна отозваться как можно быстрее. После этого позвонил Гленну на мобильный и оставил точно такое же сообщение, между тем обходя дом с задней стороны.

Сад представлял собой большую лужайку, окруженную изгородью высотой не более метра. За изгородью находилось открытое поле. Идеально для того, кто хотел бы прийти без приглашения. Но Фабиана заинтересовало не это, а колючая проволока.

Фабиан ничего не понимал. За каким дьяволом кому-то понадобилось разложить колючую проволоку по всей лужайке? Он сел на корточки и осторожно потрогал острую проволоку, длинные спирали которой лежали вдоль и поперек лужайки. В ту же секунду издалека послышалось что-то вроде кудахтанья. Он повернулся, но не успел определить, откуда идет звук, как все стихло. Он взял колючую проволоку большим и указательным пальцем и вздрогнул. Вновь послышалось кудахтанье, на этот раз достаточно громкое, чтобы он смог обнаружить, что оно раздается из приоткрытого окна на верхнем этаже. Он встал и сделал несколько шагов к дому, чтобы лучше видеть, и наткнулся прямо на леску, натянутую между колючей проволокой и тем, что оказалось бамбуковой лебедкой, висящей за окном.

Значит, Гленн сделал точно такой же вывод, как и он сам. Теперь, когда с Йоргеном покончено, настала очередь Гленна, и он явно не хотел, чтобы

его застали врасплох, как Йоргена. Не ошибся ли он в своих опасениях? А если нет, удалось ли ему защититься?

Размышления Фабиана прервал мобильник. Он достал телефон и посмотрел на дисплей: 0765-26 11 10. Повторив мысленно номер, понял, что только что звонил на него.

– Да, это Фабиан Риск, – он попытался говорить как можно более спокойным и нейтральным тоном. Но ему не ответили. Воцарилась полная ожидания тишина. Он только слышал в трубке чье-то дыхание.

– Алло? Кто это?

– Вы мне звонили.

– Это Гленн Гранквист?

– Да.

– Может быть, ты меня не помнишь, но мы учились в одном классе.

– Фаббе? Это ты?

– Да, да. Как твои дела?

– Да так, сплошные проблемы. Сам знаешь, как оно бывает. Как сам? Я слышал, ты заделался ментом и восьмеркой[11].

– Было дело. Но теперь я переехал обратно и работаю в криминальном отделе здесь, в Хельсингборге.

– Вот оно что. Тогда мне лучше вести себя прилично.

Фабиан рассмеялся и решил перейти к делу:

– Я думаю, ты понимаешь, почему я тебя искал.

– Йогги.

– Именно.

– Чудовищно. Я читал об этом в газетах, и… Черт возьми. У тебя есть хоть малейшее представление о том, кто это может быть?

– Мы прорабатываем… Несколько параллельных версий, – Фабиан собрался было ответить, но сдержал себя. Он не мог понять, в чем дело, но у него возникло какое-то смутное подозрение, и он насторожился.

– Значит, я одна из них?

– В каком-то смысле. Вы же были лучшими друзьями, во всяком случае, как я помню по школе. Так вот я подумал: может быть, вы до сих пор общались?

– Да, Йогги был моим самым лучшим другом.

– Понимаю. Ты, наверное, ужасно себя чувствуешь. А мы не могли бы встретиться? Ты бы помог мне с кое-какими вопросами.

– Конечно, мы можем встретиться. Только не сейчас. Если только ты не приедешь сюда.

– А куда сюда?

– Солнечный берег, Болгария. Здесь классно. Никогда не видел на одном пляже столько телок, готовых дать.

Проклятье. Из-за этих чертовых отпусков невозможно работать. Он сам с тем же успехом мог взять запланированный отпуск и отложить расследование дела до 16 августа, когда почти все вернутся. С другой стороны, может быть, именно поездка на Солнечный берег и спасла Гленну жизнь?

– А когда ты уехал?

– Вчера, первого июля. Пробуду здесь две недели, до пятнадцатого.

Вчера. В тот же день, когда они дали информацию об убийстве в газеты. Если, как он говорит, он прочел об этом в газетах, у него не было достаточно времени натянуть колючую проволоку на всю лужайку.

– Когда ты в первый раз услышал об убийстве?

– Несколько дней назад мне позвонила Лина и все рассказала. А что такое? Меня что, в чем-то подозревают?

– Когда ты узнал об убийстве, ты почувствовал угрозу? Поэтому ты уехал?

– Почему я должен был почувствовать угрозу?

Или Гленн лжет, или с ним говорит другой человек, отметил про себя Фабиан.

– Может быть, то, как и где был убит Йорген, внушило тебе некоторое беспокойство? – он сказал больше, чем должен был. Ничего не поделаешь, он хотел вызвать реакцию. Заставить человека на другом конце провода раскрыть свои карты.

– Ты уж меня извини, но что ты несешь?

Фабиан решил надавить на него.

– Зачем ты тогда натянул столько колючей проволоки за домом и соединил ее с лебедкой на верхнем этаже?

Повисло напряженное молчание.

Достаточно долгое, чтобы развеять сомнения Фабиана.

Разговор оборвался.

18 октября

Сегодня не слышал, что говорила учительница. Видел только, как двигается ее рот. И тут Юнас, который сидит за мной, постучал по моему плечу. Сначала я решил не оборачиваться и сделать вид, что не заметил, но потом все же обернулся, потому что знаю, что он один из тех, кто ко мне неплохо относится. Он плюнул мне в лицо и сказал, что передает привет от «сам знаешь кого». По его глазам было видно, что на самом деле ему

неприятно. Я поступил бы точно так же.

Сегодня мама спросила, почему я в синяках. Я ответил, что упал на физкультуре. Думаю, она мне поверила.

И все же они опять сделали это сегодня на перемене. Они сказали, что я ябеда, хотя это не так. У меня пошла кровь из носа, а они взяли мою шапку и написали в нее, а потом заставили меня снова ее надеть. Когда я пришел домой, я помылся в душе, выстирал шапку и высушил ее маминым феном. Думаю, она ничего не заметила. Надеюсь, что нет.

Я должен давать сдачи, но я боюсь. Их двое, а я один. К тому же они бьют кулаком, хотя так нельзя. В фильмах можно, а в жизни нет.

О себе:

1. Трусливый.
2. Никчемный.
3. Слабый.
4. Уродливый.

P.S. Если бы я был своим одноклассником, я бы тоже издевался над собой. Я ниже нижнего. Проклятый выродок. Черт возьми, как же я себя ненавижу.

15

Уже больше получаса назад Фабиан должен был заехать домой, забрать Соню с детьми и поехать вместе с ними на барбекю к Муландеру. Но он был где угодно, только не на пути домой. Сейчас важно было не терять драгоценное время. Он позвонил Тувессон и оставил на ее автоответчике короткое сообщение. Вероятно, она упорно добивалась от датчан разрешения забрать «Пежо». Она ведь не может знать, что полученная им информация во многом облегчила бы ее работу.

В ожидании звонка Тувессон он пробрался в дом Гленна через дверь на террасу и осмотрел его, но не нашел ничего интересного.

Несмотря на это, Фабиан был полностью уверен, что безошибочно определил мотивы преступления. Гленн Гранквист был не на Солнечном берегу в Болгарии, Гленн Гранквист был мертв. Также Фабиан был уверен в том, что говорил с преступником. Они хорошо сыграли свои роли, при том что, вне всякого сомнения, оба понимали, как на самом деле обстоят дела.

Фабиан припарковался у полицейского участка и поспешно прошел внутрь. На охране никого не было, и ему пришлось в первый раз использовать свой пропуск. К собственному удивлению, он вспомнил код, и, пока ехал в лифте наверх, позвонил домой.

– Привет, папа. Мама говорит, что ты должен был быть здесь еще полчаса назад.

– Да, малышка, мама совершенно права. – Он вышел из лифта. – У папы на работе возникли кое-какие дела, и папа должен с ними разобраться.

– Она так и сказала. А еще она сказала, что, наверное, никакого барбекю сегодня не будет, и что наверняка это ты звонишь.

– Так и сказала? Откуда она смогла все узнать?

– Не знаю. Но ведь только у тебя и у той, которой нельзя звонить, есть наш новый номер, и если бы ты захотел позвонить маме, ты бы позвонил ей на мобильный. А ты надеялся, что к телефону подойду я или Тео.

Из нее выйдет хороший полицейский, подумал Фабиан и попросил свою дочь передать, что барбекю точно отменяется, поскольку Муландер тоже будет работать всю ночь.

Он прошел в свой отдел, но никого там не застал. Куда все запропастились? Конечно, сегодня пятница, но в самом разгаре расследование преступления, которое может стать самым тяжким в истории

полиции Хельсингборга. Он открыл дверь в кабинет Астрид Тувессон, где было так же пусто, как и во всем отделе. Подошел к панорамному окну и достал свой мобильный, чтобы опять позвонить ей. Но тут позвонили ему. Это был Муландер.

– Але. Ты где есть?

– Где? На работе.

– А какого черта ты там делаешь?

– Тут выяснились кое-какие обстоятельства по делу, так что, думаю, нам надо сегодня все отменить и…

– Что значит отменить? Барбекю уже жарится. Ничего отменить нельзя, – сказал Муландер без тени интереса к тому, что могло выясниться по следствию.

– К сожалению, Ингвар, мне надо работать. Давай отложим до другого раза. Кстати, а ты не знаешь, где Тувессон?

– Здесь. Где же ей еще быть?

Фабиан посмотрел на мобильный так, будто ему звонили с другой планеты.

– Добро пожаловать и проходите! Вы, наверное, новенькие, – закричала женщина; она явно гордилась своим слишком сильным загаром. – Мы только вас и ждем. Меня зовут Гертруда Муландер. Входите, входите. Что будете пить?

Соня с детьми вошли вслед за Гертрудой в дом, и Фабиан сразу же почувствовал облегчение. Они ехали сюда не больше четверти часа, но в машине стояла гнетущая, почти невыносимая тишина. Он спросил о Луизиане. Правда ли там так красиво, как все говорят, и собираются ли они туда еще раз.

Соня не затруднила себя ответом ни на один его вопрос. Но когда они приехали, он понял, что настроение у нее улучшилось. Им явно была нужна именно такая Гертруда.

Пройдя в дом, Фабиан убедился, что Ингвар Муландер женат на настоящем коллекционере. На стене в гостиной висела одна из самых больших коллекций тарелок, которые он когда-либо видел, а в шкафу-витрине с подсветкой вместо бокалов и бутылок стояли хрустальные совы всех мыслимых форм, цветов и размеров.

– Правда, красиво? – воскликнула Гертруда, идя им навстречу.

Фабиан кивнул, хотя никогда не понимал увлечения хрустальными безделушками.

– Это ты собираешь?

– Нет, но я положила начало этой коллекции, когда первый раз путешествовала на поезде по Европе.

– Значит, это Ингвар?

– Ингвар? Ты считаешь, он способен увлечься хрустальными безделушками? – спросила она так, словно никогда не слышала более глупого вопроса. – Нет, честно говоря, я не знаю, кто. Но догадываюсь, что большинство моих друзей приложили к этому руку. Теперь ты тоже об этом знаешь, и в следующий раз здесь окажется новая маленькая сова.

– Получается, люди покупают их и ставят сюда, ничего не говоря?

– Не спрашивай меня. Пойдем, тебе надо что-нибудь выпить.

Гертруда провела его в сад с задней стороны дома. Сад оказался именно таким, каким его себе представил Фабиан после того, как увидел дом. Лужайка с садовыми гномами, ветряными мельницами и фонтанами была подстрижена так скрупулезно, что ее можно было принять за компьютерную анимацию. Здесь был даже маленький пруд с мостом. Матильда попала в настоящий рай, и она носилась туда-сюда по участку, словно хотела побывать во всех местах сразу.

– Папа! Иди сюда! Посмотри, в пруду полно рыбы!

– Не сейчас! Покажи лучше Теодору! – прокричал он в ответ. Теодор, каким-то чудом сумев оторвать глаза от мобильного, посмотрел на него усталым взглядом.

В гостях собрался весь отдел. Даже Флориан Нильссон, в честь приема надевший красную рубашку с боковой застежкой, которая навела Фабиана на мысль о Мидже Юре и о том, как давно он не слушал его сингл «After a Fashion». Сам Муландер стоял у мангала с таким видом, будто речь шла о жизни и смерти.

– Наконец-то! Фабиан, иди сюда, познакомься! – прокричала ему Ирен Лилья, стоявшая рядом с коротко подстриженным мускулистым мужчиной в потертых джинсах, розовой рубашке и с большой щепоткой жевательного табака под губой. Фабиан подошел поздороваться.

– А мы уже начали беспокоиться, где же ты, – сказала Лилья. – Это Фабиан, мой новый коллега, а это Хампан.

– Ты тоже полицейский? – спросил Фабиан, пожимая мужчине руку.

– Нет, я ее парень, – ответил мужчина, улыбнувшись так широко, что стала видна половина щепотки.

– Вот оно что. Тогда понятно, – Фабиан посмотрел на Лилью, но не получил никакой помощи.

– Тебе лучше к ней не прикасаться, а не то отведаешь вот что, – продолжил мужчина и напряг один бицепс.

– Вау, – рассмеялся Фабиан и сразу услышал, как жалко звучит смех. – Пойду поищу, что выпить.

Он подошел к сервировочному столу, открыл пиво и спросил себя, хватит ли одной банки. Соня, похоже, пила уже второй бокал красного вина и горячо обсуждала с Гертрудой свою живопись. Фабиан, воспользовавшись моментом, присоединился к Астрид Тувессон и Утесу – каждый держал в руках джин-тоник – и рассказал им, что, по его мнению, ему звонил преступник.

– А почему ты так думаешь? – спросил Утес.

– Он звонил с телефона Гленна Гранквиста, а я уверен, что Гленн мертв.

– Ты хочешь сказать, что его убили? – Тувессон сделала большой глоток.

Фабиан кивнул:

– У него в саду было полно колючей проволоки и сигнализации, как будто он готовился к тому, что преступник придет и за ним, что, по-моему, тот и сделал.

– Боже мой, а что он сказал, когда позвонил? – спросила Тувессон.

– Я попытался позвонить ему, и он мне перезвонил.

– С мобильного Гленна? – спросил Утес.

Фабиан кивнул.

– Он утверждал, что находится в отпуске на Солнечном берегу в Болгарии, куда улетел в четверг. То есть в тот день, когда в газетах написали об убийстве Йоргена Польссона.

– Да, бессмысленно тратить силы на то, чтобы натянуть в саду массу колючей проволоки, а потом взять и уехать в Болгарию, – заметил Утес.

– Надо связаться с авиакомпаниями, – сказала Тувессон.

– Займусь этим завтра прямо с утра, – сказал Утес.

– Хорошо.

– Но, может быть, стоит как следует осмотреть дом? – спросил Фабиан.

– Разумеется, – сказала Тувессон, опустошив свой бокал. – Я только сначала должна связаться с Хегсель и получить ее разрешение.

– Кто еще, кроме меня, хочет добавки? – Утес поднял свой пустой бокал.

– Не откажусь от еще одного глотка, – ответила Тувессон и ушла с Утесом.

Фабиан не знал, смеяться ему или плакать. Вместо того чтобы вплотную заниматься делом и прорабатывать различные версии, они едят

барбекю и выпивают.

– Что ты тут стоишь, погруженный в раздумья, – Лилья протянула ему открытую банку пива. – Пойдем, я кое-что тебе покажу.

– Да как-то страшно.

– Ты не обращай на Хампана внимания. Он шутит. К тому же далеко от еды он не отойдет.

– Во всяком случае, как я понимаю, за последние несколько часов вы опять сблизились.

– Ну, это ты преувеличиваешь. По какой-то причине, не спрашивай почему, Муландер его тоже пригласил. Когда я сюда пришла, он был уже здесь. Но мне плевать, – она потянула Фабиана в дом и в подвал. – Если бы Муландер не был моим коллегой, я бы пришла в ужас, – она зажгла верхний свет, и только тогда Фабиан понял, что она имеет в виду.

Они оказались в комнате, доверху набитой полками, витринами и стеклянными прилавками, заставленными, в свою очередь, самыми разными предметами, разбитыми на группы. Настоящий музей коллекций. Фабиан вспомнил, что на острове Готланд кто-то открыл такой музей. Но собрание Муландера было более дорогостоящим и эффектным. И к тому же не таким разнородным, как на Готланде, где было все – от волшебных палочек до пишущих машинок. Здесь главенствовала одна тема: убийство. Однако с целым рядом подрубрик, таких как «охота и рыбалка», «отравляющие вещества» и различные орудия преступления – начиная с огнестрельного оружия и кончая ножами и обыкновенными инструментами.

После более пристального осмотра Фабиан выделил рыболовство в отдельную главную рубрику наряду с убийством. Почти половина коллекции состояла из вещей, имеющих отношение к рыбной ловле. Там были блесны, удочки, сачки, сети и чучела рыб в больших количествах. В одной витрине хранилась даже коллекция засушенных мух, рядами пришпиленных к подушечке.

– Он, несомненно, чувствует детали, – заметил Фабиан, изучая коллекцию скальпелей.

– Наверное, поэтому он один из лучших криминалистов. Он – фанат своего дела, – Лилья выдвинула подбитый красным бархатом ящик, который наверняка предназначался для хранения украшений, но в данном случае в нем хранилась коллекция пуль, каждая со своим номером. – Каждой кого-то убили, – она выдвинула еще один ящик с пулями, – а этими только ранили.

Фабиан посмотрел на ряды так или иначе деформированных пуль. В

первом ящике он насчитал тридцать восемь угасших жизней. Сколько людей их оплакивает, никто и не считал.

– А почему ты не спрашиваешь, узнала ли я что-нибудь о Клаесе Мельвике?

– А ты узнала? Я решил подождать до понедельника. Похоже, все взяли выходной.

Лилья улыбнулась ему лукавой улыбкой, но тут зазвонил мобильный.

– В чем дело? Что? Я просто показываю Фабиану коллекцию Муландера… Прекрати. Если ты мне не веришь, спускайся сюда. – Она прервала разговор и закатила глаза: – Извини, так на чем мы остановились?

– Мельвик.

– Именно. После средней школы он четыре года учился в гимназии Тихо Браге с техническим уклоном. Самые лучшие отметки. После этого учился в Лундском университете на врача, а в 1990-м стал работать терапевтом здесь, в Хельсингборге.

– А Руне Шмекель ведь тоже был врачом?

– Был, но на гораздо более высоком уровне. Руне же хирург и один из самых лучших в стране в своей области. Как бы то ни было, в 1993 году что-то произошло. Клаес попадает в отделение неотложной помощи здесь, в Хельсингборге, и ты только послушай, – Лилья достала из кармана джинсов сложенный листок бумаги, развернула его и стала читать вслух: – «Сломанная челюсть, тяжелые черепные травмы в результате сильных ударов по голове, вероятно, ногами. Пять сломанных ребер, внутренние кровотечения», и так далее, и так далее. Посмотри сюда, – она протянула фотографию настолько избитого, распухшего и до такой степени деформированного лица, что от одного взгляда на него становилось больно.

– Получается, его кто-то избил.

– Я бы скорее назвала это покушением на убийство. Он перенес тридцать шесть операций. Чудо, что он вообще выжил.

– Где-то сказано, как он получил эти травмы?

Лилья покачала головой.

– Его спрашивали, но он отказался отвечать.

– А потом что?

– Ничего.

– Что значит «ничего»?

– Больше я о нем ничего не нашла. Ясно, что если копать глубже, можно что-то разыскать. Но это последние сведения.

– А он мог умереть?

Лилья пожала плечами.

– Может быть. Или уехал из страны.

Фабиан впился зубами в свиное каре и понял, что страшно проголодался.

– Ничего в жизни не ела вкуснее этого каре, – сказала Соня, и остальные гости с ней согласились.

– Спасибо, Соня, – отозвался Муландер. – Но для твоего сведения: это называется не «каре».

– А как же?

– Лопаточный край.

– Ингвар, только не начинай опять, – попросила Гертруда.

– Но ведь это лопаточный край. Почему бы не называть вещи своими именами?

– Потому что это звучит не так приятно и аппетитно, – Гертруда повернулась к Соне. – Не обращай на него внимания. Но если хочешь узнать секрет, почему так вкусно, то это его маринад. Никто не делает такой маринад, как Ингвар. Я часто говорю, что ему надо издать поваренную книгу с рецептами только одних маринадов. – Она подняла свой бокал. – Ваше здоровье и спасибо всем, что пришли!

Они выпили, и ужин продолжился. Чем больше они пили, тем становилось приятнее. Они перескакивали с одной темы на другую. Спорили, насколько на самом деле виноваты врачи во внезапной смерти Майкла Джексона, а уже через секунду обсуждали финальную игру в чемпионате мира по футболу, в котором Швеция даже не участвовала.

– Невероятно красиво! – вскричал Утес, после того как заявил, что это был первый за долгое время финал, от которого у него не заболел живот.

Даже Соня получала удовольствие и несколько раз посылала Фабиану улыбки с другой стороны стола.

– А какие картины ты пишешь? – полюбопытствовала Тувессон.

– Подводные изображения рыб, крабов, различных мальков и так далее.

– Люблю рыб, – сказал Муландер, подняв бокал.

– Нет, ты любишь лишать их жизни, – возразила Гертруда.

– И хорошо продается? – продолжила Тувессон, которая, похоже, всерьез заинтересовалась.

– На самом деле, слишком хорошо. Я не делаю ничего нового. Все только и хотят этих проклятых рыб.

– Один мой приятель попал в такую же ситуацию, – сказала Тувессон. – Он тоже художник. Один раз он сделал скамью из бетона, на

котором выбил надпись «скамья лжеца». С тех пор прошло несколько лет, но он по-прежнему занимается в основном этим. Покупатель сам решает, какую делать надпись. Ловко придумано, и ему есть чем платить за квартиру. По-моему, он даже сделал несколько скамеек к свадьбе принцессы Виктории. Но возникает вопрос: он художник или рабочий по бетону?

– Ответ требует основательного обеда, – сказала Соня, подняв пустой бокал. – И добавки.

– Принято, – Тувессон налила Соне в бокал.

– Но почему вы сюда переехали? – спросила Лилья. – Ведь Стокгольм потрясающий город.

– А по-моему, не город, а говно, – подал голос Хампан. – Я был там три раза, и не вижу ни малейшей причины, почему в нем надо жить. Люди там психованные, даже не могут спокойно стоять на эскалаторе. Бегут как ненормальные к поезду в метро, хотя через минуту придет другой.

– Хампан, я спросила не тебя, а Соню.

Хампан стал хлебать свое пиво, и все повернулись к Соне, словно ждали от нее развернутого, но четкого ответа, которого, что прекрасно понимал Фабиан, у нее не было. Он настоял, а она согласилась. Он собрался было ответить, но его остановила Лилья, которая хотела получить ответ только от Сони.

– Ну, мне всегда нравилось в Сконе. Весна приходит на месяц раньше, а осень на месяц позже. Потом, я надеюсь, что смена обстановки поможет мне в моем творчестве, и когда Фабиану предложили здесь работу, никаких сомнений не возникло, – она подняла бокал. – За Сконе!

Они выпили, и Фабиан послал Соне воздушный поцелуй. Она хорошо справилась. Настолько хорошо, что он сам ей почти поверил.

– Меня так легко не обманешь, – с улыбкой сказала Лилья, и Соня с недоумением посмотрела на нее. – И, честно говоря, думаю, остальные такого же мнения. Понимаешь, мы же полицейские и привыкли слышать разные оправдания, одно хуже другого.

– Но должна сказать, что, по-моему, ты дала достойный ответ, – заметила Тувессон.

– Да, конечно, – подхватила Лилья. – Особенно когда говорила, как важно сменить обстановку. Я чуть было не попалась на эту удочку, и если бы она в тот момент не смотрела в сторону, поставила бы десять баллов. А так только семь.

Остальные рассмеялись.

– О’кей, о’кей, о’кей! – вмешалась Соня, и Фабиан понял, что она

совсем пьяна. – Хотите услышать правду? Хотите?

– Дааа! – закричали все.

– О’кей, дело обстоит так. Наш брак с Фабианом последние годы все больше и больше стал напоминать гостевой, хотя мы спим в одной постели, – Соня обвела взглядом сотрапезников, молча ждавших продолжения. – Но поскольку мы по-прежнему любим друг друга больше всего на свете, мы решились на реальные изменения. Начать сначала и попытаться все вернуть… Выпьем! – она подняла бокал, и все ей восторженно зааплодировали.

– Я бы поставила пятнадцать баллов, – сказала Лилья, а Фабиан почувствовал, что Соня права и что он очень сильно ее любит.

К тому моменту, когда у Фабиана зазвонил мобильный, он успел напрочь забыть, что они расследуют сложное дело, и сначала не хотел отвечать.

Потом увидел, что звонят с датского номера.

– Привет, это Метте Луизе Рисгор с заправки, – объяснил голос на другом конце провода, и в памяти Фабиана всплыла губа с пирсингом. – Он здесь, – продолжила девушка, но разговор прервался.

16

Ким Слейзнер чувствовал, как в кармане вибрирует мобильный, но отвечать не захотел. Не сейчас. Он ждал этого момента целую неделю и не допустит, чтобы какой-то маленький ничтожный разговор по мобильному все испортил. Слишком драгоценный момент, и слишком короткая жизнь. Кто знает, а вдруг он идет по подземному переходу или едет в лифте, где плохой роуминг. Это его личное пространство, к которому никто другой не имеет отношения.

Он задумался о Вивеке и о том, должна ли его мучить совесть, но пришел к выводу, что вовсе нет. Ее волновали лишь йога и наличие денег на счету, а учитывая, сколько на него свалилось за последнее время, вообще чудо, что он встает по утрам. От того, как функционирует его организм, и от его самочувствия зависит не только Вивека, но и все граждане Дании.

Иначе, как он сам обычно говорил, наступит анархия. Он откинулся назад, наслаждаясь наградой, преподнесенной самому себе.

17

Мортен Стенструп сидел в полицейском участке Кеге, заправляя за пояс форменную рубашку и поправляя ремень на талии. Ему было не так удобно, как обычно. Ремень как будто сидел косо и натирал. Он уже проверил – пистолет, карманный фонарик и радио находились на своих местах, так что дело не в них. И он это знал с самого начала.

На самом деле, он хорошо знал, в чем дело.

Ровно месяц назад от него ушла Эльзе, и как бы он ни хотел, он не мог обмануть себя, что якобы уже лучше себя чувствует. Скорее наоборот. Что-то по-прежнему давило в груди, и он почти привык к постоянному ощущению удушья.

Врач посоветовал ему довериться какому-нибудь другу. Но у него нет такого близкого друга, который бы смог его понять. Он попытался поговорить с Нильсом, но тот только посоветовал сходить к проститутке. Нильс даже предложил оплатить этот поход, если ему разрешат участвовать.

Он тешил себя мыслью попытаться вновь завоевать Эльзе, но понял, что это ему никогда не удастся. Он был ей не ровня. Они оба осознавали это, все время. По молчаливому согласию они предпочли закрыть на это глаза и притвориться, что они на равных. Изредка им это удавалось, и тогда он чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Но только на короткий период. После каждого такого периода приходило отрезвление, которое сидело в подсознании, как отдаленная, но постоянно присутствующая угроза. В конце концов, он стал к этому привыкать и почти перестал об этом думать. Внушил себе, что никакой угрозы нет. Что они на равных. Он так же хорош, как и она, а его недуги ничего не значат. Ведь они любят друг друга.

Его ничего не радовало. Ничего. Он все делал через силу. Словно поднимался в гору. Даже дышал усилием воли. Он никогда не сможет найти другую. Эльзе – женщина его жизни. Она даже не обращала внимания на его заячью губу и кожу в оспинах. Она ласкала его потрескавшееся тело, словно у него была бархатная, как у младенца, кожа, хотя он весь шелушился и трескался, и целовала его, словно хотела только его и никого другого.

Он откинулся на стуле и задумался, что ему выпить: чай или кофе. Он выбрал последний, пошел на мини-кухню и налил кофе в свою немытую

чашку. Нильс сидел за кухонным столиком и оплакивал проигрыш в чемпионате мира. Мортен знал, что с ним не стоит говорить, пока он это не переживет.

Сам он никогда не интересовался футболом. Еще меньше – датским футболом. Беспокоило его только то, что проигрыш может привести к дракам. По статистике, возможны два сценария. А: воцаряется полное спокойствие. Или Б: увеличивается потребление алкоголя, а вместе с ним вандализм и избиение жен. Хотя на первый взгляд это может показаться странным, в случае победы почти всегда действует второй вариант.

С чашкой в руке он сел на свое место и не смог ничего с собой поделать – к нему стали опять подкрадываться мысли об Эльзе. По ее мнению, он слишком боялся конфликтов и был труслив. Она именно так и говорила. Мол, он трус. В этом была доля правды. Он старался не так сильно бояться конфликтов, но это противоречило его природе. Ему никогда не нравилось ссориться, а его собственное мнение не имело для него особого значения.

Он расстегнул кобуру, вынул пистолет и взвесил его в руках. Что заставляет его каждое утро вставать, принимать душ, одеваться и идти на работу? Что он медлит? Это так просто. Немного надавить указательным пальцем – и конец страданиям. Никакой тоски и удушья. Никакого одиночества. Но как ни крути, ни верти, это было бы жалким концом жалкой жизни, и, узнав об этом, все разве что пожмут плечами.

Зазвонил телефон. На дисплее высветился шведский номер, и когда он ответил, сразу же понял, что ждал именно этого.

Через семь минут Мортен Стенструп пристегнул ремень безопасности и повернул зажигание. Загудел мотор. Он собрался было включить сирену, но решил сделать это позже, на некотором расстоянии от участка. Он не хотел, чтобы выскочил Нильс и спросил, что происходит. Он просто сказал Нильсу, что отъедет на какое-то время. Изящно выражаясь, полиция должна показываться. Вместо сирен он включил свои любимые «Времена года» Вивальди и прибавил громкость. С Карло Кьяраппа никто не сравнится. Особенно Мортену нравилась первая часть аллегро концерта «Весна», которая почему-то всегда заряжала его позитивной энергией.

Звонили из Швеции. Если быть точным, из Хельсингборга. Он никогда не отличался хорошим пониманием шведского и почему-то считал, что сконский диалект понять еще труднее. Женщина, представившаяся как Астрид Тувессон, начальник криминального отдела полиции Хельсингборга, сказала, что ей не удалось связаться с Кимом Слейзнером,

ее коллегой в Копенгагене. Поэтому она позвонила непосредственно в участок в Кеге. Это он понял.

Потом стало труднее. Что-то о машине, припаркованной на заправке в Леллинге и, возможно, принадлежащей преступнику, которого разыскивает шведская полиция. Им позвонила некая Метте Луизе Рисгор, утверждавшая, что преступник только что был на заправке, чтобы забрать машину.

Остальную часть разговора Мортен вообще не помнил. Но ничего страшного. Ему все равно незачем было слушать дальше, чтобы понять: это его шанс. Он прекрасно знал, кто такая Метте Луизе. Он часто заправлялся в Леллинге во время ночных дежурств, и она обычно в это время была на работе. Год назад она сделала пирсинг на нижней губе, и он набрался смелости и спросил, зачем. Какой смысл портить такие красивые губы? Он до сих пор помнит, с каким отвращением она взглянула на него в ответ, и с тех пор вообще не смотрела в его сторону. Даже когда он похвалил ее новый цвет волос.

И вот сейчас она, возможно, в опасности. Он не мог понять, почему она позвонила в шведскую полицию, а не ему. Он даже оставлял ей свою визитку, чтобы у нее наверняка был номер их полицейского участка. Откуда она могла знать, что человека разыскивают в Швеции?

Теперь он отъехал достаточно далеко от участка, и можно было включить сирену и прибавить скорость. Он почувствовал прилив адреналина. Наконец-то что-то происходит. Наконец-то у него есть шанс показать Эльзе. Показать, что он вовсе не трус.

Он приглушил музыку – как раз зазвучала часть *ларго* весеннего концерта – и свернул на заправку в Леллинге, где, казалось, было так же спокойно, как и обычно. Некоторые сказали бы, как в гробу. Сам бы он сказал, что все было благостно, хотя именно сейчас он почувствовал некоторое разочарование. Он медленно объехал здание магазинчика и удостоверился, что обстановка даже еще спокойнее, чем обычно. Он увидел только мужчину в шортах песочного цвета, голубой тенниске и желтой кепке. Тот стоял на коленях перед «Пежо» и поднимал его домкратом. Рядом на асфальте лежало колесо от машины, а в руках мужчина держал гаечный ключ.

Это тот мужчина, который пришел сюда за своей машиной и из-за которого Метте Луизе в опасности? Во всяком случае, никакой Метте Луизе не наблюдалось, а в мужчине с виду не было ничего опасного. Он скорее выглядел как ворчливый турист. Но за годы работы в полиции Мортен

научился одному: всегда сомневаться в очевидном.

Мужчине понадобится минимум пять минут, чтобы уехать отсюда, и Мортен решил сначала убедиться в том, что с Метте Луизе все в порядке. Он объехал здание и припарковался с другой стороны, чтобы тихо выйти из машины, не попадаясь мужчине на глаза. Поправил ремень, удостоверился, что пистолет и дубинка висят на своих местах, и направился к магазину.

Едва он вошел, как сразу же понял: что-то не так. В магазине никого не было, даже за прилавком было пусто. Он позвал Метте Луизе, но ему никто не ответил, и он поспешил зайти за прилавок. Впервые он попал в служебное помещение, которое оказалось гораздо меньше, чем он думал. Кухонька, стол с кипой потрепанных газет и несколько стульев. На стене календарь от фирмы «Michelin», рядом туалет с запертой дверью. Он постучал в дверь и спросил, есть ли там кто-нибудь.

Тишина насторожила его. Где девушка? Он быстро вышел из-за прилавка и стал искать подходящий инструмент. Нашел отвертку и открыл дверь туалета. Распахнув дверь, убедился, что туалет пуст. Попытавшись собраться с мыслями, он внезапно захотел пить, словно ему в рот положили наждачную бумагу. Он взял колу с охлаждаемого прилавка и, набрав полный рот сладкого газированного напитка, проглотил и почувствовал прилив энергии.

Метте Луизе никогда бы не оставила заправку без присмотра, а значит, она с мужчиной рядом с «Пежо». Он ее там не видел, но, с другой стороны, он просто проехал мимо, взглянув лишь мельком.

Мортен Стенструп вышел из магазина и направился к мужчине, который по-прежнему сидел на корточках возле «Пежо», повернувшись к нему спиной. Подойдя ближе, он увидел, как мужчина закручивает колесные гайки гаечным ключом. При этом, казалось, он не обращал на присутствие Мортена никакого внимания.

– Извините. Могу я попросить вас встать? Расставьте ноги и поднимите руки над головой.

От мужчины по-прежнему не последовало никакой реакции, он беззаботно закручивал следующую гайку. Он что, глухой? Или не понимает, что говорят?

– Эй! Это полиция! Я хочу, чтобы вы немедленно встали! – сказал Мортен, попытавшись воспроизвести шведское произношение, которое слышал по телевизору. Он подошел к мужчине почти вплотную и смог заглянуть в салон. Там было пусто, Метте Луизе не было.

Три раза за свою почти двадцатилетнюю службу Мортен Стенструп вынимал пистолет, снимал его с предохранителя и целился в другого

человека. Один раз он произвел выстрел. Человек находился под воздействием наркотиков и угрожал ножом, и Мортен выстрелил ему в ногу и связал руки за спиной. Полностью согласно правилам.

Этот раз будет четвертым.

Само движение въелось ему в спинной мозг, он бесчисленное количество раз отрабатывал его дома перед зеркалом. Отвести правую руку назад вдоль бедра и открыть кобуру, не теряя из виду человека перед собой. Пистолет беспрепятственно скользнул вверх, и он смог левой рукой снять его с предохранителя.

– Это полиция! Приказываю тебе встать! Прямо сейчас! – закричал он по-английски.

Дальше все произошло так быстро, что он потом с трудом мог вспомнить точный ход событий.

Мужчина быстро встал, одновременно обернувшись в пол-оборота и вытянув правую руку вперед. Мортен Стенструп понял, что произошло, только услышав треск в правом ухе, – его со всего размаха ударили гаечным ключом. В глазах потемнело, и его пронзила пульсирующая боль, сопровождающаяся высоким резким звуком. За мгновение до того, как его голова коснулась асфальта, его потрясла мысль о том, что он больше никогда не сможет насладиться «Временами года» в стерео.

Сильный шум в ухе не стихал, и он слышал собственный пульс. Значит, он все еще жив. Он дотронулся до уха рукой. Оно было мокрым и липким. Зрение медленно возвращалось, но только через несколько секунд он убедился, что видит на самом деле. Все было повернуто под углом в девяносто градусов. На расстоянии в несколько десятков сантиметров перед собой он увидел нечто, похожее на внутреннюю сторону колеса и рядом – тапочки Crocs.

Краешком глаза он с трудом различил, что мужчина все время крутит одной рукой, и только сейчас до него дошло, что тот домкратом опускает машину вниз. Он разглядел, как гаечный ключ коснулся асфальта и как кроссовки исчезли из поля зрения. Сразу же после этого затряслась и начала вибрировать выхлопная система машины, и он ощутил глухой грохот.

Защитить голову. Защитить голову, беспрерывно думал он, когда машина начала давать задний ход.

Сначала заднее колесо.

Он изо всех сил напряг мускулы спины и грудной клетки, но все равно почувствовал, как одно за другим ломаются ребра и как боль раскаленной

лавой растекается от груди по всему телу.

Затем переднее колесо.

Он увидел, как от него отъехала задняя часть «Пежо» и свернула налево на шоссе Рингстедсвей. Значит, голова выдержала. Понимание того, что он все еще не умер, что он в состоянии видеть, думать, фиксировать и принимать решения, дало ему силы и заставило, несмотря на боль в груди, встать на колени так, что он смог потянуться за пистолетом, который по-прежнему лежал на асфальте рядом с гаечным ключом. После этого он поднялся и попытался добраться до своей машины.

Левая нога отказывалась его слушаться, так что ему пришлось помогать ей обеими руками. Острая резь в груди постепенно перешла в более глухую пульсирующую боль, и он заметил, как на полицейской рубашке проступают пятна крови. По-хорошему, ему надо бы связаться с Нильсом, перепоручить ему дело и попросить вызвать скорую. Но помимо того, что швед наверняка ускользнет, это будет также означать, что Эльзе права.

Из последних сил Мортен Стенструп повернул зажигание, задним ходом тронулся с места и вскоре уже ехал на восток по шоссе Рингстедвей. Он прибавил газу и поблагодарил бога за автоматическую коробку передач. Если бы не это, он бы не смог вести машину. Левой ногой. Теперь боль в груди почти прошла. Он ощущал только глухие удары. Рубашка стала красной и липкой от крови, и он решил больше не опускать глаза.

Лучше смотреть вперед и думать о том, по какой дороге поехал швед. Тот опережал его меньше, чем на две минуты, но уже успел скрыться из виду. Поскольку не было никаких оснований двигаться дальше в сторону Кеге, он решил сделать ставку на трассу E55 и следовать на север в сторону Копенгагена и моста к Швеции.

Он чувствовал, что скоро весь онемеет, и включил сирену и мигалку, чтобы не заснуть. Машины перед ним сразу же снижали скорость и переходили во внутренний ряд, а он как мог жал на газ. Видя, как спидометр заходит за отметку 200, сдал давить дальше до 220. Теперь ему совсем не было страшно. Он словно оставил страх в Леллинге. Будь что будет. Больше ничего не имело значения. Он справится. Покажет всем, что смелости ему не занимать. Только бы не потерять сознание.

Красная стрелка указывала на 230, но машину трясло не больше, чем его первый автомобиль, «Симка 1000», когда он дожимал до 85. Если он сможет удержать эту скорость, он нагонит шведа через несколько минут при условии, что тот едет без превышения. Еще через десять километров он увидел «Пежо» и выключил мигалку.

Но было поздно.

Швед заметил его и прибавил скорость, одновременно свернув на другой съезд. Мортен последовал за ним и почувствовал, как его окатило волной холодного пота – реакция тела на осознание. Осознание скорого конца. Машину перед ним так резко вынесло вправо на шоссе Сементвей, что взвизгнули шины. Сам он отнесся к этому немного спокойнее. Не хотел рисковать, чтобы не попасть в кювет теперь, когда зашел так далеко.

Без предупреждения «Пежо» резко свернул налево на грунтовую дорогу. Навигатор показывал, что дорога ведет по полю к рощице, огибает ее, а потом идет назад. Или швед загнал себя в угол или увидел то же самое на своем навигаторе и решил устроить засаду?

Мортен приглушил мотор и опустил стекло. С другой стороны рощицы отчетливо слышался шум двигателя «Пежо». Подавив в себе желание закрыть глаза и просто отключиться, он вышел из машины и пошел по грунтовой дороге, волоча левую ногу и опираясь на сук, как на палку. Рубашка липла к животу и груди, но он боролся с инстинктом и не опускал глаза.

Пройдя пятьдесят метров, он увидел «Пежо», который, похоже, стоял брошенный в кустах с двигателем на холостом ходу. Держа пистолет в одной руке, он поковылял к машине. Повернувшись кругом, увидел только деревья и открытое поле и сделал последние несколько шагов к машине. Подойдя к «Пежо», наклонился и сложил руки козырьком, чтобы заглянуть внутрь.

Последнее, что он понял: в машине никого не было.

После этого все почернело.

18

В ту же секунду, как Фабиан Риск ответил на звонок Метте Луизе Рисгор, праздничное настроение как ветром сдуло. В одно мгновение барбекю у Муландера превратилось в очередное полицейское совещание. Хотя и со вторыми половинками и довольно большим количеством алкоголя в крови.

Астрид Тувессон сразу же позвонила своему датскому коллеге Киму Слейзнеру в Копенгаген, но поскольку тот не ответил, оставила ему сообщение на автоответчике, проинформировав о сложившейся ситуации и о том, что она сама собирается связаться с местным полицейским участком в Кеге. После этого она позвонила начальнику Главного полицейского управления Швеции Бертилю Кримсону, который в свою очередь обещал немедленно связаться со своим датским коллегой Хенриком Хаммерстеном.

Все завертелось. Теперь им оставалось только ждать и продолжать ужин. Соня ничего не сказала, но Фабиан явно видел, что у нее испортилось настроение. И он ее понимал. Он попытался найти новые темы для разговора, но, кроме Гертруды Муландер, никто его не поддержал. Все ждали, когда зазвонит мобильный Тувессон.

Ожидание закончилось через час.

Звонил Ким Слейзнер, и Тувессон включила телефон на громкую связь, чтобы все могли слышать.

– Хенрик Хаммерстен говорит, что ты мне звонила. Но, к сожалению, никакого звонка от тебя не поступало.

– Нет, я звонила. Примерно час тому назад, – возразила Тувессон. – Но поскольку ты не ответил, я оставила тебе сообщение.

– Если бы ты это сделала, у меня был бы пропущенный вызов и сообщение, так ведь? А у меня ничего нет. Может быть, ты забыла набрать 0045[12]?

Тувессон взглянула на коллег и покачала головой.

– Но мне известно, что Мортен Стенструп, один из моих подчиненных в Кеге, погнался за преступником.

«Мои подчиненные», подумал Фабиан. По тону Слейзнера ему показалось, что главное для него – что полицейские находятся у него в подчинении.

– И это несмотря на то, что он был тяжело ранен и потерял большое количество крови. И если бы я не поспешил отдать распоряжение и

выслать несколько машин, как только услышал, что случилось, он был бы сейчас мертв.

Интересно, подумал Фабиан, ему просто больше нечего сказать, или Слейзнер сделал искусственную паузу, чтобы заставить Тувессон задать вопрос. Тувессон, должно быть, подумала то же самое. Похоже, у нее не было никакого желания нарушать молчание, которое стало почти невыносимым, и Слейзнеру ничего не оставалось, как продолжить.

Оказалось, что преступник переехал Мортена Стенструпа и теперь Мортен лежит в реанимации, находясь между жизнью и смертью. Он без сомнения совершил настоящий подвиг, поскольку, несмотря ни на что, все-таки заполучил «Пежо». Преступнику же удалось скрыться, и единственные оставленные им следы – от пары ботинок Crocs рядом с машиной.

Тот факт, что датчане заполучили машину, – их большая победа и столь же большое поражение для преступника. Но Фабиана не отпускала мысль о том, что случилось с Метте Луизе. Пока что у них не было никаких следов девушки. Преступник забрал ее с собой в качестве заложника? И если да, то зачем?

Домой они вернулись уже за полночь. Теодор, весь вечер просидевший в углу с мобильником, сразу же исчез в своей комнате, а Матильда твердила, что ни капельки не устала и не хочет ложиться. Она не заснула даже после трех глав «Гарри Поттера».

– Папа, это серийный убийца, массовый убийца или просто убийца? – Матильда посмотрела ему в глаза. Спать она явно не собиралась. Он не хотел вникать в то, о чем в точности она говорит, но все равно считал, что дочь заслуживает честного ответа.

– Малышка, я не знаю. Пока что речь идет только об одном убийстве, хотя я практически уверен в том, что их совершено по крайней мере два.

– Как ты можешь быть уверен?

– Потому что это моя работа.

– Значит, это серийный убийца?

– Нет, тогда должно быть минимум три трупа. Но я все равно не считаю, что его можно отнести к серийным убийцам.

– Это почему?

– Серийный убийца убивает ради самого процесса. Этот убийца убивает по совершенно другим мотивам, – объяснил Фабиан и принялся рассуждать об этом деле.

По его мнению, мотив – месть тем, кто причинял ему зло, но теперь он ни в чем не уверен. Через некоторое время он заметил, что Матильда спит

как убитая. Он вышел из ее комнаты, спустился на кухню и откупорил бутылку вина, которую забыл отдать Муландеру.

Соня была наверху в мастерской – она распаковывала свои картины, над которыми сейчас работала, и не сделала ни малейшей попытки даже посмотреть в сторону Фабиана, когда тот вошел с вином, двумя бокалами и «Айподом». По-хорошему, им надо было бы поговорить, но они слишком устали. К тому же все уже было сказано. Вместо этого он сел на пол, налил вина и нашел «I would Die 4 U»[13], композицию, под которую они танцевали в первый день знакомства и которая потом стала «их песней».

Этой ночью они любили друг друга в мастерской.

На следующее утро Фабиан получил от Астрид Тувессон разрешение остаться дома на выходные при условии, что мобильный будет при нем. Взамен она пообещала звонить ему только в том случае, если без его присутствия нельзя будет совершенно никак обойтись.

За первую половину дня в субботу они смогли спокойно распаковать коробки, вынуть все из оставшихся полиэтиленовых мешков и привинтить полки. Вместе с Теодором он даже успел смонтировать стереосистему. А после позднего обеда под тентом на веранде они сели в машину и поехали покупать Теодору маску и трубку, выпив по пути кофе в кондитерской на площади Стурторгет. После этого прогулялись у причала для прогулочных катеров и нашли несколько свободных квадратных метров на пляже Tropical Beach.

В воскресенье они развесили картины, расставили книги по алфавиту, помогли Матильде навести порядок в ее комнате и, к большой радости Теодора сумели, наладить вайфай-роутер. Все помогали друг другу, и у них, наконец, возникло ощущение, что они переехали по-настоящему. Вечером они поужинали в ресторане «Pålsjö krog».

За все выходные Фабиану ни разу не позвонили на мобильный. Он даже не получил ни одного смс. Но события последних дней не шли у него из головы. Он думал о том, что случилось с Метте Луизе и что Муландер найдет в «Пежо». О Лине, которая все еще не дала о себе знать, и о том, чтобы позвонить самому и попросить прощения, и о том, как он танцевал с ней под «Реки вавилонские» в исполнении группы «Boney M.» в день своего рождения – ему тогда исполнилось двенадцать лет. Тогда он был уверен, что они с ней всю жизнь будут вместе.

Только в понедельник утром тишину нарушил звонок мобильного.

– Ты должен сюда приехать. Немедленно…

19

Густен Перссон любил раннее утро. К тому же в тот день солнце светило так, словно никогда не погаснет. Но несмотря на это, Густен уже пребывал в плохом настроении – когда сворачивал с улицы Грувгатан и объезжал главное здание, а потом парковался на одном из парковочных мест с пометкой «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА – СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ÅSTORPS BYGGVAROR».

С одной стороны, закончился отпуск, а с другой, он все выходные забивал гвозди на веранде, не получив от Инги даже улыбки. Он уже давно устал повторять себе, что с Ингой каши не сваришь. Друзья рассказывали ему, что некоторые женщины особенно тяжело переживают климакс. Но никто не говорил о том, какая это мука для мужчин.

Он отпер ворота, распахнул их, вошел в большое складское здание и запер за собой. Две недели склад был закрыт на период отпусков, и сейчас оставалось больше часа до открытия. Если не запереть ворота, есть риск, что здание наполнится клиентами за четверть часа до открытия.

Он стал думать о Таиланде и о предложении Гленна поехать туда вместе с ним зимой. Там сколько угодно доступных и в первую очередь дешевых девушек. Тогда он отказался – сама мысль внушала ему отвращение. Он никогда не платил за секс и не собирался этого делать.

Но после этих выходных он не был так уверен. Почему бы иногда не перепихнуться? Что в этом такого уж плохого? Ведь его влечение – такое же естественное явление, как и климакс Инги. Если бы было наоборот – у мужчин был климакс, а женщины становились все более и более похотливыми – проституция наверняка бы была узаконена. Тогда бы йогу в выходные заменили на секс, а желтые газеты – на порногазеты.

А есть ли он вообще, этот климакс? Последнее время Густен все больше стал замечать, что Инга на самом деле использует климакс как предлог. Пожалуй, надо спросить Гленна, есть ли возможность все-таки поехать, подумал он и открыл шкаф сигнализации.

Сигнализацию надо отключить в течение сорока пяти секунд после того, как откроешь дверь. Если не успеть, сигнализация сработает, и начнется небольшой ад с массой разговоров и кодов, чтобы все уладить. Он даже не смел думать, во сколько это может обойтись. Вначале он всегда нервничал, боясь не успеть, подбегал к шкафу и отключал сигнализацию. Теперь он точно знал, сколько длятся сорок пять секунд, и мог спокойно

подойти к шкафу. Для него стало своего рода игрой тянуть как можно дольше.

Удивительно, но сигнализация уже была отключена. Густен не мог понять, почему. Он сам забыл поставить ее, когда они закрывались перед отпуском? Или здесь уже побывал кто-то до него и все открыл? Во всяком случае, никаких машин он не видел, а за все годы, что он отвечает за открывание ворот, ему удалось перепоручить это другому сотруднику только тогда, когда он месяц провел на больничном после шунтирования.

Густен прошел в помещение и принялся за свой обычный утренний обход – зажег лампы дневного света на потолке, включил рекламные ролики и разложил товары по местам. Он никак не мог взять в толк, почему клиентам так трудно положить товары туда, откуда они их взяли. Это было почти так же непостижимо, как холодность Инги.

Он остановился и посмотрел на окно. Оно было закрыто, но крюки не заперты. Он подошел к окну, которое открывалось вверх. Провод сигнализации вроде бы в порядке. Может, поэтому сигнализация отключена? К ним забирались больше раз, чем Густен мог запомнить, но ни одного раза с тех пор, как они установили новую сигнализационную систему вот уже почти как три года тому назад. Она стоила несколько сотен тысяч, и он вспомнил, что был настроен скептически и считал, что периодические кражи обойдутся дешевле. Если их не грабили воры, то это делали охранные фирмы. Но весной они окупили стоимость и с тех пор оказались в выигрыше. Впрочем, надо еще посмотреть, что произошло теперь.

Он прервал свой обход и отправился в офис, где включил кофеварку и стал ждать, когда заработают компьютеры. Введя свой персональный логин и пароль, он вошел в компьютер, открыл лог-файл и сразу же увидел, что Гленн Гранквист отключил сигнализацию ночью в четверг в 02:33. Густен ничего не понимал. Почему именно Гленн?

«You talking to me?»

Густен Перссон прослушал автоответчик, но сам никакого сообщения не оставил. Гленн наверняка все еще спит, и надо просто подольше не класть трубку, чтобы его разбудить. Он сделал новую попытку и стал считать гудки. На седьмом сдался и нажал отбой. Может быть, он не туда попал?

Он записал номер в свой личный мобильник, но звонил со стационарного рабочего телефона. Ведь это же служебный разговор, и он не собирается его оплачивать. Густен опять принялся набирать номер,

тщательно проверяя каждую цифру. Но до последней так и не дошел. Он приклеился взглядом к монитору, который включился и стал показывать изображения с различных камер наблюдения.

В отделе дверей и окон автопогрузчик заблокировал весь центральный проход. Что он там делает? Он должен стоять в самом низу в проходе С. К тому же ракурс какой-то странный. Он придвинулся ближе к монитору, чтобы лучше видеть, но не успел – монитор переключился на другую камеру.

Густен не мог вспомнить, когда последний раз бегал. У них были электросамокаты, но у него не получалось держать равновесие, так что он предпочитал ходить, думая, что таким уж он уродился. Теперь он сожалел, что не приложил больше усилий, чтобы научиться. Отдел дверей и окон находился в самом конце здания, и он уже почти выдохся.

Мимо него по цементному полу прошмыгнула крыса. Крыс у них полно, это он знал. Но обычно они не показывались. Из-под поддона с гипсокартоном вылезла еще одна и метнулась в том же направлении, что и он. Что же случилось? Ему в голову пришла мысль, что его снимают скрытой камерой, но он моментально выбросил это из головы. Это не розыгрыш. Что бы там ни было, все по-настоящему.

Пульс строчил, как пулемет, а дыхание было, как у собаки в сорокаградусную жару. Наконец-то он завернул за угол и увидел погрузчик, действительно стоящий посреди прохода. Вот, значит, куда забрались воры. А почему бы и нет? Двери и тройные окна – из самых дорогих товаров. С разных сторон появились еще четыре крысы, которые прошмыгнули на другую сторону погрузчика.

Теперь он четко видел то, что предположил еще в конторе. Погрузчик был приподнят. Передние колеса висели в воздухе в пятнадцати сантиметрах от пола. Вилка вонзилась в дно, и между ней и цементным полом он увидел раздавленные ботинки Гленна – без всякого сомнения, именно его. Густен сразу же узнал самую крутую модель со стальными носками фирмы «Dr. Martens», которую Гленн так часто расхваливал. Но такого давления не выдержал даже «Dr. Martens». Мысли в голове Густена заметались, как сбившаяся компасная стрелка на Северном полюсе.

Звук помог ему сосредоточиться. Он раздавался с другой стороны погрузчика, и Густен сначала не понял, что это. Как будто что-то скрипело или щебетало. Стая… Он понял, что на полу полно крыс, которые бегают туда-сюда вокруг какого-то предмета с другой стороны погрузчика. Он взял себя в руки и пошел смотреть. То, что он увидел, станет преследовать его всю оставшуюся жизнь.

В глубине души он уже понял, что Гленн мертв, и внутренне подготовился к этому. Его шокировало то, что сделали крысы.

26 ноября

В душе после физры они сказали, что я гомик и смотрю на их члены. Я ничего не ответил, но они не успокоились и сказали, что я хочу у них сосать. Потом я слышал, как они смеялись в раздевалке, и боялся выйти – ждал, пока они уйдут. Моей куртки не было. Почти совсем новая пуховая куртка, про которую мама сказала, что она слишком дорогая. Она лежала в туалете вся загаженная.

Нашел похожую в магазине JC. Пошел на кассу, они там сняли защиту, положили куртку в пакет и велели заплатить, но я взял и убежал, ни разу не оглянувшись.

Несколько дней не ходил в школу, и сегодня вечером позвонила эта чертова училка и настучала на меня. Папы дома не было, а мама страшно рассердилась. Не знал, что ответить, и просто молчал. Она спросила, почему я не отвечаю. Но я ничего не сказал. Я довольно хорошо научился молчать.

Но только из-за этого она сказала, что на следующей неделе проводит меня до школы и посидит на нескольких уроках. Я сказал, что не хочу, но тогда уже она не ответила. Черт, они подумают, что это я настучал и отдубасят меня как следует. Я знаю. Точно так и будет.

К тому же у нас голубцы. А я ненавижу голубцы, и ей это известно. Но она все равно сказала, что я должен съесть все. И тут пришел папаша и стал нудеть о том, как важно ходить в школу. Черт возьми, как же я их ненавижу. Они ни черта не понимают.

PS: Вылил свои писи в питьевую бутылку Лабана. Сначала он увиливал, но потом выпил. Отвратительно.

20

Когда Фабиан Риск припарковался у склада строительных материалов «Åstorps Byggvaror», здание было оцеплено. Вокруг собралось несколько любопытных, вероятно, из числа работников. Немного поодаль стоял Утес и проводил первый допрос Густена Перссона, который еще не оправился от увиденного в отделе дверей и окон.

– Судя по всему, это тот, кто каждое утро открывает склад, – сказал Муландер. Именно он встретил Фабиана и провел его за оцепление.

– А где Тувессон? Разве она не должна быть здесь?

– Ей пришлось поехать в Мальме.

– Мальме?

– Кризисное совещание по поводу того, как уладить конфликт с датчанами. Они явно обиделись, что мы в обход начальства послали туда их собственных рядовых сотрудников, не ставя их в известность.

– Мы же звонили, но они не ответили.

– А они говорят, что не звонили.

Муландер пожал плечами и вошел в здание. Фабиан последовал за ним мимо доверху набитых складских полок, которые поднимались до самого потолка. Они дошли до длинного центрального прохода, тянувшегося через все помещение. Муландер остановился и кивнул на конец прохода:

– Вон там.

В десяти метрах от них стоял погрузчик с поднятыми передними колесами. Вокруг ходили ассистенты Муландера в голубых комбинезонах, делали снимки и брали пробы. Тело лежало на спине, ноги зажаты под вилкой погрузчика, и, насколько видел Фабиан, от них почти ничего не осталось. Остальные части тела загораживал судмедэксперт со своими ассистентами.

– Как у них дела?

– Неплохо. Но для опознания потребуется время.

– Я могу его опознать, – хотя Фабиан не видел последних фотографий Гленна, он без труда узнает его.

– Не надо, – Муландер положил руку Фабиану на плечо. – Как бы там ни было, я не хочу никого сюда привлекать, пока мои ребята и Коса не закончат свою работу. Крысы уже достаточно напачкали.

– Крысы?

Муландер кивнул:

– Но не без пользы. Пойдем, я тебе покажу. – Фабиан последовал за Муландером в другой конец помещения.

– Они снуют в поисках еды, и если идти по их следу, видно, что вон там им было, чем поживиться. – Муландер свернул с центрального прохода, прошел дальше между двумя рядами полок и увидел укромное место под маленьким окном, которое было не заперто. – Думаю, он ночевал здесь, но главное – он тут ел.

Фабиан посмотрел на бетонный пол, но никаких объедков не увидел.

– Но ведь крысы все подъели, так?

– Все, кроме вот этого, – Муландер показал пакет для вещдоков с лежащей в нем оберткой из «Макдональдса». – Если я не ошибаюсь, это «Чили Макфест Де Люкс», редкое блюдо для «Макдональдса». Оно продается только один день в неделю и не во всех ресторанах сети. Если он купил это в каком-нибудь ближайшем ресторане, считай, нам повезло.

– Привет, путь свободен! – в рации Муландера послышался трескучий голос, и они направились обратно к поднятому погрузчику.

– Что скажешь о судмедэксперте?

– Эйнар Грейде? Хотя он похож на пережившего зиму хиппи, который только и делает, что несет чушь и курит, это один из самых лучших патологоанатомов в стране. Он сам предложил прийти сюда до того, как мы переместим тело, а это говорит о многом…

Муландер прервался, увидев судмедэксперта, идущего им навстречу. Его длинные седые волосы с серебристым отливом были заплетены в две косички, а эспаньолка – в одну. На шее позвякивали амулеты, а вязаные цветастые брюки под защитным полиэтиленовым халатом напоминали два мороженых «Твистера».

– Во всяком случае, он один из лучших. – Муландер исчез с одним из своих ассистентов.

– Привет! Эйнар Грейде. А ты, наверное, Фабиан Риск, – Грейде протянул руку, на каждом пальце которой было как минимум по одному кольцу, и обменялся с Фабианом рукопожатием. – Впереди у нас много интересного, – продолжил он, потянув себя за бороду. – Этот преступник, он, черт возьми, хорошо знает свое дело.

– И что ты можешь сказать?

– Все по порядку, и начнем с первого пункта списка.

Грейде дал ему пару свернутых бахил и защитную шапочку. Фабиан натянул бахилы на свои кеды, надел шапочку и вслед за судмедэкспертом обошел погрузчик, с противоположной стороны которого на спине лежало безжизненное тело.

Обе руки были вытянуты вдоль туловища и привязаны к бедрам ремнями. Нижняя часть голени скрывалась под вилкой погрузчика, а от ступней и ботинок остались только сгустки крови на бетонном полу. Фабиан оглядел все тело и понял, почему Муландер так много говорил о крысах, и прежде всего, почему не верил, что Фабиан сможет опознать убитого.

Не было не только ступней, но и лица. Все съедено. Исчезло. Глаза, губы, рот. Осталась только мясистая красная масса в обрамлении волос. Носовая кость, скулы и зубы выступали вперед как доказательство того, что здесь все-таки лежит человек. Это было настолько непохоже на лицо, что даже не вызывало особого отвращения.

Фабиан поднялся. У него не было ни малейшего сомнения. Хотя рассмотреть что-либо было невозможно, он был уверен, что это Гленн. Он здесь работал, он пропал, и он пинал ногами, когда они с Йоргеном нападали на Клаеса.

Все совпадало.

Эйнар Грейде кивнул своим помощникам, и они осторожно повернули тело на бок. Потом он сел на корточки и показал маленькую рану на шее.

– Как видишь, он получил сильный удар в заднюю черепную кость, от такого удара почти всегда вытекает довольно много крови. – Грейде показал на кровь, которая свернулась в волосах вокруг раны. – Но посмотри на пол под раной, там ничего нет. Вообще никакой крови. – Он посмотрел Фабиану в глаза.

– Значит, этот удар ему нанесли раньше?

Грейде просиял:

– А он соображает, этот новенький! – оповестил он всех окружающих, одновременно жестом велев своим людям положить тело в мешок. – Пойдем. Мой врач говорит, что я слишком мало двигаюсь.

Фабиан пошел с Грейде по пустому зданию, вдоль полок, уставленных мечтами о новом, более красивом жилище.

– Так что есть шанс, что он умер до того, как сюда попал?

– Нет, но рана на затылке появилась раньше, – сказал Грейде и взял целую горсть конфет из вазочки, стоящей на прилавке в отделе красок. – Он умер трое-четверо суток назад.

– Получается, в четверг или в пятницу?

Грейде кивнул.

– И хотя пока все вилами по воде писано, похоже, смерть наступила в результате кровопотери. На лице. – Он развернул обертку и сунул конфету в рот. – Если бы не крысы, из-за которых раны на лице оставались

открытыми, он, возможно, был бы еще жив.

– Так что он должен быть благодарен?

– Ну, это как посмотреть.

– Если по плану жертва должна была умереть, крысы тут не случайно?

– Мне нужно больше времени, но не удивлюсь, если лицо намазали чем-то вкусненьким.

– Например?

– Мед. Селедочное масло. Печеночный паштет. Они едят практически все что угодно.

Зазвонил мобильник Фабиана. Это была Тувессон:

– Они нашли девушку.

21

«ПОЧЕМУ? СПРОСИ ФАББЕ».

Фабиан сидел напротив Тувессон в ее кабинете, уставившись в написанную от руки записку, и без конца перечитывал три слова. «Почему? Спроси Фаббе».

Более чем правомерный вопрос. Как он мог так глупо поступить? Он втянул невинную девушку в расследование и подверг ее смертельной опасности.

Теперь она была мертва, и преступник выразился яснее некуда. Метте Луизе Рисгор не входила в его планы.

– Датчане нашли ее в багажнике машины, – сказала Тувессон, сдерживая злость.

– А записка?

– Засунута ей в рот.

Фабиан закрыл глаза и ощутил, как его все глубже тянет вниз. То, что беспокоило его все выходные, стало фактом.

– Фабиан. Нет никакого сомнения, что расследование сделало большой и во многих отношениях значительный шаг вперед. Но цена… Этому нет никакого оправдания. У датчан теперь есть полицейский, который находится между жизнью и смертью, и убитая молодая девушка. Они обвиняют нас – шведскую полицию.

– Шведскую полицию? Это моя ошибка.

– Ты совершенно прав. Но я стою за своих людей. – Она посмотрела ему в глаза. – Хотя они отправляются в одиночные турне, не ставя меня в известность и не получив от меня добро. Но, конечно, это твоя ошибка, и тебе с ней жить.

Фабиан кивнул. Он не мог с ней не согласиться и задумался над тем, научится ли он когда-нибудь лучше предвидеть последствия.

– Я только что из Мальме. Они так же, как и мы, получили от датчан заявление. Мы с Бенгт-Оке Перссоном решили проводить единую линию и защищать наши действия. Мы пытались, несмотря ни на что, связаться со Слейзнером, но тот полицейский предпочел поехать совсем один, действуя на свой страх и риск вопреки всем мыслимым правилам, за что мы не можем взять на себя вину.

Фабиан четко понимал, куда клонит Тувессон. Она потребует вернуть бейджик и пропуск и отстранит его от следствия. Это единственное

разумное решение. Проблема только в том, что ему было слишком поздно выходить из игры. Это не просто еще одно дело. Это дело теперь касается его лично.

Почему? Спроси Фаббе.

– По-хорошему мне следовало бы отстранить тебя от расследования и отправить догуливать отпуск. Но… – она замолчала, словно ей надо было еще подумать. – К сожалению, я считаю, что следствие в тебе нуждается. – Она встала. – Нас ждут.

Утес, Муландер и Лилья уже были на месте, когда Фабиан и Тувессон вошли в комнату для совещаний. Никто ничего не сказал, но было ясно, что все знают о третьей жертве, молодой датчанке, которая не имела отношения к делу, – Фабиан просто дал ей поручение.

– Теперь, когда мы все в сборе, для начала хочу сказать, что Фабиан остается, несмотря на последние события.

Утес с Муландером кивнули и улыбнулись Фабиану. Лилья же и бровью не повела.

– Ирен? Ты против? – спросила Тувессон, но Лилья покачала головой. – Хорошо. Потому что сейчас как никогда важно, чтобы мы действовали как единая группа и поддерживали друг друга. – Она поочередно обвела пристальным взглядом всех, за исключением Фабиана. Но яснее не скажешь. Слова были обращены к нему и никому другому. – О’кей, тогда начнем.

Они обсудили ход последних событий. На доску повесили фотографии Гленна Гранквиста в зрелом возрасте вместе с фотографиями с места убийства и фотографиями двух подозреваемых – Клаеса Мельвика и Руне Шмекеля.

– Игнвар, я знаю, что вы еще не закончили. Но нашли ли вы что-нибудь еще, кроме той обертки из «Макдональдса»?

– В принципе да, нашли, – ответил Муландер и продемонстрировал пакет для вещдоков с толстым черным фломастером внутри. – К сожалению, он, как и следовало ожидать, совершенно чистый и может скорее рассматриваться как доказательство того, что преступник не лишен чувства юмора. Или считает, что распечатка нового фото для каждой жертвы только загрязняет окружающую среду. – Муландер вытащил фломастер из пакета, подошел к доске и перечеркнул Гленна на увеличенной фотографии класса.

Тувессон вздохнула и покачала головой:

– Он с нами играет.

– А что с «Пежо»? – спросил Фабиан. – Он едет к нам?

– К сожалению, на все нужно время, – отозвалась Тувессон. – Если я правильно понимаю Слейзнера, он постарается затянуть дело и дать возможность раскрыть его своему собственному отделу.

– Еще чего, это же наше расследование, – сказал Утес.

– А они считают, что их. У них и убийство молодой девушки, и полицейский между жизнью и смертью, которого газета «Экстра Бладет» уже наверняка назвала героем десятилетия.

– Какого десятилетия? Десятые годы ведь только начались, – заметил Муландер.

– Мы не можем заседать весь день. Как там со следом из «Макдональдса»? – спросила Тувессон.

– В радиусе двадцати километров от Осторпа находится восемь «Макдональдсов», – сказал Утес. – Но только шесть из них подают «блюдо дня». Один в Энгельхольме, три в Хельсингборге, один в Эдокре и один в Хюллинге.

– А когда продается «Чили Макфест Де Люкс»? – спросил Муландер.

– По четвергам. Так что все совпадает.

– Надо объехать рестораны и проверить, узнает ли кто-нибудь из сотрудников Мельвика или Шмекеля. Возьмешься, Утес? – предложила Тувессон.

– Оки-доки.

– А это я хотела бы поручить тебе и Фабиану, – Тувессон показала документ и протянула его Лилье.

– Was ist das?[14]

– Обыск в доме Шмекеля.

– Как тебе это удалось? – удивился Утес. – У нас нет ни четкого мотива, ни технических доказательств. Пока что на него указывает только его машина.

– Которая наверняка украдена, – предположил Муландер.

– Но заметь, он не заявил об угоне, – сказала Тувессон.

– В суде это никогда не примут в расчет, – продолжал Утес. – И если я хорошо знаю Стину Хегсель, именно так она и сказала.

– Именно так. Но ее бывший муж, очевидно, был датчанином.

Фабиан опустился на стул Хуго Эльвина; в голове не было ни одной мысли. Он находился в смятении. Казалось, в расследовании ничего не стыкуется. Он был прав относительно Гленна и его раздавленных ступней, которые вместе с отпиленными кистями Йоргена наводили все подозрения на Клаеса Мельвика. Если у кого и был мотив, так это у него. Но куда он

делся? Лилье ничего не удалось найти на него после 1993 г. Он словно растаял как дым.

А кто такой Руне Шмекель на самом деле? Человек, машину которого просто украли, пока он находится в отпуске, или он также имеет какое-то отношение к Йоргену и Гленну? Причем, помимо класса. Может быть, это вообще не связано с классом? Может быть, фото класса – попытка повести их по ложному следу? Он откинулся на стул и понял, что чем больше он размышляет и пытается понять, как все взаимосвязано, тем дальше уходит от разгадки.

Он решил взять паузу и выдвинул самый верхний ящик письменного стола Хуго Эльвина, который оказался пустым. Удивившись, что в ящике вообще ничего нет, выдвинул следующий. Он также оказался совершенно чистым, как и третий. А вот четвертый и последний был заперт – явный сигнал, что господин Эльвин не хочет, чтобы кто-то рылся в его вещах, подумал Фабиан.

– Вы позвонили Рискам. Говорит Матильда Риск.

– Привет, Матильда. Это папа. Просто хотел узнать, как вы там?

– Знаешь, в подвале живет привидение, – Матильда говорила так, словно речь шла о жизни и смерти. – Мы с мамой спустились туда, чтобы найти ее кисти, и тут перегорела одна из ламп. Мы ее поменяли, но вторая лампа тоже перегорела.

– Наверняка это просто короткое замыкание.

– Нет, мы проверили пробки, с ними все в порядке, и мама говорит, что там действительно есть привидения.

– В таком случае, это добрые привидения. Да, кстати, а мама дома?

– Маааммааа! Это папа! Он не верит, что у нас привидения!

– Привет…

Фабиан попытался угадать настроение Сони по ее тону, но что-либо понять было невозможно. Он звонил, чтобы рассказать, что следствие уже сидит у него в печенках и что вдобавок ко всему у него теперь на совести смерть молодой женщины. Ему надо было с кем-то поговорить, рассказать о своих чувствах. Но не сейчас. И уж точно не с Соней.

– Значит, вы навещали привидения в подвале? Они милые?

– Я знаю, что ты в такие вещи не веришь. Но чтобы ты знал: подвал слишком маленький.

– Что значит маленький?

– Он меньше, чем должен быть. Там как будто есть еще одна комната, но нет двери.

– Может быть, эта площадь относится к соседнему дому? Не знаю.

– Да, может быть. Но мы нашли печь. Ты знал, что там есть печь?

– Нет. Что за печь?

– Печь для выпекания хлеба, которая топится дровами, такое углубление в стене. Довольно большое. Мы с Матильдой хотели проверить, работает ли она.

– Думаю, не стоит. Может быть, я ослышался, но мне показалось, что риелтор вроде сказал, что дымоход запаян.

– Вот как, жаль.

Фабиан сразу же понял, что это за печь. У родителей его мамы в их доме в Вермланде была похожая, и не было ничего прекраснее, чем когда ее топили. Мало того что они пекли в ней хлеб и пиццу, они еще и обогревали ею большую каменную лежанку в гостиной. Дедушка ею очень гордился. Он сам ее сконструировал и сложил так, что горячий дым проходил через лежанку и только потом уходил в дымовую трубу.

Однажды он залез в печь и спрятался в ней, когда они с сестрой играли в прятки со своими кузенами. У них не было ни единого шанса найти его, и он просто лежал и наслаждался теплом остывающей печи, которую топили за день до этого. Он даже заснул, и его случайно нашли через час, когда бабушка хотела ее растопить. Только став взрослым, он понял, как на самом деле это было опасно.

– Кстати, а ты сегодня разговаривал с Тео?

– У меня не было никакой возможности. У нас новая жертва.

– Опять одноклассник?

– Да, Гленн Гранквист, лучший друг Йоргена Польссона.

– Боже… А есть ли риск, что…

– Соня, мы не знаем. Сейчас у меня такое чувство, что следствие может пойти куда угодно.

– Да, понимаю, – сказала она со вздохом. – Я правда надеюсь, что вы раскроете преступление.

– У нас нет выбора.

– Да, выбора у вас нет. Не хочу обременять тебя еще больше, но попытайся, пожалуйста, позвонить Тео в течение дня. Знаешь, теперь, когда он может подключаться к Интернету, он отказывается выходить из своей комнаты и как прикованный сидит перед компьютером.

– Обещаю, что попытаюсь.

– Я тебя люблю.

– А я тебя.

Они положили трубки, и Фабиан стал думать над тем, почему Теодор так себя ведет. Он действительно мало разговаривает и в основном сидит

один в своей комнате. Когда они ходили купаться, сын погружался под воду, предварительно отплыв от всех остальных. Но разве это не вполне естественное поведение в четырнадцать лет? Разве он сам не вел себя точно так же со своими родителями?

Но, по мнению Сони, все обстояло как раз наоборот. Она считала, что на самом деле Теодору не хватает отца и ему очень нужен, как она часто говорила, пример мужчины, который приходит домой раньше десяти вечера. И в этом она, понятно, была права. Но этого объяснения мало. Сам Фабиан подозревал, что из-за переезда Теодор еще больше замкнулся в себе.

Он набрал номер сына, и пока шли гудки, стал листать школьный альбом, который принес из дома. Класс за классом с рядами прыщавых подростков с такими прическами, как будто над ними проводили эксперименты.

– Здорово, – послышался усталый голос на другом конце.

– Привет, Тео. Что делаешь?

– Ничего особенного. Играю.

Этим Теодор занимался всегда. Целыми днями он носился по разбомбленным городам в поисках солдат противника. По убеждению Фабиана, большинство молодых людей могли отличить компьютерные игры от действительности. Но Теодор проводил за компьютером так много времени, что это не могло не вызывать тревоги.

– Знаешь, я понимаю, что тебе нелегко, когда все твои друзья остались в Стокгольме. Но могу гарантировать, что как только в августе ты пойдешь в школу, ты…

– Тебя просила позвонить мама?

– Нет, но она говорит, что ты целый день сидишь в своей комнате и ничего не хочешь делать.

– А здесь и нечего делать.

– Здесь есть что делать. Не стоит думать, что Хельсингборг – это маленькая дыра с киоском с бургерами на площади, где гуляет ветер.

– Ну и что мне надо делать?

До Фабиана дошло, что он понятия не имеет. Наверняка есть масса занятий. Но каких? Хельсингборг уже не тот город, из которого он уехал. Он поменял кожу и из захолустного шведского городка превратился в маленькую жемчужину, которая передней стороной обратилась к проливу и поняла, что уличные кафе и прогулочные дорожки ведут к успеху. Вот только Теодора уличные кафе и прогулочные дорожки интересовали очень мало. К тому же он, конечно, был по-прежнему разочарован, что его не

пустили на рок-фестиваль Sweden Rock.

– А как насчет того чтобы сегодня вечером вместе выйти в город и что-нибудь придумать? – услышал он собственный голос и почувствовал, что прыгает со скалы без парашюта.

– Типа чего?

– Не знаю. Мы можем где-то поесть, а потом пойти в кино, например. Попробуем узнать, есть ли здесь какие-нибудь стоящие концерты.

– Я уже узнал. Есть только концерты во дворце Софиеру.

– Да? И кто же там выступает?

– Никто. Только такие группы, как «The Ark», «Kent», «Robyn» и все такое.

– Мы могли бы сходить послушать «Kent». Ты не против? У них ведь довольно много крутых композиций… – Фабиан сам понял, что несет чушь, и прикусил язык.

Лилья прошла мимо и кивнула ему, приглашая пойти с ней.

– Ну ладно, мне пора заканчивать. Ты подумай, и попозже мы созвонимся.

– Конечно.

Больше Тео ничего не сказал, и Фабиан положил трубку.

22

Чтобы замок было труднее взломать, в цилиндр вставили несколько ограничителей из закаленной стали, а штифты на наружных пружинах укрепили особо твердым хромом. Это был не обычный замок, а замок с семью тумблерами со сверхвысоким уровнем защиты. Чтобы его открыть, недостаточно поднять ключом штифты на нужную высоту. Их также надо повернуть в правильном направлении. Сейчас ключа не было. В замочную скважину входило алмазное сверло толщиной шесть миллиметров с водяным охлаждением и точностью до сотой доли миллиметра, чтобы не дотрагиваться до ограничителей, и взламывало штифт за штифтом.

Через несколько минут слесарь смог вынуть сверло из замочного цилиндра, вставить в отверстие крюк, повернуть его и открыть дверь.

Фабиан Риск и Ирен Лилья вошли в крошечную прихожую, пол которой покрывала груда почты, рекламы и бесплатных газет. На самом верху лежал июльский номер «National Geographic» с проломленным черепом на обложке и заголовком на английском «Этой женщине четыре миллиона лет». Прихожая вела в помещение с открытой планировкой, где гостиная располагалась слева, а кухонная зона – справа. Впереди была лестница, ведущая на верхний этаж. Дом, находящийся в старом квартале Лунда и построенный в XVIII веке, обновили заботливой рукой, и он смотрелся свежо и современно.

Вообще-то Фабиан предпочитал в первый раз заходить в дом жертвы – или, как в этом случае, подозреваемого – в одиночку. С ним должны говорить комнаты, и никто другой. Все могло стать зацепкой, которая поведет дальше. Малейшая деталь могла оказаться именно тем элементом пазла, которого им не хватало, чтобы увидеть целое. Похоже, у Лильи был тот же подход. Не сказав ни слова, она поднялась по лестнице и скрылась из виду.

Как точно заметил Утес, у них не было конкретных доказательств того, что Руне Шмекель – человек, которого они ищут. Но теперь, когда Фабиан стоял посреди гостиной и медленно обводил ее глазами, он чувствовал: со Шмекелем что-то не так. Что-то не сходится. Кто, собственно, такой этот Руне Шмекель?

Комната была обставлена со вкусом – в ней стояли классический диван Newport из светло-коричневой потертой кожи под винтаж и просиженное кресло Bruno Mathsson со скамеечкой для ног у окна. Телевизора не было.

Зато имелась стереосистема «Bang & Olufsen». На стенах висело несколько черно-белых фотографий в рамках, изображающих пересеченную местность вокруг старого города с нагромождением домов. Насколько Фабиан смог определить, снимки были сделаны не в Дании и не в Швеции. Вероятно, где-то на юге Европы. Но была ли это Испания, Италия, Португалия или Греция, он не имел ни малейшего представления.

Цветов на подоконниках не было, каких-либо признаков домашних животных также не наблюдалось. Если не считать тонкого слоя пыли, в доме было чисто и убрано. Похоже, все стояло на своих местах. Подготовил ли Шмекель свое исчезновение, или он просто педант, который произвел уборку перед отъездом в отпуск?

Фабиан подошел к висевшей на стене стереосистеме и включил ее. Засвистел диск, и скоро из маленьких динамиков полилась классическая музыка. Фабиан почти не разбирался в классической музыке. При этом нельзя сказать, чтобы он не давал ей шанса. Он делал это множество раз, но каждый раз приходил к выводу, что это не для него. Точно так же, как гольф и охота. И марочные вина.

На обложке, стоявшей на музыкальном центре, он прочел: Фантастическая симфония, Берлиоз.

Он осторожно сел в кресло, откинулся назад, и его поразила широта и глубина звука. Он видел только маленькие спутниковые динамики, но скоро понял, что за диваном стоит настоящий сабвуфер. Сам он за несколько лет вложил пугающе большую сумму в свое оборудование хай фай, и умудрился довести Соню до слез, когда показал ей новые динамики – пару Bowers & Wilkins 802 Diamond. Теперь, задним числом, он мог согласиться, что это не самые красивые ящики. Но звучали они фантастически.

Он положил ноги на скамеечку, закрыл глаза и понял, что именно так и надо наслаждаться классической музыкой. Красивое кресло, хорошая установка и в первую очередь… полное одиночество. Вот такие дела. Он открыл глаза. Шмекель был одинок. Вся комната излучала одиночество. Вероятно, у него нет ни родственников, ни друзей. И в свободное время он читает и слушает музыку. Совершенствуется.

Фабиан встал с кресла и подошел к противоположной стене, которую всю от пола до потолка занимал один встроенный стеллаж. В одном отсеке стояли CD-диски, в основном опера, классическая музыка и немного джаза. Но большая часть полок была заставлена книгами и снова книгами. На двух полках стояла классика. На остальных – отраслевая литература, разделенная на несколько подразделов, таких как «Медицина», «Самооборона и боевой спорт» и «Физика и Биология» – все помечены

маленькими этикетками фирмы «Dymo». В подразделе «Психология» было несколько книг с названиями типа: «Я не хочу умирать, я просто не хочу жить»; «Это не моя вина: об искусстве брать ответственность»; «Оскорбления и прощение» и «Управление гневом: полное руководство по лечению для практикующих врачей» на английском.

Сначала у Фабиана создалось впечатление, что здесь живет одинокий, но довольно гармоничный человек. Человек, который наслаждается дарами жизни. Но чем больше названий он видел на книжных полках, тем четче проступал другой образ. Образ человека с низкой самооценкой. Подавленного. Может быть, даже прошедшего через издевательства.

Он вытащил фотоальбом и раскрыл его. Первыми шли фотографии из поездки куда-то на юг Европы. Потом снимки празднования Хэллоуина в отделении больницы в Лунде, где работал Шмекель. На одном из фото он стоял в окровавленной одежде палача и ел отрубленный палец из марципана. Такое фото не захочешь показывать посторонним людям после скандала с забытыми пластмассовыми зажимами. На этом снимки заканчивались. Фабиан стал листать дальше, но больше ничего не нашел.

Все дело в новых технологиях. Никто больше не проявляет свои снимки. Вместо этого они лежат на жестком диске в каком-нибудь нечитаемом формате. Теперь на книжных полках в домах можно найти только старые фотографии. Аккуратно вклеенные в альбом и с написанными от руки комментариями. Здесь же все было наоборот.

И тут его осенило.

Фабиан обвел комнату взглядом и понял, что в ней нет ни одного предмета времен детства или юности Шмекеля. Никаких старых ностальгических пластинок «Kiss» или «The Who», или, как у него самого, «Duran Duran». Здесь были только «взрослые пластинки» для зрелых слушателей с хорошим вкусом. То же самое с книжным стеллажом. Никакого «Автостопом по галактике» или «Тайного дневника Адриана Моула». Словно юность Шмекеля стерли подчистую.

Словно она никогда не существовала.

Фабиан перешел из гостиной в кухню и осмотрелся. В баре с охлаждением французские вина были расставлены по регионам и годам. Руне явно был педантом до кончиков пальцев. Фабиан открыл холодильник из нержавеющей стали.

Такой вони он никак не ожидал, и его чуть не вырвало. Он предполагал, что холодильник будет пустой и чистый. Оказалось, наоборот. Помимо гнилых овощей и просроченного молока, там стояла тарелка с половинкой краба. Краб, которому пришел конец, мог до смерти напугать

кого угодно. Оставлять свежего краба в холодильнике – не в духе Шмекеля. Иными словами, он не планировал отъезд из дома.

Не будучи уверенным, действительно ли это что-то значит или это преднамеренно спланированный фальшивый след, Фабиан продолжал искать на кухне другие зацепки. Полки в шкафу ни о чем не говорили, ровно как и кладовая или морозильник. Напоследок он прошелся по ящикам. В первом ящике лежали приборы. Во втором – кухонные инструменты. Третий был набит предметами, с которыми обычно не знаешь, что делать. Ручки, ластики, монеты вышедших из употребления валют, резинки, скотч, пустой блокнот и несколько ключей, причем один из них напоминал автомобильный. Фабиан достал его и осмотрел.

На ключе было выгравировано «Пежо».

У него возникла идея, и он положил ключ в карман.

23

Холодные стальные стенки сдавливали левую половину ее голого тела. С правой стороны места было не больше. Максимум три-четыре сантиметра. Она лежала в очень тесном помещении. К тому же темном. Даже если зажечь сильную лампу, светлее не станет. Вдобавок было еще и холодно, а именно минус двадцать два градуса. Но хотя она лежала голой на спине, ей совсем не было холодно.

Дуня Хоугор ненавидела ждать. Заставлять других людей ждать было для нее верхом неуважения. Тратить чужое время, как будто оно не такое же драгоценное, как и твое собственное. Оскар Педерсен, как обычно, опаздывал, и поэтому Дуня по собственной инициативе подошла к стене с холодильными камерами и выдвинула камеру с маленькой сделанной от руки надписью «Метте Луизе Рисгор». Она посмотрела на молодую женщину, лежащую голой на спине, с темными волосами, обрамляющими лицо, словно веер. Красивая и, если не считать пирсинга на губе и татуировки с алмазом на правом плече, в каком-то смысле неиспорченная. Жизнь еще не начала тяготить и накладывать свой отпечаток. Ее опередила смерть.

И все же девушка выглядела как живая. Как будто просто крепко уснула. Какое расточительство.

Дуня не могла понять, чем руководствовалась шведская полиция, не связавшись с ними. Ведь наверняка шведы прекрасно осознавали, что на заправке находится крайне опасный преступник.

Дверь за ней открылась, и со своей обычной наглой улыбкой вошел Оскар Педерсен. Улыбка означала: понимаю, что опоздал, но меня это очень мало волнует.

– Привет, красавица. Я так и думал, что ты не сможешь сдержаться. Что-то выяснила?

– Я пришла, чтобы услышать, что ты скажешь.

– Какой лакомый кусочек потеряли, так ведь? Сколько радости она могла бы еще доставить, – он засмеялся над собственной шуткой и опустил боковины камеры.

Дуне никогда не нравился Оскар, и она была уверена в том, что он стал судмедэкспертом по ошибке. Как только на его стол попадала жертва женского пола, у него сильно улучшалось настроение. Особенно если это была молодая женщина. К сожалению, он был одним из лучших датских

патологоанатомов, и за его почти тридцатилетнюю карьеру не было такого, чтобы он упустил зацепку или затруднился назвать причину смерти.

– Этот преступник знает, как лишать людей жизни. Посмотри. – Он откинул голову жертвы назад так, что обнажилась шея, после чего повернул голову сначала в одну, а потом в другую сторону. – Видишь?

Дуня кивнула. С обеих сторон на шее было два маленьких синяка.

– Он задушил ее так называемой щипцовой хваткой, при которой используют только большой и указательный палец. Вот так, – Оскар продемонстрировал на своих пальцах перед лицом Дуни. – Это один из самых эффективных способов удушения человека руками.

– О’кей. – Дуня постаралась не отпрянуть от его когтистой руки.

– Гораздо лучше, чем, как делает большинство любителей, зажать всю шею. Они мало того что задействуют обе руки. Нужно минимум пятнадцать минут, чтобы жертва откинула копыта. Если бы люди так хорошо знали свое дело, как он, в мире было бы меньше страданий.

Дуня не была уверена, что это шутка, и решила принять его слова всерьез.

– Ты хочешь сказать, что преступник изучал различные способы умерщвления?

– Вполне возможно. Но на самом деле надо лишь неплохо разбираться в анатомии и, в первую очередь, сохранять достаточно хладнокровия.

Дуня вошла в лифт и нажала на зеленую кнопку. Она почувствовала, как поднимается вверх, и что ей сразу же стало легче дышать. Ей никогда не нравилось находиться под землей, и она не могла понять, почему отделы судмедэкспертизы в больницах всегда располагаются в подвалах. Покойникам все равно, а сотрудникам нет. Сама она никогда не выдерживала там больше тридцати минут.

Она с удовольствием поднялась бы еще на несколько этажей и поговорила с Мортеном Стенструпом. Но он по-прежнему лежал под наркозом на операционном столе, и врачи пока что не могли дать никаких прогнозов. Ей оставалось только надеяться. Не только ради него самого и его близких, но и ради следствия. Именно сейчас раненый полицейский был ее единственным шансом выяснить, что на самом деле произошло на заправке в Леллинге.

Проходя мимо киоска Центральной больницы, она обнаружила, что его лицо теперь красуется на первой полосе всех газет. За выходные он превратился в национального героя. Маленький полицейский из Кеге, который не хотел сдаваться и продолжал бороться, несмотря на то, что

действовал в одиночку и был тяжело ранен. По мнению Дуни, это верх глупости. Его поведение не только противоречило всему, чему их учили в Высшей школе полиции. Оно противоречило всякому здравому смыслу. Но разве людей это волнует? Им нужен герой, а то, что он к тому же находился между жизнью и смертью, только добавляло ему героизма. Возможно, было бы еще лучше, если бы он был бегемотиком, подумала она и вышла из вестибюля.

Она проехала на велосипеде по улице Равнсборггаде мимо театра Нерребру и свернула налево на улицу Нерребругаде, когда зазвонил мобильный. Она ответила, не останавливаясь.

– Ты меня искала, – сказал Кьель Рихтер, их криминалист.

– Да, как там «Пежо»? – спросила Дуня.

– Все складывается удачно. Сейчас они должны подъехать к полиции. Я связался с компанией «Пежо» и по номеру шасси заказал ключ, но на это уйдет как минимум две недели, ведь сейчас все в отпусках.

– Значит, ты еще не начал его осматривать?

– Когда мне было это делать? Я еще в Леллинге. Ты когда-нибудь была здесь? Дыра дырой. К тому же не мог работать в выходные, поскольку и у Агнес, и у Мальте болят животы, а Софи не может все время сидеть с ними.

– Спокойно. Я все понимаю.

Благодаря бога за то, что у нее нет детей, Дуня проехала по мосту Королевы Луизы, соединяющему острова. Люди упорно выходили сюда на пробежку, хотя пробежать один круг в выхлопных газах было не полезнее, чем выкурить полпачки сигарет.

– О’кей, но тогда нам надо переправить машину в Швецию. Насколько я понимаю, они ее ждут не дождутся.

– Именно это я и предложил Слейзнеру. Но пока конфликт со Швецией не разрешится, они явно ничего не получат. И ты знаешь, на что он похож, когда он в таком настроении.

Дуня знала. И слишком хорошо. Если испортить с ним отношения, можно паковать вещи и уезжать из страны. Но после зимних событий она решила, что никогда не позволит ему опять повести следствие в неправильную сторону. Хотя он был как злой барсук, который не ослабит хватку, пока не услышит хруст сломанной кости. Истории о нем она слышала еще в Высшей школе полиции. Тогда она посчитала их легендами. Теперь, когда он был ее начальником, она знала лучше.

– Но мы не можем допустить, чтобы две недели до машины никто не дотрагивался. Пусть лучше шведы приедут сюда и осмотрят ее на месте.

– Я в это не вмешиваюсь. Если у тебя есть желание ругаться со Слейзнером, ради бога. Только потом, когда запахнет жареным, на меня не рассчитывай.

Они закончили разговор, и у Дуни еще больше испортилось и без того плохое настроение, если это вообще было возможно. Она задумалась над тем, есть ли, помимо упертого Слейзнера, какие-либо аргументы против их сотрудничества, и, проезжая площадь Культорвер, решила, что, как только доедет до работы, свяжется со шведской полицией в Хельсингборге. Наверняка там есть кто-то одного с ней мнения.

24

– Так вот ты где. Нашла что-нибудь интересное?

Фабиан Риск вошел в спальню на верхнем этаже. Ирен Лилья стояла за односпальной кроватью, склонившись над стопкой книг на ночном столике, и просматривала названия. Здесь также стояло стерео «Bang & Olufsen», а на одной стене висело еще несколько увеличенных фотографий той же местности, что и внизу в гостиной.

– Не знаю, – она развела руками. – Честно говоря, я его не понимаю. С одной стороны он, похоже… Как бы это выразить? Здраво мыслит и полностью контролирует свою жизнь. Хороший вкус. Начитан и почти болезненно педантичен.

Фабиан кивнул. Лилья пришла к тому же непростому выводу, что и он сам.

– Но тут находишь вот что, – она протянула синюю тетрадь с написанным от руки названием «Мой сонный дневник».

– Сонный дневник? Что это такое?

– Открой и увидишь.

Фабиан открыл тетрадь, исписанную от корки до корки. Текст шел с обеих сторон страницы. В правом верхнем углу каждой страницы стояли дата и время. Фабиан вслух прочел абзац:

> *Двадцатое мая 1994 года. 03:12. Бежал как можно быстрее, но все равно получилось как в замедленной съемке. Они подходили все ближе и ближе. Волки с острыми зубами. Подошел к лифту и нажал на кнопку. Но ничего не произошло. Постучал изо всех сил. Двери открылись. Слишком медленно. Они догнали. Я ничего не делал. Хотел, но не мог. Как парализованный. Только стоял и получал. Хотел плюнуть им в лицо, но не посмел даже этого. Самый младший, наверное, лет восьми, подошел и пихнул меня. Был совершенно неподготовлен, потерял равновесие и просто упал с обрыва…*

Фабиан замолчал и поднял глаза от тетради.

– Значит, он записывал сны?

Лилья кивнула, взяла у него дневник и пролистала его до конца.

– Послушай вот это. Двенадцатое сентября 2001 года, 05:38.

Он лежал внизу, а я бил и пинал так, что мои белые кроссовки Nike стали красными. И все же я продолжал, пока лицо не перестало быть лицом.

Она посмотрела на него.

– Сам слышишь. Во всяком случае, он не вполне здоров.

Фабиан не мог не согласиться и рассказал о книгах о самопомощи, которые нашел в гостиной. Они договорились, что дальше Муландер должен основательно осмотреть весь дом в поисках следов. Они вышли из спальни, но на выходе из верхнего холла Фабиан вдруг остановился и повернулся к Лилье.

– А чердак ты проверила?

– Нет, здесь, похоже, нет никакого чердака. Я проверила все комнаты.

– Тогда для чего ему это? – Фабиан снял с гвоздя на дверной раме длинную узкую стальную палку с крючком на одном конце, выкрашенную в белый цвет.

Лилья пожала плечами, а Фабиан начал обходить верхний этаж, глядя на потолок. Она права. Ни в одной из комнат он не увидел чердачного люка. И только встав на стул и начав осматривать висевшую в холле люстру, напоминавшую перевернутый зонт, он обнаружил скрытый люк. С помощью стальной палки он потянул его вниз, и раскрылась крутая лестница.

По этой лестнице они забрались наверх и попали на темный чердак с таким низким потолком, что им пришлось очень сильно пригнуться. Когда Лилья зажгла свет, Фабиан отметил про себя, что совсем не понимает, что за человек Шмекель. Точно так же, как в его собственном доме на улице Польшегатан, этот чердак был оборудован под мастерскую, хотя и был значительно меньше, чем у Сони, и без слуховых окон. К тому же в горшках стояли чистые кисти щетиной вверх, а тюбики с красками были разложены по оттенкам. Здесь вообще не было ни следа того творческого хаоса, к которому он привык у Сони.

– Черт возьми. Посмотри сюда, – Лилья подняла одну из картин и поставила ее на мольберт.

Хотя она была выполнена схематично, толстыми мазками и яркими красками, было понятно, что на картине изображена проломленная голова человека. Соня наверняка бы сказала, что Шмекель одарен, а картина представляет интерес. У Фабиана она вызвала только отвращение. Снесенная с плеч голова свободно парила на белом фоне. С шеи свисали куски трахеи, жил и вен. Нос был вдавлен внутрь, а кожа на больших

участках левой половины лица снята так, что обнажились жилы, черепная коробка и части глазной впадины.

– Можно говорить что угодно. Но, во всяком случае, у него есть талант.

Лилья подняла с пола еще несколько картин. Все изображали изувеченные и переломанные части тела. Пара отрубленных стоп рядом с окровавленным топором. Торс с двадцатью ножевыми ранами; из одной раны торчал нож, повернутый на четверть оборота.

– Не знаю, что ты чувствуешь, но теперь я лучше представляю себе того человека, которого мы ищем, – сказала Лилья.

– Вопрос только в том, один ли это человек, – заметил Фабиан.

– Что ты хочешь сказать?

– Точно не знаю, но тот, внизу, – сама гармония, хотя это может быть лишь видимость. Поневоле задумаешься, что у него в душе. А здесь он вот какой.

– Может быть, у него кто-то живет? И этот человек пользуется его машиной?

– Но ведь на верхнем этаже только одна спальня?

Лилья кивнула.

Они замолчали и разошлись в разные стороны. Словно у обоих возникла потребность поразмышлять, увязать одно с другим. Они смотрели на тюбики с краской, мольберты и странные картины. За горшками с кистями стояла старая металлическая шкатулка голубого цвета с облупившейся по краям краской. Фабиан осторожно поднял ее и открыл. В шкатулке оказалось штук пятьдесят полароидных фотографий, и как только он увидел разбитое и распухшее лицо, сразу же понял, как все взаимосвязано.

16 декабря

Вчера я был в больнице.

Они ждали меня в моем дворе. Я побежал, но они догнали меня и потащили на детскую площадку. Я пытался защищаться, но упал, и они продолжали меня пинать. Я закрывал голову, но они все равно продолжали. Сначала было жутко больно. Потом стало типа все равно. Слышал, как они смеялись и показывали друг другу, как надо бить. Но тут пришел какой-то дядька, закричал, и они убежали.

Попытался встать, но не получилось. Голова кружилась. Дяденька помог мне и спросил, как меня зовут, и сказал, что у меня голова в крови и что мне надо в больницу. Я отказался назвать свое имя, хотя он настаивал.

В конце концов он ушел, и тогда я смог пойти домой, хотя было трудно и очень долго.

Мама заплакала. До этого я видел ее плачущей только один раз, когда она ругалась с папой. Но не так сильно. Я сказал, что ввязался в драку и сам виноват. Она хотела знать, с кем и был ли это кто-то из класса. Я только сказал, что я их раньше никогда не видел.

Думаю, она мне поверила.

Хорошо, что у меня сломаны два ребра, сотрясение мозга и несколько глубоких ран. Теперь я смогу сидеть дома до самых рождественских каникул!

PS: Когда я пришел домой, Лабан тихо лежал в клетке, как будто спал, хотя на самом деле он не спал. Воткнул иголку ему в спину. Сначала он заскулил и попытался вырваться, но я держал его очень крепко. Затем он стал бегать по клетке, словно за ним кто-то гонится. Чертовски клево.

25

– Ты уверен? – Тувессон посмотрела на полароидные снимки, разложенные на столе, и показала на разбитое лицо.

– Да, – Фабиан был полностью уверен. Как только он увидел снимки на чердаке в Лунде, до него дошло: Клаес Мельвик и Руне Шмекель – один и тот же человек. – Тогда у нас есть четкий мотив, а также привязка и к машине, и к убийству Йоргена и Гленна. Не понимаю, почему мне не пришло это в голову раньше.

Сейчас они были вдвоем. Тувессон проинформирует остальных, как только они все обсудят до конца.

– О’кей, значит, Клаес Мельвик стал Руне Шмекелем, – Тувессон подняла глаза от снимков и встретилась взглядом с Фабианом. – Но зачем?

– Вероятно, чтобы раз и навсегда сбежать от своих мучителей и больше не попадать в такие ситуации, – Фабиан кивнул на поляроидные снимки разбитого лица. – В 1993 году он поступил в больницу Хельсингборга, согласно рапорту, скорее мертвым, чем живым. Чтобы его спасти, понадобилось тридцать шесть операций, и это не считая пластических.

– А мучителями ты называешь Йоргена и Гленна?

Фабиан кивнул и подошел к портретам Клаеса Мельвика и Руне Шмекеля, висевшим на доске рядом. Теперь он видел, что это один человек. Шмекель явно делал пластические операции и выглядел по-другому. Но если знать, ошибиться было невозможно.

– Он даже не заявил в полицию? – продолжила Тувессон.

– Нет, вместо этого он уходит в подполье и меняет имя и фамилию, чтобы спокойно планировать свою месть.

– Это, без сомнения, сильный мотив, – заметила Тувессон. – Вопрос заключается только в том, выполнил ли он свой план? Или другие его одноклассники тоже могут находиться в опасности?

– Ты имеешь в виду, кто еще над ним издевался?

Тувессон кивнула. Фабиан задумался и посмотрел на увеличенную фотографию класса, на которой был изображен он сам, а изображения Йоргена и Гленна перечеркнуты. Он не мог вспомнить, кто еще третировал Клаеса. Сам он всегда только отводил глаза и пытался сделать вид, что ничего не происходит. Он покачал головой.

Тувессон кивнула и посмотрела в окно на Хельсингборг.

– Я созову пресс-конференцию, и на ней мы объявим его в розыск.

Фабиан сел за письменный стол Эльвина и стал просматривать старые классные фото из альбома девятых классов. Он уже смотрел альбом несколько раз, но хотел убедиться, что ничего не пропустил. Правда ли, что только Йорген и Гленн мучили Клаеса? В каком-то смысле виноват весь класс, поскольку они все допускали издевательства. Не говоря уже об учителях.

Он остановился взглядом на Лине. Она по-прежнему не давала о себе знать и, возможно, и не станет этого делать. Он вспомнил, как они оба жили на улице Дальхемсвеген – он в доме 143С, а она в 141В, доме напротив – и как он впервые встретил ее.

Это было летом того года, когда они пошли в первый класс. Он стоял на парковке рядом со своим тренером по теннису и чеканил мяч. Он не заметил, как она подошла. Она просто сидела на бордюрном камне и смотрела. Она была как видение – со своими длинными светлыми косами, в зеленой юбке и гольфах. У нее даже была теннисная ракетка.

Никто из них ничего не сказал, и он изо всех сил старался не смотреть на нее и делать вид, что не замечает ее присутствия. Ему даже не пришло в голову предложить ей попробовать почеканить, и попытка поставить рекорд внезапно показалась совершенно неважной. Надо только как можно сильнее бить по мячу.

Наконец голубая резинка, связанная в нескольких местах, порвалась, мяч полетел по длинной траектории и через несколько секунд приземлился далеко на улице Дальхемсвеген. Они довольно долго стояли и смотрели вслед мячу. Никто из них ничего не сказал, но он помнил, как было глупо стоять просто так. Он ведь по-прежнему притворялся, что ее там нет, и понятия не имел, как ему выйти из положения.

«Хочешь, я помогу тебе искать мяч?»

Он помнил каждое слово, словно это был номер лотерейного билета, сделавшего его миллионером. Молчание было нарушено, и он, наконец, мог посмотреть на девочку.

«Нет. Я все равно собирался купить новый», – ответил он, повернулся к ней и к тренеру спиной и ушел. Только через несколько часов он прокрался назад, чтобы забрать мяч, но мяча нигде не было.

Зазвонил мобильный, Фабиан вздрогнул и случайно опрокинул стакан с водой. По столу растеклась лужица, и Фабиан быстро убрал школьный альбом и кипу документов, одновременно поднося телефон к уху.

– Риск.

– Меня зовут Дуня Хоугор. Я звоню из полиции Копенгагена, отдел

убийств. Я бы хотела поговорить с Утесом.

– Понимаете, я здесь новенький и не знаю, как переключать звонки. Может быть, я чем-то могу помочь?

– Это по поводу убийства Метте Луизе Рисгор и покушения на убийство полицейского Мортена Стенструпа. Насколько я понимаю, мы ищем одного и того же преступника.

– Дуня, хорошо, что вы позвонили. Но думаю, лучше всего вам поговорить с моим начальником Астрид Тувессон.

– Именно этого мне бы не хотелось.

Фабиану удалось спасти большинство документов от наводнения, в результате которого образовался ручеек, в свою очередь превратившийся в небольшой водопад, льющийся через край стола на пол.

– А почему, позвольте спросить? – он залез под стол и пожертвовал сегодняшним выпуском местной газеты.

– Мой начальник, Ким Слейзнер, дал моему отделу четкое указание не обращаться к вам. Не спрашивайте, почему.

– Иными словами, это неофициальный разговор.

Фабиан наблюдал, как первая страница газеты с нечетким снимком стоящего под углом погрузчика на складе строительных материалов Åstorps Byggvaror темнела по мере того, как пятно растекалось.

– Совершенно верно. Давайте поможем друг другу.

– Как с машиной? Вы что-нибудь в ней нашли? – Фабиан как раз собирался встать, но тут увидел ключ, прилепленный скотчем к нижней части столешницы.

– Я бы не хотела обсуждать это по телефону. Лучше, если мы сумеем встретиться.

– О’кей. Я подумаю и перезвоню.

– Разумеется. Вы знаете, как меня найти.

Фабиан закончил разговор и задумался. Ему надо как следует обдумать последствия того, что он опять будет действовать через голову Тувессон. Она предоставила ему второй шанс, одновременно совершенно ясно дав понять, что этот шанс последний.

Он осторожно отлепил скотч, взял ключ и взвесил его в руке. Потом встал, убедился, что его никто не видит, и вставил ключ в замок ящика, который раньше ему не удавалось открыть. Ключ вошел без проблем, и когда Фабиан повернул его, раздался щелчок. Он еще раз бросил взгляд через плечо и осторожно выдвинул доверху набитый ящик.

На самом верху лежали календарь и пенал. Фабиан поднял пенал, чтобы посмотреть, что лежит под ним, и сразу же отметил, какой он

тяжелый. Он хотел удовлетворить свое любопытство и открыть пенал, но решил этого не делать. После чего задвинул ящик, закрыл его и опять прикрепил ключ скотчем на то же место под столом.

26

Защелкали фотоаппараты, приглашенные заняли расставленные стулья, и микрофоны повернулись в сторону Астрид Тувессон, сидевшей вместе с главным прокурором Стиной Хегсель за столом на подиуме. Фабиан стоял, прислонившись к стене. Его поразило, насколько белая свежевыглаженная блузка, прическа, несколько касаний помады и тональный крем под глазами могут изменить внешность женщины. Мало кто из мужчин может позволить себе такое превращение.

– Спокойно. Всем хватит места, – прокричал охранник, хотя зал был уже набит битком. В зале собрались журналисты и фотографы не только из южной части Швеции, но и со всей страны и даже несколько из соседних стран. Здесь присутствовали каналы TV4 и SVT, а также DR и TV2 из Дании и NRK из Норвегии. Фабиан мог понять, откуда такой интерес. В высшей степени громкое дело. Это не просто тело человека, которого нашли в лесу изнасилованным и убитым. Нет, в данном случае речь шла об изощренном и хорошо спланированном преступлении.

– Сначала хочу приветствовать всех собравшихся на этой пресс-конференции, – крикнула Тувессон в гуле голосов, которые быстро стихли. – Для тех, кто меня не знает. Меня зовут Астрид Тувессон, я начальник криминального отдела полиции Хельсингборга. Вместе со мной здесь присутствует Стина Хегсель, главный прокурор.

– Правда ли, что один из ваших полицейских учился в одном классе с двумя жертвами? – спросил кто-то из зала.

– У вас будет время задать вопросы, – ответила Тувессон. – С момента убийства Йоргена Польссона и сразу же вслед за ним – Гленна Гранквиста мы главным образом работаем над тем, чтобы найти обоснованный мотив и преступника. Сначала мы шли по нескольким параллельным следам, но теперь один представляется нам наиболее интересным. Поэтому сегодня мы объявляем в розыск вот этого человека. – Тувессон достала пульт и направила его в сторону проектора на потолке. У нее за спиной показался большой фотопортрет Руне Шмекеля. – Это фото есть на нашем сайте, и сразу же после пресс-конференции мы откроем круглосуточную телефонную линию, куда общественность сможет звонить со своими соображениями.

– Вы знаете, как его зовут?

– Его зовут Руне Шмекель, так он называет себя с 1993 года. До этого

его звали Клаес Мельвик. Он учился в одном классе с двумя жертвами, которые, как говорят, подвергали его травле все годы учебы в средней школе. Есть также ряд сведений, которые указывают на то, что травля продолжалась в течение долгого времени и после школы.

– Вы хотите сказать, что мотив – месть за то, что над ним издевались?

– Это один из мотивов, которые мы прорабатываем.

– А он еще будет мстить?

– По понятным причинам, мы не можем ответить на этот вопрос. Но сейчас мы отрабатываем версию, согласно которой он уже завершил свое дело и теперь скрывается. Может быть, даже за пределами Швеции. Поэтому мы также объявим его в международный розыск. Пользуясь случаем хочу подчеркнуть, что даже если он закончил мстить двум своим мучителям, он крайне опасен, и ему ничего не стоит лишить еще кого-то жизни, чтобы скрыться, пример чему мы видим в Дании.

– Но разве не по вашей ошибке произошло то, что произошло? – спросил датский журналист. – Разве вы не должны были позвонить в полицию Копенгагена и сообщить о том, что преступник в Дании?

– Я не считаю, что мы действовали неправильно. Я не могу сейчас дать более подробный комментарий, ведется расследование. Мы прилагаем все усилия, чтобы найти и задержать преступника. Этому и посвящена наша пресс-конференция.

Фабиана не могло не впечатлить, как Тувессон ловко рулит происходящим и как она замяла происшествие в Дании. Защищая его, она даже не назвала его имени.

– Мой вопрос на самом деле адресован Фабиану Риску. Насколько хорошо он знал подозреваемого?

– Сейчас Фабиана Риска здесь нет. Так что попрошу вас направлять ваши вопросы…

– Нет, вот он стоит! – сказал кто-то из публики и показал в его сторону.

Тувессон повернулась к Фабиану, который кивнул и помахал рукой.

– Да, это так. Я здесь. Отвечаю: можно сказать, что я его совсем не знал.

– А вы знали, что его травили?

Фабиан подумал и только потом ответил:

– Да, знал. Думаю, об этом знали все в классе.

– И все же ничего с этим не делали? Разве не надо было еще тогда…

– Как вы понимаете, мы не можем вникать во все детали, – вмешалась Тувессон. – У нас есть человек, которого мы подозреваем и который в данный момент находится на свобо…

– Спокойно. Я не против ответить, – прервал ее Фабиан.

Тувессон кивнула и откинулась на спинку стула.

– Конечно, надо было как-то отреагировать. И мне, и всем остальным. Но все очень боялись высунуться, рискуя стать следующей жертвой. Наверное, это чувство знакомо большинству из нас. Гордиться тут нечем. Наоборот, это одна из причин, по которым я стал полицейским. Я не мог оставаться тем, кто поворачивается спиной и закрывает глаза. Так что сейчас, по иронии судьбы, я стою перед вами.

Тувессон сделала паузу, чтобы все могли осознать эти слова, и наклонилась к микрофону.

– Еще есть вопросы?

– У меня есть вопрос о машине, которую вы нашли в Дании, – выкрикнул кто-то из толпы. Судя по выговору, вопрос задал датчанин, пытающийся говорить по-шведски.

– На данный момент машина изъята датской полицией. И поскольку идет следствие в отношении событий в Дании, мы не можем давать комментарии.

– О’кей. Спрашиваю на всякий случай, а там уж вам решать, отвечать или нет. Это по вашему приказу Фабиан Риск снял одно колесо с машины и передал его и всю ответственность молодой женщине, которую потом лишили жизни?

Фабиан попытался увидеть, кто задал вопрос, но мужчину заслоняли другие журналисты. Он повернулся к Тувессон, которая как раз спрашивала:

– Извините, я не поняла, кто задал вопрос?

– Я! – мужчина встал и поднял руку. – Меня зовут Свен Меллер, я работаю в «Зеландской газете».

Это был блондин с рыжеватой бородкой, в круглых очках и бежевой спортивной одежде.

– И что вы хотели спросить? – продолжила Тувессон.

– У меня есть сведения, что с машины подозреваемого сняли одно колесо, и на ветровом стекле оставили записку о том, что колесо можно забрать на заправке, – сказал мужчина на трескучем датско-шведском. – Насколько я понимаю, преступник должен был обратиться к персоналу, которому было приказано вызвать полицию. Вот я и спрашиваю: вы давали на это санкции? Как оказалось, это стоило жизни невинной датской девушки.

Молчание длилось не более нескольких секунд, и все же стало совершенно ясно, что у Тувессон нет ответа. Фабиан не понимал, откуда

этот журналист так хорошо осведомлен. Кто-то сливает информацию? Они теряли контроль над ситуацией, и он решил взять дело в свои руки:

– Извините, но откуда у вас эта информация?

Бородатый журналист с довольным видом повернулся к Фабиану.

– От двух коллег Метте Луизе Рисгор. Они утверждают, что колесо от машины находилось у них с четверга 1-го до пятницы 2-го, когда преступник якобы забрал его. В качестве доказательства они дали мне вот что, – мужчина поднял заламинированную записку, чтобы все смогли прочесть:

МАШИНА ЗАДЕРЖАНА ПО ПРИЧИНАМ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА
ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАТИТЕСЬ К ПЕРСОНАЛУ

Теперь все внимание было направлено на журналиста, который с улыбкой держал записку перед камерами и отвечал на вопросы своих коллег-журналистов, рекомендуя им купить следующий номер «Зеландской газеты» или, еще лучше, оформить подписку.

Один из журналистов из «Хельсингборгс Дагблад» обратился к Тувессон, которая пока что даже не посмотрела на Фабиана:

– Вы можете подтвердить, что это верные сведения?

– В данный момент я не могу подтвердить ничего, что касается различных деталей полицейской работы. Это вызвано как причинами оперативно-технического характера, так и идущим в Дании следствием. Но, пользуясь случаем, подчеркиваю, что беру на себя полную ответственность за действия моих полицейских, которые привели к установлению личности подозреваемого. Конечно, я глубоко сожалею о том, что это стоило жизни невинного человека. Хотя не надо забывать, что жизни ее лишил преступник, а не полиция.

– Но в своем послании преступник возложил всю вину на Фабиана Риска. Разве нет?

Сообщение о том, что преступник якобы напрямую указал на Риска, вызвало среди журналистов в зале эффект разорвавшейся бомбы. Мужчина в бежевой одежде одержал победу нокаутом, и все остальные журналисты словно почуяли запах крови и буквально забросали Тувессон вопросами.

– Никаких комментариев! – повторяла Тувессон, объявив пресс-конференцию оконченной.

Фабиан стал протискиваться сквозь толпу журналистов, где все пытались перекричать друг друга, задавая вопросы, к тому месту, где стоял

датчанин. Но, добравшись до места, Фабиан увидел, что того уже нет и нигде не видно. Фабиан забрался на пустой стул и обвел глазами собравшихся. Как же датчанину удалось так быстро уйти? Риск повернулся к подиуму и увидел, что Тувессон уже выходит из помещения.

27

Дуня Хоугор стояла у лифта и ждала, когда откроются двери. Сердце все еще сильно билось, и она чувствовала, как обливается потом, а блузка прилипает к спине. Потеть в неподходящий момент для нее хуже некуда. И все же она каждый раз повторяла ошибку и слишком быстро ехала на велосипеде. Словно она начинала спешить, как только садилась на велосипед.

Сейчас она спешила к Мортену Стенструпу, чье здоровье стало государственным делом и освещалось в СМИ, будто он особа королевских кровей. Светилам, прилетевшим из Германии и Англии, после долгой череды сложных операций удалось остановить внутренние кровотечения, и теперь его состояние можно было назвать относительно стабильным, что давало Дуне возможность совсем ненадолго увидеться с ним до подготовки к следующей операции.

Двери лифта открылись, она вошла и нажала на кнопку четвертого этажа. Но лифт остановился уже на втором; вошли двое мужчин в зеленых операционных одеждах с марлевыми повязками, висевшими на шее, и нажали на кнопку третьего этажа.

– Сколько, ты сказал, ей лет?

– Сорок два.

– Дети?

– Трое. В этом-то все и дело. Обычно я на такое внимания не обращаю. Но тут, несмотря на возраст и троих детей, они у нее просто идеальные.

– Настоящие?

– Думаю, да.

– Думаешь?

– В этом-то и проблема. По виду понять невозможно.

– Да ладно, всегда возможно.

– Поверь мне, я старался.

– Тогда остается только одно, – он сделал вид, что хватает что-то руками. – В какой палате, говоришь, она лежит?

Мужчины рассмеялись и вышли из лифта на третьем этаже.

Дуня задумалась, не стоит ли выйти вслед за этими врачами и узнать их имена, но передумала и доехала до своего этажа. Она уже опаздывала.

Она вышла из лифта и выкинула из головы мысль о том, как бы лечили Стенструпа, если бы не его слава. Сейчас надо сосредоточиться и

максимально использовать время. Лечащий врач после долгого давления на него согласился на три минуты. Три минуты. Он ясно дал ей понять, что ни секунды больше ей не выделит. Стенструп недавно пришел в себя и был не в состоянии выдержать более длительный допрос. Он едва осознавал, где находится. Еще меньше – какой переполох вызвали его действия. Но для Дуни тут проблем не было. Она точно знала, чего добивается, и для этого ей нужно не больше полминуты.

Она пошла дальше по длинному коридору, в конце которого находилась комната ожидания. В ней сидело множество журналистов. Некоторые стучали по клавишам своих ноутбуков, другие играли в шахматы. Дуня увидела, что там представлены «Юлландспостен» и «Политикен», и с разочарованием отметила, что перевес на стороне «Юлландспостен».

Один из журналистов заметил ее и поспешил к ней с кучей вопросов, что в свою очередь заставило оживиться остальных. Камеры защелкали так, словно она преступник; ее стали закидывать вопросами, как снежками, которые попадали ей за шиворот и стекали по спине. Блузка насквозь промокла от пота. И тем не менее, ей было холодно. И, похоже, никто не слышал, как она беспрерывно повторяла, что в данный момент не может дать каких-либо комментариев.

В конце концов она сдалась и, повернувшись к куче журналистов и их камерам, рассказала, что пришла на первую и крайне непродолжительную встречу с Мортеном Стенструпом, который совсем недавно пришел в себя. После чего предъявила дежурному полицейскому удостоверение и прошла в отделение. И только когда за ней закрылась дверь, она смогла выдохнуть.

Лечащий врач встретил ее, посмотрев ей прямо в глаза и не дрогнув ни одним мускулом.

– Дуня Хоугор?

Она кивнула.

– Когда я скажу «стоп», это значит стоп. Не продолжайте, а стоп. О’кей?

Дуне он уже не нравился, и она, ничего ему не ответив, пошла дальше по коридору.

– Надеюсь, вы понимаете, что мы делаем большое исключение и что ответственность за жизнь пациента лежит на мне и ни на ком другом, – продолжал врач, свернув налево в еще один коридор. – И что бы вы там ни думали, я собираюсь взять эту ответственность на себя. – Врач остановился у двери, которую охраняли двое полицейских в форме, и вперил взгляд в Дуню. – Теперь, я надеюсь, вы осознали, насколько все серьезно, и я могу

рассчитывать на то, что вы избавите моего пациента от массы лишних вопросов.

– Предлагаю открыть дверь, пока у него не начался альцгеймер.

Мортен Стенструп лежал в глубине палаты и выглядел далеко не как герой. Обе ноги в гипсе. Вокруг шеи – лечебный воротник, почти все волосы сбриты. К руке подсоединен катетер капельницы и целый ряд пищащих и мигающих датчиков, которые следили за его состоянием.

Рот полуоткрыт, взгляд под углом направлен в потолок. На приход Дуни он никак не отреагировал.

Первая мысль, пришедшая ей в голову, – он мертв. За секунду до ее прихода он скончался, и теперь из-за этого врача-придурка она не сможет сделать то, ради чего пришла сюда. Она взяла стул и села у края кровати.

– Привет, Мортен. Меня зовут Дуня Хоугор, я работаю криминальным ассистентом в криминальном отделе в Копенгагене. – Она ждала реакции и проигнорировала врача, который откашлялся и наверняка показал на часы. Но никакой реакции не последовало.

– У меня есть только несколько минут, и я не хочу утомлять вас понапрасну. Сейчас я хочу узнать только одно: на вас напал этот человек? – она взяла фотографию Руне Шмекеля из объявления о розыске и поднесла ее к лицу полицейского, но тот опять никак не отреагировал.

– Мортен. Вы видите мужчину на фото?

– Да, – слабым голосом прошипел полицейский.

– Это тот человек, который на вас напал?

– Нет.

Ответ оказался совершенно неожиданным. Дуне даже не приходило в голову, что он не опознает преступника.

– Вы совершенно уверены? Я хочу, чтобы вы посмотрел еще раз очень и очень внимательно.

– Я уверен. Это не он.

– Не хочу больше на вас давить, приду снова через два дня. И мы…

– Это не он.

– О’кей, Мортен. Вы можете сказать, что здесь не так? Волосы или что-то еще, что легко изменить? Думайте столько, сколько вам нужно. Нет никакого смысла форсировать ответ.

Врач откашлялся, подошел к ней и показал на свои наручные часы.

– Все, – выдавил из себя Мортен.

– Что значит «все»? Может быть, я не понимаю, что вы хотите сказать?

– Все не так. Это не он. У вас не тот человек.

28

Теперь на газетных афишах красовался снимок Руне Шмекеля.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ

Фабиан Риск одним глотком выпил эспрессо, съел ложечку торта «Принцесса» и начал просматривать сайты газет на своем мобильном. Оставив машину у полицейского участка, он пошел пешком в центр города до кондитерской «Fahlman», где сел за столик в самом дальнем углу. Здесь он мог спокойно сидеть, пока все остальные теснились под маркизами уличного кафе.

После пресс-конференции он сразу же направился в кабинет Тувессон. Астрид там не было, но он остался ее ждать – она наверняка захочет с ним поговорить и, скорее всего, отстранит от расследования. Но Тувессон все не приходила. Тогда он решил уйти и пешком пошел до города. По дороге он увидел, как меняют газетные афиши. Происходящее все больше и больше начинало напоминать травлю. Вокруг его служебной ошибки раздули почти такую же шумиху, как вокруг факта опознания преступника. Несколько газет опубликовало его фото, а часть дошла до того, что обвиняла его в убийстве. Нельзя сказать, чтобы он был удивлен. Пресс-конференция провалилась, и все внимание переключилось на него.

Он размышлял, как поступить, если его отстранят. Опять взять запланированный отпуск или продолжить собственное расследование? Он выбрал первый вариант, хотя в глубине души знал, что все кончится вторым.

Больше всего о нем написали в вечерней газете «Квельспостен». Кто бы сомневался? С впечатляющей быстротой им удалось воссоздать его прошлое с помощью старых фото и интервью с людьми, с которыми он имел дело.

Ему не первый раз пришла в голову мысль, что в полицию надо набирать людей из числа новостных репортеров. Они, в частности, нашли старого футбольного тренера на пенсии, который утверждал, что учил его играть в футбол и что Фабиан, однозначно, никогда не был командным игроком, а всегда пытался один вести игру и в одиночку забить гол.

Фабиан не помнил, чтобы играл в футбол хоть сколько-то продолжительное время. Его никогда по-настоящему не интересовали игры

с мячом. Но он не мог отрицать, что не является командным игроком. Для него цель всегда была важнее дороги к ней.

ВЛЮБЛЕН В ЖЕНУ ЖЕРТВЫ

Он прочел заголовок, и его словно стегнули хлыстом. В статье говорилось о том, что в юности он был сильно влюблен в Лину Польссон, и задавался вопрос: любит ли он ее по-прежнему и не по этой ли причине потерял способность рассуждать?

Как им удалось все разузнать? Сам он никогда никому об этом не рассказывал и еще несколько дней назад вообще об этом не думал.

Единственное объяснение – они общались с Линой. Он не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь объяснялся ей в любви. Она выбрала Йоргена, а он в свою очередь предпочел так глубоко запрятать свои чувства, чтобы никто и никогда не смог их найти. Несмотря на это, теперь его чувства без его ведома выставлялись на всеобщее обозрение.

Не было ничего странного в том, что «Афтонбладет» решила раздуть эту историю. Ясно, что это может повлиять на его работу по расследованию дела. Сможет ли он совсем не принимать в расчет, что убитый состоял в отношениях с любовью его юности? Он взял мобильный и набрал ее номер, но передумал, как только услышал гудки. Он понятия не имел, что сказать.

Покончив с газетами, он пошел дальше мимо городского театра и потом на север города по прогулочной набережной. Поднялся ветер; волны били через крепостную стену, и ему на лицо попадала прохладная соленая вода. Он понял, что очень скучал по Хельсингборгу, и чтобы еще больше вымокнуть, забрался наверх и отправился бродить по стене.

Только войдя в прихожую и стянув с себя мокрую одежду, он почувствовал, до чего устал. День, который начался с известия о смерти Гленна, перешел в сумбурную пресс-конференцию и закончился тем, что его самого выставили напоказ, воспринимался как целая неделя, а ведь всего-то было семь часов вечера.

Он прошел дальше в дом, и его встретила плотная тишина и три пустые картонные коробки из-под пиццы на мойке. Они поужинали без него. Ничего странного. Он ведь сам не знал, когда вернется домой. Он даже не знал, голоден ли он. И если даже голоден, возникнет ли у него желание есть. Словно торт «Принцесса» придавил своей тяжестью все другие чувства и не давал им выйти наружу. Это касалось как голода, так и отчаяния.

Фабиан поднялся по лестнице на второй этаж, заглянул в комнату

Матильды и поразился, как много она сделала, чтобы навести у себя порядок. На стенах висели афиши «Grease», «Highschool Musical» и «Dirty Dancing», а на книжной полке стояли ее книги и множество маленьких пластмассовых безделушек, которые она собирала. Письменный стол с пеналами и ластиками был готов к началу учебного года в августе. Кровать была заправлена, а на потолок она повесила свой знак зодиака, Рыбы, со светящимися звездами.

Не хватало только самой Матильды. Он заглянул в спальню, но и там никого не было. Переодевшись в сухую одежду, постучал в дверь Теодора, но никакой реакции не последовало. Но открыв дверь и заглянув в комнату, он увидел, что сын почти неподвижно лежит на животе в своей кровати, и откуда-то доносится шипение.

– Тео? Эй? Тео, ты меня слышишь? – спросил он, не слишком повышая голос, но сын по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. – Привет?! Теодор?! – он подошел к кровати и положил руку на плечо Теодора. Тот резко обернулся и вынул из уха наушник.

Gripping your pillow tight[15]

– Тебе чего?

– Ты не слышал, как я тебя звал?

– Нет.

Exit light[16]

Тео пожал плечами и вставил наушник обратно в ухо. Фабиан опять его вытащил, а вслед за ним и второй.

Enter night[17]

– Что тебе надо?

– Где все?

– Откуда я знаю?

Take my hand[18]

Нельзя сказать, что Фабиан не был готов к трудностям переходного возраста. Он просто ожидал больше криков, конфликтов, хлопающих дверей и поздних возвращений домой. Эта тишина – нечто совсем иное, и он понятия не имел, как ему с этим быть.

We’re off to never never-land[19]

– Послушай… Как у тебя дела… на самом деле?

Теодор вздохнул и поставил музыку на паузу.

– Ты скучаешь по своим стокгольмским приятелям? Я могу понять, если это то, что тебе…

– Какие приятели?

– Ну, не знаю. Те, с кем ты обычно играл.

Теодор закатил глаза.

– Или тусовался, или как там у вас это называется? – продолжил Фабиан и почувствовал себя слепым канатоходцем. – Но у тебя здесь появятся новые друзья. Ну, может быть, не именно здесь. Ясно, что ты должен выйти из этой комнаты, пойти на улицу и… Пойти на улицу и…

– Ты все сказал?

Фабиан кивнул и понял, что на такого отца, как он, нельзя, наверное, реагировать иначе, чем в стиле Теодора. Он вышел из комнаты, невольно испытывая определенное облегчение.

Соню он нашел в мастерской. Она писала новую большую картину, нанося на холст широкие агрессивные мазки. Он задержал на ней взгляд, хорошо зная, что ей не нравится, когда за ней наблюдают во время работы. Но он любил это и считал, что именно так она лучше всего выглядит – без косметики, со следами краски на лице и этой полной сосредоточенностью, которая отсекала все окружающее.

Она стояла, повернувшись к нему боком и держа по кисти в каждой руке. Волосы заколоты ручками от кистей, на ней рабочий комбинезон, настолько заляпанный краской, что сам по себе является произведением искусства. Под комбинезоном красный лифчик – подарок на Рождество, который он преподнес ей два с половиной года назад.

– Привет, любимая.

– Привет, – ответила она с улыбкой. Но ее выдал взгляд. Она стала опять наносить краски на картину.

– Можно войти?

Соня не ответила, и он прошел в мастерскую и встал у нее за спиной.

– Как здорово, что ты начала работать.

Эта картина отличалась от всего, что она делала раньше. Фабиан знал, что жена, долгие годы писавшая рыб, ищет новые образы. Это был успешный период – ее доходы в несколько раз превосходили его зарплату, независимо от количества переработок. Ее картины, изображающие ускользающий подводный мир – косяки рыб, каракатиц и крабов, – были очень востребованы.

Большая мечта каждого художника. Но для Сони это в конечном итоге обернулось кошмаром. В самые тяжелые периоды заказы у нее были расписаны на год вперед. Клиенты сообщали нужный размер и выбирали цвета, которые должны гармонировать с интерьером. Соня чувствовала себя кем угодно, но только не художником, и в конце концов дошла до

ручки.

Это случилось чуть больше полугода назад, и с тех пор она искала и экспериментировала. Спустя какое-то время показалось, что на смену рыбам пришли птицы. Она рисовала гнезда, яйца и стаи в небе.

Но сейчас она работала над чем-то совершенно иным. Бурная какофония со всеми оттенками красного.

– Пожалуйста. Я работаю.

– Как я понимаю, ты читала газеты.

– Нельзя верить всему тому, что читаешь.

– Молодая девушка. Это моя ответственность. Моя вина.

– А эта Лина Польссон?

Фабиан ждал этого вопроса и не мог ее за него упрекать. После истории с Нивой доверие было подорвано и висело на тоненькой ниточке. Если оно вообще осталось.

– Да, я был в нее влюблен и хотел только одного – чтобы мы были вместе. Но, Соня, это было тогда. В старших классах. Мы так и не стали парой, чему сейчас я очень рад.

Соня повернулась к нему и посмотрела ему в глаза. Краска капала с кистей на пол.

– Получается, теперь она для тебя ничего не значит?

– Она всего лишь моя бывшая одноклассница, у которой жестоко убили мужа.

– О’кей, – Соня продолжила рисовать, а он стоял и думал, не подойти ли к ней и обнять, как тут зазвонил его мобильный.

– Да, але?

– Ты как? – раздался голос Ирен Лильи.

– Получил по заслугам, как сказала бы моя мама, – Фабиан отошел на несколько шагов назад, чтобы Соня, которая опять взялась за картину, не брызнула на него краской. – Но сейчас мне не совсем удобно говорить. Можно я перезвоню?

– Послушай. Это действительно так? – оборвала она. – Насчет Лины Польссон?

– Да.

Наступила тишина, и Фабиан буквально услышал, что Лилья думает о том же, что и он. Как это повлияет на его расследование? Он вышел из мастерской и спустился вниз.

– Но чтобы ты знала: сначала я сам этого не осознавал. Я словно вытеснил из памяти всю свою юность. – У него возникла потребность объясниться, заставить ее понять. – Именно поэтому я ничего не сказал, а

потом…

– Послушай, тебе лучше обсудить это с Тувессон. У тебя наверняка есть очень хорошее объяснение, – нельзя было не заметить иронию в голосе Ирен. – Но я звоню не поэтому. У нас новый смертный случай.

Фабиан попытался думать быстрее, чтобы понять, кто это может быть. Кого он упустил?

– Это не одноклассник.

– Вот как? Тогда кто?..

– Моника Крусеншерна. Ваша классная руководительница.

О Монике Крусеншерна Фабиан помнил немногое: она всегда носила юбки до колена, чаще всего в клетку, и никогда не растягивала уголки рта. Все ее уроки проходили по одинаковой схеме. Цифры надо было считать, контурные карты закрашивать, а книги читать вслух, глава за главой. О дискуссии и размышлении не могло быть и речи. Чем больше Фабиан об этом думал, тем больше годы с Моникой Крусеншерна казались ему одной большой проверкой словарного запаса.

– Ее нашла помощница по хозяйству. Если быть точной, то в кресле у нее дома. Они не сразу поняли, что она умерла, поскольку на теле не было каких-либо видимых повреждений.

– Получается, она просто сидела? Причина смерти установлена?

– Остановка сердца. Только что Коса зачитал по телефону предварительное заключение. Похоже, ее сосуды были забиты больше, чем старая кофеварка.

– Значит, это не убийство?

– Нет. Я просто хотела, чтобы ты узнал это до того, как напишут в газетах. Мы ведь знаем, как они все вывернут. Пикантная деталь: у нее на коленях лежала развернутая «Квельспостен», сегодняшний номер.

– А какой разворот?

– Тот, где спрашивают, как могли допустить такое.

Фабиан точно знал, о каком развороте идет речь. Заголовок гласил:

УЧИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ЗАКРЫВАЛ ГЛАЗА

В статье рассказывалось о том, как Клаеса Мельвика систематически третировали Йорген и Гленн и как никто ничего не делал. Даже взрослым было наплевать. В связи с этим ставился вопрос, почему Моника Крусеншерна не забила тревогу. Она наверняка предполагала, что в классе не все в порядке. Фабиан сочувствовал ей. Наверняка ей было ужасно читать обвинения, содержащиеся в статье, и они, несомненно, явились

косвенной причиной ее смерти.

– О’кей. Спасибо, что позвонила.

– Не за что. До встречи, донжуан.

29

Он слишком поздно понял, что недооценивал Фабиана Риска. Инцидента в саду Гленна, который задержал его на сутки, было достаточно, чтобы Риск нашел в Дании машину. Он уже буквально сломал себе голову, но по-прежнему не имел ни малейшего представления о том, как это вышло. К тому же Риск открутил заднее колесо, что явилось полной неожиданностью. Риск оказался гораздо большей угрозой, чем он когда-либо мог предположить, и, хоть и в самой глубине души, он был вынужден признать, что это произвело на него впечатление.

Ему не удалось осуществить задуманное – он не перегнал машину. Ему пришлось сдаться, бросить ее и сбежать. Теперь ее конфисковала датская полиция, что само по себе лучше, чем если бы она оказалась у шведов. Датчане не найдут ничего особо интересного. Только непонятно, сколько она у них пробудет.

Он всерьез подумывал о том, чтобы все бросить и прямо сейчас сесть на катер, который, полностью заправленный и с запасами продовольствия, ждал его на причале в Роо. Но он решил изучить возможность частично изменить план. Пока что это стоило ему целых суток задержки. Но выбора у него не было. Альтернатива – все бросить – представлялась ему настолько большим поражением, что не было никакой уверенности в том, что он сможет с этим жить.

По первоначальному плану Риску отводилась всего лишь маленькая второстепенная роль, почти что статиста. Еще один в ряду. Но когда выяснилось, что Фабиан переедет сюда со своей семьей, он отвел ему немного более активную роль. Но все пошло не так, и он занял гораздо больше пространства, чем ему первоначально предназначалось. Риска надо проконтролировать и поставить на место, пока все не сошло с рельсов. Пока он точно не знал, как это сделать. Но когда-то ему уже удавалось превращать недостатки в достоинства, и поэтому не было оснований сомневаться, что и в этот раз все получится.

Последние часы масть шла ему. Его моноспектакль в роли датского журналиста превзошел все ожидания. Более того: теперь все переключили внимание на Риска, что затруднит и наверняка замедлит ход полицейского расследования. К тому же датчане подставили подножку и самим себе, и шведам, что надо принять с благодарностью. И в довершение всего, только что перед ним мелькнула фарами машина, освобождая парковочное место

прямо перед таунхаусом Риска.

Он прикрепил маленькую веб-камеру на присоске к внутренней стороне бокового стекла, привинтил антенну и присоединил источник тока к кабелю, который протянул от автомобильной батареи. Включил камеру так, что диод замигал как автомобильная сигнализация. Секунд через десять в мобильном появилось изображение, и он смог направить камеру на вход в дом Риска и настроить резкость.

Он вышел из взятой напрокат машины и запер ее, все время не снимая перчаток. Эту ошибку он не собирается повторять. Он пошел налево по тротуару и, насчитав четыре входа, свернул за угол направо на улицу Броммагатан. Сразу же за освещенными витринами агентства недвижимости, где рекламировались дома, доступные только переехавшим сюда столичным жителям, он свернул направо на покрытую гравием дорожку и пошел дальше мимо нескольких мусорных контейнеров и таблички «Вход только для резидентов».

С задней стороны таунхаусов теснились маленькие сады, один вычурнее другого. Он дошел до дома Риска, отметив, что предыдущие хозяева предпочли вообще не иметь сада. Перелез через полусгнившую ограду и спрятался за сараем. Отсюда можно смотреть прямо в дом.

Веки у Фабиана были свинцовыми. И все же он не мог заснуть. Мысли никак не давали ему покоя, и он не мог отделаться от ощущения, что все, что он предпринимает, идет прахом и вот-вот рухнет.

Он сидел за кухонным столом со своим ноутбуком и просматривал блог Метте Луизе Рисгор. Сначала ему показалось, что блог главным образом состоит из массы ничего не значащих коротеньких постов, где она описывает, что будет делать и что уже сделала. Иногда она делилась какой-нибудь мыслью или наблюдением.

Но чем больше он читал о том, как она пойдет на работу на заправку, встретится с приятелями, сделает новые татуировки и посмотрит фильмы на DVD, тем больше погружался в ее жизнь. Возникал образ умной молодой девушки, полной мыслей и идей, которым она не может найти никакого применения в той дыре, где выросла. Метте Луизе Рисгор ненавидела Леллинге больше всего на свете и скорее была готова лишить себя жизни, чем состариться там.

По блогу было непонятно, есть ли у нее бойфренд. Но Фабиан прочел о самом себе как о «шведе», оставившем колесо от машины, что обернулось самым захватывающим событием за целую неделю. Через два поста – один о сломавшейся кофеварке, другой о соседе, купившем

порнофильм, – блог заканчивался. Если не знать, что случилось, только через несколько дней можно понять, что блог больше не возобновится.

Он умер.

Фабиан зашел на другой сайт, где сообщалось, что похороны состоятся послезавтра в 13:00 в церкви Леллинге. Он решил пойти на похороны независимо от того, даст ли ему Тувессон дальше участвовать в расследовании или нет. Это самое меньшее, что он может сделать.

Он закрыл компьютер и пошел чистить зубы в гостевой туалет, но в этот момент в дверь позвонили. Он посмотрел на часы – начало первого ночи – и выключил воду. Может быть, ему почудилось? Он решил продолжить чистить зубы, и только выдавил зубную пасту, как опять раздался звонок. На этот раз не было никакого сомнения. Кто-то стоял у его двери и звонил.

Фабиан вытерся и пошел открывать. По дороге он задумался, кто бы это мог быть, но не вспомнил никого, кого можно ждать в такой поздний час. Он решил вставить в дверь глазок, как только у него будет время.

После чего отпер дверь и открыл ее.

30

Чтобы понять, что произошло, ему пришлось перечитать новость несколько раз. Он не воспринял информацию с первого раза. Показалось, что это не имеет к нему ни малейшего отношения. Сведения из другой параллельной реальности. Но после еще двух прочтений новость окатила его, как ведро холодной воды. Неужели это правда? Он стал искать на других новостных страницах и увидел еще больше сообщений. Это случилось на самом деле.

Моника Крусеншерна умерла.

– Проклятие, – прошипел он себе под нос.

У дома Риска все прошло по плану, и он только что взял напрокат свою вторую машину и ехал забирать ее, когда стал просматривать на мобильном последние новости. Ему пришлось остановиться на обочине, чтобы прочесть коротенькую заметку в третий раз. Может быть, это другая Моника Крусеншерна? Он поискал ее в справочнике «Eniro» и нашел только одного человека с таким именем. И этот человек жил в Хельсингборге по адресу, который он выяснил во время своих поисков. И все же он чувствовал, что ему надо поехать туда, чтобы увидеть собственными глазами. Убедиться, что это не очередная выдумка Риска.

Моника Крусеншерна жила на улице Дальхемсвеген, 69, на пятом этаже в последнем из четырех многоэтажных домов, на которых только что обновили фасад. Желтые металлические плитки заменили на серые. Он припарковал машину рядом со школой и последний отрезок пути проделал пешком. На середине наземного перехода через Дальхемвеген он увидел, как мигающий синий цвет отражается на фасаде домов и что на парковке полно полицейских машин. Ясно, что это его Моника.

Роль, отведенная в этой истории их бывшей классной руководительнице, не только стоила времени и ресурсов, но и должна была стать венцом творения. Последняя часть пазла, после которой все встало бы на свои места. Теперь ничего не сработает, и ему еще раз придется сесть за чертежный стол.

Самая большая проблема – время. Крайние сроки уже прошли, и он не может выкроить еще несколько суток для переделки плана. Завтрашний день забит под завязку. Он должен ехать обратно в Данию и завершить то, что начал. Он не мог ответить на вопрос, почему не сделал все сразу. В его план не входило лишать жизни невинных посторонних людей, и его

застали врасплох – сначала девушка, а потом полицейский. Он заколебался и решил бежать вместо того, чтобы закончить. Но это больше не повторится. С этого момента ему ничего не помешает.

Мобильник загудел, и экран засветился. Он взял его и убедился, что в арендованной машине включилась входная камера. Установленный в ней детектор движения был запрограммирован так, чтобы реагировать не на каждого проходящего мимо, а только на того, кто станет подниматься по крыльцу. Он набрал код и стал ждать.

Когда на экране возникло изображение и он увидел, что Риск открыл дверь и впустил своего позднего посетителя, все встало на свои места. Вместо Моники Крусеншерна главную роль будет играть Фабиан Риск. С этой минуты он будет центральной и решающей частью всей конструкции. Простое и одновременно гениальное решение, и сейчас, задним числом, он не мог понять, почему не задумал так с самого начала.

31

Лина Польссон сидела на диване рядом с Фабианом Риском. Лицо у нее распухло, глаза покраснели от слез. Он дал ей платок и налил горячего чая. Когда он увидел, что за дверью стоит Лина, то засомневался, впускать ли ее, памятуя о реакции Сони на статью в газете. Он спросил, что ей нужно, а она спросила, можно ли ей войти. Он повторил свой вопрос. Она извинилась, разрыдалась, и он обнял ее.

Теперь они сидели и пили чай. Часы на DVD-плеере показывали 01:33. Фабиан не говорил ни слова. По его мнению, молчание, заполнившее комнату, должна нарушить Лина. За полчаса до этого он слышал, как Соня вышла из мастерской и стала спускаться вниз по лестнице, но передумала и снова поднялась наверх. Спустя двадцать минут она спустилась вниз, на ней было только японское кимоно, которое, она знала, он любит. Она поздоровалась с Линой, выразила ей соболезнования, после чего, поцеловав его, пожелала ему спокойной ночи и снова пошла наверх. Он крикнул ей вслед, что скоро придет, и она ответила, что торопиться не надо.

– Честно говоря, не знаю, почему плачу. Думаю, что я его вряд ли любила.

– Когда-то ты его точно любила, – отозвался Фабиан и сразу же пожалел о сказанном. Эту тему им лучше не обсуждать.

Лина покачала головой.

– На самом деле не понимаю, почему мы с Йоргеном начали встречаться. Если уж совсем начистоту, я все время думала, что мы с тобой будем вместе, – она засмеялась и сделала глоток горячего чая.

– Тогда почему Йорген? – он не хотел спрашивать, но не смог удержаться.

– Помнишь тот классный вечер? Тот, который был у нас в седьмом классе в помещении рядом с нашими домами?

Фабиан слишком хорошо помнил. Был объявлен маскарад, и они со Стефаном Мунте совершенно измучились, пока шили себе костюмы – тюремные робы. Они взяли старые простыни, нанесли на них полоски цветным спреем и маскировочным скотчем, а потом шили, шили и шили. Они как маньяки работали все вечера и всю субботу. Им хотелось сшить лучшие маскарадные костюмы, как будто речь шла о жизни и смерти. К тому же он решил рискнуть и объясниться с Линой. Пришло время наконец-то рассказать о его чувствах.

Но в маскарадных костюмах пришли только он и Стефан. Они поняли, что остальные хихикают у них за спиной. Все показалось таким неправильным, и через пятнадцать минут они поехали на велосипедах по домам, чтобы переодеться в нормальную одежду.

– В общем, он меня поцеловал, – продолжила Лина. – И сказал, что теперь мы с ним будем вместе. Я же надеялась, что это будешь ты, но тебе, похоже, было довольно безразлично. Ты смылся и вернулся только много позже, и… И все получилось так, как получилось. – Она пожала плечами и замолчала.

Фабиан молча кивнул. Он прекрасно помнил, как ему было больно.

– Лина… Ты хочешь что-нибудь рассказать, что может помочь нам в расследовании?

Лина не отреагировала на вопрос. Она сделала еще глоток и медленно поставила чашку на стол.

– Они с Гленном наделали много глупостей. Иногда я его по-настоящему боялась.

– Он тебя бил?

– Нет, но он мог быть очень жестоким.

– В чем это выражалось?

– Например, когда у нас был секс. Тогда он мог зайти довольно далеко, так сказать. Я пыталась поговорить с ним, но он отвечал, что видит, что мне нравится и что это только в шутку. Для него, в основном, это была игра. – Она замолчала и допила чай.

– Лина, я понимаю, что тебе надо выговориться. Но сомневаюсь, что для этого тебе нужен именно я.

Лина кивнула и положила на придиванный столик позолоченный ключ.

– Это от сейфа у Гленна дома.

Фабиан поднял ключ и осмотрел его. Муландер со своими людьми уже побывал дома у Гленна и провел первый осмотр. Поскольку ничего особо интересного они не обнаружили, более тщательный осмотр отложили на потом. Если бы они нашли запертый сейф, он бы наверняка слышал об этом.

– Сейф стоит где-то на кухне. Я пыталась выяснить где, но не смогла его найти, – Лина подняла глаза и встретилась с ним взглядом. – Хотя знаю, что он там есть.

– А как ты достала ключ?

– Гленн боялся держать его у себя. Он считал, что достаточно того, что у него есть сейф.

– Как ты обо всем этом узнала? Вряд ли тебе рассказал Йорген.

– Они не всегда бывали трезвыми и теряли бдительность, а для меня это было своего рода страховкой на случай, если Йоргену взбредет в голову слишком далеко зайти.

– Ты знаешь, что лежит в сейфе?

Лина устало улыбнулась в ответ и встала.

– Спасибо за чай и за то, что выслушал. Не провожай меня.

– Подожди, я отвезу тебя домой.

– Спасибо, не надо. Я приехала на машине.

– Тогда пойду провожу тебя до машины. Больше я для тебя ничего не могу сделать, – Фабиан встал и пошел за ней в сторону холла.

– Фаббе, пожалуйста, не надо. Машина стоит довольно далеко.

– Тем больше оснований, чтобы я…

– И если уж совсем честно, мне кажется, это не понравится твоей жене.

– Да, в этом ты права, – сказала Фабиан с улыбкой, открыл дверь и вышел с ней на улицу.

Она взяла его за руку, и они пошли по пустынному тротуару. Всю дорогу они не сказали ни одного слова, и их молчание казалось вполне естественным. И только когда они подошли к машине, Лина обернулась и посмотрела ему в глаза.

– А ты помнишь, как мы на перемене играли в шары, и ты проиграл все свои и взял мой последний?

Фабиан кивнул. Это была одна из первых побед в его жизни. С помощью последнего шара Лины он сумел разрушить одну пирамиду за другой. До сегодняшнего дня он не понимал, как ему это удалось. Словно его рука стала волшебной. Вокруг стоял почти весь их класс, а вскоре подошли ребята и из других классов, чтобы посмотреть на его чудо-ловкость. Или просто везение? Неважно, что это было, но он выиграл большой пакет с шарами и отдал ей.

– Так вот, я до сих пор храню эти шары. – Она обняла его и поцеловала в щеку, а потом открыла дверь машины и уехала.

Фабиан как можно более осторожно заполз под одеяло, чтобы не разбудить Соню. Но она все равно проснулась, повернулась к нему, положила руку ему на грудь и приподняла голову, чтобы он мог подложить под нее свою руку. Она была голая и теплая. Он же – слишком уставший.

– Фабиан, ты меня любишь?

– Да, конечно.

– Точно?

Он прижал ее нагое тело к своему и наклонился к ней для поцелуя. Но она закрыла ему рот рукой.

– Послушай, я тут подумала.

Он вздохнул и перелег на свою сторону.

– Соня, я знаю, что было совсем не…

– Пожалуйста, дай мне договорить. Я много думала и решила, что лучше всего, если мы с детьми на какое-то время уедем обратно в Стокгольм. Иначе я буду только и делать, что ходить и злиться, а нам сейчас это меньше всего надо. Так что предлагаю взять паузу, пока все не выяснится.

Ему хотелось возразить. Заставить ее передумать и обещать, что с этой минуты все будет гораздо лучше, только бы она осталась.

– Я уже говорила с Лисен – мы можем пожить в гостевом домике на острове Вермде до конца лета, и Матильда будет играть со своими кузенами.

Его хватило только на то, чтобы кивнуть.

– А как только ты освободишься и у тебя появится на нас время, мы вернемся и будем вместе. Ведь мы так задумали с самого начала.

– А потом, когда все уляжется, я хочу, чтобы мы с тобой куда-нибудь поехали. Только ты и я. Куда-нибудь далеко.

– Хорошо.

32

С листьев капало – мелкий дождь напоминал о том, что прекрасная погода на прошлой неделе отнюдь не в порядке вещей. На самом деле, Хельсингборг довольно ветреный и дождливый город. С другой стороны, на прошлой неделе мало что было в порядке вещей, думал Фабиан, гуляя по лесу Польшескуг вместе с Тувессон.

Она позвонила ему утром и предложила прогуляться. Пока что они говорили обо всем на свете, кроме того, ради чего встретились. Она расспрашивала его, как его семье в новом родном городе и как настроены дети перед началом учебного года. Фабиан отвечал на все вопросы как можно более честно, но старался не слишком распространяться.

Буковая роща расступилась, и они вышли к замку Польше. Они несколько минут молчали, и Фабиану показалось, что тишина начинает жить своей жизнью. Пройдясь по парку вокруг замка, миновали лабиринт, а потом прямо по влажной траве перешли на длинную аллею, деревья которой образовывали темную сводчатую галерею. Фабиан вспомнил, как они играли здесь в салки, или в *догонялки* в местном варианте, и он все удивлялся, как деревья могут так расти, что получается галерея, пока не увидел садовника с электропилой.

– Если бы не ты и не твои окольные пути, наше расследование топталось бы на месте, я прекрасно это понимаю. Но события приняли такой оборот, что я как ответственное лицо больше не могу оправдывать то, что произошло в Леллинге. В таком случае мне тоже придется уйти. Тогда расследование передадут в Мальме, и ты знаешь, чем все закончится.

Фабиан понял, куда она клонит. Полиция Мальме славилась тем, что год за годом занимала первое место в статистике нераскрытых преступлений.

– Я точно так же, как и ты, хочу раскрыть это дело, и как можно быстрее. Но не любой ценой.

– Тебе нужен козел отпущения?

– В данном деле его нетрудно найти, – первый раз за всю прогулку она позволила себе улыбнуться. – И это еще не говоря о твоей так называемой подростковой влюбленности. – Он собрался было объяснить ей, но она предупреждающе подняла руку, и он замолчал. – Но это мы обсуждать не будем.

Они вышли из прохода под деревьями на свет. Дождь перестал, и небо

уже очистилось. Тувессон остановилась у смотровой площадки и посмотрела на оживленное движение судов в проливе. Замок Кроноборг уже купался в лучах солнца.

– Предлагаю тебе снова уйти в отпуск и приступить к работе 16 августа, как мы планировали. Будь я на твоем месте, я бы занималась семьей и наслаждалась жизнью. Такая погода простоит максимум еще несколько недель, а потом наступит осень. Как всегда вовремя.

Фабиан кивнул, и Тувессон повернулась, чтобы пойти дальше.

– Если я возьму отпуск, тогда об этом лучше позаботиться тебе, – Фабиан показал маленький латунный ключик, держа его между большим и указательным пальцем, и кинул ей в руку. – Это ключ от сейфа дома у Гленна.

Тувессон удивленно посмотрела на него.

– Где-то на кухне. Больше я ничего не знаю.

Она коротко кивнула и быстрым шагом пошла прочь.

Фабиан посмотрел в сторону Дании и принялся размышлять над ее словами. Тувессон вывела его из игры, но ничего другого он и не ожидал. Это единственное, что она могла сделать в сложившейся ситуации. Проблема только в том, что рутинной работы полиции согласно букве закона будет недостаточно, чтобы появился хоть малейший шанс раскрыть дело.

24 декабря

Привет, дневник, с Рождеством тебя.

Пытался вести себя, как обычно, но и мама, и папа заметили, что что-то не так, и подумали, что я не рад подаркам, хотя я сказал, что очень рад. Получил синтезатор на подставке. Папа хотел его подключить, но у меня не было сил. Сказал, что устал, и пошел в свою комнату, хотя еще не было одиннадцати.

Прочел об одной девочке, которая прыгнула под поезд. Моя ровесница, и ее так же доставали, как и меня. Все, что она написала в своем письме, относится и ко мне. Абсолютно все.

Не могу рассказать об этом никому другому. Но знай: я тоже думал о том, чтобы прыгнуть. Несколько раз, но не хватило духу. Пока что. Но я жутко устал бояться. Боюсь уже целых полгода. Боюсь идти в столовку и есть. Боюсь перемены. Боюсь опозориться на уроке. Боюсь своих бывших приятелей. Боюсь идти домой. Боюсь, что каникулы закончатся.

И тут вошла мама, хотя я сказал, чтобы меня не трогали, и спросила, почему я не хочу поиграть на синтезаторе. Я не хотел отвечать, но она все

спрашивала, и тут я расплакался. Попытался перестать, но не получилось, и тогда я сказал, что не хочу возвращаться в школу, потому что там одни дураки, и тогда она спросила, а может, надо мной кто-то издевается, и я ответил, что нет, но она сказала, что похоже на то, и рассказала, что встречалась с учительницей и говорила об этом, на что учительница только заметила, что я стал более рассеянным и тихим и стал хуже писать контрольные, а потом, когда я ничего не сказал, мама ушла.

Не понимаю, как можно так делать за моей спиной. Говорить обо мне жуткие гадости. Через две недели начинается эта чертова школа, и сперва я хотел прогуливать, но сейчас передумал. Наконец-то я решился. Сколько раз думал, и теперь первый раз почувствовал уверенность. Терять мне нечего. Мне наплевать на то, как все будет. Хуже быть не может.

Спокойной ночи.

PS: На Рождество не купил Лабану подарок. Ему, похоже, все равно. В нескольких местах у него слезает шерсть. Может, это из-за мочи? Ведь он столько ее пьет. Он тупой, уродливый и противный. До чего же я его ненавижу.

33

Астрид Тувессон собрала в совещательной комнате Лилью, Муландера и Утеса и поставила на стол поднос с ароматным латте и круассанами. Опущенные уголки губ сразу поползли вверх, и Утес стал шутить, что сильно располнеет, если они в скором времени не раскроют дела.

– Для начала хочу сказать, что с этого момента Фабиан Риск отстранен от следствия, – произнесла Тувессон, раздавая кружки.

– Жаль. На меня он произвел хорошее впечатление, – отозвался Утес.

– На меня тоже, и больше всего я бы хотела, чтобы он остался. Но не получилось.

– Все говорит само за себя, – сказала Лилья. – Он учился в этом классе, и мы не можем делать разницу между ним и всеми остальными.

– Значит, ты его подозреваешь? – спросил Муландер.

– Ну, что значит подозреваю… Но если посмотреть на эту ситуацию внимательно, то…

– Давайте больше не будем об этом, – вмешалась Тувессон, встретившись с Лильей глазами. – О’кей?

Лилья и остальные кивнули, и они начали обсуждать текущее положение дел. Лилья рассказала, что связывалась со всеми авиакомпаниями, но за последние дни пассажира по имени Руне Шмекель или Клаес Мельвик они не регистрировали.

– Но информации о том, что он просто выехал из Дании на другой машине и уже давно проехал Германию, тоже нет, – заметил Утес, взяв еще один круассан.

– Мы объявили его в международный розыск, но пока отрабатываем версию, что он все еще в Швеции. Кстати, как идет сбор сведений о его одноклассниках?

– Более или менее все готово. Что скажешь, Ирен? – спросил Утес.

– Почти готово, – ответила Лилья. – Больше всего мне бы хотелось еще раз проверить по официальному списку класса, но, похоже, его невозможно достать.

– Интересно. А в Городском архиве его тоже нет? – спросила Тувессон, повернувшись к Утесу.

– У них наверняка есть. Но электронная архивная опись, скорее всего, полетела.

– Что значит «полетела»?

– Помните ту кибератаку на мэрию Хельсингборга, о которой так много писали в мае?

– Да, это когда их завалили мейлами? – уточнила Лилья.

– Да. Тогда к ним точно проникла масса вирусов и троянов. Во всяком случае, серверы, где хранилась опись Городского архива, приказали долго жить.

– Нашли время, – вздохнула Тувессон.

– Еще как нашли, если хотите знать мое мнение.

– Но я не понимаю. Если списки классов все равно есть в обычном архиве, то ничего не стоит их заполучить, – сказала Лилья.

– Да, но без архивной описи ты не узнаешь архивного номера, а без него рыться в архиве – все равно что искать иголку в стоге сена, даже труднее. Они обещали помочь, но это займет недели. Если повезет.

Тувессон сначала сидела молча, а потом покачала головой.

– В этом нет никакого смысла, – она обернулась к Лилье. – Из тех, кого мы знаем, сколько по-прежнему живет в Сконе?

– На самом деле, большинство. Только один человек из класса живет в Осло.

– Но как раз сейчас многие находятся в отпуске за границей, – заметил Утес.

– Составим приоритетный список, в каком порядке мы будем с ними связываться. Важно как можно быстрее выяснить, нависла ли еще над кем-то опасность.

– Я уже начала и связалась с несколькими, – сказала Лилья.

– И?

Лилья покачала головой:

– Ничего, пока что все отзываются друг о друге как о маленьких мерцающих лучиках, которые только и делали, что дарили окружающему миру тепло и любовь.

Утес засмеялся и покачал головой.

– Давайте надеяться, что под угрозой находились только Йорген и Гленн, – подытожила Тувессон и перевела взгляд на Муландера. – Ты закончил осмотр дома Шмекеля?

– Более или менее. Кстати, кроме небольшого количества отпечатков пальцев и прочей мелочи, я не нашел ничего по-настоящему интересного. Я надеялся найти хотя бы запасной ключ к его машине, но, похоже, нет даже этого.

– Может быть, у него есть дача? – спросил Утес.

– На него ничего не зарегистрировано, – ответила Лилья.

– Кстати, о даче, – взял слово Муландер и раздал всем копии черно-белых ландшафтных фотографий в рамках из дома Руне Шмекеля. – Может быть, у него есть дом в этих краях? Если это за границей, совсем необязательно, что собственность зарегистрирована в Швеции.

Его коллеги стали рассматривать фото, на которых была изображена пересеченная местность с плотно застроенным городом.

– Ты не знаешь, что это? – спросил Утес.

Муландер просиял:

– Сначала я подумал, что это Каркассон. Я всегда хотел туда поехать, это одна из моих самых любимых игр.

Остальные посмотрели на него, совершенно ничего не понимая.

– Вы никогда не играли в «Каркассон»?

Они покачали головами.

– Это что, игра? – спросил Утес.

– О боже. Как мало вы знаете, – Муландер покачал головой.

– Во всяком случае, это не Каркассон, – заключила Тувессон.

– Точно, не Каркассон. Это Грасс, тоже на юге Франции, только немного восточнее. Я там был. Возможно, кто-нибудь из вас слышал о «Парфюмере»?

– Погоди, – начал Утес. – Это там, где… Ну, вы знаете…

– Да-да, но давайте обсудим это в другой раз, – вмешалась Тувессон. – Попытайся выяснить, есть ли у него там дача. А еще у нас есть вот что, – она показала ключ, полученный от Фабиана. – Мне дал его Риск, который говорит, что он подходит к сейфу на кухне Гленна.

– Я уже осмотрел эту кухню. Нет там никакого сейфа, – отозвался Муландер.

– И все же я хочу, чтобы вы с Ирен посмотрели еще раз. На всякий случай, – Тувессон передала через стол ключ Лилье и обернулась к Утесу. – А как у нас со следом из «Макдональдса»?

– Я обращался во все рестораны, но пока никто его не узнает.

– Пока?

– Они работают по сменам, и я еще не успел встретиться со всеми.

– О’кей. Что у нас еще? А, вот что: после объявления в розыск от общественности не поступало ничего интересного?

– Практически нет, – ответил Утес.

– Что это значит?

– Коротко говоря, мы не получили ничего такого, что стоит рассказать нашим внукам, – уточнил Утес.

– О’кей, но сейчас я бы предпочла развернутый ответ.

– Так и быть, – вздохнул Утес и покосился в сторону последнего круассана. – Помимо обычных болтунов, видевших его в Фарсте, Больмуре и Грумсе, не говоря уже о других местах, к нам обратилось двое его пациентов. Один из них утверждает, что Шмекель во время операции вшил ему в живот навигатор, чтобы найти его, если захочется человечины.

– Мило.

– Не говори.

– А второй?

– Второй довольно смешной. Он утверждает, что Шмекель изнасиловал его, когда он был под наркозом.

– Ты сказал «смешной»? – переспросила Лилья, уводя круассан прямо у него из-под носа.

– Я еще не закончил, – Утес проводил круассан Лильи взглядом. – Это якобы случилось в 1998 году. Я спросил, почему он еще тогда не заявил об этом в полицию, на что он ответил, что после изнасилования заработал себе геморрой и стыдился рассказывать это полиции. – Утес так засмеялся, что у него затрясся весь живот.

Лилья обменялась взглядами с Тувессон и Муландером. Все трое изо всех сил старались не рассмеяться.

– А что заставило его рассказать об этом сейчас? – поинтересовалась Тувессон.

– Насколько я понял, только сейчас он стал проходить.

– Геморрой? – спросила Лилья, и когда Утес кивнул, она больше не смогла сдержаться.

– А Линкерт Перссон – он ничего не сообщал? – спросил Муландер.

– Линкан? Как раз собирался о нем рассказать. Он утверждает, что точно знает, где находится преступник.

– Вот как? – удивилась Лилья.

– А он сказал, как об этом узнал?

– Конечно. Как всегда, у него есть своя собственная уникальная версия, которая приблизительно сводится к тому, что Клаес вынашивал план мести еще в школьные годы и что все можно прочесть в граффити на стенах. Поэтому он считает, что мы должны дать ему возможность собрать и расшифровать все граффити в различных туалетах школы во Фредриксдале.

Все замолчали. Никто, похоже, не знал, что сказать. В полиции Хельсингборга все знали Линкерта Перссона. Мужчина шестидесяти восьми лет с неустановленным диагнозом проходил у них под кодовым названием «Линкан» или «Синдром Перссона». Когда-то Линкерт Перссон

страстно мечтал стать комиссаром криминальной полиции, но, пять раз провалив вступительные экзамены в полицейскую академию, устроился вахтером в ту самую школу. Там он работал, пока его не обвинили в сексуальных домогательствах: он просверлил глазок в душевую девочек. Хотя прокурор настаивал на тюремном заключении, приговор ограничили штрафом и лечением. Насколько здоровее он стал после лечения – об этом в полиции у большинства было собственное мнение.

Теперь Линкерт величал себя детективом, и на его визитках было написано:

ЛИНКЕРТ ПЕРССОН – РЕШАЕТ НЕРЕШАЕМОЕ

Какое бы следствие ни вела Тувессон и ее группа последние пять лет, Линкерт всегда выдвигал свои версии – одну нереальнее и страннее другой. Но он всем нравился, и чтобы разрядить обстановку в группе, его иногда приглашали на кофе поделиться своими соображениями.

Но на этот раз никто не засмеялся. Во многих отношениях эта версия была типична для Линкана, такая же сумасшедшая и невероятная, как все прочие его версии. И тем не менее, никто из них не сбросил ее со счетов. Может быть, потому, что все чувствовали: в этом расследовании возможно все. То, что преступник мог оставить зацепки среди граффити, так же вероятно, как и любое другое предположение.

– Что он будет? – спросила Тувессон.

– Как обычно. Кофе и марципан в шоколаде.

– А разве обычно он не миндальные пирожные выбирает? – удивился Муландер.

– Это было до того, как он вбил себе в голову, что Феминистская инициатива отравила их женскими половыми гормонами, чтобы свергнуть патриархат.

– Почему бы им теперь не взяться за марципаны?

34

Когда он сел на поезд в Хельсингере, вагон был пуст. Но по мере приближения к Копенгагену вагон все больше наполнялся людьми, а к станции «Хеллеруп» все сидячие места уже были заняты. Большинство сидели в наушниках, подсоединенных к мобильным, и листали бесплатные газеты, где много писали о том, как его ищет датская полиция. «Вот шведский убийца! Его зовут Руне Шмекель».

Он взял оставленную кем-то газету и нашел статьи, в которых подробно описывалось, как он лишил жизни Йоргена и Гленна, а потом датскую девушку Метте Луизе Рисгор. Читая разворот о конфликте, возникшем между датской и шведской полицией, он рассмеялся так громко, что сидевшая рядом женщина удивленно подняла глаза.

За исключением последней четверти пути, всю дорогу вдоль датского Золотого берега он разрабатывал и совершенствовал новый план, и чем больше он думал, тем больше все вставало на свои места. Идея пришла ему в голову прошлой ночью. В тот момент, когда Риск открыл дверь Лине Польссон, у него возникло решение, ясное и самоочевидное.

Он не мог объяснить, почему эта идея пришла ему именно тогда. Это не имело к Лине никакого отношения. Может быть, потому, что на тот момент перед ним стояло две больших и с виду неразрешимых проблемы? Остановка сердца Моники Крусеншерна и действующая на нервы полицейская работа Фабиана Риска. Уже не первый раз он убеждался в преимуществе двух проблем над одной. Две проблемы решались одна за счет другой, и это скорее правило, чем исключение. Так будет и в этот раз.

Он вышел на станции «Эстерпорт» и поразился большим и широким улицам Копенгагена. Три-четыре полосы в каждую сторону, широкие велосипедные дорожки и тротуары. В Стокгольме не так много таких просторных улиц. И тем не менее, Стокгольм увел звание столицы Скандинавии у датчан из-под носа. Понятно, им это не понравилось. Чертовы датчане.

Он пошел дальше по аллее Дага Хаммаршельда в сторону района Эстербро и смог убедиться, что практически все газетные афиши посвящены охоте за ним и эскападам Риска и что он к тому же объявлен в международный розыск. Неплохо, совсем неплохо, подумал он и сел за свободный уличный столик кафе «Dag H».

Он съел салат с курицей и запил его стаканом «датской воды». Официант стал убирать его стол, и он еще заказал двойной эспрессо. Грех жаловаться. Сейчас, в основном, все ему благоприятствует, подумал он и оглядел других посетителей. Хотя он был у всех на устах, его никто не узнавал. Раньше, наверное, он бы этим удовлетворился. Несколько дней в свете рампы на всех газетных афишах. Но не теперь. Теперь ему надо больше. Когда он закончит все дела, никто не сможет опять проигнорировать его или забыть.

Он залпом выпил эспрессо и посмотрел на часы. Почти половина третьего, и по навигатору добираться ему четверть часа пешком. Он не поскупился на чаевые и направился к Центральной больнице.

Пришло время лишить жизни еще одного.

Еще одну невинную жертву.

35

– После вас, – сказал Муландер по-английски, поднял ленту оцепления и дал Ирен Лилье первой зайти на участок перед виллой Гленна Гранквиста. Она вставила ключ в замененный замок, повернула его и открыла дверь.

– Не уверен на сто процентов, но думаю, он взял его здесь.

Лилья осмотрела вытянутую прихожую, которая вела в жилое помещение:

– Здесь?

Муландер кивнул.

– Вероятно, он просто позвонил и подождал, пока жертва откроет. А когда тот наконец открыл, накачал его наркотиками до бессознательного состояния.

– Как он сделал с Йоргеном.

– Именно, – раздраженно подтвердил Муландер, недовольный, что его прервали. – Как бы там ни было, он упал и ударился головой вот об это, – он указал на острый угол калошницы из литого железа, – из-за чего на голове у него образовалась рана.

Лилья наклонилась, но ничего, кроме калошницы, не увидела.

– После этого он затащил жертву в прихожую, а потом через весь дом доволок его до задней стороны, скрытой от посторонних глаз.

– Но если в результате удара он поранил затылок, а потом его тащили через прихожую, где-то должны быть следы крови? – Лилья посмотрела на линолеум на полу, но не увидела ничего, напоминающего кровь.

– Глянь-ка. – Муландер провел пальцем по углу калошницы и показал его Лилье, которая по-прежнему ничего не видела и стала терять терпение. Муландер проигнорировал это и провел пальцем по другому месту калошницы, а потом показал пыль на пальце Лилье. – Видишь? Он убрал за собой. Во всех остальных комнатах пыль лежит слоями. Но не в прихожей. Он убрал весь свой проход по дому. – Он показал на пол, встал и вошел в дом. Лилья последовала за ним.

– Но зачем прилагать усилия, чтобы вытереть несколько следов крови, когда на месте обнаружения трупа этой крови сколько угодно?

Муландер, улыбаясь, повернулся к Лилье:

– Я задавал себе точно такой же вопрос и считаю, что на него можно дать только один ответ: это не входило в его планы. Он не рассчитывал на

то, что жертва упадет прямо на калошницу и продырявит себе голову. А этот преступник наверняка делает все, чтобы придерживаться своего плана. Если бы мы обнаружили следы крови в прихожей, это не дало бы нам особого преимущества. Но у него нет времени на анализ последствий, и поэтому он предпочитает как можно быстрее замести следы. Все, чтобы придерживаться плана.

– А если план не сработает? Что он будет делать?

– Разработает новый план.

– А швабра? Ты нашел ее?

– Он использовал половую тряпку, – Муландер открыл дверь в маленький чулан под лестницей. – Он даже сполоснул ее после себя и выжал.

Лилья заглянула в чулан, где помимо пылесоса, ведра и нескольких жидких моющих средств находилась низкая мойка из нержавеющей стали. Она потрогала тряпку, висевшую на крючке, и внимательно посмотрела на пол под ней. Действительно, не похоже, что на него что-то капало.

– О’кей, лучше всего, если мы начнем до звонка Тувессон, – Муландер пошел дальше на кухню. Лилья осталась на месте. Словно внутренний голос подсказывал ей остаться в чулане и осмотреть его более внимательно. Она попыталась сосредоточиться.

– Ирен!

Она сдалась и подошла к Муландеру.

– Мы всегда можем спросить у Риска, но я почти уверен, что Гленн прогуливал уроки домоводства, – Муландер открыл дверь на кухню. – После вас, дорогая, – снова сказал он по-английски.

Лилья вошла в кухню и сразу увидела, что у Муландера есть основания так считать. В мойке лежала груда грязной посуды с засохшими остатками еды, на обеденном столе высилась небольшая гора картонных упаковок и недоеденных кусков пиццы – все гавайские. На плите стояла кастрюля с заплесневевшими макаронами и еще одна со старым мясным фаршем, в котором копошились маленькие черви. В воздухе в пылком экстазе жужжала стайка мух, словно не знавших, с чего начать пиршество. Каждый вдох в плотном воздухе словно приближал на шаг к смерти, и Лилья, пытаясь свести эти шаги к минимуму, сразу же поспешила к окну и настежь распахнула его.

– О’кей, давай порассуждаем. – Муландер обвел кухню взглядом. Лилья осторожно открыла холодильник, но тут же поспешно закрыла его.

– Поскольку сейфа нигде не видно, надо исходить из того, что он где-то спрятан.

– Ты так думаешь? – Лилья посмотрела на него с деланным удивлением.

– Я не закончил, хорошо? Я хотел сказать, что даже если сейф спрятан, его должно быть не так трудно найти и открыть. Я не прав?

– Да, конечно. Давай начнем искать. – Лилья отодвинула холодильник от стены, посветила за ним карманным фонариком и убедилась, что там нет ничего интересного.

– Например, поэтому его нет за холодильником, – продолжил Муландер. – Если бы он, вопреки предположениям, все же там находился, на линолеуме, по меньшей мере, остались бы отметки.

Лилья опустила глаза и увидела на полу царапину, которую только что сделала. Она устало вздохнула и не стала возражать. Ведь Муландер недаром считается одним из лучших криминалистов страны. До сих пор она ни разу не слышала о том, чтобы он что-то пропустил. Сейчас с его губ не сходила характерная для него улыбка, и она понимала, что это значит. Для него все это как игра. Игра, где он может блеснуть, и она с удовольствием даст ему такую возможность. Она рассмеялась.

– О’кей, так где же сейф? Говори. Ты ведь знаешь, правда?

– Нет, не знаю, но у меня есть предчувствие. – Он развел руками и сделал искусственную паузу. – Попытаемся применить интеллект и предположить, что сейф находится в укромном и одновременно легкодоступном месте.

Лилья обвела кухню глазами. На стенах ничего не висело, кроме постера таиландской авиакомпании «Thai Airways» с красивой фотографией побережья. Она сорвала его, но никакого сейфа не обнаружила. И тут ей пришла в голову мысль посмотреть в шкафу с кастрюлями.

– А почему бы и нет? – поддержал ее Муландер, и Лилья поспешила к угловому шкафу.

Она опустошила две полки-карусели, достав оттуда кастрюли, сковородки, дуршлаг и несколько форм для выпечки. После чего села на корточки и посветила карманным фонариком. Если бы она точно не знала, что ищет, она бы никогда это не нашла.

Маленькая дверь, как и стена, была выкрашена в белый цвет. Единственное, что выдавало существование двери, – черная замочная скважина. Лилья просунула руку между полками-каруселями, вставила ключ в замок и повернула его, после чего открылась маленькая, но толстая дверь.

Сейф был практически пуст, за исключением четырехугольной темной

коробки. Лилья надела перчатки, осторожно взяла коробку и поднесла ее к свету. На коробке показалась узкая щель, и стало ясно, что она с крышкой. Муландер осторожно потянул за крышку, которая сидела так крепко, что в нее едва мог проникнуть удушливый воздух на кухне.

В коробке лежали DVD-диски с домашним видео. Лилья взяла один из них и прочла сделанную фломастером надпись. «Таиланд – 97». На другом диске было написано: «Пьяная телка – 01».

– Посмотри вот этот, – сказал Муландер, протягивая диск. «В гостях у Мьелле – 93».

36

– Ну, как тебе? – спросил Фабиан, как только они встали с кресел и пошли к выходу. Он моментально пожалел о своем вопросе. Больше всего на свете он не любил, когда ему самому сразу же после просмотра фильма задавали этот вопрос. Он до сих пор краснел, вспоминая, как после премьерного показа без субтитров «Бешеных псов» Квентина Тарантино на Стокгольмском кинофестивале, корреспондент ТВ4, не дав ему опомниться, прижал микрофон к его лицу и спросил его мнение. Он почти не понял быстрых диалогов и ответил, что, во всяком случае, музыка ему понравилась, и напел *уга чака*, *уга чака*.

– Вполне себе ничего, – ответил Теодор, пожимая плечами.

Фабиан видел, что сыну фильм очень понравился, но не стал ничего говорить. Сам он уже знал, что останется под сильным впечатлением. И это при том, что он больше года ждал, когда пойдет на «Начало».

Сколько он себя помнил, он питал слабость к экшен-фильмам. К таким, в которых замысел ставился выше самого экшена.

Самое большое удовольствие он получал именно от таких фильмов. Как, например, от первых «Звездных войн». Он просидел с открытым ртом все вступление, когда ты едешь вдоль почти бесконечного космического корабля. Он никогда не видел ничего подобного. Дальше становилось все интереснее и интереснее, и когда подошли к концу заключительные поиски Звезды Смерти, он, двенадцатилетний мальчишка, вышел из кинотеатра на заплетающихся, трясущихся ногах, изменившийся навсегда.

Фабиан растерянно озирался, пока до него не дошло, что они вышли через заднюю дверь на улицу Смедьегатан и оказались на задворках квартала, а не на улицу Седергатан со стороны входа. Он никогда не понимал, зачем относиться к зрителям как к второсортному мусору, который надо как можно быстрее вынести, чтобы не завоняло.

– Ну что, прокатимся?

Теодор страшно удивился, но именно на такую реакцию Фабиан и рассчитывал. Он объяснил, что именно эти рейсы делают Хельсингборг одним из лучших городов мира. Говоря в общих чертах, садишься на паром до Хельсингера, купив билет в один конец, остаешься на пароме, ешь и пьешь беспошлинно, пока не перестаешь понимать, в какой стране находишься. Теодор без энтузиазма согласился, пожав плечами.

Фабиана и Теодора посадили в ресторане за столик у окна с белой скатертью, дорогими приборами и живыми свечами. Фабиан разрешил Теодору заказать, что ему хочется, и взял себе то же самое. Гамбургеры с картофелем фри и большую колу. Он попытался завязать разговор и спросил сына, как у него дела и что он чувствует, переехав в другой город. Но Теодор давал такие односложные и ничего не говорящие ответы, словно забивал гвозди в гроб, где лежали их отношения – безжизненные и без всякой надежды на спасение.

Когда они поели, над столом, как влажное одеяло, нависло молчание, которое словно впитывало в себя весь кислород из воздуха. Подошедшая официантка спросила, закончили ли они, и стала убирать со стола.

– Желаете десерт?

– Тео? Что скажешь?

– Нет, не надо. Я наелся.

– Хорошо, может, что-то выпьешь? Например, еще одну колу?

– Нет, спасибо.

– Ладно. Мне, пожалуйста, большую кружку крепкого пива.

Официантка кивнула и ушла. Она наверняка поняла, подумал Фабиан и посмотрел в окно. Приближался причал Хельсингера. Слишком медленно. А впереди еще вся дорога обратно.

Он пожалел, что поддался давлению Сони. Это была целиком ее идея – поговорить о неприятных вещах в приятной обстановке. Обреченная на провал затея.

На месте Теодора он, вероятно, поступил бы точно так же, но опять начал:

– Тео, ты ведь уже не дуешься из-за того, что получилось со «Sweden Rock»?

Теодор закатил глаза с таким видом, будто искал, куда бы ему смыться.

– Ты только знай: это было сделано исключительно из заботы о тебе, а на следующий год, или через год, ты наверняка сможешь поехать.

– Конечно, – Теодор уставился на пустой стакан из-под колы.

– Хорошо. А как оно вообще?

– Что?

– Ну, знаешь… Переезд и все такое.

– Ты уже спрашивал.

– Да, но получил не так много ответов. Например, о комнате. Ты ею доволен?

Теодор молча пожал плечами.

– Во всяком случае, последнее время ты так много времени проводишь

взаперти, это не так уж и плохо, но… – он вздохнул, не зная, как продолжить. – Словом, я понимаю, как тебе трудно с приятелями и все такое, я это действительно понимаю. Но я абсолютно убежден в том, что…

– Перестань меня доставать. Я что, говорил, что мне тяжело? А? Разве говорил?

– Тео, успокойся. Я совсем не это имел в виду.

– Да, а что тогда? Это вам с матерью тяжело, вот поэтому вы и переехали. Ты что, думаешь, я не понимаю?

Через три минуты принесли пиво. Звук, с которым его ставили на стол, нарушил молчание, и Фабиану показалось, будто его ударили по лицу. Как последнее доказательство того, что из него получился никудышный отец. Без алкоголя с этой ролью он явно не справился. Он решил не притрагиваться к пиву и приготовился к долгому пути домой.

37

Выяснить, где находится Мортен Стенструп, оказалось легче, чем он даже мог надеяться. Полицейский, отказавшийся умирать. Ему даже не пришлось спрашивать на ресепшне на первом этаже. Об этом прямо перед его приходом позаботился журналист из газеты Политикен.

Оставалось только идти за журналистом и ждать в комнате ожидания вместе с остальными. Через три часа он выяснил все, что нужно для завершения своей задачи. В какой палате лежит Стенструп, в каком он состоянии, как его лечат и, самое важное, как его охраняют.

Когда пришла женщина-полицейский, все набросились на нее, как мухи, и он смог незаметно отложить газету о здоровье, которую якобы читал, в ту самую минуту, как над дверью туалета загорелся зеленый огонек – значит, сейчас освободится. Он встал и направился к туалету, дверь которого открыл журналист из «Политикена». Он вошел, заперся и сразу же понял, что у журналиста не в порядке желудок.

Пользуясь случаем, облегчил мочевой пузырь и пополнил питьевые запасы несколькими кружками холодной воды. Его поражало плохое качество воды из крана за пределами Швеции. Он заправил брюки в носки, затянул шнурки на ботинках и вынул из рюкзака веревку с крючком на конце. Напоследок достал пару тонких перчаток, натянул их на руки и расправил так, чтобы они сидели как второй слой кожи безо всяких складок.

Он был готов.

Взяв щетку, которая стояла у стены в углу, ногой закрыл крышку унитаза и забрался на ручку для инвалидов, широко расставив ноги. С помощью щетки сдвинул одну из потолочных плит и прикрепил крюк к кабельному мосту. Затем спрыгнул на пол, поставил на место щетку и отпер дверь, прекрасно осознавая, что сильно рискует. Но он расценил, что запертая дверь туалета привлечет к себе еще больше ненужного внимания.

Серьезные физические тренировки в течение последних двух лет были как нельзя кстати, и для него не составило никакой проблемы подняться по веревке вверх. Значительно сложнее дался последний отрезок – пролезть через дырку. Расстояние до крыши оказалось меньше, чем он предполагал, и чтобы уместиться на кабельном мосту, ему пришлось снять рюкзак.

Он сложил веревку, засунул ее в наружное отделение, вернул на место потолочную плитку, надел респиратор и стал осторожно пробираться на

руках по пыльному кабельному мосту, который, несмотря на тяжесть его тела, не собирался гнуться.

Туалет остался позади. Теперь под ним была комната ожидания. Здесь до крыши было гораздо дальше, и он смог привстать и поползти по кабельному мосту на четвереньках, мимо свистящих вентиляционных барабанов. Под ним раздавались взволнованные голоса журналистов – они возмущались скудной информацией, полученной от бедной женщины-полицейского, которая могла только повторять ответ своих начальников: «В интересах следствия мы не можем в настоящий момент давать какие-либо комментарии, но мы созовем пресс-конференцию, как только мы…», – говорила она по-датски. Он точно знал, что это означает.

Они не знали ни шиша.

Он пополз дальше по сантиметровому слою пыли, скопившейся на кабельном мосту, и оказался у разветвления – одно колено под углом 90 градусов шло налево, другое под тем же углом – направо. Он достал карманный фонарик Neofab Legion II в 742 люмена – самый мощный карманный фонарик в мире. Несмотря на клубящуюся повсюду пыль, которая поглощала большую часть света, он мог видеть на пятьдесят-шестьдесят метров вправо и на тридцать влево. Иными словами, он добрался до коридора, правая часть которого вела к выходу, а левая – к охраняемому отделению.

Он продолжил пробираться по кабельному мосту в сторону отделения, и когда оказался прямо над дверью в отделение, вытащил моток лески, которую с помощью кусочков скотча заранее разбил на отрезки разной длины вплоть до полуметра. Он закрепил конец лески на уровне двери и услышал, как прямо под ним идут двое полицейских.

– Але? Где вас черти носят?

– Заткнись, уже идем! Дурачок, – послышался трескучий голос из рации.

Он оставил полицейских позади и стал дальше пробираться по отделению. Иногда ему приходилось протискиваться через узкий проход или переползать через вентиляционный барабан. Он все время тянул леску и следил за маркировками. На отметке в 23 метра он остановился, зажег фонарик и увидел клубок из кабелей, шлангов и труб различной величины, который пробился вниз через потолок, как ползучее растение, разросшееся на свободе. Означало ли это, что он дошел до цели, он не знал. Проблема заключалась в том, что кабельный мост не шел налево, как было бы при наличии там нового коридора или смотрового кабинета. Внизу, через стеклянную дверь комнаты ожидания, он видел только, как полицейские и

врачи сворачивали налево примерно в этом месте. Он посчитал их шаги от двери в отделение и пришел к выводу, что это примерно двадцать три метра по коридору.

Он погасил фонарик и взобрался на вентиляционный барабан. Отсюда он доставал до арматуры ламп дневного света. Он попытался приподнять кожух, но тот был привинчен. Почему он не взял с собой плоскогубцы? Он медленно вздохнул и почувствовал, как влага в респираторе превратилась в капли, которые стали стекать с подбородка. Ему надо подумать и оценить возможные варианты. Он спустился вниз на кабельный мост, лег на спину и закрыл глаза.

И только снова услышав под собой голоса полицейских, понял, что спал. Он пополз за ними и выяснил, что просчитался на два-три метра и слишком рано повернул налево. Там кабельный мост тоже разветвлялся, и он смог без труда продвинуться за ними еще на десять метров, пока они не остановились. По пути он слышал, как полицейские обсуждали геройский поступок Мортена Стенструпа и сошлись во мнении, что нет ничего более безрассудного и глупого.

– А теперь заткнись, у него будет много телок, когда он вернется. Если он захочет, у него их, черт возьми, будет хоть отбавляй.

С большой долей вероятности полицейские шли охранять вход в палату Мортена Стенструпа. Но в отделении было несколько палат, и он никак не мог узнать, в которой Мортен. Кабельный мост разветвлялся в разных направлениях, и ему ничего не оставалось, кроме как ждать.

Проблема решилась благодаря женщине-полицейскому, которая явно пришла туда во второй раз против воли врача. Полицейские попросили ее показать удостоверение и впустили ее вместе с врачом, не зная, что в ту самую секунду подписывают своему коллеге смертный приговор.

38

Кого они на самом деле ищут? Преступника или жертву? Ирен Лилья вытерла слезы и по дороге на совещание просмотрела свои записи. Ей хотелось по чему-нибудь ударить. Или кого-нибудь. Засунуть пальцы в рот, чтобы вырвало. Но вместо этого ей пришлось вытереть слезы и как можно дальше задвинуть свои чувства. Действовать профессионально.

Середина 1980-х годов. Переписано с видеокассеты. Плохое качество, ручная камера. Гленн и Йорген занимаются сексом с разными женщинами. В основном, традиционный секс. Подруги или проститутки? Играют в порнофильм. Групповой секс с Гленном, Йоргеном + жена Йоргена Лина. Все пьяные. Хихикают. В шутку. Различные позы. Йорген засовывает свой член Лине в рот. Рвотный рефлекс. Ударяет по лицу. Гленн смеется, мастурбирует.

Больше секса. Больше насилия. Камера лучше, на штативе. Таиланд, несовершеннолетние. Анально. Моча. Накачанная наркотиками молодая женщина, со спутанным сознанием, привязанная цепью. Мусорный мешок на голову. Сигарета к соску.

– И все в том же духе, – сказала Лилья, подняв глаза от своих записей.

– Значит, Гленн и Йорген систематически насиловали и избивали женщин? – спросила Тувессон.

Лилья кивнула.

– А каких женщин? – поинтересовался Утес. – Проституток?

– Не знаю. На некоторых первых видео начала девяностых есть жена Йоргена Лина. Но после того как он избил ее и принудил к оральному сексу перед камерой, она перестала в этом участвовать. Похоже, они стали приводить домой всех подряд, накачивать их наркотиками, а потом, вероятно, где-то выкидывать.

– И все это они снимали? – спросил Утес.

Лилья кивнула.

– А потом они к тому же переписали фильмы с видеокассет на DVD.

– Полный бред, – сказал Утес, покачав головой.

– А что тут бредового? – подал голос Муландер. – Это всего лишь

способ пережить все заново и запомнить. И к тому же это можно считать коллекцией трофеев.

Утес повернулся к Муландеру:

– Ингвар, тут все бред.

– Как бы там ни было, я хочу, чтобы вы посмотрели вот это, – вмешалась Лилья и взяла один из DVD. – Он отличается от всех остальных.

– Каким образом? – спросила Тувессон.

– Женщин здесь нет. Только наши жертвы и… наш преступник. – Она вставила диск в плеер и нажала на плей. На белой стене появилось дрожащее зернистое изображение, снятое ручной камерой.

Лестничная площадка с голыми мерцающими лампами дневного света на потолке и граффити на стенах. В нижнем правом углу дата и время: 13.04.1993, 18:17. В кадре появляется Йорген. На нем джинсы и куртка с капюшоном. Он явно пьян. В одной руке он держит бутылку пива, которой чокается с камерой, одновременно звоня в одну из дверей. Губы его шевелятся, но ничего не слышно.

Он допивает пиво и показывает на пол. Камера следует за его пальцем и приближает изображение. Нечетко видно, как Йорген расстегивает ширинку и вынимает свой член. Резкость автоматически наводится то на этикетку бутылки, то на член. Йорген отливает в бутылку.

– Какая скотина, – Тувессон покачала головой.

– Сожалею, но это только самое начало.

– А почему нет звука? – спросил Муландер.

– Наверное, они просто забыли включить звук, но потом поняли это и включили.

Йорген, усмехаясь, держит бутылку перед камерой. В кадре появляется рука Гленна, который берет бутылку. Йорген надевает на пальцы кастет и снова звонит, на этот раз он дольше держит кнопку звонка. Через какое-то время дверь открывает Клаес Мельвик. Он шевелит губами, все время переводя глаза с камеры на Йоргена и обратно. В глазах страх. Губы опять шевелятся. Йорген в ответ рыгает ему в лицо и заталкивает в квартиру.

Прыгающая ручная камера следует за ними. Камеру водят

туда-сюда, пока закрывают и запирают входную дверь. Потом камеру наводят на зеркало в прихожей. Виден Гленн в полный рост, который снимает самого себя. Улыбаясь, он чокается со своим отражением полной бутылкой пива. Улыбка исчезает, он ставит бутылку на стол в прихожей и нажимает кнопку на камере.

В ту же секунду включился звук, и Тувессон и все остальные уже больше не могли просто наблюдать происходящее со стороны. Теперь они тоже были там.

С Гленном, Йоргеном и Клаесом.

Из скрытых динамиков на потолке и сабвуфера под столом раздавались звуки происходящего за кадром – слабеющий голос Клаеса, который умолял и просил их прекратить в перерывах между сильными ударами Гленна, напоминающими удары молотком по арбузу.

Камеру переносят из прихожей в комнату и приближают к Клаесу, который больше не просит их прекратить. Теперь он бездыханный лежит на полу, а Йорген кастетом наносит ему удар за ударом. Лицо, красное от крови и мокроты, становится все больше и больше похожим на одну сплошную открытую рану. Йорген перестает бить. Он задыхается и весь в поту. Вытирает свою окровавленную руку о рубашку Клаеса.

– Черт, мы не дадим ему так просто сдаться, – с ухмылкой говорит Йорген. – Наверное, он хочет пить. Дай-ка ему что-нибудь.

Камеру наводят на окровавленное лицо Клаеса, и в кадре появляется рука Гленна с бутылкой из-под пива. Он вливает мочу Клаесу в рот. Тот приходит в себя и начинает кашлять. Часть мочи попадает ему на лицо.

– Вот так, молодец. Просто пей, и все тут, – Гленн запихивает горлышко бутылки в рот Клаеса и выливает туда все содержимое. – Вот так.

13.04.1993, 20:03. Теперь Клаес с вытянутыми над головой руками висит на потолке на крюке для люстры, как боксерская груша. Его запястья связаны изолентой, которая в свою очередь прикреплена к крюку. Он старается держать разбитую голову прямо, но она все время упрямо норовит упасть ему на грудь под собственной тяжестью. Перед ним пританцовывает Гленн,

словно в разгар состязания по карате. Время от времени он подпрыгивает и пинает голову Клаеса, которая с силой дергается в сторону.

– Держи голову прямо, что я сказал! Ты должен держать голову прямо! – кричит Йорген за камерой. Он подходит к Клаесу и дает ему несколько пощечин. – Какой же ты мерзкий! Чертов мудак!

Клаес пытается держать голову прямо, но сил у него нет. Его губы шевелятся, но слов не слышно. По крайней мере, вначале. Потом раздается шипение:

– Пожалуйста… Убейте меня… Пожалуйста…

В кадре появляется Гленн.

– Пойдем. Надо пожрать.

13.04.1993, 22:28. Бездыханный Клаес лежит на полу в прихожей. Рядом с ним телефон. Запястья по-прежнему обмотаны изолентой.

– Черт возьми, как он сумел сюда добраться?

Камеру наводят на Йоргена, он пожимает плечами.

– И зачем? Шнур-то отрезан, – Йорген с ухмылкой показывает перерезанный телефонный шнур. – Но ты об этом не подумал, мерзавец! Ведь не подумал?! Не подумал! – Йорген хватает телефон и несколько раз бьет им Клаеса по голове.

– Эй! Только руки и ноги, – слышится голос Гленна. После чего Йорген отшвыривает телефон, берет Клаеса за ноги и тащит его обратно в комнату.

Лилья нажала на «стоп» и повернулась к своим коллегам.

– И так еще больше часа.

Никто из собравшихся не сказал ни слова. Из них словно выкачали всю энергию.

– Черт побери, – наконец выдавил из себя Утес. – Вот и думай теперь, на чьей ты стороне.

– Не понимаю, как он смог выжить, – сказала Тувессон, вставая. – Извините, но мне надо прерваться.

– А когда мы снова соберемся? – поинтересовалась Лилья.

– Мы закончили, – с этими словами Тувессон вышла из комнаты.

39

Он проснулся от боли. Боли в груди. Словно в него вонзили острый нож. Прямо в грудь. С каждым вздохом нож вонзался все глубже и глубже. Он дотянулся до кнопки, которая увеличивала дозу морфия, и нажал на нее, но не почувствовал никакой разницы. Он нажал опять.

Где-то мелькнуло слабое воспоминание об одетых в белое мужчинах. Вероятно, врачей. Они обсуждали его случай. Он понял, что выкарабкается, но придется годами заниматься лечебной гимнастикой, чтобы получить шанс снова начать ходить. Или он неправильно услышал и все наоборот? Никакая лечебная гимнастика в мире не поднимет его на ноги.

Он попытался подсчитать, сколько дней находится в сознании, но это было трудно. Все слилось в пелену дней, медсестер, обследований и кормлений. Насколько он понял, он тяжело ранен и находится в больнице. Возможно, в Центральной больнице в Копенгагене.

Он даже вспомнил часть событий. В память врезался эпизод, когда он подошел к преступнику, который привинчивал колесо к «Пежо». Как он схватил свой пистолет, но не успел его вытащить, неожиданно получив удар гаечным ключом в ухо. Воспоминания приходили к нему именно в виде картинок – застывших и обрывочных.

Сегодня его навестила женщина. Он надеялся, что это Эльзе. Каждый раз, когда он просыпался, его первая мысль была о ней. Она слышала, что случилось? Она по нему скучает? По нему вообще кто-нибудь скучает? Но когда женщина подошла ближе, он увидел, что это не она. Тоже красивая женщина, по-настоящему красивая. Но с Эльзе никто не сравнится.

Женщина оказалась полицейским, одетым в гражданское. По ее словам, она уже навещала его два дня назад. Она, очевидно, искала преступника и считала, что знает, кто это. Она показала фото этого человека. Но это был не он. Во всяком случае, Мортен не думал. Но сейчас он вдруг почувствовал неуверенность. Он не уверен в том, что сказал, и в том, что видел.

Он попытался сосредоточиться на том, в чем был полностью уверен. На том, что видел на самом деле, на различных мелких деталях, которые, может быть, смогут воскресить остальные воспоминания. Но сделал единственный вывод: полностью он ни в чем не может быть уверен.

А что если на самом деле ничего не произошло? А что если все только сон? Сон, который в любую секунду прекратится, как только прозвенит

будильник. Какой у будильника ужасный звонок! Он много раз думал об этом, но теперь точно сделает. Если все это окажется сном, он заменит будильник на радиобудильник.

Он еще раз нажал на кнопку для морфия. Боль осталась, но значительно уменьшилась. Острая режущая боль почти полностью стихла. Осталась пульсирующая ноющая боль. Его мысли перетекли в бесформенный поток. Может быть, он просто должен перестать дышать? Надолго задержать дыхание. Получилось? Эльзе… Он любит Эльзе… Она знает, что случилось? Жалеет ли о том, что ушла от него? Она думает о нем? Ее это хоть как-то волнует?

Одна из потолочных плит поехала вверх, и на потолке появилось отверстие. А может, там никогда и не было плиты? А его коллеги? Он сделался посмешищем в их глазах? Он глубоко вздохнул и почувствовал, как где-то глубоко внутри него поворачивается нож. Одетая в темное фигура спустилась через отверстие по веревке вниз и подошла к нему. Первый раз за долгое время сомнений как не бывало. Ему даже не надо было видеть лицо. Он был абсолютно уверен. Уверен в том, что мужчина, который вставил в капельницу шприц и выдавил туда его содержимое, – тот же человек, что ударил его по голове гаечным ключом и переехал его машиной. «Пежо». Швед. Какие там были регистрационные номера? Он и это помнит? Мужчина вынул шприц и сжал капельницу.

JOS 652… Именно так.

Его окатила волна удовлетворения, и его последним воспоминанием стал звук аппаратов, на которых сработала сигнализация. Так, наверное, орут сумасшедшие обезьяны, запертые в слишком тесной клетке.

40

В церкви в Леллинге уже звонили колокола, когда в нее вошел Фабиан Риск. Монотонный оглушающий звон, напоминание о том, что ничто не вечно. Утром, не найдя своего черного костюма, он надел черные джинсы и темно-серый шерстяной пиджак, в котором было жарко. В церкви было полно народу, и ему пришлось протиснуться на свободное стоячее место сбоку. И эта девушка считала, что у нее нет друзей!

Священник и крестил, и конфирмовал Метте Луизе Рисгор и говорил о ней как о чудесной девушке, полной радости и жизненной силы. Многие плакали, не скрываясь, и даже священник с трудом сдерживал слезы. Он рассказывал, как плакала, вернее, кричала, Метте Луизе во время церемонии крещения. Так громко, что даже церковному органу не удалось ее заглушить. Но в ту самую секунду, когда ее головку окропили святой водой, она замолчала, посмотрела вверх и одарила собравшихся такой улыбкой, от которой растаял бы любой полярный лед.

Священник был уверен, что она увидела Бога, а Бог ее. По его мнению, это знание может помочь в той скорби, которую всем предстоит пережить.

– Бог все делает со смыслом. Так и в этот раз. Мы не всегда его понимаем. Но знайте: вас не оставят без помощи.

Если смысл заключался в том, чтобы у него в груди все сжалось, то у Бога получилось, подумал Фабиан. Преступник прав. Это только его вина.

После церемонии церковный сторож пригласил всех в примыкающий к церкви общинный дом на кофе с печеньем. Похоже, большинство знали друг друга, и через четверть часа в помещении уже раздавался гул голосов. Фабиан стоял один со своим кофе из френч-пресса и хотел как можно быстрее уйти оттуда. Но что-то говорило ему, что важно остаться и не сбегать. Остаться из-за своей вины.

Ему было трудно стоять на одном месте, и он стал обходить присутствующих. Группа детей что-то смотрела в мобильном, а за круглым столом сидело несколько пожилых мужчин в костюмах. Насколько он мог понять, они говорили о жарком лете, и один из них утверждал, что ничто не сравнится с одним летом, выдавшимся в 30-е годы.

Немного поодаль в окружении людей стояла низенькая круглая женщина его возраста, периодически бросавшая на него взгляды. Каждый раз он отвечал ей улыбкой и коротким кивком в знак приветствия. Но она ни разу не улыбнулась в ответ. Наоборот, вид у женщины, беседующей с

остальными, становился все более и более взволнованным.

Фабиан понял, что это, наверное, мать Метте Луизе Рисгор, и стал думать, надо ли ему подойти к ней. Но долго раздумывать ему не пришлось, поскольку женщина сама направилась к нему. Он протянул руку, но она ее не взяла. Она спросила его, кто он, и он, представившись, пообещал сделать все, что в его силах, чтобы найти преступника.

– Преступника? Ты и есть преступник! Это твоя вина! – закричала женщина. – Это ты убил ее! Послал на смерть! – Женщина стукнула его кулаком в грудь, продолжая кричать, что он убийца и должен гореть в аду.

Фабиан принимал удары, не оказывая никакого сопротивления. Все теперь замолчали и повернулись к ним. Подошел мужчина с короткой стрижкой и в подтяжках.

– Что здесь, черт возьми, происходит? Это ты тот шведский полицейский?

Фабиан кивнул. Он не успел отреагировать, как мужчина толкнул его, и он потерял равновесие, при падении вылив кофе себе на белую рубашку. Мужчина взгромоздился на него и приготовился к следующему удару. Но Фабиан опередил его, схватил мужчину за руку, скинул его на пол и, используя силу движения, встал на ноги, после чего смог заломить мужчине руку за спину.

– А теперь давай успокоимся. Ладно? – он посильнее надавил мужчине на руку, давая тому понять, что у него серьезные намерения. Дальше он не пошел, поскольку его схватило трое других мужчин, посоветовавших ему как можно быстрее отсюда убраться. Фабиан послушался их совета и поспешил к выходу. За своей спиной он услышал выкрики о том, как важно держать Данию в чистоте и гнать этих чертовых шведов к границе.

Весь на нервах, он сел за руль, запер центральный замок и попытался вставить ключ в зажигание. Но дрожащие руки его не слушались. Только после нескольких глубоких вдохов ему удалось обеими руками вставить ключ и повернуть его.

Отъезжая от парковки для прихожан, он задумался над речью священника и пришел к выводу, что если в смерти Метте Луизе и есть какой-то смысл, он заключается в том, что преступника надо схватить раньше, чем он лишит жизни еще несколько невинных людей. Фабиан не мог точно сказать, почему, но что-то подсказывало ему, что как бы ни старались его новые коллеги, это должен сделать он.

Он выбрал скорость, отпустил сцепление и направился в сторону Копенгагена.

41

Дуня Хоугор вздрогнула, проснувшись от звука воды, которую спускали в туалете. Она чуть было не потеряла равновесие, но ей удалось опереться левой рукой о стену. Только через несколько секунд она поняла, что находится в кабинке туалета в криминальном отделе полиции Копенгагена. За последние сутки обстановка совсем накалилась, и единственным шансом ненадолго закрыть глаза было запереться в туалете.

Смерть Мортена Стенструпа перевернула все вверх дном. Она узнала об этом в полтретьего ночи во вторник, а как раз вторники она проводила вне дома. Ее единственный вечер вне дома за целую неделю. Так повелось с тех пор, как она ушла от Карстена вот уже почти семь месяцев назад, – именно вечер вторника.

Желая сделать ему сюрприз, она поехала в Стокгольм, где он участвовал в семинаре по трейдингу вместе с массой других сотрудников Нордеа, и, как в плохом фильме, застала своего партнера-будущего-мужа-и-отца-ее-будущих детей в постели с одной из его шведских коллег.

Не сказав ни слова, она развернулась на каблуках и прямиком отправилась в стокгольмскую ночь с жаждой мести, которая била через край.

В конце концов она оказалась в «Kvarnen» – старом пивном зале в самом сердце южной части города, Сёдермальма. Там не составляет труда кого-нибудь найти. Она не могла вспомнить его имя. Может быть, он даже не представился? Она запомнила только, что он был рыжий и крупнее Карстена.

Чуть больше недели спустя ее поразило, как быстро она его забыла. Она ни разу не подумала о рыжем шведе и поняла, что так и надо поступать в ее ситуации. Это сработало. Душа радовалась, а походка стала легкой, какой уже давно не была, и она решила сделать это традицией. Каждый вторник она будет выходить в свет и заряжаться энергией.

До сегодняшнего дня она пропустила только три раза. Два раза можно списать на грипп. Третий – на новую жену отца, которая скончалась после изнурительной борьбы с раком легких. К тому моменту, когда позвонил отец, Дуня уже успела пропустить несколько рюмок. Она моментально пожалела, что ответила, когда до нее дошло, что это он. Но она не смогла себя заставить положить трубку и согласилась побыть с ним, хотя никогда даже не видела его жену, да и с отцом они перестали общаться много лет

назад.

Через двадцать минут она приехала в Центральную больницу, где он сидел у постели умирающей. Она села рядом и взяла его ладони в свои. Никто из них ничего не сказал. Ни одного слова за целую ночь. И только когда взошло солнце, он высвободил свои ладони и сказал, что она может идти. С этой минуты ему больше не понадобится ее помощь.

С тех пор они не общались. Она знала, что он жив и где он живет, и время от времени спрашивала себя, как воспримет его смерть. Она надеялась, что останется равнодушной и пожмет плечами, хотя в глубине души знала, что все равно будет горевать. Горевать по всему тому, что они так никогда и не выяснили. По всему тому, что она так много раз проговаривала мысленно, что теперь знала наизусть каждое слово.

Именно этот вторник она провела в Кедбюене, где встретила чернокожего американца – режиссера рекламных фильмов. Его американо-датский привел ее в хорошее настроение, и через несколько мохито проблемы на работе казались такими же расплывчатыми, как листья мяты на запотевшем стекле.

Телефон зазвонил именно тогда, когда американец расстегнул ей лифчик и собрался поцеловать ее грудь. Когда спустя двадцать пять минут она приехала в больницу, там царил настоящий хаос. Никто ничего не знал. Какова причина смерти? Он лишил себя жизни или его кто-то убил? Если убил, кто и как? Ведь отделение усиленно охраняли. К тому же она все еще была навеселе или, если совсем честно, пьяная. Да она до сих пор не протрезвела.

Дуня взглянула на мобильный: она проспала 47 минут. Она поднялась с крышки унитаза, поправила волосы и подкрасила губы, после чего вышла из кабинки. Возвращаясь на свое рабочее место, еще раз задумалась над тем, как действовал преступник. Пока что им не удалось найти каких-либо технических следов, которые могли бы куда-то направить ее мысли. Рихтер по-прежнему был на месте со своими криминалистами. Во второй раз – после того, как она ясно дала ему понять, что если они ничего не найдут, им придется искать снова. И снова.

Опьянение наконец стало проходить, постепенно сменяясь похмельем. Прикрыв рот рукой, она понюхала собственное дыхание и решила остаток дня стараться не дышать. Тут ей встретился Ян Хеск, который рассказал, что Оскар Педерсен из отделения судмедэкспертизы только что сообщил, что установил причину смерти.

– Удушение.

– Удушение? Но там же нет признаков удушения?

– Видимых нет. Но у него в крови высокое содержание ботулотоксина.

Дуня знала этот препарат – это по сути тот же нейротоксин, который используют в ботоксе, и в больших дозах он может парализовать грудную мускулатуру, вследствие чего наступает удушение.

– Они проверили капельницу?

Хеск кивнул.

– Там было столько яда, что можно задушить пол-Дании. Кстати… – улыбаясь, он протянул ей коробочку мятных леденцов.

Ей следовало бы обидеться, но она, не протестуя, взяла конфетку.

– Возьми еще одну, а лучше две.

Она взяла еще две и пошла в свой кабинет.

– Может, возьмешь всю упаковку, – крикнул он ей вслед, и она, не оборачиваясь, через плечо показала ему средний палец.

Сунув все леденцы в рот, Дуня прошла на свое рабочее место. На стуле для посетителей сидел мужчина. Он обернулся. Она никогда не видела его раньше, но сразу поняла, кто это.

42

Тувессон, Лилья и Муландер сидели за столом. Каждый ел из пластиковой упаковки салат с курицей из супермаркета. Они ждали Утеса, который созвал это совещание. Тувессон посмотрела на свой салат и отметила, что трех маленьких кусочков курицы, которые она давно съела, явно хватило, чтобы продать сухой салат айсберг с небольшим количеством баночной кукурузы и оливок как «салат люкс с курицей». Она решила загладить впечатление от этого жалкого блюда и выкурить после обеда сигарету.

– Кто-нибудь слышал что-нибудь от Риска? – спросил Муландер.

Тувессон покачала головой:

– Нет, а почему мы должны были что-то услышать? Ведь он в отпуске.

Муландер молча кивнул.

– Ингвар, что мне было делать? У меня не было выбора.

– Да, знаю. Я знаю. Просто немного… Жаль.

– Ты в этом не одинок.

– К вашему сведению, я взяла на себя смелость и выяснила кое-что о Риске, – сказала Лилья. – Вы знали, что его уволили из областной криминальной полиции Стокгольмского региона?

Муландер покачал головой.

Тувессон вздохнула:

– Такое расследование, а тебе нечем больше заняться?

– Я просто подумала, что если нам вместе работать, может, неплохо что-то узнать друг о друге?

– Ирен, куда ты клонишь? Да, ему изменил здравый смысл, и он слишком далеко зашел. С тобой, наверное, было бы то же самое в его ситуации.

– Ты хочешь сказать, если бы я была влюблена в жену жертвы? – спросила Лилья.

– Это была подростковая влюбленность. Как дело обстоит сейчас, мы понятия не имеем.

– Да, вот именно. Как раз это и я хочу сказать. Мы не знаем. И дело в том, что, похоже, это не единичный случай. Я видела отчет о расследовании, проведенном в Стокгольме зимой, и если читать между строк, становится ясно, что и там он поступал по собственному усмотрению, не ставя остальных в известность.

– А что он тогда сделал? – поинтересовался Муландер.

– Во-первых…

– Ирен, давай не будем, – прервала ее Тувессон и решила, что выкурит как минимум две сигареты.

– Но…

– Как я вижу, вы уже собрались. Как хорошо, – с этими словами в комнату вошел Утес.

Тувессон мысленно поблагодарила его. Разумеется, Лилья права, и именно об этом ее предупреждали в Стокгольме, когда она наводила справки о Риске. Большинство сходились во мнении, что Риск хороший полицейский, один из лучших. Но он идет своим путем, и никогда не знаешь, в каком направлении и какие это может иметь последствия, – как раз то, что ей нужно. Она никогда не сказала бы это вслух остальным, но с ними стало слишком комфортно работать. Конечно, они профессионалы, на которых можно положиться. Но им словно больше не требовалось ничего доказывать, и поэтому не надо было ничем рисковать, предлагая неожиданную идею. Они никогда не совершали ошибок и не заходили за рамки дозволенного, что, наверное, прекрасно смотрелось во всех отчетах и заключениях. Но реальность устроена сложнее, и в некоторых случаях требуется быть именно здесь и сейчас.

На грани. Иногда даже по ту сторону.

Тут-то и нужен Риск.

Утес послал по кругу нарисованный фоторобот и рассказал, что к нему обратилась девушка из Макдональдса в Осторпе.

– Она работала в четверг ночью и не узнала ни Шмекеля, ни Мельвика.

Вот как они это видят, думала Тувессон. Шмекель *и* Мельвик. Как будто это два человека. Два разных преступника. А теперь по кругу передается фоторобот третьего преступника. Сколько их вообще будет, пока они не закончат дело?

– А кто это? – спросил Муландер и поднял вверх фоторобот.

– Этот человек якобы пришел в ресторан в самом начале первого ночи в четверг, и, когда подошла его очередь, заказал меню «Чили Макфест Де Люкс». Проблема в том, что это меню продают только по четвергам, а уже началась пятница.

– Значит, они отказались продать ему «Чили Макфест»? – спросила Лилья, и Утес кивнул.

– Они только выполняют указания, – пояснил Муландер.

– Но мужчина с этим не согласился, – продолжал Утес. – По его словам, он занял очередь еще в четверг и стал настаивать, чтобы ему

продали заказанное им блюдо. Девушка на кассе попыталась объяснить ему, что не она устанавливает правила, и что, к сожалению, ничем не может помочь, после чего стала обслуживать следующего клиента. И тут он пригрозил ей.

– За что? – спросила Тувессон.

– За то, что она его проигнорировала.

Остальные переглянулись.

– Ему не понравилось, что она через его голову стала обслуживать следующего клиента?

Утес кивнул.

– А потом? Что случилось потом?

– Он добился своего.

– Вот так и надо поступать, – ухмыльнулся Муландер.

– Она поняла, что это не пустые угрозы. У нее не возникло сомнений в том, что он говорит на полном серьезе.

Тувессон взяла фоторобот и принялась его внимательно рассматривать. Как обычно, Утес обратился к Гудрун Шееле, полуслепой старой учительнице рисования на инвалидной коляске, которая ушла на пенсию пятнадцать лет назад. Она жила в одном доме для престарелых с мамой Утеса, и как-то, навещая маму, он увидел выполненные Гудрун портреты и спросил, не может ли она помочь им с фотороботом. В тот раз они искали преступника, который в лесу Польшескуг насиловал женщин, совершающих там пробежки. Они опубликовали рисунок Гудрун, и через три часа мужчину опознали и задержали. С тех пор они периодически обращались к ней, стараясь не думать о том, что в любой момент она может умереть.

Как обычно, фоторобот был нарисован угольным мелком, и Тувессон в очередной раз не могла не восхититься талантом Гудрун. Как она вообще может держать мелок дрожащими руками? Но она еще и рисовала, и, как правило, ей хватало несколько штрихов, чтобы воссоздать образ, основанный на крайне скудных описаниях свидетелей.

Но этот фоторобот чем-то отличался от всех предыдущих, сделанных рукой бывшей учительницы. Помимо взгляда, уставившегося прямо на нее и действительно угрожающего, отсутствовал четкий образ. Цельность. Внешность мужчины на портрете была настолько заурядной, что Тувессон никогда бы не узнала его, если бы он сидел прямо перед ней. Чаще всего фотороботы грешили именно этим. Как и предсказания судьбы, они подходили всем. Но с рисунком Гудрун это случилось впервые.

– Что вы собираетесь делать? Вы собираетесь опубликовать

рисунок? – спросил Муландер.

– Поговорю с Хегсель, – ответила Тувессон. – Но лично я склоняюсь к тому, что надо подождать. Рисунок такой обобщенный, что более или менее подходит кому угодно. К тому же это уравнение со многими неизвестными. Кассирша не узнала ни Шмекеля, ни Мельвика, а описала совершенно нового человека, у которого случайно оказался угрожающий взгляд. Этого далеко не достаточно.

– Это не обязательно новый человек, – возразил Муландер. – Он и раньше менял внешность, и, может быть, теперь он выглядит так?

За столом воцарилась тишина, и через несколько минут до Тувессон дошло, что фоторобот полностью совпадает с ее внутренним ощущением. Они ищут призрак, нечто ускользающее, которое в одну секунду вроде бы находится на расстоянии вытянутой руки, а уже в следующую исчезает, как дым. Может быть, он именно так и выглядит?

Как кто угодно.

Любой Клаес или любой Руне.

Или как он там теперь себя называет?

43

– Вы проверили потолок?

– Проверили?

– Ну, в смысле осмотрели.

– Ты хочешь сказать, что он якобы забрался наверх и попал через потолок?

– А как еще можно попасть? Только через дверь.

Дуня Хоугор покачала головой и попыталась понять, как она могла упустить такую очевидную вещь. Она чувствовала себя дурой и больше всего хотела провалиться сквозь землю. Она порывалась сказать что-нибудь умное, но в голову не шла ни одна мысль. Зато она почувствовала, что начинает краснеть. Как ей не стыдно! Конечно, он хорошо выглядит. Но он женат, и к тому же она не решила, нравится ли он ей.

Первое впечатление было негативным, как и о большинстве шведов. Он шел напролом, словно весь мир принадлежит ему. Мол, это дело его, и он, несмотря на то, что официально отстранен, собирается работать дальше и раскроет его. Однако он мог бы помочь ей в обмен на ее помощь ему.

– Ты выглядишь как человек, которому надо что-нибудь съесть, – сказал он, и она поняла, что, возможно, этот швед отнюдь не дурак. – И если я сам не поем, то стану следующей жертвой.

Она рассмеялась.

– А тебе, похоже, в первую очередь нужна новая рубашка.

От свежего воздуха ей стало лучше. Ей надо было проветриться. После посещения универмага, где нарочито услужливый продавец продал Фабиану Риску одну из самых дорогих рубашек, Дуня решила пригласить его в «Cafe Diamanten» рядом с улицей Гаммель Странд. Кафе находилось в двух шагах от них, и в нем обычно было не так много посетителей, хотя это всего лишь в нескольких кварталах от пешеходной улицы Строгет. По какой-то причине туристы не доходили до Гаммель Странд, хотя там всегда солнечно и несколько ресторанов стоят впритык друг к другу. «Diamanten», самый из них непритязательный, ей нравился больше всех.

Они сели за столик в тени под тентом. Риск заказал салат «цезарь» и минеральную воду, а она – гамбургер и большую колу. Через несколько глотков она почувствовала, что жизнь возвращается к ней. Пока что они говорили ни о чем, обсуждая погоду, поражение датчан в футболе и почему датчанам так трудно понимать сконский диалект шведского. Они ходили

вокруг да около, и наконец Дуня решила сделать первый шаг:

– Надеюсь, ты понимаешь, что я очень многим рискую, находясь сейчас с тобой. Я получила строгие указания держать шведскую полицию как можно дальше от расследования.

– Тогда мне страшно повезло, что меня отстранили и я здесь только в отпуске.

Риск поднял свою воду, Дуня – свою колу. Она не могла не улыбнуться. Хотя не понимала, почему. Но каким-то удивительным образом ему удалось поднять ей настроение.

– Твой начальник, Ким Слейзнер. Он как-то объясняет, почему мы не должны сотрудничать?

– Ким не из тех людей, которые тратят энергию на объяснения. Он возлагает это на других. Думаю, он хочет дать вам по рукам, раз вы наступили ему на ногу. Больше всего на свете он ненавидит две вещи: когда его обходят и шведов. Вы должны были ему сначала позвонить.

– Мы так и сделали. Я сам при этом присутствовал, и поверь, он не ответил.

– Ты утверждаешь, что он врет?

– Я ничего не утверждаю, кроме того, что мы звонили, а он не ответил. И оставили сообщение на его автоответчике. Ситуация была критической, и мы не могли ждать.

Дуня не знала, что ей думать. Ким выступил очень жестко, и во внутренних кругах, и в СМИ, чтобы оправдать себя. Он раздул целое дело из того, что никто с ним не связался, и считал, что вся ответственность за смерть Метте Луизе Рисгор лежит на шведской полиции.

Каждая сторона утверждала свое.

– Вот номер Астрид Тувессон, моей начальницы, – продолжил Фабиан и написал номер на салфетке.

Дуня посмотрела на шведский мобильный номер.

– И что мне с ним делать? Если я ей позвоню, ясно, что она скажет то же самое, что и ты, – заметила она, мокнув картофель фри в лужицу кетчупа на тарелке.

– Ты должна позвонить не ей, а мобильному оператору, который соединил разговор.

Теперь до нее дошло. Она сегодня крайне туго соображала. С помощью номера она может проверить, действительно ли Слейзнеру звонили, точное время звонка и продолжительность разговора. Она задумалась над тем, что это значит. По-настоящему. По ее мнению, не так-то много. Девушка, а теперь и полицейский, были мертвы, и лучше всего

им наладить сотрудничество, чтобы поймать преступника.

– И что я за это должна?

– Доступ к машине.

– Нет, этого не будет. Мы постоянно занимаемся расследованием.

– Я только взгляну одним глазком. Максимум пять минут.

– А что я получу взамен?

– Помимо номера моей начальницы?

Она кивнула, и он засмеялся:

– Еще кола и все, что я знаю.

Она притворилась, что раздумывает, а потом улыбнулась:

– А что ты о нем знаешь?

– Мы учились в одном классе в средней школе. В те времена его звали Клаес Мельвик. Его травили, и он был изгоем.

– Вы его били?

– Не я, другие. Особенно двое.

– Две жертвы?

Фабиан кивнул.

– Но на самом деле, я был не намного лучше. Точно так же, как и все остальные, отворачивался.

– А почему Клаес Мельвик?

– Честно говоря, не знаю. Конечно, он носил очки, и у него смешная фамилия[20]. Но вообще-то я думаю, что по чистой случайности. Им был кто-то нужен, и подвернулся он.

– И ты уверен, что это он?

– А кому же еще быть?

Дуня пожала плечами.

– Мортен Стенструп, во всяком случае, не мог узнать его на тех фото, которые вы опубликовали.

– Здесь есть много объяснений. У него в крови был морфий? Он в принципе видел лицо преступника? Его память ведь могла пострадать в результате несчастного случая?

– Но он был совершенно уверен.

– А он мог описать внешность преступника?

– Увы. У него почти не было сил. Я думала попросить его сделать это сегодня.

– Это значит, что он, наверное, опять сменил имя.

Дуня кивнула.

– Это означает еще кое-что.

Риск встретился с ней взглядом.

– Он не закончил. В его списке есть еще люди, – с этими словами Дуня встала.

Фабиан провожал ее взглядом, пока она шла ко входу в ресторан. Он задумался над ее словами. Последние сутки у него ныло в груди. Он пытался отмахнуться от этого чувства, но оно упрямо возвращалось. И теперь, когда Хоугор сказала все открытым текстом, сомнений больше не было. Руне, Клаес, или как он там теперь себя называет, не закончил.

Далеко не закончил.

С Йоргеном и Гленном, двумя наиболее очевидными, он разделался. Но кто остался? Кто еще его третировал? Может быть, коллеги? Он читал о том, что взрослых, которых травили в детстве, травят и на работе. Словно окружение чует слабину, червоточину, которая присуща человеку всю его жизнь. Фабиан решил попросить Тувессон послать кого-нибудь в больницу Лунда и выяснить у коллег Шмекеля обстановку. Особенно после скандала, когда он забыл зажимы в мочевом пузыре пациента. Кстати, вот еще с кем надо связаться.

Но сначала он заглянет в «Пежо».

Дуня ясно дала понять, что лучше всего никому не знать, что она взяла с собой шведского полицейского, и поэтому они вошли в участок с черного хода. Машина находилась под землей четырьмя этажами ниже. Склад занимал весь этаж и был набит изъятыми вещами, которые ждали технического осмотра или использования в качестве вещдоков во время возможного процесса. Там было все – от автомобилей до рваных трусов.

За перегородкой из плексигласа с отверстием на уровне лица в инвалидной коляске сидел пожилой мужчина и возился с каким-то темным предметом из пластмассы в районе талии. Висевший за ним календарь с голыми девушками начала 80-х годов свидетельствовал о том, что он сидит здесь внизу без дневного света уже много лет. Дуня постучала по перегородке, но мужчина не поднял лица.

Она опять постучала, на этот раз так, что задребезжало стекло, и просунула через окошко свое удостоверение.

– Привет! Я не собираюсь проводить здесь весь день! Я хочу посмотреть на «Пежо», который поступил несколько дней назад!

– Шведская машина, – отозвался мужчина. – Вот только вправлю катетер на место.

Дуня кивнула.

– А это кто? – мужчина кивнул в сторону Фабиана.

– Меня зовут Фабиан Риск, – он достал свой бумажник, чтобы вынуть

удостоверение.

– Он потенциальный свидетель и пришел сюда, чтобы попробовать опознать машину, – вмешалась Дуня и отвела руку Фабиана с бумажником.

Мужчина смотрел то на Дуню, то на Фабиана, будто размышляя, не пойти ли ва-банк. В конце концов, он издал протяжный тяжелый вздох.

Фабиан и Дуня двинулись вслед за мужчиной, который так лихо вел свою инвалидную коляску по складу, что они почти бежали, чтобы не отстать. Время от времени он останавливался, чтобы отпереть ворота. Фабиан не мог понять, как этот человек может ориентироваться в таком с виду бесконечном лабиринте проходов между высокими полками, как на складе «ИКЕА», и знать, какой ключ подходит к какому замку. Но мужчина явно со всем справлялся, и в конечном итоге они попали в гараж, заставленный машинами. Некоторые больше напоминали груду металлолома, а некоторые, похоже, были совсем новыми. «Пежо» стоял в самом дальнем углу.

Фабиан надел резиновые перчатки, сел на водительское сиденье и закрыл дверь машины. Ему хотелось, чтобы его не трогали, и Дуня, похоже, поняла его и держалась на расстоянии. Она сказала, что машину все еще осматривают. Но он не увидел каких-либо маркировок с обозначением того, какие поверхности уже осмотрели или где были обнаружены отпечатки пальцев, волоски и тому подобное. Объяснение могло быть только одно: осмотр машины даже не начинали. Он не мог утверждать, что хорошо знает Ингвара Муландера, но исходя из того немного, что он видел, не сомневался, что к этому моменту осмотр был бы завершен.

Он открыл бардачок и достал все, что там было. Шариковая ручка с логотипом Лундской больницы, несколько батареек AAA, запасная лампа для фар, инструкция по эксплуатации и страховка, где владельцем машины значился Руне Шмекель. Ничего странного в этом не было. Фабиан пролистал сервисную книжку и отметил, что все необходимые работы выполнялись вплоть до запятой. Авторизированные печати стояли там, где они должны быть. Шмекель – дотошный человек, который ничего не делал кое-как и не занимался самодеятельностью. Сам он обычно отвозил машину в мастерскую, только когда слышал новый тревожный звук. Тогда чаще всего было поздно, во всяком случае, для кошелька.

В зеркале заднего обзора Фабиан увидел, как Дуня смотрит на часы и нетерпеливо оглядывается. Но старика видно не было.

Пора сделать то, ради чего он пришел сюда.

У Кима Слейзнера начала проходить головная боль, и он почувствовал,

как к нему наконец возвращается внутренний покой. Он стоял у окна в своем кабинете и смотрел на воду. На другой стороне он видел район Исландс Брюгге и самое оригинальное здание этого района Gemini Residence. Два цилиндра, сросшихся, как сиамские близнецы, внутренняя часть которых представляла собой лестничные пролеты, вызывающие ассоциации с «Заводным апельсином». Он жил в этом доме вместе с женой и дочерью в потрясающей квартире. Самой большой в доме.

Но за последние сутки у него не было ни малейшей возможности насладиться этим. От стресса у него начала открываться старая язва, и он волновался, хватит ли ему вообще средств остаться в своей квартире, если придется уйти в отставку. Но это было раньше. Сейчас волнение как рукой сняло, а язва почти не давала о себе знать. Даже стало ослабевать напряжение в затылке и в плечах.

Убийство Мортена Стенструпа сыграло ему на руку. Одним махом буря по поводу того, кто виноват в убийстве Метте Луизе Рисгор, улеглась. Все внимание, направленное на то, кто виноват – он или шведская полиция, – перенеслось на самого преступника. Так было лучше для следствия, но в первую очередь для него самого. Если к тому же его отделу удастся раскрыть это преступление прямо перед носом у шведов, победа станет свершившимся фактом.

Зазвучала мелодия «Can’t Touch This»[21] MC Хаммера, эхом отозвавшаяся в комнате, и он повернулся к письменному столу, на котором вибрировал его мобильный. Его дочь совершила насилие над его телефоном и закачала эту мелодию, удалив все остальные сигналы. «Can’t Touch This» ему нравилась меньше всего, и как только он ее слышал, у него сразу же портилось настроение. Проблема заключалась в том, что он не знал, как менять сигналы, и так прошел уже почти год.

Stop! Hammer Time![22] *Woo-o-oo-Woo-o-oo…*

Он ответил, только чтобы прекратить этот кошмар.

– Да, але?

– Алло, это Нильс Педерсен.

– Да? – Слейзнер понятия не имел, кто такой Нильс Педерсен и не почувствовал ни малейшего желания узнать это.

– Я работаю на складе.

– Извините, я сейчас на совещании и…

– Это займет не больше секунды. Я просто хотел на всякий случай проверить, что все понял правильно.

– Что? – прошипел Слейзнер и почувствовал, как язва опять стала

открываться.

– Что по делу о «Пежо» ничего нельзя отдавать шведской полиции без вашего согласия.

– Подождите. С кем я говорю?

– Нильс Педерсен со склада вещдоков. Мы сидели напротив друг друга на рождественском ужине в 2003-м.

– Вот оно что. А к вам кто-то обратился?

– Они сейчас здесь.

– Кто? Шведы?

Проклятие. Как, черт возьми, они проникли туда без его ведома?

– Его зовут Фабиан Риск, и он здесь с Дуней Хоугор.

Дуня… Конечно, Дуня. Кто же еще. Она не в первый раз отказывается подчиняться его приказу. Как только он стал начальником отдела, он совершенно ясно дал понять: если она будет хорошо к нему относиться, он будет хорошо относиться к ней. Проще и быть не может. Особенно для такой, как Дуня Хоугор.

Он понял, что она за штучка, еще когда они впервые встретились почти пять лет назад. Он увидел это в ее глазах и моментально понял, на что она годится. И зимой дал ей шанс. Он сделал все, чтобы она блеснула в лучах софитов. Но он напрасно протянул ей руку помощи. Она сама как будто бы не осознавала, до чего же похотлива. Но теперь, после расставания со своим бойфрендом, до нее явно дошло. И до всех остальных на работе тоже. Слухи о ней распространились, как вирус, и дошли до каждой дыры, где был полицейский участок. Как она заглатывает мужиков, словно удав кроликов.

И тем не менее, она показала ему спину даже на последнем рождественском вечере. Ему, который интенсивно тренировался три раза в неделю, имел тело тридцатипятилетнего мужчины, зарабатывал деньги и обладал властью на первых порах помочь ей с карьерой. Или вставить палки в колеса.

Последние полгода он искал способ от нее избавиться. Перевести ее на самый отдаленный участок. Но она была слишком хорошим полицейским. Как бы он ни пытался, он никогда бы не смог аргументировать свое решение.

– Остановить их? – спросил Нильс Педерсен.

– Нет, пусть продолжают, – сказал Слейзнер и проводил взглядом буксир, идущий по каналу. – Но не спускай с них глаз. В первую очередь, если они найдут что-нибудь интересное.

Фабиан посмотрел на ключ в своей руке, нажал на маленькую металлическую кнопочку, и лезвие ключа раскрылось. Похоже, его совсем не использовали. Он повернул световую кнопку, чтобы фары автоматически не зажглись, вставил ключ в замок зажигания и повернул. Медленно. Двигатель ни при каких обстоятельствах не должен заработать.

Загорелась приборная доска, чего он и добивался. Не больше и не меньше. Даже дисплей над радио зажегся и осветил стартовый дисплей навигатора. Секунды текли, как холодный мед, пока на дисплее наконец не появилась карта. Он посмотрел внимательнее и увидел, что выделенное место находится примерно в десяти километрах к северу от Кеге на шоссе Сементвей рядом с маленькой странной дорогой, ведущей прямо в поле, которое окаймляет лесную рощу. Значит, поиски прекратились здесь. Поиски, стоившие жизни двум невинным людям.

Но Фабиан искал не это. Он зашел в главное меню и нажал на МОИ ЛЮБИМЫЕ МЕСТА. На экране появился список из трех запрограммированных мест.

Дом – Адельгатан, 5, Лунд

Работа – Клиникгатан, 20, Лунд

В отъезде – рю дю Турон, 15, Грасс.

Он пометил себе, что надо спросить у Тувессон, нашли ли они что-нибудь интересное в Грассе, и нажал на кнопку в правом левом углу дисплея. Именно это он и искал, и именно за этим приехал в Копенгаген.

РАНЕЕ ПОСЕЩЕННЫЕ МЕСТА

На дисплее показался список различных адресов, а также даты и время. Он просмотрел список и быстро увидел, что до 19 июня машина в основном курсировала между домом и работой, за исключением нескольких заездов в супермаркет на улице Тунавеген, 39.

И только в понедельник, 21 июня заведенный порядок нарушается и становится интересно. 22 июня, в день убийства Йоргена Польссона, машина побывала в пункте оплаты на мосту Эресунн и в Германии и в конце оказалась на заправке в Леллинге. Но это только подтверждало то, что он и так знал. Его интерес вызвало 21 июня.

В 10:23 машина находилась в месте, где отсутствовало название улицы. Фабиан нажал на него, и навигатор показал это место на карте. Он увидел, что машина отклонилась от маршрута в сторону Седеросена примерно на километр к северу от Стенестада. Дорога словно внезапно исчезла в никуда. Только спустя несколько часов машина покинула

пустынное место и поехала дальше, на улицу Тегатан, где жил Йорген Польссон. Фабиан записал координаты: 56.084298,13.09021.

Он нашел именно то, что надеялся найти.

Дуня огляделась, чтобы убедиться, что никто из коллег не видит ее, открыла дверь и прошмыгнула в комнату отдыха, которую им обустроили два года назад и которой никто и никогда не решался пользоваться. Она легла на койку и закрыла глаза. Когда они прощались, Риск, похоже, был более чем доволен, хотя и не нашел ничего интересного. Так, по крайней мере, он утверждал. Но, разумеется, он что-то нашел.

Ей удалось только выжать из него, что он поедет обратно в Швецию и проверит одну вещь, и если она окажется интересной, он обещал с ней связаться.

Она задумалась над тем, есть ли у нее причины для раздражения, и пришла к выводу, что, вероятно, поступила бы точно так же. Она тоже предпочитает ничего не говорить на слишком ранней стадии – до тех пор, пока нет полной уверенности, – прекрасно осознавая, что многих ее коллег это раздражает, поскольку они считают, что каждую мысль и предположение надо обсуждать с остальными и перекручивать до неузнаваемости. Для нее это просто пустая болтовня, которая не дает ей сосредоточиться.

Завибрировал мобильный, и на дисплее появилась надпись «Слизняк».

– Дуня Хоугор слушает.

– Не надо делать вид, будто ты не знаешь, кто звонит.

– Привет, Ким. Всегда приятно слышать твой голос. Чем могу быть полезна?

– Зайди ко мне. Мне надо с тобой поговорить.

– Я занята…

– Сейчас же.

Дуня закрыла за собой дверь и села на стул для посетителей перед начисто убранным письменным столом Кима Слейзнера. Его улыбка не предвещала ничего хорошего. Ей всегда было спокойнее, если он злился или дулся. С этим она умела справляться. Другое дело, когда он вот так самодовольно улыбался. Чаще всего это означало, что ему пришла в голову идея, которую он сам считал гениальной и которую должны претворить в жизнь его маленькие вассалы. Это могло быть всем, чем угодно: от мертворожденного плана, которому надо неукоснительно следовать, до нового правила перерыва на кофе, когда каждый сотрудник в определенный

день должен принести какое-нибудь угощение. Конечно, кроме самого Слизняка.

– У тебя усталый вид. Ты вчера поздно вернулась домой?

– Не так поздно, как надеялась. Как ты знаешь, на нас повесили новое убийство. – Она постаралась придать себе как можно более безразличный вид.

– Ну и как? Есть успехи?

– Пока нет. Рихтер проверяет потолок. Многое указывает на то, что преступник проник таким путем.

– Другими словами, на данный момент у вас ничего нет?

– Правильно понято.

– Что еще ты хочешь мне поведать?

Дуня не понимала, куда он на самом деле клонит. Мог ли он как-то узнать о ее встрече с Риском? Она решилась и покачала головой.

– По-твоему, тот факт, что ты полдня провела с шведским полицейским и позволила ему осмотреть изъятый «Пежо», означает, что тебе нечего сказать?

Как, черт возьми, он мог это выяснить?

– А тебе самой это не кажется примечательным? – Он замолчал в ожидании ее реакции, которой не последовало. – Или скажем по-другому, – продолжал он. – Что именно ты не понимаешь в моей директиве не разглашать какие-либо сведения посторонним, особенно шведам, если на то нет согласия с моей стороны? Где ты потеряла нить?

Должно быть, это проклятый старик. Это он позвонил и наябедничал. Дуня представила себе, как она вырывает катетер и запихивает его старику в рот.

– Ким, я нормально поняла твою директиву. Но поимку преступника я считаю самым важным делом, независимо от…

– Сейчас никто не спрашивает твоего мнения. У меня также нет оснований трубить о твоем мелком злоупотреблении больше, чем нужно.

– Я не считаю это злоупотреблением. Наоборот, я полагаю, что…

– Заткнись! Считай, что хочешь, но ты нарушила пункт договора о неразглашении!

Дуня не могла взять в толк, о каком договоре говорит Слейзнер, пока он не положил перед ней на стол ее старый контракт о найме, указав желтым от никотина пальцем на тот самый пункт и зачитав вслух:

– «Запрет раскрывать, сообщать или использовать секретные сведения действует для наемного работника в той же степени, что и для ведомства, нанявшего данного работника». – Он поднял глаза и встретился с ней

взглядом. – Надеюсь, ты осознаешь, что этого вполне достаточно, чтобы тебя уволить.

Наверное, он шутит, подумала Дуня, хотя в глубине души знала, что это неправда.

– Ты не можешь так поступить, – произнесла она, проклиная себя за свой жалобный голосок. И это она, решившая действовать по принципу «око за око». А теперь она сидит, как жалкая рохля, и хочет только одного: чтобы все закончилось хорошо. – Ты не можешь просто…

– Я, черт возьми, поступлю с тобой, как захочу. Если закончится туалетная бумага, я с полным правом использую тебя. Ты ведь сама хорошо понимаешь: я не могу допустить утечек в своей команде.

– Я только и сделала, что позволила одному из наших шведских коллег, который работает с тем же делом…

– Мне точно известно, что ты сделала! Ты впустила постороннего и позволила ему ознакомиться с частью наших технических доказательств, не имея ни малейшего понятия о его подлинных мотивах.

– Он, черт возьми, хочет раскрыть дело точно так же, как и мы! Или, во всяком случае, я!

– Что касается самого дела, то этот Фабиан Риск вполне может быть преступником, как и любой другой. Они ведь, насколько я понял, учились в одном классе.

– Ты что, хочешь на полном серьезе сказать…

– Наверняка мы знаем только одно: Мортен Стенструп не узнал мужчину на фото из объявления о розыске, которое, насколько я понял, Риск сам составил и распространил. Вскоре после этого Мортена убивают, и именно Риск «случайно» оказывается в городе. Мы также знаем, что он был и, может быть, до сих пор остается влюблен в жену первой жертвы. Может быть, это просто совпадение? Или как? Ты на все это плюешь, расстилаешь перед ним красную ковровую дорожку и предоставляешь ему свободный доступ к машине, прежде чем мы сами успеваем ее осмотреть. Кстати, а ты хоть представляешь себе, что он там делал? Где гарантия, что он не уничтожил какие-нибудь доказательства?

Дуня поняла, что нет никакого смысла возражать. Она достаточно глубоко увязла в зыбучих песках, и чем больше барахталась, тем глубже опускалась вниз. Она посмотрела ему в глаза и задержала взгляд. Они оба прекрасно осознавали, что Слейзнер несет чушь. Но он лучше всех умел превратить любую чушь в нечто совершенно логичное и осмысленное. Может, поэтому он пошел так далеко? Ведь он никогда не был хорошим полицейским.

Слейзнер убрал контракт о найме и выдавил из себя улыбку.

– К счастью, я не из таких. Пусть это маленькое дельце пока полежит, а мы посмотрим, чем оно обернется. Может, ты мне за это окажешь одну небольшую услугу?

44

Фабиан Риск свернул с трассы E6 и направился на восток по шоссе 110 мимо Сакстorпа. В свой навигатор он ввел координаты из «Пежо»: 56.084298,13.09021 и теперь ехал по Сконе, следуя указаниям навигатора, говорившего женским голосом.

Он проехал мимо Маркхега и нескольких крупных хуторов, и его попросили свернуть направо на дорогу Эслевсвеген, а потом через пару сотен метров взять налево по дороге Хедвеген. Добраться до места не представляло никакой проблемы. Вопрос заключался в том, что ждет его в конце маршрута. На карте в основном были леса и опять леса.

Изучив местность по картам Гугла и обнаружив хутор с двумя одинаковыми большими строениями, он попытался что-то разузнать о владельце хутора, но безрезультатно. Поэтому он позвонил Ирен Лилье и попросил ее помочь. Она, естественно, полюбопытствовала, почему он не в отпуске, и что такого интересного именно в этом хуторе. В конце концов, он признался ей, что нашел запасной ключ к «Пежо», когда они были у Руне Шмекеля, и что сейчас едет из Копенгагена, где осмотрел машину, которая, по данным навигатора, находилась именно на этом хуторе за день до убийства Йоргена.

На другом конце провода воцарилась полная тишина, и Фабиану пришлось спросить, здесь ли Лилья.

– И ты называешь это отпуском, – наконец сказала Лилья и отругала его, сказав, что он сошел с ума и подвергает себя риску, поехав туда в одиночку. Он попытался успокоить ее, убеждая, что это наверняка пустой заброшенный хутор, но она видела его насквозь.

– Так вот почему ты на самом деле позвонил? Ты боишься и хочешь подстраховаться, сообщая нам, где ты?

Действительно, куда он на самом деле направляется?

После Когереда местность изменилась. Просторные поля сменились лесом, а дороги стали *уже* и петляли вверх по хребту национального парка Седеросен. В результате дорога стала такой узкой, что разъехаться на ней было невозможно, а специального места для разъезда видно не было. Однако это не составляло реальной проблемы, поскольку за последние четверть часа ему никто не встретился.

Дорога вела дальше к хутору, и Фабиан проверил, не ошибся ли навигатор. Но навигатор показывал только этот путь, и, вопреки своему

нежеланию быть непрошеным гостем, он все-таки заехал на хутор между домами. Там он сбавил скорость и стал осматриваться по сторонам.

Ворота в сарай были открыты настежь, но нигде никого не было. Хутор казался заброшенным. Предоставленным своей судьбе. Хранилище ржавых сенокосилок, старых тракторных покрышек, ванна и гора голых грязных манекенов. Фабиан подумал, как хорошо ему подходит высказывание Лори Андерсон о том, что у людей в крупных городах во всем мире больше общего друг с другом, чем со своими соотечественниками из деревни. Он знал о жизни в деревне так же мало, как о людях, в ней проживающих.

В правом зеркале он заметил какое-то движение – из сарая выскочил ком свалявшейся шерсти. Большая овчарка с лаем пробежала метров десять рядом с машиной, а потом вдруг исчезла под ней. Фабиан нажал на тормоз. Автомобиль забуксовал и остановился. Машинально заперев центральный замок, он стал ждать, когда вылезет собака, но ничего не происходило. Он отъехал на несколько метров назад и посигналил, но овчарки и след простыл.

Фабиан решил, что, может быть, уже доехал до места и сверился с навигатором, но тот показывал, что оставалось еще несколько километров. Тогда он осторожно отпустил сцепление, и машина покатилась вперед. Зазвонил мобильный, и он ответил, глядя в зеркало заднего вида.

– Урс Бруннер.

Собаки по-прежнему не было видно.

– А кто это?

– Владелец хутора, куда ты едешь.

– Немец?

– Очевидно. Он купил участок в 2001 году. Но вопрос в том, не является ли это одной из фамилий Шмекеля. – Телефон начал фонить, и голос Лильи слышался все хуже.

– А почему бы и нет? – согласился Фабиан, продолжая медленно объезжать одно из строений. – А ты проверила, есть ли у него настоящий адрес в Германии, или только абонентский адрес? Алло? Ирен, ты меня слышишь?

– Тувессон просила тебе передать, что ты остаешься… пока мы…

Когда он оказался по другую сторону, голос Лильи раздвоился, и разговор прервался. Фабиан бросил мобильный на пассажирское сиденье и поехал дальше, с собакой или без нее. Справа от дороги был лес, с другой стороны – открытое поле.

– Через триста метров поверните налево, – сообщил навигатор, и

Фабиан свернул на последний отрезок пути.

Дорога оборвалась через сто метров, и Фабиан вышел из машины и осмотрелся. Несколько туч заслоняли солнце, и возникало ложное ощущение осени. Тишину нарушили три лебедя, с шипением пролетевшие мимо, словно они были неподвластны закону тяготения. От взмаха их огромных крыльев в воздухе раздавался свист. Но скоро опять стало тихо. Ни шума машин, ни отдаленного гула, ни ветра в деревьях.

Было тихо и тревожно.

За деревьями виднелся пруд. Хутора видно не было. Фабиан подошел к единственному почтовому ящику, одиноко стоявшему в тени кустов дикой сирени. Крышка ящика заросла зеленым мхом. Фабиан поднял с земли палочку и принялся счищать мох. На голубой пластмассовой полоске, выцветшей от солнца, обнаружилась надпись «Бруннер».

Идущая от почтового ящика тропинка повела его дальше сквозь сирень, и с другой стороны кустов наверху над деревьями он увидел, как в воздухе что-то сверкнуло. И только подойдя ближе, разглядел большую круглую блестящую линзу, вмонтированную в столб, который, в свою очередь, был привязан к коньку крыши одного из домов.

Через какое-то время Фабиан оставил попытки понять назначение этой линзы и пошел по заросшей дорожке к хутору, размышляя над тем, каково жить на таком хуторе, в абсолютной глуши. Сам он, вероятно, выдержал бы не более нескольких суток, а потом абстиненция из-за нехватки городского воздуха свела бы его ума. Зато это практически идеальное место для тех, кто, наоборот, хочет покоя и чтобы их не трогали. Никаких соседей, насколько хватает глаз. Никакой дороги поблизости. Никаких посторонних наблюдателей. Ничего.

К этому и стремился Урс Бруннер?

В любом случае, он давно здесь не был. Может быть, несколько лет?

По высокой траве Фабиан подошел к одному из домов, фасад которого был выложен серыми, покрытыми мхом шиферными плитами, и, заворачивая за угол, резко остановился, пытаясь понять, что он увидел. Сколько бы он ни ломал голову, он не мог воспринять картинку, проекция которой появилась на его сетчатке. Или это ему снится, или преступник еще большая загадка, чем он даже мог предположить.

Немного в глубине, в двадцати метрах от первого дома, стоял дом-близнец. Такой же величины и с таким же шиферным фасадом. Но поражали не дома, а пространство между ними. Трава там была аккуратно и явно недавно подстрижена, как на поле для гольфа перед решающим

паттом Тайгера Вудса. Все травинки были одинаковой высоты. Посреди лужайки находилось ограждение высотой в несколько десятков сантиметров, обрамлявшее участок прямоугольной формы, покрытый разрыхленным гравием. Как могила. Фабиан на глаз прикинул размеры участка – примерно три на четыре метра.

Он направился через лужайку к напоминающему захоронение участку. Подойдя поближе, понял: следствие за мгновение приняло радикально иной оборот. Все, что они знали, полетело в тартарары, и им придется обдумать все заново. Посмотреть на все свежим взглядом. Он понятия не имел, что это означает и куда повернет следствие.

Солнце снова выглянуло из-за облаков, и сразу же стало на несколько градусов теплее. Фабиан перешагнул через ограждение, встал на покрытый гравием прямоугольник и увидел стеклянную пластину толщиной около трех сантиметров, которая лежала на четырех металлических ножках на высоте в несколько десятков сантиметров от земли. На пластине на спине лежал Руне Шмекель. Он был голый, а его ноги и руки были раскинуты по четырем углам. В каждом углу было отверстие, так что руки и ноги были привязаны к пластине кабельной стяжкой.

Здесь лежал мужчина, тот самый, которого они искали последние сутки, подставленный солнцу и брошенный. Сожженный заживо.

На голове – ни единого волоса, а кожа головы сильно обожжена в нескольких местах. На отдельных участках – до самого черепа. Фабиан попытался собраться с мыслями, понять, что же произошло, но смятение все время брало верх. Длинные полосы от ожогов пересекали и лицо, и тело вдоль и поперек. Словно кто-то пытал его сварочным огнем. Но подпалины были слишком ровными, чтобы их могли выполнить вручную.

Фабиан почувствовал головокружение и дурноту от всех мыслей, которые, как мухи, кружились над мертвым телом. На лбу выступил пот, который стекал ему в глаза. Почему он не взял с собой воду? Он попытался проглотить липкий комок во рту, но от этого его чуть не вырвало. Ему хотелось пить. Может быть, здесь есть колодец с водой? Он огляделся, как тут за ним раздался какой-то треск. Запахло дымом, и стало еще жарче. Он быстро обернулся, но не увидел ничего, что могло бы хоть как-то прояснить ситуацию. Может быть, ему действительно все это снится? На самом деле он лежит дома в своей постели и видит сон? Теперь треск раздался прямо у него за ухом, которое пронзила острая жгучая боль.

И только тогда до него дошло, что он сам загорелся.

Часть 2

7 июля – 10 июля 2010 года

«На смертном одре нас пугает не сама смерть, а риск того, что нас забудут».

Ч.Н.

8 января

Когда я входил во двор школы, все, как обычно, смотрели и ухмылялись. Одна рука под варежкой немного ныла, и я старался не нервничать, но ничего не получалось. Я нервничал и боялся. Боялся того, что они придумали что-нибудь новенькое в новой четверти. Какое-нибудь новое унижение и по-настоящему сверхдьявольский трюк, над которым будут смеяться все остальные идиоты.

Но они, как всегда, прокричали что-то вроде того, что я гомик и что от меня воняет как из писсуара. Я ничего не сказал, но и не убежал. Я просто повернулся, подошел к одному из них и ударил его в лицо спрятанным под варежкой кастетом. Рука заболела сильнее, чем я рассчитывал. Но я все равно ударил еще раз, потому что знал, что одного удара недостаточно. Он попытался тоже ударить меня, но промахнулся, и тогда я обхватил его голову, повалил на землю и стал бить его головой об асфальт. Не помню, кто кричал, он или я. Наверное, оба.

Это был лучший момент в моей жизни. С тех пор как я впервые побывал в Леголанде. Я словно видел страх в его глазах, и от этого злился все больше и больше, одновременно чувствуя себя все сильнее и сильнее. Он просто лежал подо мной и принимал удары, и никто ничего не делал, чтобы остановить меня. Если бы я хотел, я мог бы и дальше бить его, пока бы не раскроил ему череп. Клянусь.

P.S: Когда я пришел домой, Лабан был мертв. Не знаю почему, но я заплакал.

45

Фарид Черукури много думал и теперь был уверен в своей правоте. Без сомнения, у него одна из самых скучных работ в мире. Будь у него выбор, он бы скорее ликвидировал последствия Чернобыля, чем сидел в отделе по обслуживанию клиентов мобильного оператора TDC, отвечая на вопросы один глупее другого. «У меня полетел тариф». – «А вы не пробовали пополнить счет?»

Несмотря на свою высокую квалификацию, он согласился на это предложение, чтобы получить хоть какую-то работу. Нечто почти невозможное, когда у тебя фамилия Черукури и ты живешь в такой стране, как Дания. Ему обещали карьерный рост, как только они увидят, на что он способен. «Хорошие программисты нужны всегда», – сказали ему. С тех пор прошло почти три года, и он по-прежнему сидел здесь, внизу, в бункере, все больше натирая себе кожу наушниками. «Я уронил мобильный в туалет и теперь не могу звонить». – «Это потому, что у вас не подключен наш подводный тариф».

Но сегодня ему первый раз задали вопрос, который пробудил его к жизни. Через несколько минут после начала разговора Фарид заметил, что выпрямил спину и даже слышит собственный пульс. Он был возбужден.

Женщина, которую по воле случая переключили именно на него, представилась как Дуня Хоугор. Женщина-полицейский из криминального отдела полиции Копенгагена. Она сказала, что по-хорошему должна позвонить в специальный поисковый отдел компании, но бумажная волокита займет слишком много времени, и она предпочла не затевать целое дело на такой сравнительно ранней стадии.

Его должностные обязанности были ясны как день. Он работал в отделе по обслуживанию клиентов, а не занимался прослушкой. И поскольку у нее не было проблем с тарифным планом их компании, он не мог ей помочь. Как бы Фарид ни хотел, он не обладал полномочиями получать сведения, которые она запрашивала.

Во всяком случае, таких полномочий у него не должно было быть.

За годы сидения в бункере он тренировал свой мозг и свои навыки программиста, занимаясь хакерством и входя в систему TDC. Пройдя один брандмауэр за другим, он проник в святая святых – разговоры, смс и трафик передачи данных. Вот уже год, как он мог подслушать любой разговор, который шел через сеть их компании. Будь то королева Маргрете,

комик Каспер Кристенсен или политик Серен Пинд.

Разговоры расцвечивали его будни несколько месяцев, но вскоре он опять погрузился в то же оцепенение. Он надеялся выведать о крупных скандалах, но не обнаружил ни одного промаха. Словно все понимали, что их прослушивают.

На этот раз все было по-другому.

Женщина спросила, звонили ли с определенного шведского номера на определенный датский номер вечером в пятницу 2 июля. Фарид спросил, кому звонили, но она не захотела отвечать. Он обещал посмотреть, что можно сделать, и перезвонить ей в ближайшее время.

Он сразу же установил, что шведский номер принадлежит некой Астрид Тувессон, начальнику криминального отдела в Хельсингборге, а датский номер – начальнику женщины из полиции, Киму Слейзнеру. Теперь он понимал, почему она не хотела затевать целое дело.

Запахло жареным. Слейзнер – своего рода знаменитость. Он всегда высказывался от имени полиции по разным вопросам. Поиски не составили никакой проблемы, и уже через несколько минут Фарид перезвонил Дуне Хоугор:

– Все так. Со шведского номера позвонили на датский в пятницу в 17:33.

– Датский номер ответил?

– Нет, но включился автоответчик, на который оставили сообщение. Хотите его прослушать? – Фарид услышал, что она колеблется. Он ее понимал. Какое она имеет право слушать сообщения своего начальника?

– Давайте.

Фарид Черукури нажал на клавишу пробела, и зазвучал голос:

«Это Астрид Тувессон из полиции Хельсингборга. В вашем районе у нас возникала острая ситуация. На заправке в Леллинге находится очень опасный преступник, и мы боимся, что, возможно, он взял в заложники одного из сотрудников. Он совершил как минимум два убийства в Швеции, и его надо остановить, пока он не убил еще больше людей. Позвони, как только прослушаешь это сообщение. А я тем временем свяжусь с участком в Кеге».

«Точно так, как утверждал Фабиан», – подумала Дуня.

Возникла критическая ситуация, и шведская полиция попыталась связаться со Слейзнером, который по какой-то причине не ответил.

– А потом с датского номера перезванивали на шведский?

– Нет, он прослушал сообщение только на следующий день и стер его.

– Стер?

– Да, но мы храним все в течение года.

Оператор сказал «он», подумала Дуня и поняла, что ее собеседник выяснил, кто такой датский абонент. Но она не собиралась ничего комментировать. Она получила ответ на свой вопрос, и теперь ей надо просто подумать, как поступить дальше.

– Я выяснил еще одну вещь, – продолжил Фарид, когда она уже хотела поблагодарить за помощь и положить трубку.

– Да? Какую?

– Географическое положение мобильного на момент включения автоответчика.

– Я слушаю.

– Угол площади Хальмторвет и улицы Лилле Истедсгаде.

Дуня очень хорошо знала этот адрес – одну из самых известных в Дании точек сбора проституток.

– Это наверняка случайность, – ответила она, поблагодарила за помощь и положила трубку.

46

Раскаленный луч попал на голую часть живота чуть ниже пупка. Кожа в месте попадания задымилась тонкой струйкой, и раздалось слабое потрескивание. Словно кто-то жарил яйцо. Было уже начало седьмого вечера, а солнце по-прежнему светило, как в середине дня.

Воздух вибрировал.

Пахло горелым.

Так вот как пахнет паленая человеческая кожа, подумал Фабиан и, подняв глаза, посмотрел на вмонтированную линзу. Примерно как жареная свинина. Совсем не так, как сожженные волосы – этот запах он почуял, когда у него загорелся сначала пиджак, а потом волосы.

Он потерял четыре драгоценных секунды, пока до него не дошло, что он сам горит. Он навзничь бросился на землю, чтобы потушить огонь, но тот не унимался. У него по-прежнему горели волосы на затылке, и им стала овладевать паника. Задним числом он подумал, что вонь так же невыносима, как и боль, и только когда ему удалось через голову стянуть с себя пиджак, огонь полностью потух.

Прошло около часа, и он увидел, как тот же луч выжег сантиметр на животе Руне Шмекеля. Он хотел было переложить тело, но из-за боли в спине едва мог двигаться.

К тому же он ничего не хотел трогать до приезда Муландера и остальных. Лилья только еще больше укрепится в своих подозрениях насчет него, как только они увидят, что он топтался здесь и оставил следы. Поэтому он пересилил боль, перешагнул через изгородь, снял ботинки и носки и осторожно лег в траву.

Было по-прежнему удивительно тихо. Не слышно ни птиц в отдалении, ни ветра среди деревьев. Словно природа затаила дыхание, и в живых остался лишь он один. Он был больше не в состоянии держать глаза открытыми, и в конце концов погрузился в сон, который стал все глубже и глубже затягивать его вниз. В черную дыру без сновидений.

47

Дуня Хоугор вошла в лифт и нажала на кнопку третьего этажа. Она все еще чувствовала покалывания в спине после получасового лежания на игольчатом коврике. Она решила пока не использовать информацию, которую ей сообщили в TDC. На этот раз она не станет делать поспешных шагов и, прежде чем что-то предпринять, убедится в том, что все сведения соответствуют действительности.

Не было никакого сомнения, что шведы звонили Слейзнеру. Но действительно ли он находился в районе Вестербро на углу Лилле Истедгаде и что он в таком случае там делал, было не так очевидно. Ее ничуть не удивляло, что Слизняк ходит к проституткам. Но если подтвердится, что он ходит туда в рабочее время, и это всплывет наружу, ему не поздоровится.

Двери лифта открылись, и она направилась в сторону транспортного отдела. Но шла она не туда, а в отдел информационных технологий, зажатый в самом углу. До ухода домой ей надо проверить еще одну вещь.

– Привет, красотка! У тебя такой вид, будто ты отдавалась за наркоту, – прокричал Микаэль Реннинг, одетый сегодня в белые обтягивающие джинсы и футболку с глубоким вырезом и аппликацией из серебристых блесток.

– Примерно так я себя и чувствую.

– Что на этот раз? Заходила на порносайты и опять подхватила вирус?

– Пожалуй, да.

Она наклонилась над его письменным столом. Если бы Микаэль был гетеросексуалом, она бы, понятно, разозлилась. Сама не зная почему, она относилась к геям с гораздо б*о*льшим снисхождением. Микаэль Реннинг мог более или менее сказать ей все, что хотел, но она на него не обижалась. Чем он и пользовался на всю катушку. Если у нее все в порядке с одеждой, что-то не то с волосами. Или с дыханием. «Ты опять забыла почистить зубы? Сколько раз тебе говорить, что после минета всегда надо чистить зубы…»

– Мне нужна распечатка личных журналов за 2 июля.

– За прошлую пятницу?

Дуня кивнула с таким видом, что стало ясно: говорить больше она не намерена.

– Можно спросить, зачем?

– Спросить можно, получить ответ нельзя.

Микаэль Реннинг пробормотал что-то неразборчивое, сел за компьютер и быстро ввел несколько команд, после чего принтер стал выплевывать страницу за страницей со всеми входами и выходами из системы сотрудников здания. Дуня брала еще теплые листы и просматривала их с той же скоростью, с какой принтер их печатал.

На четвертой странице она нашла вход Слейзнера. В 11:43 он прокатил свой электронный ключ и ввел свой код на южном служебном входе со стороны парковки. Затем поднялся в криминальный отдел и вошел в компьютер. После этого она ничего не нашла до 22:46, когда он вышел из системы и покинул здание.

По словам парня из TDC, в 17:33 Слейзнер находился на Лилле Истедгаде, а эта улица находится не очень далеко от полицейского участка. Проблема заключалась только в том, что из здания он не выходил. Во всяком случае, согласно системе. Или она получила ложные сведения, или Слейзнеру удалось выйти так, что его выход не зафиксировали.

– Я возьму распечатку домой, – сказала она и поспешила к выходу.

– За тобой должок! – прокричал Микаэль Реннинг ей вслед.

– Ты можешь отыметь меня в любой момент! Только скажи! – Прежде чем исчезнуть, она хлопнула себя по попе.

Микаэль засмеялся и подумал, что если ему когда-нибудь взбредет в голову такая несусветная глупость, как попробовать секс с женщиной, он сделает это с Дуней.

48

Он сидел в *сердце*. Так он называл свою аппаратную. На самом деле, «мозг» – более подходящее название. Но он предпочитал «сердце», считая, что так возникает ощущение уюта. Сердце – всего лишь одна из многих комнат, которые он за несколько лет тайно вырыл под своей одноэтажной виллой на глубине двух с половиной метров. Последние месяцы он жил там постоянно и поднимался в дом лишь изредка. При необходимости он сможет в буквальном смысле этого слова уйти в подполье и прожить там больше года.

Он оборудовал внизу кухоньку с краном и сделал основательные запасы консервов и сухой еды. В спальне он поставил водяную кровать с подогревом, которая была даже лучше его обычной постели. Поскольку окон внизу не было, он много работал над освещением, пока, наконец, не почувствовал себя полностью удовлетворенным. Теперь он мог гордиться тем, что в облачный день у него под землей светло, как при ярком солнце.

Самой большой проблемой оказалась вентиляция. Легче всего было бы разместить входные и выходные отверстия где-нибудь в саду, но звук вытяжек и шахт выдал бы его. Он сделал попытку вывести воздух через дом наверх на крышу и дальше в новый дымоход. Но какую бы звукоизоляцию он ни делал, шум все равно был слышен и мог выдать, что здесь есть что-то, кроме одноэтажной виллы. Тогда он инсценировал небольшое дорожное строительство, «чтобы устранить утечку воды», и, дотянув вентиляционные шахты до самого угла квартала, разместил выходные отверстия рядом с электрощитовой. Сложновато, конечно, но оно того стоило.

Но больше всего он был доволен сердцем в форме полушария диаметром немногим более двух метров. Как в кубрике, там имелось все необходимое на расстоянии вытянутой руки. Он выкрасил бетонные стены в красный цвет, а полукруглую контрольную панель и стул обрызгал желтым спреем. Во встроенном шкафу справа от него стояли три стационарных домашних сервера, по сравнению с которыми самые дорогие компьютеры на рынке казались не более современными, чем Commodore 64 вместе с двумя серверами NAS по 8 терабайт каждый. Полная звукоизоляция и охлаждение. Ничто так не раздражает, как шум охлаждающего вентилятора. Каждый компьютер имеет собственное подключение в 100 Мбит/с в любом направлении, а на улице он

использовал несколько прокси-серверов, чтобы никто не смог вычислить его настоящие IP-адреса.

На одном из шести мониторов перед ним он видел, как полицейские стоят и смотрят в упор на тело Руне Шмекеля. Там были все. Все, кроме Фабиана Риска, которого увезли в больницу, чтобы наложить повязки на его ожоги. Когда он увидел, как Риск загорелся, он разразился безудержным хохотом. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой, и если бы он был верующим, он счел бы случившееся знаком того, что Бог участвует в его миссии. Хотя для него и случай годится. Еще как годится.

А вот случай ли помог Риску найти Руне Шмекеля на несколько суток раньше запланированного, он не знал. Но гнетущее беспокойство говорило ему, что случай тут совершенно ни при чем, и что Риск просто-напросто опасный противник. Он уже понял это, но сейчас еще раз получил подтверждение.

Еще когда ему пришлось бросить «Пежо», он просчитал, что именно так и будет. А до конца еще далеко. При самом плохом раскладе машина превратится в гораздо бо́льшую проблему, чем он рассчитывал. Но у каждой проблемы чаще всего есть решение. Главное, вовремя предвидеть проблему, а ее решение звалось Риском.

Конечно, проще всего убить его прямо сейчас. Но кто сказал, что это будет легкое дело? Нет, после всех лет подготовки и всех вложенных денег, он не собирается довольствоваться полумерами.

Самые большие изменения уже были внесены в план. Теперь Риску предназначалась роль вишенки на торте, и поэтому его надо еще на какое-то время оставить в живых. Ему оставалось только кое-что просчитать, чтобы последний фрагмент пазла встал на место. Он сделает это сегодня, поскольку Риск все равно в больнице.

Он тронул один из рычагов на микшерном пульте, и тишину нарушили полицейские, которые стояли вокруг тела Руне Шмекеля и обсуждали ситуацию:

– Лучше всего не распространяться об этом как можно дольше. Чем дольше преступник не будет знать, что мы нашли Шмекеля, тем лучше, – сказала их начальница.

– Значит, мы уверены, что это не он? – спросила красотка и кивнула на мертвое тело.

– Ты считаешь, что он мог лишить себя жизни?

– А почему бы и нет? Эффектное убийство. Оглянитесь вокруг, даже гравий разрыхлили. Все это сделано для того, чтобы мы это увидели.

– Да, но не сейчас. Я уверена, что мы попали сюда раньше, чем он

планировал. Он никак не мог рассчитывать на то, что Риск сунется сюда раньше времени. Честно говоря, я до сих пор до конца не поняла, как все это произошло.

– К тому же он не мог привязать самого себя таким вот образом, – вставил криминалист, опустился на колени и показал на кабельную стяжку, которая впилась Шмекелю в запястья. – И посмотрите сюда. Явные признаки того, что он пытался высвободиться.

– Сколько он здесь лежит? – спросил жирный.

– Трудно сказать наверняка. Нам могли бы помочь подпалины.

– Каким образом?

– Вращение Земли вокруг Солнца делает каждую подпалину уникальной. Каждый день солнце начинало жечь на новом месте и медленно перемещалось по телу.

На него произвела впечатление способность криминалиста принимать во внимание конкретные факты и делать логические заключения, не давая чувствам взять верх. Такое дано не каждому, но именно этот, похоже, не испытывает никаких проблем при виде голого мужчины. Мужчины, который явно подвергся неописуемым страданиям, пока не наступила смерть, заглушившая боль. Мужчины, которого они до недавнего времени искали. Преступника, который превратился в жертву.

В очередную жертву.

Но, похоже, криминалиста все это нисколько не трогало. Он был полностью поглощен тем, что рассматривал подпалины и вычислял, сколько распятый Шмекель пролежал на стеклянной пластине. Впечатляет. Он уверен, что сам бы мог стать хорошим криминалистом. Ему бы эта работа наверняка нравилась. Эта мысль поразила его. Но это могло случиться только в совсем другой жизни.

А он выбрал жизнь индивидуального предпринимателя. Он любил свою работу. Нет ничего лучше, чем возиться у себя в мастерской и разрабатывать новые инновационные решения. Иногда он мог работать несколько суток подряд без еды и сна. Словно работа заставляла его забыть о времени и пространстве. Забыть, какое он ничтожество.

Наверняка этот криминалист испытывает то же самое.

– Например, вот это, – Муландер показал на линию ожогов, которая, несколько раз прерываясь, шла вверх от левого бедра через грудь и лицо. – На это ушел день.

– Но если это один и тот же день, почему тогда есть непораженные участки? – Лилья показала на пробелы в линии.

– Вероятно, облако или дерево заслонили солнце.

«У Муландера такой довольный вид, даже противно», – подумала Лилья.

– Значит, надо просто считать линии?

– Именно.

– Но ты ведь уже это сделал? Да?

Муландер кивнул и поправил очки:

– Семнадцать.

– Семнадцать суток? Он лежал здесь больше двух недель! – воскликнула Тувессон, и Муландер кивнул.

– Не может быть, – возразил Утес. – Тогда бы труп больше разложился. Особенно в такую жару.

Муландер снял очки и медленно и обстоятельно протер их.

– То, что он лежит здесь семнадцать суток, не обязательно означает, что он умер семнадцать суток назад. Без еды можно прожить несколько месяцев, а вот без воды – максимум десять суток.

– Да, но не в такую жару.

– Конечно. Значит, каким-то образом к нему поступала вода, – продолжил Муландер, наклонился и заглянул под стеклянную пластину. – Как я и подозревал, смотрите. – Он достал пустую канистру с прозрачным шлангом, выведенным наверх через маленькое отверстие в пластине под затылком Шмекеля.

– И когда он умер? – спросила Тувессон.

– Это определит Коса, но, по-моему, максимум два-три дня назад.

Тувессон и все остальные стояли вокруг обгоревшего тела и молча смотрели на него. Словно только сейчас до них дошло, сколько страданий выпало на долю Руне Шмекеля в последние сутки его жизни.

Скорая помощь приехала с носилками и мешком для трупа. Они спросили, можно ли поднять тело. Астрид Тувессон молча кивнула. Они перерезали кабельную стяжку плоскогубцами и подняли Шмекеля.

То, что они увидели, еще больше сбило их с толку. Под стеклом росло что-то вроде мха, где точно отпечатались контуры тела. Все, на что падала тень Руне Шмекеля, зацвело мхом. Все другие места, куда светило солнце, были выжжены. И хотя Руне Шмекеля уже несли в мешке в скорую, казалось, будто он по-прежнему лежит на земле.

– И что, черт возьми, это значит? – спросил Утес.

Никто не ответил.

Даже Муландер.

49

Фабиан Риск узнал самого себя по языкам пламени, которые взметались вверх от спины и затылка мужчины. В руке мужчина держал пистолет, непропорционально большой по сравнению с ним самим, в воздухе был виден след от летящей пули. Наверное, не первая, подумал Фабиан, поскольку в мужчину в черном напротив него уже попали, и из большой раны на животе текла кровь. Под ним успела образоваться большая красная лужа.

– Это убийца, – сказала Матильда и показала на истекающего кровью мужчину. – А это ты.

– Но я еще горю. Как я смогу…

– Там, – прервала Матильда. – Ты бежишь туда и прыгаешь. Нет ничего проще. – Она показала на темно-синее море по краю рисунка.

– Ничего проще, – повторил Фабиан и отложил рисунок. Он перевел взгляд на Соню, которая сидела на стуле у больничной койки.

– Как ты себя чувствуешь?

– Лучше, чем мог бы. Врач сказал, что я получил ожоги только второй степени, и мне не надо делать пересадку кожи и тому подобное.

– Как хорошо.

– Тебе больно? – спросила Матильда.

– Ничего страшного, – улыбнулся Фабиан и встретился с Соней взглядом.

– Я обожглась как-то раз, и мне было страшно больно. Вот смотри, – Матильда задрала маечку и показала на животе след от ожога.

Фабиан надеялся, что с годами след уменьшится, но он, наоборот, будто рос вместе с Матильдой.

Тогда ей было два года, и они были с ней дома одни. Он кипятил на плите ее соску. В то время дочка жить не могла без соски, или *соси*, как она ее называла. Она ныла и канючила, чтобы ей дали соси, и ей было наплевать, что соску надо прокипятить, чтобы не было бактерий. «Хочу соси… Соси… Папа… Папа, дай соси… Хочу сейчас!»

Не выдержав ее нытья, он закрыл дверь в спальню, чтобы спокойно застелить постель. Он никак не ожидал, что она способна подвинуть табуретку, взобраться на нее и дотянуться до кастрюли с кипятком.

– Врач говорит, что я, возможно, выпишусь завтра или послезавтра.

– Как хорошо.

– И я подумал, что тогда мы можем заняться отпуском, и…

– Пожалуйста, прекрати.

– Соня, меня отстранили. – Он посмотрел ей в глаза. – Я ничего не говорил, но позавчера Тувессон меня отстранила.

– И тем не менее, ты лежишь здесь.

Она права. Он может быть отстранен и получить ожоги, но это не играет никакой роли. Он все равно не расслабится, пока преступника не схватят, а сейчас он далек от разгадки, как никогда.

– А где Тео?

– Он отказался идти с нами. Кстати, как все прошло вчера?

Фабиан покачал головой:

– Он хотел одного: вернуться к компьютеру и запереться в своей комнате.

Соня улыбнулась первый раз за время посещения.

– Ты так хорошо раскрываешь всякие дела, что разберешься и с этим.

Фабиан засмеялся:

– Не знаю, кто бы тут справился.

Ее улыбка погасла.

– Мы с Матильдой уезжаем сегодня вечером ночным поездом.

– Хорошо. А Тео? Что он говорит?

Соня пожала плечами.

– Говорит? Я спрашивала его, поедет ли он с нами, но последнее время он вообще не отвечает, когда к нему обращаются. – Она вздохнула и покачала головой.

– А ты пробовала посылать ему смс?

– Что?

– Возможно, он сидит в наушниках и не слышит, когда ты его зовешь. Но мобильный все время у него на виду. Дорогая, он подросток. Тео и большинство детей его возраста считают, что с такими, как мы, очень тяжело и неприятно иметь дело. Естественно, они не хотят с нами разговаривать.

– Ну ладно, если он ни за что не хочет ехать с нами, пусть остается, и тогда у тебя будет шанс разом раскрыть два дела.

Она встала, наклонилась над ним и дотронулась губами до его губ. Обычно поцелуй сближал их. В разгар самых тяжелых кризисов у них была возможность напомнить друг другу, как сильно они друг друга любят в глубине души. Вопреки всему.

– Увидимся, когда увидимся, – прошептала жена ему в ухо и повернулась к Матильде. – А теперь попрощайся с папой.

– Пока.

– А обнимашки?

– Не надо, – Матильда взяла Соню за руку. – Если забудешь, как это делать, посмотри на рисунок.

Они подошли к двери и постучали. Полицейский в форме открыл дверь и выпустил их.

50

Дуня Хоугор посмотрела в окно на темно-розовое небо с разбросанными кое-где легкими, как перышко, облаками с золотым отливом. Она лежала на диване в своей кооперативной двушке, которая располагалась над аптекой на площади Блогордс, и еще раз отметила, что именно этот старый потертый диван, который она унаследовала от своей бабушки, стоящий именно у этого окна именно в этой квартире, вероятно, самое лучшее в мире место. Если светит солнце, оно заходит в квартиру. Если идет дождь, он бьет по стеклу.

Она опять взялась за распечатку журнала входов, которую просматривала во второй раз. На этот раз спокойно и систематически. Если здесь что-то есть, она это найдет. Цветным карандашом она помечала всех, кто входил в систему, как только находила их выход из системы. Если Слейзнер вышел под чьим-то другим именем, она это увидит. Но она не находила никаких несоответствий. Никто не выходил больше одного раза, и никто не выходил, предварительно не войдя. Он вошел в здание в 11:43 и вышел из него в 22:46. Конечно, длинноватый рабочий день для пятницы, но ничего особо странного.

К сожалению.

Она отложила стопку бумаги и посмотрела в окно. Высоко в небе мигающий самолет шел на посадку. Она задумалась, каково это – прыгать с парашютом. Просто распахнуть дверь самолета и броситься прямо в неизвестность.

Надо как-нибудь попробовать. Она обещала преподнести это себе в подарок на тридцатилетие.

А теперь ей скоро тридцать пять…

Запасные выходы. Он мог ими воспользоваться? Она опять придвинула к себе стопку бумаги и пролистала до 17:33, когда он якобы находился рядом с Лилле Истедгаде, и просмотрела список в третий раз. И на этот раз она нашла то, что все это время искала:

Время: 16:27 – Запасной 23 А.

Время: 16:28 – Запасной 11 А.

Слизняк выходил через запасные выходы в подъезде А. Вероятно, он следил за тем, чтобы двери не закрылись до конца, чтобы потом войти тем же путем и после этого выйти из системы по своему пропуску в 22:46. Значит, все совпадало. Он покидал участок по делам на улице Лилле

Истедгаде. Об этих делах, из-за которых он, по всей видимости, не ответил на звонок на мобильный, должно знать как можно меньше людей.

Тишину прервал телефонный звонок. Она посмотрела на дисплей своего мобильника.

Номер неизвестен.

– Да, алло…?

– Привет, это я. Просто хотел спросить, можно я приду и тебя отымею? – Это был Микаэль Реннинг, пытавшийся говорить своим самым гетеросексуальным голосом.

Дуня расхохоталась.

– Разумеется! Если у тебя встанет, так сказать.

– Не волнуйся. Я возьму с собой накладные усы и фальшивую лысину.

– Ах так. Тогда договорились.

– Кстати, а ты видела «Экстра Бладет»?

– Нет, а что?

– Посмотри сама.

Дуня открыла свой «Айпад» и зашла на сайт газеты «Экстра Бладет».

НАЧАЛЬНИК КОПЕНГАГЕНСКОЙ ПОЛИЦИИ ЛГАЛ!

Ким Слейзнер лгал, утверждая, что ему не звонили из шведской полиции. Теперь «Экстра Бладет» может обнародовать, что на самом деле он находился на Лилле Истедгаде, когда с ним пыталась связаться шведская полиция! Согласно источнику «Экстра Бладет», шведская полиция в 17:33 пыталась связаться с начальником полиции Кимом Слейзнером. Но вместо того чтобы ответить, он включил автоответчик. Эти сведения противоречат собственным утверждениям Слейзнера о том, что к нему вообще не обращались. Источник «Экстра Бладет» также утверждает, что у него есть доказательства того, что Слейзнер в интересующий нас момент находился на углу улицы Лилле Истедгаде и площади Хальмторвет. «Экстра Бладет» безуспешно пыталась связаться с Кимом Слейзнером для комментария.

Проклятие.

– Ты еще здесь?

– Мм…

– Ты ведь это искала, так ведь?

– Да.

– И ты считаешь, что стоило сообщать это «Экстра Бладет»?

– Это не я.

– Да? А кто тогда?

– Понятия не имею, – ответила Дуня, хотя, конечно, знала. Это не кто иной, как тот парень из TDC. Она сама размышляла над тем, что ей делать с информацией, которая не только ставила Слейзнера в щекотливую ситуацию, но и косвенно возлагала на него вину за смерть Метте Луизе Рисгор и Мортена Стенструпа. И она поняла, что точно так же, как Микаэль Реннинг, Слизняк будет считать, что это она.

51

Через беспроводную веб-камеру, установленную во взятой напрокат машине для наблюдения за входом, он увидел, как жена и дочь Фабиана Риска вышли из дома в тринадцать минут одиннадцатого вечера. У каждой было по чемодану. Они запрыгнули в ждавшее их такси. Уже было начало первого ночи, а в комнате сына все еще горел свет.

Куда бы ни уехали остальные, парень предпочел остаться.

По плану он должен войти в дом после того, как сын ляжет спать. Но он больше не мог себе позволить ждать. Впереди у него ночь, полная приготовлений, и на этот раз он не допустит срыва. Настала пора увеличить скорость, прибавить темп и внести еще большую смуту.

Он швырнет две мясные кости. Две сочные мясные кости, в которые вопьются зубами гиены и тем самым поспособствуют тому, что его предприятие из дела государственной важности превратится в событие международного масштаба.

Он обошел квартал и двинулся по маленькой покрытой гравием дорожке, которая вела к задней стороне таунхаусов. Около дома Риска перешагнул через изгородь и направился мимо батута, занимающего большую часть участка. Ему не надо было ни прятаться, ни красться. В доме был только сын, да и тот явно сидел как приклеенный в своей комнате на втором этаже, окна которой выходили на улицу.

Два больших шага по лестнице – и он уже на террасе. Через окно он заглянул в кухню. Кроме лампы в вытяжке, весь свет был выключен. Дверь террасы заперта, как он и ожидал. Но он легко отпер замок своей отмычкой и спустя полминуты вошел в дом. Ему не требовалось двигаться бесшумно, поскольку со второго этаж грохотал дэт-метал, или как там его.

I am the animal who will not be himself[23]

Он взял камеру, включил ее и стал медленно вести по кругу. Ему хотелось захватить все, поскольку точно он не знал, что ищет. Знал только, что это последний фрагмент пазла. Криптонит, который выведет Риска туда, куда ему надо.

Fuck it! Fuck it! Fuck it![24]

Засняв всю кухню, он прошел в гостиную, где все еще стояло несколько нераспакованных картонных коробок. Открыл пару коробок и снял содержимое, после чего стал подниматься по лестнице на второй этаж, снимая все на камеру. Чем выше он поднимался, тем громче гремели

отдаленные гитары и фоновые барабаны.

Better! Better! Better![25]

Дверь в спальню Риска и его жены была приоткрыта. Он распахнул ее носком ботинка и локтем зажег голую лампочку на потолке. Незастеленная постель, несколько открытых и наполовину пустых коробок вдоль одной стены. Повсюду разбросана одежда. От этого хаоса его чуть не вырвало.

В комнате дочери порядка было больше. На постели стояли красные подушки в форме сердца, а на письменном столе лежало несколько рисунков, изображавших одно и то же, но в разных вариантах. Горящий мужчина стреляет в другого мужчину. Он выбрал рисунок, который ему больше всего понравился, зажег настольную лампу и заснял изображение.

Он вернулся обратно в холл, где еще оставалось две двери. Одна вела в ванную, другая – в комнату сына. Дверь была приоткрыта, и из нее буквально вырывалась музыка.

Hey victim, you are the one who put the stick in my hand[26]

Он подошел к двери и распахнул ее настежь.

Теодор сидел спиной к нему, наклонившись над письменным столом у окна. Динамики стояли прямо на полу, и их огромный размер объяснял, откуда такая громкость. Этот парень явно все свои карманные деньги потратил на звуковое оборудование. Он шагнул в комнату и огляделся. Хотя семья Риска въехала только неделю назад, в комнате царил такой беспорядок, будто ее не убирали несколько лет. Стены были обклеены афишами «Металлики», «Слипкнота» и Мэрилина Мэнсона. Незастеленная кровать служила общей мусорной свалкой для всего, начиная от грязной одежды и кончая остатками пиццы и гантелями. Парню явно разрешали делать здесь все что угодно, и взрослые сюда давно не заглядывали.

До этой минуты.

Волна удовлетворения прошла по его телу, и он почувствовал, что парит над землей.

Последний фрагмент пазла встал на место.

Он стал приближаться к мальчику, который вдохновенно скандировал текст, одновременно что-то лихорадочно записывая в тетрадь. Словно боялся, что кто-то придет и отберет у него ручку.

Fuck it! Fuck it Fuck it![27]

Ручка замерла, так что брызнувшие из нее чернила превратились в бесформенное пятно. Теодор прервал песню на полуслове, поднял глаза от своих записей и посмотрел прямо в темное окно, где увидел отражение

тени, которая сзади приближалась к нему. В его комнате кто-то был.

Он резко обернулся.

52

Фабиану Риску было скучно и тревожно. Он всегда плохо переносил недомогание, а болезнь вообще не мог пережить. Температура никогда не была для него достаточным основанием не ходить на работу, и в те разы, когда из-за желудочного гриппа ему приходилось лежать в постели, он так сильно жаловался, что Соня грозилась развестись с ним.

Он прекрасно осознавал, что надо следовать примеру остальных пациентов – отдыхать и набираться сил, но никак не мог заснуть. К тому же ему надо было поговорить с Муландером и узнать, пришел ли тот к тем же выводам, что и он сам. Это единственное, что поможет ему расслабиться. На месте преступления ничего не щелкнуло. Мысль пришла ему в голову только несколько часов спустя, в больнице.

Хотя было уже далеко за полночь, он решил позвонить, но, взяв мобильный, увидел, что тот разряжен. Он оглядел палату и заметил висящий на стене телефон. Наверное, только для внутренних разговоров. Если аппарат вообще подключен.

Преодолевая боль, Фабиан потянулся изо всех сил, но до телефона не достал. Зато с помощью прислоненных к стене костылей ему удалось снять кровать с тормоза и придвинуться к телефону.

Приложив трубку к уху, он уловил сигнал. Телефон действительно был внутренним, но, набрав «ноль», услышал в ответ женский голос. Ответивший оператор, к его удивлению, без лишних вопросов согласилась соединить его с городом. Он позвонил в справочную службу и попросил перевести его звонок на мобильный телефон Ингвара Муландера из Хельсингборга.

– Привет. Вы позвонили на автоответчик Ингвара Муландера. Сейчас у меня нет возможности ответить на ваш звонок. Поэтому назовите свое имя и номер после сигнала, и я обещаю вам перезвонить. А еще лучше отправьте смс. Спасибо и пока…

Фабиан повесил трубку. Было уже действительно поздно, но Муландер наверняка еще не спал. Они будут работать на месте преступления в Седеросене как минимум всю ночь и большую часть завтрашнего дня.

Он закрыл глаза и почувствовал, как тело все же начинает поддаваться усталости.

Внезапно у своей кровати Фабиан увидел Тувессон. Он вздрогнул и почувствовал страшную боль.

– Извини, я не хотела тебя будить. Я думала, что ты не сможешь заснуть.

– А я и не мог, пока… Кстати, а сколько времени?

– Половина восьмого. Я принесла кое-что к завтраку. В таких местах не очень-то вкусно кормят. – Она поставила пакет из супермаркета на ночной столик. – Хотела только узнать, как ты.

– Ничего. Хоть я и забыл намазаться солнцезащитным кремом, жаловаться особо не на что.

Тувессон засмеялась:

– Да, солнце бывает сильнее, чем кажется.

– А у вас как дела?

– Ничего, есть что осматривать. Муландер сказал, что ты пытался ему дозвониться.

– Да, но он не ответил. Ты знаешь, где он?

– У них с Гертрудой вчера была годовщина свадьбы, и они собирались провести ее в гостинице Мариенлюст в Хельсингере.

Годовщина свадьбы… Фабиан попробовал эти слова на вкус. Они с Соней давно не отмечали этот день. Первые годы им ничего не могло помешать. Они просили кого-нибудь посидеть с детьми, нарядно одевались и уходили из дома. Один из них готовил в этот день сюрприз для другого. Это могло быть все что угодно – начиная от театра и похода в ресторан до пикника и полета на воздушном шаре. Фабиан решил, что как только эта эпопея закончится, он сделает Соне сюрприз и компенсирует все пропущенные годовщины.

– О’кей, и к чему вы пришли?

Он открыл пакет с завтраком и обрадовался, что Тувессон, кроме свежей булочки и хорошего кофе, расщедрилась ради него на брауни.

Тувессон взяла стул и подсела к его кровати.

– Если позволишь, вопросы буду задавать я. Я отстранила тебя для того, чтобы ты взял отпуск и предоставил нам заниматься этим делом.

– Нет, ты сделала это с другой целью: тебе нужна жертва. А то, чем я занимаюсь в свой отпуск, мое личное дело, если я не совершаю ничего противозаконного.

Тувессон тяжело вздохнула и развела руками.

– О’кей. По правде говоря, мы не очень далеко продвинулись вперед. И теперь, когда твоя версия оказалась совершенно ошибочной, мы в полном смятении и по большому счету должны начать все сначала.

– Значит, у вас нет новой версии?

– Не совсем. На данный момент это может быть кто угодно. Другой

одноклассник или кто-то из параллельного класса. Учитель, которому вы досаждали больше, чем другим, или чей-то родитель.

Она достала сигарету и поднесла ее к носу.

– Нет, я ее не зажгу. Обещаю. Во всяком случае, Утес и Лилья общались со всеми из класса, кто сейчас в городе, и никому из них ничего не приходит в голову, кроме Клаеса Мельвика. Поэтому хочу тебя спросить. Ты не помнишь никого, кто так или иначе контактировал с классом и…

– Подожди. Я не понимаю, – прервал ее Фабиан. – Как вы могли ни к чему не прийти?

– Пожалуйста, сначала ответь на мой вопрос.

– Осмотр в Седеросене должен был дать вам новые зацепки. Разве вы ничего не нашли?

Тувессон вздохнула и опустила руку в карман, чтобы убедиться, что там лежит зажигалка.

– Наверняка мы знаем только, что Руне Шмекеля жарили на медленном огне свыше двух недель, а умер он несколько дней назад. Под стеклянной пластиной была спрятана канистра с водой, и он мог пить через трубочку. – Она замолчала и покачала головой. – Даже не могу себе представить, сколько же он страдал, бедный.

Фабиан задумался над словами Тувессон и понял, что они только подтверждают его версию. Он посмотрел ей в глаза:

– Вот что мне кажется. Мне кажется, что место убийства – визитная карточка нашего преступника и его мотивов.

– Не понимаю. Что ты хочешь сказать?

– Само по себе место. По его задумке, мы должны были попасть туда и увидеть это место. Может быть, не именно сейчас, но должны были. Преступник потратил на это столько времени и энергии не только для того, чтобы убить Шмекеля. Он хотел сказать нечто большее.

– Йорген и Гленн были убиты в наказание за их поступки.

– Именно. Предположительно, здесь то же самое.

– Но в чем виноват Шмекель или Клаес Мельвик? Кроме того, что Йорген и Гленн его травили?

– Не знаю. Поэтому я и хотел спросить Муландера, что вы нашли.

– Немногим больше того, что ты уже видел. Да, кстати, одна вещь. Когда мы подняли его со стеклянной пластины.

– Да?

– Под пластиной мы обнаружили что-то вроде мха, совершенно безжизненного и высохшего в тех местах, куда не попадала его тень. Но в тени отпечатался контур человеческого тела, словно под пластиной лежал

еще один человек. Хотя на самом деле это всего лишь мох. Понимаешь? Не совсем просто это объяснить.

Фабиан кивнул. Он понял.

– Вероятно, это он сам.

– Кто? Преступник?

– Так он изобразил самого себя. Это его автопорт-рет. Он хочет, чтобы мы видели его таким.

53

Боль ударяла ей в голову с силой, которую она никогда не испытывала раньше. Так вот что такое мигрень? Она никогда не страдала мигренью, но слышала, что это ужасно. Но сейчас хуже, гораздо хуже.

В кои-то веки ей действительно захотелось провести вечер с Моной и Силлой. Чаще всего она встречалась с ними будто по принуждению. Из чувства долга. Нельзя же все время сидеть дома перед телевизором. Даже если именно этого ей хотелось больше всего. Но в этот раз она была настроена развеяться. Она понятия не имела, почему. Просто тянуло напиться. Напиться, забыться и наплевать на завтрашний день.

Как обычно, в конечном итоге они попали на теплоход «S/S Swea» на площади Кунгсторгет. На танцполе за ними стала ухаживать компания парней, и она помнит, как Мона исчезла с одним из них. У Моны был муж, семья и все, о чем она сама только мечтала, понимая, что у нее этого не будет. Потом клюнула Силла и убежала куда-то в сторону диванов. А третий пытался завлечь ее. Но к тому моменту она уже почувствовала себя плохо, и думала только о том, чтобы уехать домой.

Она отрывочно помнила, как пыталась найти остальных, но в конце концов плюнула на это. Все шло кругом, и она с трудом отыскала выход. Последнее, что она помнила, – кто-то помог ей сесть в машину.

И теперь она лежит здесь, в голове стучит, и у нее нет ни малейшего представления о том, где она находится. Она попыталась открыть глаза, но слушалось только левое веко. Второе веко не открывалось, потому что к правой половине лица прижали что-то влажное. Она попыталась определить на ощупь, что это, и решила, что это земля. Влажная земля. Значит, она находится на улице. Может, в парке или в лесу?

Она попыталась перевернуться и лечь на спину, но ей пришлось оставить эти попытки, когда она почувствовала, как сильная боль пронзила нижнюю часть тела. Она заскулила. Что произошло? Она осторожно потрогала себя рукой и поняла, что на ней нет одежды и внизу что-то не так.

Она набрала в легкие как можно больше воздуха и закричала.

54

Утес, Лилья и Муландер тихо сидели вокруг стола в совещательной комнате и ждали Тувессон. Следствие шло уже больше недели, и стала сказываться продолжительная нехватка сна. Ни у кого не было желания тратить энергию на слова. Пользуясь случаем, все дремали. Тишину прервал звонок мобильного Утеса. Он бросил взгляд на телефон, лежавший перед ним на столе, и снова закрыл глаза.

– Не собираешься отвечать? – спросил Муландер, но Утес даже не посмотрел в его сторону.

Спустя какое-то время сигналы прекратились, и снова воцарилась тишина. Через несколько секунд дал о себе знать мобильный Муландера.

– Да. Это Ингвар Муландер. Да… Конечно, привет. Разумеется, ничего страшного. – Он протянул телефон Утесу. – Это Берит.

Утес тяжело вздохнул и взял телефон.

– Привет, любимая… Потому что я работаю и сейчас сижу на совещании… Да, он тоже работает, и если бы он знал, что это ты, он бы тоже не ответил. – Утес посмотрел на Муландера. – Нет, любимая. Не успею. Не сейчас. А ты проверила, может, просто пробка вылетела?

В комнату вошла Тувессон с кружкой кофе латте в руке.

– Нет, это совсем не так трудно, – продолжал Утес, закатив глаза. – Надо только проверить, остались ли там блямбы, ну, такие маленькие круглые красные металлические шайбочки. Ну, ладно. Мне надо заканчивать… Муландеру нужен телефон.

– Нет, не нужен, – отозвался Муландер.

Утес бросил на коллегу угрожающий взгляд.

– Ладно, спроси тогда соседа. Я не знаю. Пока, – Утес оборвал разговор, выдохнул и вернул мобильный Муландеру. – Спасибо тебе.

– Не за что.

– Ну что, начнем? – спросила Тувессон. – Как вы знаете, у нас новая жертва.

– А мы знаем, кто это?

– Ее зовут Ингела Плугхед, сорок четыре года.

– Она еще жива? – спросил Муландер.

Тувессон кивнула и отхлебнула кофе.

– Женщину ввели в искусственный сон. Состояние, насколько я понимаю, критическое. Ее нашли в парке Рамлеса Бруннспарк в восемь

утра, совершенно голую. У нее, видимо, сильное переохлаждение и большая потеря крови.

– Ножевые раны? – спросил Утес.

– Нет, что странно. На ней нет никаких видимых наружных ран. Оказалось, что это кровотечение половых органов.

– А мы знаем причину? – спросил Муландер.

– Пока нет, но как только мы закончим, я поеду в больницу и встречусь с врачом.

– Плугхед… Она, кажется, училась в том же классе? – сказала Лилья.

Тувессон кивнула, подошла к увеличенному снимку класса и показала на одну из девочек.

– Вот она.

– А у нас есть свежая фотография Ингелы? – спросил Утес.

– Хотела попросить тебя найти ее.

– А что мы о ней знаем? – спросила Лилья.

– Пока только то, что она живет одна, без мужа или детей, – ответил Утес, листая свои бумаги.

– И еще. В 2002 году ей делали промывание желудка, когда она пыталась покончить с собой, наглотавшись снотворного.

– Если она выживет, у нас наконец будет свидетель, которого нам так не хватало, – сказала Тувессон, обвела лицо Ингелы Плугхед и поставила рядом знак вопроса. После этого стала рассматривать остальных одноклассников, пока не дошла до Фабиана Риска. – Да, кстати, сегодня утром я заезжала к Риску.

– И как дела у нашего частного детектива? – спросил Утес.

– Похоже, он еще какое-то время не сможет вставать.

– Ты спросила его о…

– Да. Он тоже не мог назвать другого подозреваемого, кроме Клаеса Мельвика. Но у него есть версия. – Тувессон повернулась к остальным. – Фабиан считает, что само место убийства – своего рода реконструкция личности самого преступника и его мотивов. – Она взяла одну из фотографий, где был заснят мох с отпечатавшимися контурами человеческого тела под стеклянной пластиной, и показала ее коллегам. – Не знаю, правильно ли я его поняла, но думаю, он хотел сказать, что это автопортрет преступника.

Утес захохотал:

– Вау, чем его лечат? Наверное, чем-нибудь посильнее альведона.

Больше никто не засмеялся, а вскоре смолк и Утес. Все подавленно молчали. Словно весь коллектив вдруг осенило, что преступник не просто

опередил их на шаг, а обогнал на целый круг.

Тувессон стала бездумно обводить глазами развешанные фото, на которых было заснято все – от отпиленных рук Йоргена на полу в душевой до полуметровой линзы, собирающей энергию солнца, и мха с контурами человека. Она испытывала усталость и опустошение, прекрасно осознавая, что это заметно. Но из-за сильного переутомления ее это не волновало. Ей только не хотелось бы, чтобы другие видели, что она тоже сдалась. И хотя в ее профессии это считалось смертным грехом, в котором она ни за что и никогда не призналась бы, в глубине души она перестала надеяться на то, что им удастся раскрыть данное дело.

Им не всегда удавалось раскрывать все преступления. Они раскрывали большинство, но не все. Но Тувессон всегда полагалась на своих коллег и всегда чувствовала полную уверенность в том, что в конце концов они справятся. Сейчас же она испытывала только большие сомнения в своих силах и в силах остальных. Если это сомнение заметят коллеги, это окажет разрушительное действие на их дальнейшую работу.

По дороге в участок ее не отпускала мысль о том, что в конечном итоге ей неизбежно придется принять решение закрыть дело, и остаток жизни она будет считать его своей самой большой неудачей. По ее недосмотру дело так и не дошло до суда, и только что она совершила роковую ошибку – отстранила Фабиана от расследования. Она даже подумывала о том, чтобы опять привлечь Фабиана, но решила, что это в каком-то смысле означало бы признать остальных недееспособными. Сейчас ей оставалось только отвечать за свои поступки и надеяться на лучшее.

– Не знаю, что вы чувствуете, – сказала Тувессон скорее для того, чтобы прервать молчание, поскольку понятия не имела, что говорить дальше. – Но для меня это самое трудное и страшное дело, с которым я когда-либо сталкивалась, и у меня такое ощущение, что мы по-прежнему еще не начинали приближаться к разгадке. Но это не так. Мы возьмем его, я в этом полностью уверена. Но… – Она встретилась глазами с Лильей, Муландером и Утесом. – Если мы хотим получить хоть малейший шанс раскрыть дело, мы должны быть готовы думать по-новому, нестандартно. В данной ситуации нет глупых идей. Этот мох может и правда быть автопортретом преступника, что в свою очередь может оказаться ключом к пониманию его характера и к поиску мотивов. – Она дала им возможность осознать ее слова.

– А мы вообще-то уверены, что это мужчина? – спросила Лилья.

– Нет, в данной ситуации это с тем же успехом может быть и женщина.

– К вопросу о неожиданных идеях, – сказал Муландер. – Никто не

размышлял над идеей Линкана о граффити в школе во Фредриксдале?

– Честно говоря, с тех пор прошло больше тридцати лет, – отозвалась Лилья. – Школа наверняка несколько раз ремонтировалась.

– А вот и нет, – возразил Утес. – Линкан говорит, что капитальный ремонт будет в школе только следующим летом, так что у нас есть шанс. Ну, я не знаю. – Утес развел руками.

– Предлагаю тебе поехать туда и посмотреть, – сказала Тувессон. – Терять нам нечего.

Утес молча кивнул.

– Ирен, ты поедешь со мной. А ты, Ингвар, займешься парком Рамлеса Бруннспарк.

Все допили свой кофе и встали.

– Мы не обсудили одну вещь, – подала голос Лилья, и к ней повернулись остальные. – Сначала были Йорген и Гленн, два хулигана. А теперь Клаес и эта Ингела. Означает ли это, что все в классе потенциальные жертвы?

Тувессон не знала, что ответить. Ей пришла в голову та же мысль, но она выбросила ее из головы. Может быть, поэтому дело кажется таким пугающим и неразрешимым? Или она просто устала.

– По-хорошему, мы должны взять их под защиту полиции, – заметил Утес.

– Проблема в том, что у нас не хватает ресурсов, – отозвалась Тувессон. – Мы уже отрядили четырех человек в больницу, где лежат Риск и Плугхед. Восьмерых, если учесть, что это круглосуточная охрана. Но я спрошу в Мальме, не смогут ли они прислать подмогу, – подытожила она, хотя в глубине души знала, что только большим количеством полицейских тут не обойтись. В конечном счете, они могут предложить только один надежный вид защиты – поймать преступника.

55

При малейшем движении в спину Фабиана словно вонзалась тысяча иголок, хотя он, идя по больничному коридору, с виду нескончаемому, старался двигаться как можно более плавно и, главное, тратя как можно меньше энергии. Два полицейских в форме, которые ночью дежурили у входа в его палату, сменились на двух новых, которые неохотно позволили ему покинуть палату и отправиться в отделение неотложной помощи, где с большой долей вероятности находилась Ингела Плугхед. Пока что за время долгого пути они не сказали ни ему, ни друг другу ни слова, и Фабиан не мог понять, играют ли они в молчанку или дуются друг на друга.

Он проснулся сорок минут назад и увидел заголовок:

НОВАЯ ЖЕРТВА В КЛАССЕ ЗЛА

Так вот, значит, в каком классе он учился. *Класс зла.* Он повторил слова про себя и попытался понять, почему его гнетет неприятное чувство: что-то не так. Впервые преступнику не удалось лишить свою жертву жизни. А если это входило в его планы? К тому же он вспомнил, что Ингела Плугхед была одной из самых приятных в классе. Он не мог припомнить, чтобы она хоть раз о ком-то плохо отозвалась. Она единственная из класса осмеливалась вставать на сторону Клаеса.

Фабиан вспомнил, как во время урока на тему «Кем ты мечтаешь стать» Ингела сказала, что будет адвокатом, чтобы помогать всем слабым и беззащитным. Кем она стала на самом деле, он понятия не имел. Но он слышал, что она якобы страдала тяжелой депрессией и даже пыталась покончить с собой.

Когда они, наконец, дошли до холла с лифтами, Фабиан нарушил молчание и крикнул одному из полицейских, чтобы тот не нажимал на кнопки. Он хотел нажать сам.

В детстве он любил играть именно с этими лифтами. Четыре лифта располагались посреди крестообразного больничного здания по четырем сторонам света. Как только он входил в большой круглый холл, в центре которого на полу стояла кнопочная панель, ему начинало казаться, что его поднимают на командирский мостик Энтерпрайза. Кнопки всех лифтов помещались не внутри лифтовых кабин, а именно на этой напольной панели, и можно было нажать какой угодно этаж.

Фабиан обвел холл глазами и понял, что и сейчас испытывает то же чувство. Помещение состарилось с тем же достоинством, что и «Звездный путь», и не хватало только Кристин Чапел с ее целительным лазерным лучом. Он нажал на зеленую кнопку нижнего этажа, и двери лифта сразу открылись.

– Ты уже на ногах? – спросила Лилья, когда Фабиан вполз в отделение неотложной помощи.

– Как сказать.

– Дай-ка посмотрю, – Лилья обошла его, встала за ним на цыпочки и посмотрела на его затылок под больничной рубашкой. – Ой, черт возьми…

– Спасибо. Именно это я и хотел услышать.

– Полагаю, что ты здесь по той же причине, что и мы. Несмотря на отпуск, – сказала Тувессон.

Фабиан встретился с ней глазами, но ничего не ответил.

К ним подошел врач. Он сдвинул вниз марлевую повязку и пожал Тувессон руку.

– Насколько я понимаю, вы пришли к Ингеле Плугхед.

– Как она себя чувствует?

– Сравнительно неплохо. Нам наконец удалось остановить кровотечение. Мы не сразу поняли, что с ней в действительности произошло. – Врач замолчал и огляделся, словно проверяя, что их никто не слышит. – Какой-то непрофессионал явно пытался сделать ей вагинальную гистерэктомию.

– Что это значит?

– Ей вырезали матку.

Тувессон посмотрела на Фабиана, будто ждала, что он скажет. Но его мысли были слишком заняты попытками объяснить, почему кто-то подверг Ингелу Плугхед вагинальной гистерэктомии. И почему вообще ее надо было чему-либо подвергать.

– А как определили, что это непрофессионал? – спросила Лилья.

– Разрезы находятся совсем не там, где должны, и потом, ей даже не пытались зашить саму рану. К тому́ же у нее в моче обнаружили высокую степень содержания бензодиазепи́нов, то есть лекарств от беспокойства и расстройства сна.

– Значит, ее накачали лекарствами и провели операцию, когда она была без сознания?

Врач кивнул.

– Но сначала ее изнасиловали.

– Что?

– Я пошлю письменный отчет. Прошу меня извинить, но я не закончил обход.

И врач ушел, не дав возможности задавать дополнительные вопросы. Тувессон покачала головой и повернулась к остальным. Новость об изнасиловании словно затмила всю напоминающую пытку операцию.

Что касается Фабиана, изнасилование развеяло все сомнения. Теперь он знал наверняка.

– Во всяком случае, это означает, что преступник – мужчина, – сказала Тувессон.

– И у нас, вероятно, есть неопровержимые доказательства, – подхватила Лилья.

Тувессон кивнула.

– Но не в отношении нашего преступника, – возразил Фабиан. – Это кто-то другой.

– Почему это должен быть кто-то другой? – удивилась Тувессон.

– Это не похоже на его почерк, – сказал Фабиан и предложил перейти в кафе.

– А я вижу целый ряд совпадений, – сказала Лилья, убирая грязные кофейные чашки и десертные тарелки с кофейного стола и пытаясь оттереть салфеткой засохшие пятна. – Помимо очевидного – она училась в том же классе, – мы имеем также изощренный способ действия. Не говоря уже о выборе времени. Только мы начали надеяться, что он закончил.

– Да, так подумали многие, – сказала Тувессон, ставя поднос с их заказами.

Фабиан попробовал напиток, который в больнице упорно называли капучино, и понял, что Лилья и Тувессон совершенно правильно выбрали чай.

– Наш преступник не насилует своих жертв.

– Может быть, дело в том, что первый раз жертва – женщина?

– Ты хочешь сказать, не считая Метте Луизе Рисгор, – уточнила Лилья.

– К тому же, Ингела Плугхед – одна из самых приятных людей, которых я встречал, – сказал Фабиан. – Она более или менее единственная в классе, кто заступался за Клаеса и всегда брал его сторону. В-третьих, я не вижу никакой связи с ее маткой или женским полом.

– Но речь больше не идет о Клаесе Мельвике. Он мертв, – сказала Тувессон.

– А у нас есть уверенность, что злоумышленник не собирается убивать

одного за другим? Извини, ты понимаешь, о чем я, – сказала Лилья.

Фабиан кивнул. Он прекрасно понимал. Последние часы он сам все время думал об этом – весь класс, включая его самого, вероятно, на очереди.

– Но сейчас важно как раз то, что он ее не убил, – он передумал насчет кофе и отпил еще немного, – что бы сделал наш преступник.

– Может быть, у него просто не получилось завершить задуманное?

– Может быть. Но по-моему, он не из тех, у кого что-то не получается. Наоборот. Он что-то замышляет, я в этом убежден.

– Да, я слышала о твоей теории, согласно которой мох под Клаесом – его автопортрет, – сказала Лилья.

– Да. Или скорее его представление о самом себе. – Фабиан еще раз попытался выпить коричневую жижу, но сдался и отодвинул чашку.

– Но почему мы считаем, что удаление матки не входит в его план? Может быть, мы просто не видим взаимосвязи? – предположила Тувессон.

В ее словах был резон. Конечно, это мог быть тот же преступник, и в свое время все станет ясно. Но Фабиан в этом сомневался. В отличие от Тувессон, у него не было никаких аргументов, только сильное чувство, что тут какая-то нестыковка. Что это совсем другой человек. Правда, раньше он не сомневался, что в преступлении виновен Клаес Мельвик, так что в этом деле ни в чем нельзя быть уверенным.

Кроме одного: кем бы ни был преступник, он, вероятно, скоро опять нанесет удар.

56

Ким Слейзнер прошлой ночью не сомкнул глаз. Новость обрушилась на него, как бомба, когда они с Вивекой сидели на балконе и пили вино, глядя на воду и людей на Исландс Брюгге. Они говорили о том, что следующей зимой надо поехать не в Таиланд, а куда-нибудь еще. Вивека предложила Вьетнам. Это, должно быть, как нетронутый Таиланд. Он был в прекрасном настроении и соглашался на все предложения жены. Он наконец-то подцепил на крючок Дуню, и конфликт со шведами постепенно переставал быть главной новостью. Скоро газетные афиши опять будут украшать сводки погоды о рекордной жаре.

Они как раз решили откупорить розовое шампанское «De Saint Gall Brut Rose», как прибежала Нанна.

– Папа, о тебе написали в «Экстра Бладет»! Там сказано, что ты солгал!

Сначала он не понял, о чем она. Почему о нем пишут в «Экстра Бладет» и о чем он солгал?

Но через несколько секунд в него закралось беспокойство, и он, отдав бутылку Вивеке, пошел с Нанной к ее компьютеру.

После чего ему пришлось закрыться в ванной. Ополоснуть лицо и собраться. Подумать, как спасти ситуацию. Как объясниться. Когда он вышел на террасу, Вивека сидела, уставившись в темноту, и держала в одной руке наполовину выпитую бутылку, а в другой – мобильный.

– Ой, стоило мне на минуту отлучиться, как уже все выпито, – сказал он со смехом, как будто все это была шутка.

Но смех вышел слишком натужным и выдал, что он точно знает, в чем дело.

– Свинья. Убирайся, – сказала жена. В ее голосе не было и следа горечи или злобы. Спокойная констатация факта. Так кассирша в супермаркете называла сумму покупки – 124,50 кроны. – Вещи заберешь завтра, когда я буду на работе.

До него быстро дошло, что она была гораздо больше подготовлена к этой ситуации, чем он сам. На самом деле она просто ждала, что на поверхность всплывет то, что ей и так известно. Ничего не говоря, она все время знала. Ждала, что он опозорится и с него упадут штаны. Какая мерзость.

Он ушел из дома без единого слова и снял номер в гостинице с видом

на улицу Вестер Вольдгаде. И теперь лежал в номере и с тревогой ждал выпуска новостей – до какой степени они все раздуют? Но в новостях ничего не сказали ни о нем, ни о его делах на Лилле Истедгаде. Значит, информация не успела пойти дальше «Экстра Бладет». И тем не менее, Слейзнер нисколько не успокоился. Это вопрос времени, а потом начнется ад. Он погасил свет и попытался было уснуть, но сдался и открыл минибар.

На следующее утро он проснулся на полу. Голова раскалывалась так, что боль отступила только после распития последней маленькой бутылочки «Gammel Dansk». Быстро приняв душ, Слейзнер выписался из гостиницы.

По дороге к машине он отметил, что пожар распространился, и теперь новость была во всех газетах. «Политикен» возлагала на него вину за смерть Метте Луизе Рисгор, а «Экстра Бладет», сосредоточившись на его действиях в районе Вестербро, объявила о вознаграждении в пятьдесят тысяч крон тому, кто внесет ясность в этот вопрос.

До квартиры на Исландс Брюгге он доехал без проблем, хотя на самом деле был не в состоянии вести машину. Он не хотел брать такси, чтобы не рисковать: а вдруг его узнает какой-нибудь словоохотливый водитель. Войдя в квартиру, сразу же прошел в свой кабинет, поставил мобильный на зарядку и открыл компьютер, чтобы просмотреть последние новости. Новостям на газетных афишах было уже два часа от роду, а в данной ситуации это целая вечность.

По дороге домой Слейзнер подумывал о том, не бросить ли все к черту: отправиться прямиком в аэропорт Каструп и купить первый попавшийся билет в один конец в какую-нибудь теплую страну. Если все снять со счетов достаточно быстро – то есть быстрее, чем это сделают жадные руки Вивеки, – он сможет довольно долго прожить в Таиланде. Выучиться на инструктора по дайвингу. Сертификат дайвера у него уже есть.

Он глубоко вздохнул, зашел на сайт «Экстра Бладет» и сразу увидел, что объявление о вознаграждении уже дало результат. Йенни «Мокрый поцелуй» Нильсен успела обнародовать, что в интересующее всех время он находился в ее квартире на Лилле Истедгаде. Однако она не хотела раскрывать, что именно он там делал, из-за заботы о своем клиенте. Зато спокойно сообщила, что он ее постоянный клиент.

И все из-за этой сучки Дуни. Конечно, это она. Вместо того чтобы всерьез отнестись к его предупреждению, она открыто плюнула ему в лицо и объявила войну. А если так, война ей обеспечена. Он не прекратит сражаться с ней, даже если она встанет на колени и будет молить его о пощаде.

Но сначала ему надо спокойно обдумать ситуацию. Отключить чувства и включить логику. Посмотреть, какими возможностями он располагает и каких еще последствий ждать. Хватит с него сюрпризов. С этой минуты он берет штурвал в свои руки и начинает действовать на опережение.

Его мысли прервал звонок мобильного. Звонил начальник Главного полицейского управления Хенрик Хаммерстен.

Дуня Хоугор села за свой письменный стол и включила компьютер. Ее часы сочтены. Поэтому надо действовать быстро. Слизняк наверняка еще какое-то время побудет в подполье, чтобы зализать свои раны. Но нет ничего страшнее раненого льва, и когда он осмелится выйти из клетки, он снимет с нее скальп.

Но это не играет никакой роли. Она приняла решение. Дело важнее ее самой. Она не спала всю ночь, перебирая в голове разные альтернативы, и в конце концов поняла, что выбор на самом деле прост. Вот почему она в свое время стала полицейским.

Она ввела свой логин и пароль и кликнула на ярлык «бланки». Хотя она никогда не использовала именно этот бланк, она точно знала, где он находится. Н3-49U, бланк для специальной выдачи технических доказательств, располагался прямо под Н3-45R, бланком для регистрации технических доказательств. Она кликнула на символ pdf. На экране появился бланк, и она стала вносить сведения. *«Пежо» со шведскими регистрационными номерами JOS 652, архивный номер 100705-B39C, выдается шведской полиции г. Хельсингборга для технического осмотра.*

В графе «расшифровка подписи» она написала «Ким Слейзнер» и нажала на печать. После чего положила распечатанный бланк на свой старый контракт о найме и подгоняла до тех пор, пока подпись Кима не оказалась на нужном месте. Она взяла самую лучшую ручку, опробовала ее на черновике и принялась за подделку.

Ее рука должна дрожать. Она должна нервничать. Она может все потерять. Но рука не дрожала. Нисколечко. Она подула на чернила, сложила бланк и вышла из кабинета. Может быть, в последний раз, думала она, идя по коридорам.

Дверь лифта открылась, как только она нажала на кнопку. Она вошла в лифт, приложила свой пропуск и нажала на этаж -4. Двери лифта закрылись, и он поехал вниз. Ей казалось, что он едет очень медленно. Обычно у нее возникало чувство, что лифт стремительно падает вниз, а ноги отрываются от пола. Теперь он полз, словно издевался. Она сделала несколько глубоких вдохов, но не смогла успокоиться. В это время лифт

вдруг притормозил и остановился. Дисплей над дверью показывал, что она опустилась не ниже вестибюля. Дверь лифта открылась, и в кабину вошел Слизняк собственной персоной.

– Привет, – сказала она, стараясь говорить как можно более расслабленно.

Он ничего не ответил, только посмотрел на нее и нажал на кнопку 6-го этажа. Двери закрылись, и лифт поехал дальше вниз.

Ей показалось, что стены кабины стискивают ее. Она стала искать, на что ей смотреть, и выбрала царапинку на двери. Ей нужно что-то сказать? Нет, лучше всего вести себя естественно. Но что значит «естественно» в такой ситуации? Она была в поту, жаркая и липкая. Попыталась сглотнуть, но комок в горле никуда не исчезал. Не отводить глаз от царапины на двери. Продолжать держать ее в фокусе и выждать секунды длиной в вечность.

Слейзнер стоял от нее на расстоянии меньше метра, и она явственно ощущала, как он буравит ее взглядом. Он что, вычислил, что она затеяла? Она слышала, как он жует жвачку. Но это не помогало. Спертый запах перегара все равно чувствовался, и от этого кабина лифта казалась еще меньше.

Когда двери наконец открылись, Дуня постаралась сдержать шаг и не побежать.

– Увидимся, – услышала она его голос.

Она обернулась, но лифт уже закрывался, и она успела только увидеть, как промелькнула его улыбка.

Из Кима Слейзнера словно выкачали весь воздух. Он рухнул на откидывающееся сиденье и закрыл лицо ладонями. Именно сейчас он меньше всего хотел столкнуться с Дуней. Но встреча оказалась счастливой. Он блестяще справился с ситуацией. Не зря он столько лет проработал на руководящей должности. Он сразу же пошел в атаку и не ответил на ее приветствие. Не показал ни малейшего колебания. И глазом не моргнул.

Чего нельзя сказать о Дуне. От нее прямо разило неуверенностью и виной. Если бы он сомневался в том, кто настучал в вечернюю газету, теперь бы ему все стало окончательно ясно.

Он поднялся с сиденья с новыми силами, поправил волосы и вышел из лифта.

– Черт знает что, – сказал Хенрик Хаммерстен, принимая Слейзнера.

Когда Слейзнер входил в кабинет начальника Главного полицейского управления, ему всегда казалось, что он попадает в прошлый век. В

кабинете делали ремонт всего лишь несколько лет назад, но Хаммерстен настоял на высоких темных деревянных панелях, ручной росписи на потолке, креслах Честерфилд и старом глобусе, служившем баром.

– Садись, – Хаммерстен кивнул на стул для посетителей перед большим письменным столом красного дерева, приобретенным на аукционе за кругленькую сумму.

Значит, в этот раз не в кресле, подумал Слейзнер, приготовившись к жесткому разговору. Если у него есть хоть малейший шанс выбраться отсюда живым, он должен правильно разыграть свои карты. Он развел руками и опустился на стул для посетителей.

– Да, Хенрик. Что тут скажешь? Стоит только выйти через заднюю дверь и немного потрахаться, как тебе устраивают настоящую травлю.

Хаммерстен кивнул, подошел к глобусу и достал оттуда два стакана и бутылку «Gammel Dansk». Он молодец, что взял быка за рога и сказал все как есть, без утайки. К тому же, Хаммерстен сам время от времени позволял себе походы на сторону. Это он порекомендовал ему Йенни Нильсен и ее, как он выразился, экстраординарную способность удовлетворять чужие потребности. Но он не станет затрагивать эту тему. Это было бы слишком очевидно.

– Ты знаешь, кто настучал в газету? – спросил Хаммерстен, наполняя до краев стаканы желто-коричневой жидкостью.

– Хоугор, кто же еще? Она у меня с самой зимы как бельмо в глазу.

Хаммерстен кивнул, поднял свой стакан, и они чокнулись. Слейзнер выпил все залпом и почувствовал, как обожгло горло, а потом желудок. Именно то, что нужно. Он слишком поздно осознал, что стакан Хаммерстена по-прежнему полон. Проклятие.

Хаммерстен опять налил ему, и он немного поспешно схватил стакан и случайно пролил несколько капель на стол из красного дерева.

– Извини… Я почти не спал.

– Ничего страшного, ничего страшного.

Хаммерстен так быстро достал тряпку, что Слейзнер начал подозревать, что он это предвидел. Проклятие. Это очевидно, ведь он наполнил стакан до краев.

– Жаль эту Хоугор, – Хаммерстен пригубил напиток, – она чертовски хороший полицейский.

– Конечно, хороший, – Слейзнер не стал трогать стакан. – Но у нее есть свои проблемы. А с другой стороны, у кого их нет?

– Что за проблемы?

– Например, она не подчиняется приказам. Потом, я думаю, у нее

проблемы с алкоголем. На днях у нее было, как бы это сказать, настоящее похмелье.

Хаммерстен кивнул и отпил из стакана.

– Но пока что она справляется со своими обязанностями.

– Вот тут-то собака и зарыта.

Слейзнер взял стакан и постарался отпить как можно меньше, хотя организм жаждал большего.

– А что говорит Вивека?

Он покачал головой.

– Она меня выгнала и, если быть честным, я не могу ее упрекнуть.

– А мы и должны такими быть, правда? – Хаммерстен встретился со Слейзнером глазами. – Честными.

– Мы же ведь всегда…

– Ким, – прервал его Хаммерстен. – Боюсь, что мне придется сделать то же самое.

– Я что-то не понимаю?

– Ты знаешь, как я ценю тебя и все то, что ты сделал для отдела. Но эта история растет, как опухоль, и есть риск, что она очернит всю организацию. Откровенно говоря, у меня нет выбора.

Это все была игра. Сделать вид, что все в порядке. Заставить поверить, что они в одной лодке. На самом деле этот старый хрыч уже все решил. Терять ему больше нечего. Слейзнер поднял стакан и стукнул им по столу красного дерева.

– Что ты несешь? Что значит «нет выбора»? Кто здесь решает, если не ты?

– Ким, я понимаю: ты взволнован. Но…

– Понимаешь? Ты действительно понимаешь?

Хаммерстен вздохнул.

– Ким, ты так же хорошо, как и я, знаешь, о чем идет речь. Если доверие общественности к нашей организации будет подорвано, нам всем не поздоровится.

– Хенрик, это не что иное, как травля в СМИ, устроенная более или менее на пустом месте. О’кей, меня не было на месте, и я не ответил на этот проклятый звонок. Ну и что?! Эта девушка все равно бы умерла. Предположим, я взял бы трубку. Предположим. У меня все равно не было шансов вовремя прислать спецназ, и все, так или иначе, кончилось бы тем, что этому полицейскому из Кеге пришлось бы действовать. Но, конечно, я могу взять на себя вину, если от этого у всех улучшится настроение. Никаких проблем.

Хаммерстен молча размышлял над аргументами Слейзнера.

– Хенрик, ради бога. Дай мне сутки или двое, и я опять выведу эту шхуну на верный курс. Обещаю.

В последний момент он решил не говорить об очевидном и не бить Хаммерстена по больному месту. По этому можно было пройтись, как по красной ковровой дорожке, но не надо. Они оба об этом думали.

– У тебя есть время до завтра.

57

Он ждал почти два часа. Сидел в машине, пока не настал подходящий момент. С помощью джойстика он мог вручную управлять маленькой камерой, вмонтированной в заднее стекло, а на экране перед собой он видел, как около детского сада играли дети. Как они ссорились из-за велосипедов, бросались землей, плакали и вытирали сопли.

У него самого детей не было. Он никогда их не любил. Даже когда сам был ребенком. Он пытался делать все, чтобы стать одним из них. Носить правильную одежду и говорить правильные вещи. Но никто не обращал внимания на его отчаянные попытки, и в конце концов желание стать нормальным сменилось презрением по отношению к своим сверстникам. Теперь самое большое отвращение у него вызывали дети. Сопли, прыщи, чесотка, бородавки, вши, экзема… Этот список можно продолжать до бесконечности. Маленькие беззащитные источники инфекции без цели и смысла. К тому же злые.

До него это все дошло только тогда, когда он сам стал взрослым. Злоба заложена в них как нечто само собой разумеющееся уже с рождения, в отличие от доброты, которую надо тренировать, воспитывать и лелеять. Злоба же, наоборот, прекрасно справляется собственными силами и с годами становится все более и более изощренной.

В 16:07 он вышел из машины, чтобы забрать их. В это время там достаточно много родителей, и персонал не успеет ничего заметить. Он посмотрел в «Фейсбуке», как выглядят дети. Лувиса и Марк, три года и пять лет. Он сразу же нашел их, и они проглотили его объяснение без всяких протестов: мол, он коллега их мамы, которая сидит на совещании и не может прийти и забрать их до закрытия детского сада. Обещание сводить их в «Макдональдс» помогло ему полностью завоевать их доверие.

С персоналом было не так просто. Воспитательница с избыточным весом отнеслась к нему с подозрением и расспрашивала его, кто он такой, вдоль и поперек, ясно дав понять, что не может просто так отдать детей постороннему человеку. К счастью, детей поблизости не было, и он смог возмущенным тоном объяснить, что он отнюдь никакой не посторонний, а отец детей.

Сбитая с толку, воспитательница растерянно смотрела на него. Он объяснил, что по работе много находится в разъездах и обычно никогда не приходит за ними, и что это сюрприз. В конце концов она приняла его

объяснение, но подчеркнула, что в следующий раз, когда он соберется прийти и сделать сюрприз, он должен сообщить об этом заранее.

Теперь дети спали искусственным сном на заднем сиденье, а на экране от камеры в заднем стекле он увидел, как их мать, Камилла Линден, хлопнула дверью машины и поспешила к детскому саду, как обычно, опаздывая. Через три минуты она бросилась обратно, нажимая на кнопки мобильного. Она еще не знала, что услышит только фальшивое сообщение о том, что у номера отсутствует абонент.

Он видел, как она еще раз набирает номер, слушает то же сообщение, одновременно забрасывает свою сумку на пассажирское сиденье машины, садится за руль и отъезжает, взвизгнув шинами. Сам он воспринял все спокойнее, повернул зажигание и поехал за ней, включив автоматическое фокусирование камеры на лице, которое с помощью запрограммированных им алгоритмов управляло висящей на кардане лазерной пушкой.

Если все сработает, они никогда не догадаются, что произошло.

58

Проходящая мимо медсестра пристально посмотрела на Тувессон и указала на табличку с перечеркнутым мобильным телефоном.

– О’кей, так и делай. Я должна прерваться, – Тувессон закончила разговор и повернулась к Лилье. – Это Муландер. Они в парке и ничего не могут там найти.

– Ничего?

– Кроме нескольких волосков жертвы в кустах, где ее обнаружили. Никакой одежды, никаких следов человека или машины, ничего. Так что я послала его обратно в Седеросен.

– Обычно всегда что-то можно найти. А тебе известны случаи, когда Муландер ничего не находил?

Тувессон покачала головой.

– Преступник очень хорошо позаботился о том, чтобы убрать после себя. Но это мы уже знаем. Те следы, которые мы обнаружили, он именно для этого и оставил. Что скажешь?

Она повернулась к Фабиану, чтобы узнать его реакцию, но тут к ним подошел врач.

– Пойдемте со мной.

Они двинулись за врачом по коридору.

– Хотя больная немного пришла в себя, она по-прежнему очень слаба. Другими словами, посещение должно быть коротким. – Он указал на дверь, которую охраняли двое полицейских в форме. – Вернусь через десять минут.

Врач пошел дальше, а Тувессон открыла дверь, но ее остановила Лилья:

– А стоит ли Фабиану входить в палату? – Тувессон встретилась с ней взглядом. – Ведь он отстранен от расследования.

Тувессон кивнула и повернулась к Фабиану:

– Она права. В свой отпуск ты можешь делать все, что угодно. Но если хочешь встретиться с Ингелой, сделаешь это после того, как мы закончим.

– Хорошо, – ответил Фабиан и направился к лифтам вместе со своими немыми полицейскими.

Он уже получил нужный ему ответ.

Тувессон и Лилья подошли к кровати, у которой была приподнята

спинка, так что Ингела полусидела. Не считая кругов под глазами, она была бледной, как простыня, на которой лежала. Нечесаные волосы засалились, а руки поверх одеяла дрожали, как у старухи. Но что можно ждать от человека, который потерял так много крови и только что подвергся насильственной непрофессиональной операции, подумала Тувессон, придвигая стул и садясь рядом с кроватью.

– Здравствуйте, Ингела. Меня зовут Астрид Тувессон. Я комиссар криминальной полиции Хельсингборга. А это ассистент криминальной полиции Ирен Лилья.

Лилья помахала рукой в знак приветствия.

– У нас есть несколько вопросов, и мы надеемся, что вы сможете на них ответить.

Ингела покачала головой. Судя по ее подбородку, она чуть не плакала.

– Ответов у меня нет. Мне жаль, но я ничего не помню.

– Ингела, в первую очередь хочу выразить глубочайшее сожаление по поводу того, чему вы подверглись и через что прошли. Это, должно быть, чудовищно. Но в отличие от других жертв, вы остались в живых.

– В живых? Вы называете это жизнью? Будь у меня выбор, я бы предпочла смерть. Кто-то залез в мои внутренности… Ножом и… и… – Ее лицо исказилось, и она беззвучно расплакалась.

Тувессон взяла ее за руку.

– Я понимаю, как вам тяжело. Но мы хотим только одного: найти и задержать того, кто так поступил с вами. И вы в этом сможете помочь, если все расскажете.

Ингела кивнула и успокоилась, вытерла слезы, взяла из рук Лильи стакан воды и опустошила его.

– Что вы запомнили?

– Я встречалась с Моной и Силлой.

– А кто это?

– Мои приятельницы. По традиции, в первую среду каждого месяца мы куда-нибудь идем.

– И где вы были вчера?

– Сначала мы поужинали в ресторане «Haket» и… Пошли на теплоход «S/S Swea» и немного выпили.

– А что случилось потом?

Ингела покачала головой и пожала плечами.

– Вы помните, что вы пили? – спросила Лилья.

– «Кайпиринью» и «Белый русский».

– А там можно танцевать?

Ингела кивнула.

– Конечно. Внезапно я почувствовала головокружение. Играли Леди Гагу, и все закружилось, хотя я выпила всего лишь два коктейля.

Тувессон и Лилья переглянулись.

– А ваши подруги почувствовали то же самое?

– Не знаю. Я не смогла их найти. Было очень много народу, все кружилось, и мне хотелось только выбраться оттуда. Но я даже не нашла выход. Хотя само заведение довольно маленькое, мне оно показалось одним сплошным лабиринтом.

– Значит, вы не помните, как вышли оттуда?

Ингела покачала головой. Похоже, она прилагала усилия, чтобы опять не сорваться. В этот момент в палату вошел врач и показал на свои наручные часы.

Тувессон сделал ему знак рукой.

– Мы почти закончили. Все кружилось, и вы попытались выбраться оттуда, но не могли. Что еще вы помните?

Ингела задумалась, но, в конце концов, только пожала плечами.

– Что я очнулась и ничего не поняла. Я понятия не имела, где я. Я даже не знала, кто я. – У нее задрожала нижняя губа, и Тувессон сильнее сжала ее руку.

– Вам было больно?

Ингела покачала головой.

– Не знаю. Не думаю.

– Вы помните, как вы лежали, когда очнулись? На животе, спине или…

– Я не знаю. Пожалуйста, я не знаю. Мы скоро закончим?

– Ингела, это важно. Попытайтесь точно вспомнить, как было, когда вы…

– Не знаю! Я же сказала, что не знаю. – Ингела заплакала. – Пожалуйста, уходите. Я хочу, чтобы вы ушли.

– Ингела…

– Уходите! Уходите! – закричала Ингела и стала бить себя по животу.

Подбежал врач и попытался остановить ее – она молотила кулаками, опрокидывала и крушила все, до чего могла дотянуться.

– Оставьте меня в покое!

Лилья и Тувессон схватили Ингелу за руки, которыми она размахивала, и держали ее, пока врач набирал лекарство в шприц и делал ей укол в ягодицу. Ингела перестала сопротивляться и посмотрела на врача и полицейских блестящими глазами.

– Пожалуйста… Не могли бы вы… исчезнуть… – Ее веки стали

смыкаться.

– Полагаю, мы закончили, – сказал врач, открывая им дверь.

– Когда мы можем опять ее навестить? – спросила Тувессон, выходя в коридор.

– Вы же сами видите. Она пережила тяжелую травму и до сих пор находится в шоковом состоянии. Ей нужен покой.

Тувессон остановилась и повернулась к врачу.

– Спрашиваю еще раз. Когда мы сможем опять с ней встретиться?

Врач демонстративно издал длинный вздох.

– Честно говоря, не вижу в этом смысла. Насколько я понял, она рассказала все, что помнит.

– Позвольте мне судить об этом. Когда она сможет встать на ноги?

Врач пожал плечами.

– Завтра, во всяком случае, она сможет сесть.

– Хорошо. Тогда мы за ней заедем. Я собираюсь поездить с ней на машине. Если кто-то из больницы захочет поехать с нами, пожалуйста.

Врач попытался протестовать, но Тувессон и Лилья уже вышли.

59

Камилла Линден не могла вспомнить, когда это было в последний раз. Два-три, может, даже четыре года тому назад. Хотя она торжественно поклялась себе, что это никогда не повторится, у нее в сумке всегда лежала пачка. На случай острой нужды, когда у нее не будет никакого выбора.

Всякий согласился бы, что сейчас ей это необходимо, подумала Камилла, правой рукой роясь в лежащей на пассажирском сиденье сумке. Она знала, что сигареты лежат где-то среди всех этих помад, ключей, мобильного, зубочисток и тампонов. Вот… Наконец кончиками пальцев она нащупала мягкую шуршащую пачку и поднесла ее ко рту. Содрав зубами целлофан, губами обхватила сигарету и вытащила ее из пачки. Прикуриватель был уже раскален добела, и скоро она смогла сделать так необходимую ей затяжку.

Раньше она успокаивалась сразу же после первой затяжки. Но не теперь. Это, черт возьми, последний раз, подумала она, встала в крайний ряд, до упора нажала на газ и обогнала вишневую «Вольво», которая еле ползла перед ней. Она вдохнула как можно сильнее, чтобы дым дошел до тончайших капилляров, и перед ней, как в компьютерной игре в 3D, вынырнула трасса Е6. Она ехала слишком быстро, но ей было наплевать. Если ее захочет остановить полиция, пусть останавливает. Так даже лучше, пусть поедут с ней и помогут.

Бьерне уже не в первый раз вот так внезапно возникал и забирал детей. Один раз он повез их в Тиволи в Копенгаген, а в другой решил, что они отправятся на экскурсию на остров Вен. Но сейчас он впервые позволил себе заблокировать свой номер. В первый и последний раз.

На этот раз с нее хватит. На этот раз она не собирается довольствоваться тем, что немного подуется и спустит все на тормозах. На этот раз она дойдет до суда, запретов на посещения и всей этой катавасии. Уж она позаботится о том, что мало ему не покажется. Ему так достанется, что он больше никогда не посмеет к ним приблизиться.

Она осталась в крайнем ряду и заметила, что спидометр показывает 150. Только бы ей не пропустить съезд на Стревельсторп, где он жил. Подонок. Она сделала последнюю затяжку, выкинула сигарету в опущенное окно и закурила новую.

Как она могла быть такой наивной? За долгие годы она получала так много предупредительных сигналов. У нее было сколько угодно шансов

просто повернуться и уйти. Вместо этого она предпочитала закрывать глаза, подставлять другую щеку и делать вид, что все нормально. Будто он действительно сможет бросить пить. Будто его плохое настроение на самом деле ее вина. Тогда у них еще не было детей. Если бы проводился чемпионат мира по глупости, она бы безо всяких усилий заняла первое место.

Она выпустила дым, он попал ей в горло, и она закашлялась. Как старая бабка, подумала она, заметив, что вишневая «Вольво» обогнала ее во внутреннем ряду. Она бросила взгляд на отметку спидометра – 140 – и встала во внутренний ряд за «Вольво».

С тех пор прошло больше десяти лет. Но она помнила первый удар, как будто это было вчера. Они ужинали у ее подруги детства Павлы, или Эльзы Халлин, как ее звали с тех пор, как она вышла замуж за Йеркера. Халлины пригласили их на фондю после того, как разобрали кладовую в подвале и нашли там фондюшницу. За ужином они говорили о том, как несправедливо, что такая хорошая посуда бог знает сколько лет лежала в подвале. Затем они перешли к тому, что им нравится в раскритикованных восьмидесятых, и примерно на этом этапе она заметила, что Бьерне замолчал…

На «Вольво» включился сигнал торможения, и ей самой пришлось затормозить, чтобы не врезаться в нее. Камилла бросила взгляд через плечо – посмотреть, сможет ли она вывернуться, но там ехал грузовик и пытался обогнать ее на подъеме. Зачем?

…Бьерне ненавидел все, что напоминало о восьмидесятых. Не играло никакой роли, что он только что заглотил тушенное в масле мясо, будто в животе у него была огромная дыра. Он ненавидел восьмидесятые. И точка. Остальные продолжали говорить об одежде и прическах. Тогда было гораздо веселее, чем в девяностые, когда все должны были носить потертые линялые джинсы, и любая одежда, кроме футболок и рубашек в клетку, считалась роскошью.

Этот последний комментарий отпустила Павла, вероятно, абсолютно не осознавая, что Бьерне именно так и одет. Белая футболка под расстегнутой клетчатой рубашкой лесоруба. Или она прекрасно все понимала? В таком случае это было вполне в ее духе. Камилла попыталась спасти ситуацию, сказав, на ее вкус, именно рубашки в клетку могут быть довольно стильными, и в первый раз за двадцать минут Бьерне открыл рот: «Восьмидесятые были, черт возьми, только для гомиков и пидорасов с их проклятыми накладными плечами и всяким дерьмом». Йеркер поинтересовался, в чем разница между гомиками и пидорасами, и,

ухмыляясь, поднял свой стакан…

На вишневой «Вольво» опять включился сигнал торможения, и Камилла снизила скорость. Спидометр показывал 125.

…Они выпили. Все, кроме Бьерне, который всячески демонстрировал свое отвратительное настроение. Камилла попыталась перевести разговор на тему работы, и Павла подхватила и принялась рассказывать, как ее начальник сознательно отводит детской литературе последнее место.

«Значит, вам действительно нравится музыка этих гомиков, – прошипел Бьерне. – У них толком не было нормальных инструментов. У таких, как Soft Cell и эта Human League. Проклятые загримированные гомики, которые даже петь не умели!»

Вот так и сказал.

Если они что и умели, так это петь, подумала Камилла и обратила внимание на то, что на заднем стекле «Вольво» перед ней что-то зажглось, что-то зеленое, – а потом опять мысленно вернулась на тот ужин. Йеркер, наверное, действительно напился, иначе он никогда бы не сделал то, что сделал. Что он тогда сказал? Камилла стала вспоминать, а между тем маленькая камера в машине перед ней наводила фокус на ее лицо и направляла зеленый луч на ветровое стекло ее автомобиля.

Точно, вспомнила: «Вот как говорит настоящий пидорас, еще не сделавший каминг-аут, – заорал он и начал петь: – Don’t you want me baby? Don’t you want me ah-ah-ah[28]… – Одновременно он встал со стула, опустился перед Бьерне на колени и начал ласкать его бедра. – You were working as a waitress in a cocktail bar when I met you. I picked you out. I shook you up and turned you around[29]…»

Павла зашлась от хохота, да и ей самой было трудно сдержать смех. Йеркер продолжал петь и кривляться на полу у ног Бьерне. «Turned you into someone new…»[30] Они с Павлой досмеялись до икоты. И она слишком поздно обнаружила, что взгляд Бьерне стал совершенно черным. Она помнит, что он встал так поспешно, что опрокинул стул, повернулся к ней и сказал, что они сейчас же идут домой.

Какая же она была дура, что послушалась его.

Когда они пришли домой, она обратила внимание, как он закрыл дверь, – не только повернув ручку верхнего замка, но и заперев нижний замок на ключ. Он стоял к ней спиной, и она видела, как он положил ключ в карман и глубоко вздохнул, как будто собирался с силами, после чего повернулся к ней…

Внезапно Камилла вскрикнула от обжигающей боли, которая пронзила

ей левый глаз. Словно кто-то воткнул ей в глазное яблоко иголку или плеснул в него едкой кислотой. Она закрыла глаза и дотронулась до лица, но не почувствовала там ни иголки, ни кислоты. Она испытывала только концентрированную боль, которая продолжала прожигать ей глазницу.

Уголком правого глаза Камилла увидела, что машина чуть было не съехала на обочину, но ей удалось выровнять ее до того, как не стало слишком поздно. Она перестала кричать и попыталась успокоиться. Что, черт возьми, происходит? У нее произошло кровоизлияние в мозг или закупорка сосудов? Боль еще чувствовалась, но начала стихать и стала не такой невыносимой. Она обливалась потом и в то же время мерзла. Все липло и жало. Она взяла руль левой рукой и поднесла правую руку к правому глазу, чтобы проверить, может ли она видеть левым. Не может. Что это за дурной сон? Или что там, один черт. Самое важное – проснуться.

И тут она снова увидела зеленый свет, который выстрелил из заднего стекла «Вольво» и попал на ее ветровое стекло. Значит, это не сон. Тонкий луч скользил по ее груди. Что это? Она не успела додумать эту мысль, как опять почувствовала жжение. Острая, как игла, боль пронзила правый глаз. Все вокруг помутнело, и она могла видеть только разноцветные пятна, которые перемешались на сетчатке. Она закричала изо всех сил, одновременно пытаясь удержать машину в ряду. Но руки отказывались слушаться, а руль стал повиноваться собственной воле.

«БМВ» Камиллы Линден въехала в бок грузовика, и машину отбросило обратно в ряд, как шарик в пинболе, а потом вышвырнуло на траву, где она врезалась в указатель «Стревельсторп 500 м». Одну из стоек указателя вдавило в правую переднюю фару, и «БМВ» вылетела обратно на трассу задом к фуре, которая смяла ее заднюю часть под своими колесами, как банку в автомате для приема тары. Сделав еще одно сальто, машина приземлилась крышей вниз и заскользила по асфальту, пока не остановилась.

Машины вокруг затормозили и встали, и за ними быстро выстроилась длинная пробка. Водитель грузовика и несколько других водителей вышли из своих машин и стали смотреть на разбитую «БМВ» с вращающимися в воздухе колесами, похожую на лежащего на спине жука. Некоторые достали мобильники и стали звонить в скорую. Другие звонили своим родным, чтобы сказать, как сильно их любят. Один мужчина подошел к машине, открыл дверь со стороны водительского сиденья и попробовал пульс на шее у Камиллы. Ничего не прощупав, он вернулся обратно к своей вишневой «Вольво», работающей на холостом ходу, и поехал дальше.

60

Фабиан лежал в постели уже больше суток и понял, что еще сутки ему не пережить. Через несколько часов он просто умрет от скуки. Бесконечные увещевания больничного персонала о том, как важно отдохнуть, совершенно не помогали. После убийства Клаеса Мельвика дело приняло такой оборот, что не давало ему покоя.

А тут еще взгляд Тувессон. Она сделала все, пытаясь доказать обратное, но ее выдавали глаза. В глубине души она оставила надежду раскрыть это дело. Не имеет никакого значения, что он отстранен и лежит в постели. Теперь он должен попытаться понять, как все со всем взаимосвязано. Если вообще взаимосвязано.

По-хорошему, он хотел уйти из больницы, но у него очень болела спина. Он даже не мог встать с кровати и теперь расплачивался за поход в отделение неотложной помощи такой высокой ценой, что согласился принять таблетки. Сейчас он чувствовал, как по телу разливается онемение и спокойствие. Он надеялся, что это поможет ему сосредоточиться на работе. А он собирался работать.

Курьер доставил ему из дома компьютер, зарядку для мобильного и смену нижнего белья. После некоторого давления ему удалось уговорить рецепциониста Флориана Нильссона прислать в больницу все, что лежало на его временном рабочем столе в полиции. Одна из медсестер помогла ему с коробкой распределителя, полкой на колесиках, рабочей лампой и доской, которую можно раскрыть над кроватью и прекрасно приспособить под рабочий стол.

Для начала он подключил зарядку и включил мобильный, сразу же получив смс от Сони. «Едем в поезде. Тео не захотел поехать с нами. Дала ему пятьсот крон, чтобы он не умер с голоду, пока ты в больнице. Позвони ему и проверь, все ли в порядке. Соня».

Фабиан тут же позвонил Теодору, но тот не ответил. Затем позвонил Соне и попытался рассказать, как он себя чувствует, но ее интересовало только то, говорил ли он с Тео. Фабиан объяснил, что совсем недавно включил мобильный, и обещал попытаться еще раз, когда они закончат разговор. «Тогда давай закончим», – сказала она.

Но у Фабиана не было никакого желания класть трубку, и он спросил, как у них дела, у нее и у Матильды. Соня рассказала, что они ходили с ее сестрой и племянниками в парк аттракционов Грена Лунд и прекрасно

провели там время. «Послушай, я должна закругляться. Не забудь позвонить Тео».

«Я люблю тебя», – сказал он и стал ждать ответа.

«Дай мне знать, как только поговоришь с ним».

Фабиан набрал их новый домашний номер и стал слушать гудки, один за другим, которые медленным эхом отдавались в вечности, пока звонок не прервался. Он попытался позвонить сыну на мобильный, но уже через три гудка включился автоответчик. Наверняка сидит в своей комнате и играет, подумал Фабиан. Он пообещал себе постараться нарушить изоляцию сына, заставить его выйти из комнаты на свет божий и заняться чем-нибудь еще, кроме компьютерных убийств.

В этот момент дверь в палату открыл полицейский в форме, которая была ему мала как минимум на два размера.

– Тут тебе принесли кое-что из полиции.

Вошел курьер с картонной коробкой, доверху набитой папками и документами, и протянул бумагу на подпись.

– У вас случайно нет телефона вашего коллеги, который недавно забрал из моего дома компьютер и другие вещи? – спросил Фабиан, расписываясь в квитанции.

– Польшегатан, 17?

Фабиан кивнул.

– Йокке Рокер, – курьер нашел номер в своем мобильном и показал его Фабиану. Фабиан позвонил Йокке со своего телефона.

– Але?

– Это Йокке?

– В чем дело?

– Меня зовут Фабиан Риск. Сегодня вы забирали компьютер и кое-что еще у меня дома на Польшегатан, 17.

– Послушайте, я уже закончил работу. Сейчас уже…

– Один короткий вопрос.

На другом конце провода раздался выразительный вздох.

– Когда вы заходил в дом, там был мой сын? Ему четырнадцать лет, у него темные волосы до плеч и довольно расхлябанный вид.

– Понятия не имею. Но, во всяком случае, кто-то слушал Мэрилина Мэнсона с положенной ему громкостью.

– Спасибо, только это и я хотел услышать. – Фабиан положил трубку и почувствовал внезапную легкость, чего никак не ожидал от Мэрилина Мэнсона на полной громкости.

Через двадцать минут пикнул мобильный – пришла новая смс. «Привет, па. Видел, что ты звонил. Покупал кебаб и как раз платил. Когда вернешься домой?»

Фабиан напечатал ответ: «Как только врачи разрешат мне ходить. Только что включил мобильный, так что дай знать, если что. А еще лучше приходи меня навестить, слышишь:)»

Отправив смс, он сразу же принялся печатать новую: «Дорогая, только что пообщался с Тео. Он явно будет есть кебаб, пока тот не полезет у него из ушей. Целую. Ф».

Он отложил мобильный. Наконец-то можно приступить к работе.

61

«В последнюю секунду», подумала Тувессон, заплатив за пиццу и крикнув Лилье, Муландеру и Утесу, что принесли еду. Их внимание рассеивалось по мере того, как в крови снижалось содержание сахара. И если они в скором времени не поедят, можно закрывать лавочку. Они интенсивно работали весь день и вечер, и нехватка сна уже давно вышла за грани разумного. Пытаясь избавиться от овладевшего ею чувства безнадежности, она приняла решение, что никто не уйдет домой, пока следствие не сделает реальный шаг вперед. Если повезет, у них откроется второе дыхание, а это она любила больше всего на свете.

На втором дыхании все в группе сосредоточились на одном: любой ценой раскрыть дело. Все остальное было второстепенным. Если обычно каждый шел домой к своей семье, то теперь они были семьей друг другу. Все это напоминало ей детство, когда она оставалась ночевать у своей лучшей подружки, где они все выходные играли в куклы или строили что-нибудь из лего. Всегда в пижамах. Переодеться не было времени, и его едва хватало на еду. Все остальное ничего не значило. Все, кроме игры.

Лилья с Муландером быстро подошли, открыли двухлитровую бутылку с колой и налили себе по стакану.

– Если бы мне пришлось выбирать между вином и колой на всю оставшуюся жизнь, я, понятно, выбрала бы колу, – сказала Лилья, выпив стакан до дна.

– Какие ты купила? – спросила Муландер, трогая картонные коробки с пиццей.

– А ты какую хочешь?

– Ну… Наверное, кебаб.

– Бери, – Тувессон протянула ему коробку.

Хотя Муландер не хотел признавать это, в девяти из десяти случаев он выбирал пиццу-кебаб. И съедал половину. Потом ему обычно надоедало, и у него возникало желание попробовать то, что ели другие. Но Тувессон подстраховалась и заказала шесть пицц разных видов.

– А где Утес? Его что, не будет?

– Он заперся в комнате для совещаний и выйдет, как только разберется с граффити, – ответила Лилья.

– Ах, да, – Муландер покачал головой.

– Я знаю, что мы полагаемся на милость божью, – сказала Тувессон. –

Но Утес приложил много усилий, и я хочу, чтобы мы отнеслись к этому серьезно. Хорошо?

Муландер и Лилья кивнули, сели и так рьяно принялись за еду, словно были на грани голодной смерти. Съев треть своей пиццы-кебаб, Муландер нарушил молчание.

– А еще что-нибудь выяснили насчет этой Ингелы Плугхед?

– Как сказать, – откликнулась Тувессон. – Этот суперприятный врач прислал письменный отчет об осмотре, в котором, по сути, повторяется то, что он говорил раньше.

– И что он говорил?

– Что само вмешательство выполнено ненастоящим врачом.

– А как это выяснилось?

– Ну, во-первых, использовался стандартный скальпель, который явно совершенно не предназначен для гистерэктомии. К тому же, скальпель не был простерилизован.

– Ой, черт возьми… – Лилья покачала головой.

– Потом, вошли во влагалище вместо того, чтобы пойти простым путем и сделать разрез на животе.

– Вот как, значит, вагинальный способ труднее? – удивился Муландер.

– Да, но для новичка вмешательство было проведено с большой точностью, что не может не произвести впечатление.

Муландер кивнул и отрезал кусок от своей пиццы.

– Кто хочет меняться?

Тувессон и Лилья покачали головами.

– А ты? Что-нибудь выяснила?

Лилья кивнула и запила пиццу колой.

– Честно говоря, я ее не понимаю. Она закончила среднюю школу со средним баллом 5,0. То же самое с гимназией, где она изучала естественные науки. Затем два с половиной года она училась на юридическом факультете в Лундском университете, а потом бросила учебу.

– Бросила ради чего?

– Ради ничего. Это-то и странно. Она пошла кассиром в магазин «AG: s Favör», где, как я понимаю, работает до сих пор. Говорит о потерянной жизни.

– Что еще?

– Да, в 1992 году она сделала аборт, а спустя десять лет ее родители умерли от рака в течение одного года.

– Может быть, преступник лишил ее матки из-за аборта? – спросил Муландер и отодвинул от себя пиццу. – Я хочу сказать, что он отрезал ноги

Гленну, который пинался, и руки Йоргену, который дрался. Так почему бы не вырезать матку женщине, которая сделала аборт?

– Если это один и тот же преступник, – заметила Тувессон.

Муландер перестал жевать и с непонимающим видом повернулся к Тувессон.

– Ясно, что один.

– А Риск так не считает, – сказала Лилья. – Он считает, что Плугхед – это уже другой почерк.

– Какой другой? Что он, черт возьми, хочет этим сказать? Сначала ноги, потом руки, а теперь матка, и к тому же все они учились в одном классе. И если это не один почерк, то я не знаю.

– Но Плугхед выжила. И к тому же он ее изнасиловал.

– И? Она ведь первая жертва-женщина, не считая датчанки.

– Это так, но Риск сказал, что она единственная в классе заступалась за Клаеса и брала его сторону.

– Но как мы все теперь знаем, речь теперь идет не о Клаесе, а о ком-то другом… – Муландер замолчал и стал поочередно смотреть то на Лилью, то на Тувессон. – Вы что, совершенно серьезно считаете, что это кто-то другой?

– Честно говоря, даже не знаю, чему верить, – сказала Тувессон.

– И я тоже, – отозвалась Лилья.

– Но я склоняюсь к тому, что это один и тот же преступник, – продолжала Тувессон. – Хотя не исключаю другие возможности. На самом деле, это может быть кто угодно.

– А есть кальцоне с двойной начинкой? – послышался голос Утеса из коридора.

– Разумеется, – Тувессон протянула самую толстую коробку Утесу, который взял ее, не открывая.

– Тогда, пользуясь случаем, рад всех приветствовать, – Утес повел рукой в сторону комнаты для совещаний. Вид у него был по-настоящему довольный.

Тувессон и вся команда вошли в комнату и осмотрелись. Утес провел впечатляющую работу, завесив все стены распечатками фотографий граффити высотой два метра. К каждому фото была к тому же прикреплена записка с информацией, где оно сделано.

– Вау! – воскликнула Лилья. – И все это из школы во Фредриксдале?

Утес кивнул:

– Я думаю, так мы получим самое полное представление.

– Такое чувство, что мы очутились посреди большого общественного

туалета, – заметил Муландер.

– Нашел что-нибудь интересное? – спросила Тувессон.

– Я даже еще не начал смотреть, – Утес открыл коробку с пиццей и принялся есть, пока все осматривали стены. – Думаю, сейчас мы сможем сделать это вместе. Если каждый возьмет себе по стене, это займет не так много времени.

Как только Утес заморил червячка, они распределили стены между собой и принялись за дело.

– Сколько у вас «иди на хер»? – спросил Муландер.

– У меня уже три, – отозвалась Лилья.

– А «иди в манду» считается? – уточнил Утес.

– Нет, это совершенно разные вещи, – возразил Муландер. – Это нельзя сделать одновременно. Должен же быть какой-то порядок.

– Во всяком случае, у меня уже есть два первых варианта.

– А куда отнести «Улла у меня соснула»?

Через четверть часа в комнате воцарилась плотная тишина. Словно все осознали, что теперь от них зависит, принесет ли плоды огромная работа, которую проделал Утес. Он не только сфотографировал бросающиеся в глаза четкие граффити на стенах и шкафах. Он также нашел то, что не было заметно на первый взгляд, – под скамьями и на спинках стульев.

На одном держателе туалетной бумаги было написано: «Надеюсь, у тебя есть план Б…», а на обратной стороне сиденья от унитаза: «Гомики срут так же, как обычные люди. Только они считают, что у них получается красивее». Но в основном были надписи типа: «Сесилия – шлюха» «Наш футбол самый лучший, а у прочих – хер вонючий!» «Слипкнот рулит – Хельстрем сосет» «Йорген + Лина» «Рок умер, да здравствует синти-поп!»

Тувессон рассматривала граффити, и ей казалось, что она погрузилась в мысли молодежи – современной и той, что была раньше. Граффити на нескольких фото были многослойными, словно годовые кольца различных выпусков, и чтобы разобрать самый первый слой, надо было постараться.

Ее взгляд задержался на «Мьелле должен умереть». На записке значилось: «Обратная сторона скамьи, раздевалка для мальчиков». Тувессон вздрогнула и стала изучать фото более внимательно. Угловатые неровные буквы-углубления были вырезаны ножом на дереве. Судя по потертым краям букв, им определенно может быть около тридцати лет. Вопрос только, кто их вырезал? Йорген, Гленн или преступник?

– А что вы думаете об этом? – Лилья зачитала вслух остальным. – «Я говорю, никто не слушает. Я спрашиваю, никто не отвечает / Человек-невидимка».

– Где эта надпись? – спросил Муландер.

– За огнетушителем в южном коридоре.

– У меня похожая, – сказал Утес. – «Я ненавижу каждого говнюка, но кому есть до этого дело? / Человек-невидимка».

– Думаете, это он? – спросила Лилья, повернувшись к остальным.

– А почему бы и нет? – отозвалась Тувессон.

Все четверо отступили на несколько шагов от стен и уставились на граффити. Словно ждали, что преступник вот-вот материализуется и выйдет прямо из стены.

Через полчаса Муландер подошел к стене, снял одну из фотографий, сел за стол и принялся изучать ее под лупой. Остальные продолжали рассматривать свои стены, и по мере готовности все стали собираться за спиной Муландера.

Граффити, которое он изучал, было невозможно разобрать. За долгие годы текст стерся до такой степени, что от него осталось несколько точек и черточек различной величины и под разными наклонами. Сейчас Муландер пытался воссоздать буквы. В записке было сказано, что это граффити находится на внутренней стороне двери шкафчика 349.

Лилья повернулась к Утесу:

– Ты что, отпирал каждый шкафчик?

– Нет, они уже были открыты. Возможно, летом, когда их моют, из них все убирают.

Тувессон наклонилась над плечом Муландера и увидела обрывки текста. «Никто меня не видит… Никто…» Продолжения не было видно. Муландер одной рукой загораживал фото, и она ни за что на свете не хотела ему мешать. Когда он вот так сосредотачивался, следствие обычно делало большой шаг вперед.

Тувессон мысленно поблагодарила пиццу-кебаб, подошла к окну и посмотрела на ночное освещение Хельсингборга. Все необычайно хорошо просматривалось, и она увидела дорогу через пролив до самых огней Хельсингера и мигающего маяка на одной из башен замка Кронборг. Виднелись даже огни острова Вен, на котором она, как и большинство жителей ее города, не была ни разу. Или это просто огни парохода?

– Вот он! – вдруг вскричал Муландер.

Тувессон обернулась.

– Ты уверен?

– Если это не написал наш преступник, на этом я заканчиваю и меняю профессию.

– А что он написал? – спросила Лилья, наливая себе в стакан остатки

колы.

– «Никто меня не видит… Никто меня не слышит… Никто даже не издевается надо мной / Ч.Н.», – Муландер поднял глаза и посмотрел на своих коллег.

– Именно поэтому он называет себя Человеком-невидимкой. Никто не обращал на него внимания. Вот вам мотив, – сказала Тувессон. – Это, безусловно, одна из самых страшных вещей – когда тебя все время игнорируют и тобой пренебрегают. Над тобой даже не издеваются. Ты как будто вообще не существуешь.

– Так вот чего он добивается, – сказала Лилья. – Существовать, нанести самого себя на карту и стать известным.

Тувессон кивнула.

– Пока что он делает все, чтобы остаться невидимкой, – заметил Утес.

– Что бы то ни было, это значит, что, скорее всего, он учился в том же классе, – сказал Муландер.

Тувессон кивнула и подошла к увеличенному фото класса. Четыре человека перечеркнуты – Йорген, Гленн, Клаес и классная руководительница Моника Крусеншерна. Ингела Плугхед помечена знаком вопроса. Она почувствовала, как участился пульс. Наконец-то они к чему-то пришли. Это мог быть кто угодно, но им удалось определить, что преступник – один из оставшихся учеников этого класса.

– Мы должны связаться со всеми, кто еще жив, и проверить их алиби.

– Мы с Лильей уже сделали это, – сказал Утес. – Во всяком случае, мы проверили тех, кто сейчас в городе.

– И?

– К сожалению, у них железное алиби.

– У всех?

– Да. Во всяком случае, у моих, – с этими словами Утес повернулся к Лилье.

– И у моих, – подтвердила Лилья.

– А те, кто в отпуске? – спросил Муландер. – Вы проверили: они действительно в отъезде?

– Нет, – ответила Лилья.

– Хорошо. Сделайте это немедленно и еще раз проверьте алиби остальных, – велела Тувессон. Лилья и Утес кивнули. – Затем мы установили факт, что он подписывался как Человек-невидимка. Говорит ли это о том, что преступник – мужчина?

– Ясно, что мужчина, – сказал Муландер. – Он же изнасиловал Ингелу Плугхед.

– В таком случае в общей сложности у нас семь подозреваемых.

– С Риском или без него? – спросила Лилья.

Тувессон перевела глаза на фото Фабиана Риска, который выглядел так же, как любой другой мальчик из этого класса – прямой пробор, рубашка поло и кардиган из овечьей шерсти, – и задумалась, как тут открылась дверь, и в комнату вошел мужчина.

– Это вы занимаетесь убийцей одноклассников?

– Извините, но кто вы и как вы сюда попали? – спросила Тувессон.

Тем временем два ночных охранника подбежали к мужчине и схватили его.

– Сорри, мы не успели остановить его, и он заблокировал лифт, – сказал один из них, пока они пытались вытащить мужчину из комнаты.

– Спокойно, черт возьми! Я только хотел…

– Заявить о пропаже жены. Мы поняли, – сказал один из охранников. – Но это не здесь, вам надо позвонить в экстренную службу, мы вам с удовольствием поможем. Это внизу! – Охранники, уже начиная выходить из себя, прижали мужчину к полу и завели ему руки за спину, так что тот застонал. – Ты успокоишься, или нам достать наручники? – прокричал один из охранников мужчине в ухо.

– Подождите, отпустите его, – велела Тувессон.

Охранники повернулись к ней.

– Все в порядке. Я поговорю с ним.

Охранники переглянулись и пожали плечами.

– Ладно, забирай его.

Они отпустили мужчину, который встал и поправил одежду и волосы, торчащие в разные стороны. Взгляд у него был потерянный. Словно он был готов к тому, что его в любой момент снова схватят.

Тувессон подошла к мужчине и пожала ему руку.

– Меня зовут Астрид Тувессон. Я веду это следствие. Чем могу вам помочь?

– Моя жена, она… она пропала… исчезла. И я не знаю, что мне делать. Что мне предпринять… – Мужчина заплакал, и Лилья с Утесом помогли ему сесть на стул.

– Давайте все по порядку. Как вас зовут?

– Йеркер… Йеркер Халлин.

– А как зовут вашу жену?

– Эльза Халлин.

– Халлин – это ее девичья фамилия?

– Нет, девичья Павлин.

– Эльза Павлин… Значит, она училась в том же классе, что…

Йеркер Халлин кивнул.

– Поэтому я здесь. Сегодня ее очередь готовить ужин, а я ходил в спортзал. Когда я вышел оттуда, то увидел несколько пропущенных звонков и смс от Беи, нашей дочки. Она спрашивала, почему никого нет дома.

– Вы, понятно, пробовали ей звонить?

– У нее все время включается автоответчик.

– А где она работает?

– В главной библиотеке. Но я уже с ними говорил. Ее там нет.

– Они могут сказать, когда она оттуда ушла?

Йеркер Халлин пожал плечами.

– Пожалуйста, сделайте что-нибудь. Объявите ее в розыск, вышлите поисковый патруль. Что угодно.

– Конечно. Конечно, мы это сделаем, – сказала Тувессон, хотя знала, что уже поздно.

62

Дуня Хоугор подняла одну ногу над водой и провела бритвой по нижней части голени. Пошевелив ступней, с удовлетворением отметила, что за месяцы занятий пилатесом ее ноги заметно постройнели. Да, грех жаловаться. Ей не так часто давали ее возраст, и когда она говорила, что ей тридцать пять, чаще всего думали, что она шутит. И она их понимала. Дело в том, что она никогда не выглядела так хорошо, как сейчас.

За последние полгода с ней произошли такие перемены, что некоторые старые друзья едва ее узнавали. Она сменила прическу, перестала одеваться в «H&M», а регулярные тренировки наконец избавили ее от последней младенческой припухлости, которая, как она раньше была уверена, последует за ней в могилу.

Она отложила бритвенный станок, опустила голову под воду и смыла маску для волос. Наконец-то она немного успокоилась. Горячая ванна и все эти косметические процедуры помогли ей отвлечься от работы.

До этого она ни о чем другом и думать не могла, и ей даже пришлось прервать тренировку и пойти домой. В голове кружились одни и те же мысли. То ей казалось, что она поступила совершенно правильно, а через секунду она уже считала, что опозорилась до такой степени, что хоть уезжай из страны.

Но в итоге она решила, что поступила верно. Если они захотят ее уволить, пусть увольняют. Самое главное, чтобы расследование продвигалось вперед, и если машина поможет шведам, то крах ее карьеры – вполне разумная цена.

Она поднялась, пальцами ног вытащила из ванны затычку и включила душ. Ополоснувшись, встала на коврик, из стопки чистых полотенец взяла самое верхнее и стала вытираться под звук стекающей в слив воды. Намазала тело кремом и почувствовала жжение в тех местах, по которым прошлась бритвой.

Долгий чавкающий звук оповестил о том, что скоро из ванны уйдет вся вода, но Дуне было известно, что на самом деле этот звук – крик о помощи, потому что слив нужно прочистить. За последнее время она несколько раз порывалась это сделать, но всегда что-то мешало. А если не мешало, она сама что-нибудь придумывала. Скорее всего, она ничего не будет делать, пока вода не перельется через край ванны и не зальет только что отполированный пол в гостиной.

Только она задумалась над тем, покроет ли ее страховка такой ущерб, как в дверь позвонили. Наручные часы на раковине показывали без двадцати двенадцать ночи. Может быть, кто-то ошибся квартирой? Но звонок раздался снова. На этот раз настойчиво. Дуня накинула кимоно и подвязала его, выходя в прихожую. Может быть, это кто-то из ее последних любовников?

Хотя она всегда старалась никого не приводить домой и не называть свою фамилию, трое все равно разыскали ее. Против первых двух она ничего не имела и впустила их более чем охотно. Она отметила про себя, что немного надеется, что это один из них. Третий приходил свататься и сломался, когда она вежливо, но решительно отказала ему. Выпив два чайника чая, он, в конце концов, согласился вызвать такси до дома.

Она посмотрела в глазок, но никого не увидела. На лестничной площадке было совсем темно. В дверь опять позвонили. Теперь звонки были быстрыми и отрывистыми. Как сигналы предупреждения сразу перед взрывом. Она отперла замок и открыла дверь.

– Мм… Только что из душа? Приятно… – Ким Слейзнер отхлебнул из наполовину выпитой бутылки виски, которую держал в руке.

– Извини, но уже двенадцать ночи. Что тебе надо?

Слейзнер поднял палец в знак предупреждения и ухмыльнулся.

– Мы с тобой… немного поговорим.

Он протиснулся мимо нее в квартиру, и она почувствовала исходящий от него запах спиртного.

Когда Дуня вошла в гостиную, он стоял около ее стереоустановки и делал громче композицию «Your Love is King»[31] группы Sade. Затем плюхнулся на диван, широко расставив ноги, и отпил еще виски.

– Ты, наверное, не понимаешь, зачем я пришел? Я бы не понимал, будь я на твоем месте. Или в твоем кимоно. Кстати, красиво. Сексуально. Между прочим, у нас ведь есть одно незаконченное дельце с прошлого Рождества.

– Ким, понятия не имею, куда ты клонишь, да и знать не хочу. Я хочу только, чтобы ты ушел. Прямо сейчас.

– Что за тон, ведь ты говоришь со старшим по званию. Мне следовало бы обидеться, но не могу не сказать, что тебе это идет. Особенно в кимоно. – Он хлебнул еще виски и вытер рот тыльной стороной ладони. – А теперь рассказывай: это ты настучала в «Экстра Бладет»?

Так вот зачем он пришел. Значит, он еще не знает, что она подделала его подпись и что «Пежо» сейчас едет в Швецию. Если повезет, он вообще не успеет узнать об этом до того, как его уволят, чего все ждут после статьи

в «Экстра Бладет», где это дело окрестили Блоугейтом. Дуня сделала несколько шагов к журнальному столику и посмотрела на своего начальника. Не садиться. Не идти на разговор. И, ради бога, не выказывать слабость.

– Ким, не секрет, что мы плохо ладили и у нас, в целом, были разные взгляды на то, как вести расследования. Но я бы никогда не опустилась так низко, чтобы обратиться в вечернюю газету по поводу твоих похождений.

Слейзнер задумался над ее словами, встал с дивана и прошел мимо нее в холл.

– Правда? Получается, это не ты? Хм… Интересно. – Он остановился, обернулся и посмотрел ей в глаза. – Значит, ты не имеешь к этому никакого отношения?

Наверное, он уловил сомнение, когда она на долю секунды замешкалась с ответом.

– Ким, послушай…

Больше она ничего не успела сказать – он залепил ей такую пощечину, что она подумала, что ей свернуло шею. Она слышала его крик, но не могла разобрать слов. Щека горела и пульсировала в такт ударам сердца. Он схватил ее кимоно, рывком притянул ее к себе, и она почувствовала его резкое дыхание. И тут вернулся слух. Словно кто-то опять включил громкость.

– Ты думаешь, я не понимаю, что ты лжешь?! Ты думаешь, я не понимаю, что это ты?!

У нее подкосились ноги, и она рухнула на пол. На только что отполированный пол, который в нескольких местах еще пах лаком. Через секунду Слейзнер лежал на ней. Одной рукой он завел ее руки за голову, а другой шарил у нее внизу, тяжело дыша перегаром прямо ей в лицо.

– Мм… Совершенно гладкая и свежевыбритая. Как приятно. Это для меня? – прошипел он Дуне в ухо. – Ты, может быть, даже скучала по мне и больше всего на свете хотела, чтобы я пришел к тебе в гости. Я же знаю, что хотела. Надо только сознаться. Как только я тебя увидел, я сразу понял, что ты за штучка. Но ты не захотела лечь под начальника и получить массу преимуществ. Все должно быть по справедливости. Так ведь? – Он провел мизинцем по ее клитору. – Но у меня хорошие новости. Хотя я твой начальник, гарантирую: у тебя не будет ни одного преимущества. – Он вставил в нее три пальца. – Чтоб ты знала. Буду сосать тебя, как пиявка. – Его пальцы поползли вверх, и он крепко схватил ее за лобок. Ей было больно, и она попыталась вырваться, но он сжимал все сильнее.

– Я от тебя не отстану, пока не выпотрошу тебя до дна. – Он вынул

пальцы. – И даже если меня здесь не будет, ты станешь бояться, что я вдруг возникну, и я возникну. Когда ты меньше всего предполагаешь. – Он лизнул свои пальцы, вытер их об ее щеку, встал и вышел из квартиры.

63

Фабиан посмотрел на часы – восемнадцать минут четвертого. Больница давно спала. Слышался только слабый шум вентиляции. Три раза до него доносился отдаленный вой сирен скорой помощи, и он решил, что эта ночь может считаться необычайно спокойной.

Опустив глаза, он взглянул на школьный альбом, лежавший на подносе, который приспособил под рабочий стол. За исключением нескольких раз, когда он задремывал, он посвятил три последних часа детальному изучению девятых классов. Спокойно и методично просматривая альбом от корки до корки, от класса к классу и от ученика к ученику. Он пытался вспомнить каждого. Большинство он вспомнил, хотя на некоторых пришлось потратить много времени. Оказалось, что в его памяти есть место даже тем, с кем он вообще не имел дела. Они существовали там, словно блуждающие призраки.

Но подозреваемого ему найти не удалось. Ни одно лицо не выделялось на фоне других и не привлекло его внимания. Несколько часов назад он был уверен, что найдет преступника в альбоме. Но теперь он засомневался. Он идет по ложному следу?

Он решил пролистать альбом в самый последний раз. Если он и после этого ничего не найдет, то погасит лампу и попытается хоть немного поспать. Сейчас альбом сам раскрылся на классе 9С. За последнюю неделю Фабиан смотрел на это фото бесчисленное количество раз. И все же не мог избавиться от чувства, что что-то пропустил. Будто фото скрывало какую-то тайну.

Ведь преступник неспроста именно на этом фото перечеркнул Йоргена Польссона. Особенно учитывая, что он, похоже, ничего не пускает на самотек. Фабиан прошелся глазами по лицам и именам под фотографией, но как ни старался, не мог заставить себя указать на кого-то как на потенциального преступника. Кроме Клаеса Мельвика, теперь мертвого. Он отложил каталог и потер виски. Что он упустил?

Он вспомнил место, напоминающее жертвенник, где он нашел Клаеса. Как он провел там больше часа, поджидая остальных, и все равно не заметил мох под жертвой. Мох, принявший форму человеческого тела и служивший посланием. Самое важное во всей инсталляции. Сам преступник в тени Клаеса.

«В тени Клаеса…»

Он не так смотрел. Они с коллегами высмотрели все глаза, разглядывая тех, кто есть на снимке, а надо было искать, чего там *нет*.

Фабиан почувствовал прилив энергии и потянулся за отоскопом, который вообще-то был предназначен для осмотра ушей, но сейчас служил ему лупой. Он включил инструмент и поднес его к снимку класса. Теперь он точно знал, где ему надо искать на снимке. И точно. Вот он. В тени Клаеса Мельвика стоит преступник.

Правда, Клаес его почти полностью загораживал, и лица не было видно. Его присутствие выдавала только часть волос. Они все время думали, что это волосы Клаеса, но в отоскоп было отчетливо видно, что это волосы человека, стоящего сзади.

Вот только кого?

Фабиан совершенно не помнил, чтобы у них в классе был еще один ученик. Мог ли он действительно забыть это? Он проверил имена под фотографией. Двадцать человек, и все они есть на фото. Двадцать. Ровно столько, сколько он все время думал. Но на снимке на самом деле двадцать один человек. То есть еще один. Тот, кто все время был среди них. Тот, на кого никто не обращал внимания, и чьего имени даже нет под снимком. Это правда или просто обман зрения?

64

Тувессон старалась как можно быстрее идти по больничному коридору, мечтая, чтобы врачу, который сопровождал ее как назойливая муха, поскорее пришло сообщение на пейджер, – тогда ему придется оставить ее в покое.

– Мне совершенно не нравится эта затея, – сказал врач уже в который раз. – Особенно учитывая то, что случилось вчера.

– Обещаю вести себя спокойно.

– Да, но я считаю, что она еще недостаточно окрепла, и поэтому мой долг…

Тувессон остановилась и повернулась к врачу.

– Удивительно, как вы можете этого не понимать! Мы расследуем дело, в котором у нас одна жертва за другой, и все со смертельным исходом. Первый раз жертва выжила, и если мы можем помочь ей вспомнить, то это *мой* проклятый долг!

– Но почему нельзя подождать, пока она…

– Потому что в любой момент у нас может быть новая жертва. Вы собираетесь взять за это ответственность?

Врач вздохнул.

– Но я хочу, чтобы мы ее спросили, и если она не захочет, то ваша поездка не состоится. Хорошо?

Тувессон ничего не ответила и пошла дальше по коридору. Ее терпению пришел конец, и она до смерти устала, хотя и поспала несколько часов, пока Утес и Лилья проверяли, всех ли в классе, кто якобы был в отъезде, действительно не было в стране. Все, кроме одного, могли доказать, что находятся за границей.

Говорили, что Сет Корхеден находится в Испании, но по мобильному он не отвечал. К тому же он разведен и немного волк-одиночка. Рано делать вывод, что он и есть преступник. Но, во всяком случае, он был под подозрением.

Тувессон подошла к двум полицейским в форме, сидевшим по обе стороны двери, и кивнула им. Один из них встал и открыл дверь в палату. Ингела Плугхед сидела в кровати и листала журнал по домоводству.

– Здравствуйте, Ингела, вы меня помните? Мы виделись вчера.

Ингела кивнула, не отрывая глаз от журнала. Тувессон села на стул рядом с кроватью.

– Похоже, сегодня вам гораздо лучше.

Ингела пожала плечами.

– Ингела, вы помните, о чем мы говорили в последний раз?

Ингела кивнула.

– Вы рассказали, как развлекались со своими подругами. Вы выпивали на теплоходе «S/S Swea», когда почувствовали, что на вас действует не только алкоголь. Вы вспомнили еще что-нибудь?

Ингела покачала головой, продолжая рассматривать какую-то схему вязания.

– Не хотите немного поездить со мной на машине? Вдруг это поможет вам вспомнить?

Ингела подняла глаза от журнала и посмотрела Тувессон в глаза.

– Я не знаю. – Она перевела взгляд на врача, а потом на Тувессон.

– Ингела, именно сейчас вы – наш лучший, если не сказать единственный, шанс опознать и схватить того, кто подверг вас такому ужасу.

– Это он убил остальных из класса?

– Мы еще не знаем. На это указывает целый ряд вещей, но есть и то, что говорит об обратном. Возможно, с вашей помощью мы получим ответ.

Ингела Плугхед опустила глаза и, похоже, целиком окунулась в мир вязания. Спустя некоторое время она закрыла журнал и подняла взгляд.

Астрид Тувессон свернула на площадь Кунгсторгет и нашла свободное место прямо перед «S/S Swea», стоявшем на якоре широким бортом к причалу. Ингела Плугхед сидела на пассажирском сиденье и смотрела на теплоход с таким видом, по которому совершенно нельзя было понять, как она себя чувствует.

– Вы в порядке?

Ингела кивнула. Тувессон вышла из машины, вынула инвалидное кресло из багажника, раскрыла его и помогла Ингеле пересесть.

– Я здесь никогда не была. Это приятное место?

– Да, пожалуй… Вполне ничего.

– Вы часто сюда ходите?

– Нет, только с подругами. Это в каком-то смысле стало нашим традиционным местом.

Тувессон вкатила кресло по трапу в салон, где мужчина в форме повара сказал им, что заведение закрыто. Она показала свое полицейское удостоверение и объяснила, что они хотят только посмотреть. Мужчина пробормотал что-то вроде «можно, но быстро» и исчез в кухне.

Ингела сама объехала салон с обшитыми красным деревом стенами и круглыми иллюминаторами из блестящей латуни. Цветные прожекторы и динамики на потоке говорили о том, что они находятся на танцполе. Вдоль одной стены располагалась барная стойка, на полках стояли ряды бутылок со спиртным, а в одном углу – накрытый стол для игры в блэкджэк. Убого и скучно, подумала Тувессон. Как во всех ночных клубах среди бела дня.

– Вы можете рассказать, что вы помните о той ночи?

– Я помню только то, что рассказала.

– Хорошо, может быть, расскажете еще раз?

– Да, мы заказали напитки, и через какое-то время я почувствовала себя немного странно. У меня закружилась голова.

– Что-нибудь еще, раз мы уже здесь. Любая деталь, пусть совсем незначительная. Иногда достаточно одной мелочи, чтобы восстановить всю картину. Во что вы были одеты, например?

– В черные джинсы и белую блузку с завязками вокруг талии.

– А туфли, высокие каблуки?

– Я никогда не надеваю высокие каблуки. Даже не знаю, как в них ходить. Нет, на мне были мои обычные босоножки, которые я ношу всегда, – сказала Ингела, продолжая осматриваться.

Тувессон издали наблюдала за ней. Риск сказал, что она была одной из самых любимых в классе и единственной, кто защищал Клаеса. Такое требует как смелости, так и определенного характера. Этот образ совсем не соответствовал тому человеку, на которого она сейчас смотрела. Даже если не принимать во внимание недавнее насилие над ней, от нее веяло чем-то тяжелым и серым. Вообще-то она была довольно симпатичная. Но висящие волосы мышиного цвета, удобные туфли и лицо без косметики, да и весь ее облик, говорили о том, что этот человек утратил надежду.

– Вам было хорошо? В смысле, до того, как все пошло не так.

– Что значит хорошо? – Ингела пожала плечами. – Обычно я иду в основном за компанию. Надо держаться за тех немногих друзей, которые еще остались.

– Вы потеряли много друзей?

– Не то чтобы потеряла. Сами знаете, как это бывает. Люди отдаляются друг от друга, живут каждый своей жизнью, и не успеешь по-настоящему понять, как получилось, что прошло слишком много времени, и ты уже не можешь просто так позвонить и сказать «привет».

Тувессон кивнула. Ей это было знакомо, и она прекрасно понимала, о чем говорит Ингела. Разница только в том, что у большинства других людей появлялись новые друзья.

– Нам лучше уйти отсюда. Я все равно больше ничего не вспомню.

Ингела направилась к выходу, и Тувессон помогла ей съехать по трапу.

– Вы совсем не помните, что было, когда вы вышли?

– Нет, я же сказала, хотя нет, погодите… – Она остановилась прямо на середине трапа и посмотрела на воду. – Точно, мне показалось, что я упаду в воду, и я обеими руками схватилась за поручни.

– Вот так? – Тувессон взялась за поручни, и Ингела кивнула. – А что потом? Что случилось потом?

Ингела пожала плечами и задумалась.

– Она была синего цвета. Машина, она была синего цвета. Немного темнее, – она показала на синюю машину, проехавшую мимо.

– Значит, рядом остановилась машина синего цвета?

– Нет, она уже здесь стояла, и кто-то подошел и помог мне. Сначала он показался мне сильным и надежным, а я так боялась упасть в воду. Но потом мне стало страшно.

– А почему?

– Он так крепко держал меня. Я попыталась высвободиться, но он был гораздо сильнее и затолкал меня в машину.

– Вы можете его описать?

– Я так и не увидела его лица.

– Тогда фигуру. Высокий, толстый или…

– Не знаю. Нормальный.

– Возраст?

Ингела задумалась.

– Средний… или не знаю. Но я помню, что машина была синей.

– А вы не помните марку?

– Нет, в наше время все машины похожи друг на друга.

Тувессон достала свой мобильник и отыскала в нем более или менее свежую фотографию Сета Корхедена, которую Утес нашел в сети, и показала ее Ингеле Плугхед. – Это он?

– Это же Сет Корхеден.

– Да, я знаю, но это не он помог вам сесть в машину?

– Откуда мне знать, если я его не видела?

Тувессон прекратила расспросы и подкатила Ингелу к машине. Пора было ехать дальше.

65

У Дуни Хоугор все еще болел низ живота, а прямо над лобком от его пальца появился большой синяк. Больше она никак не пострадала. Физически. Настоящую боль она испытывала от унижения, которое проникало в нее все глубже, хотя произошедшее было всего лишь демонстрацией власти самца с подрезанными крыльями.

Она прокрутила в голове все свои возможности. Заявление о сексуальном домогательстве приведет к тому, что каждый будет говорить свое. К тому же она добровольно впустила Слейзнера в квартиру, и подделка его подписи не будет способствовать достоверности ее показаний.

Альтернатива этому – месть. Она могла бы связаться с его женой или «Экстра Бладет» и все рассказать. Или заманить его в западню.

Но она забраковала все идеи и решила, что лучше всего выжидать и высоко держать голову. Он преследовал цель унизить ее и поставить на место. Самым эффективным будет показать ему, что он не преуспел. Что она сильнее. Сильнее его.

Проблема заключается в том, что он преуспел. Она была сломлена и слаба, и одна только мысль о том, что надо высоко держать голову, выбивала ее из колеи.

Засвистел чайник. Она налила себе чаю, вышла в гостиную и съежилась на диване с планшетом на коленях. Первое, что она увидела, включив планшет, был его взгляд. Он смотрел, вернее, глазел прямо на нее, и ей показалось, что он все еще у нее в квартире.

КИМ СЛЕЙЗНЕР ВЫСТУПИЛ С ЗАЯВЛЕНИЕМ

Значит, Ким выступил публично и поджал хвост. Лицемерная сволочь. Она перешла к статье, где он покаянным тоном говорил, что хочет попросить прощения в первую очередь у своей семьи и у всего датского народа. Свой ошибочный шаг он объяснил тем, что из-за слишком большой загруженности на работе забросил свою семью и был вынужден искать тепла на стороне. На вопрос, собирается ли он уходить, Ким ответил:

> *Если я по-прежнему нужен, я готов работать. Но до этого я должен взять тайм-аут. Мне тяжело, но, возможно, моей семье еще тяжелее. Поэтому надеюсь, что вы проявите*

уважение к нашим потребностям и позволите нам побыть в покое, пока мы будем заботиться друг о друге. Все хотят быть супергероями, которые справляются со всем и еще сверх того. Но в конечном итоге, мы просто люди со всеми нашими ошибками и недостатками, что должны понимать все руководители, – а понимают очень немногие.

Дуня закрыла планшет.
Она чувствовала, что ее вот-вот вырвет.

66

– А вдруг она просто устала от своего мужа и смылась? – предположил Утес, когда они с Лильей шли через утопающий в зелени парк к главной библиотеке. – Полным-полно разочарованных женщин только и мечтают купить билет в одну сторону и уехать куда глаза глядят. Не говоря уже о разочарованных мужчинах.

– А дочь? Она и от нее уехала?

– Это зависит от степени отчаяния.

Они вошли в библиотеку, где царили прохлада и спокойствие. Лилья сделала глубокий вдох, и характерный запах книг, присущий только библиотекам, перенес ее в прошлое. Она словно вернулась домой.

В детстве она любила ходить именно в эту библиотеку. Каждую субботу, пока ее мама работала в маленьком бутике «Reflex» на улице Йернвегсгатан, она проводила время в библиотеке. Она смотрела фильмы и спектакли детского театра и прочла почти все книги в разделе для юношества. Шли часы, и ни одной секунды ей не было скучно.

Время от времени она отправлялась в большое здание, состоявшее из ряда соединенных корпусов, где меньше всего ожидаешь найти дверь, которая ведет в совершенно новое и неизвестное пространство.

Однажды она обнаружила дверь посредине книжного стеллажа. Много раз она проходила мимо этой двери, не замечая ее. Дверь оказалась незапертой, и она вошла в читальный зал, где было только двое взрослых, слишком занятых друг другом, чтобы обратить на нее внимание. Впервые она увидела это по-настоящему. До этого она только слышала, как это делала ее мама после пьяной ночи в баре «Charles Dickens». Но одно дело слышать, и совсем другое – видеть собственными глазами.

Она узнала обоих. Женщина со спущенными до колен трусами, которая наклонилась над столом, обычно сидела на выдаче, а мужчина, который стоял сзади и входил в нее твердыми ритмичными толчками, работал в библиотеке вахтером. При каждом толчке гремела его большая связка ключей.

Ей не сделалось ни противно, ни страшно. Зрелище скорее заворожило ее, и она прокралась дальше в зал, чтобы лучше видеть. Тогда мужчина обернулся и посмотрел на нее. Она не знала, куда ей деться и как убежать оттуда. Мужчина расплылся в улыбке, продолжая входить в женщину все более твердыми толчками, и с каждым толчком та стонала все громче.

Через какое-то время начал стонать и он. Он вытащил свой член из женщины и подержал его в руке, словно тяжелый кусок мяса, не сводя глаз с Ирен, и хотя что-то подсказывало ей, что надо бежать, она не могла оторваться от этого зрелища. До сих пор она помнит, каким большим он ей показался. По-прежнему твердый и жилистый, член блестел от женских выделений. Свободной рукой мужчина перевернул женщину, прижал ее к столу и ввел член ей в рот. Все это время его взгляд был прикован к Лилье.

– Чем могу вам помочь?

Лилья очнулась и увидела библиотекаршу за стойкой выдачи – ту самую женщину, правда, на двадцать пять лет старше и, вероятно, на столько же килограммов толще. Пока Утес излагал суть дела, Лилья гадала, работает ли еще вахтер.

– Эльза Халлин, – повторила библиотекарша. – Да, она была вчера здесь. Но сегодня я ее не видела.

– А во сколько она вчера отсюда ушла?

– Дайте подумать. Вчера был четверг. По четвергам она работает до половины пятого. Наверное, тогда она и ушла. Она заканчивает раньше по вторникам и четвергам, и, как обычно, идет домой и… Точно. Она была записана на косметические процедуры, а потом должна была идти домой и готовить ужин. У нее с мужем очень строгий график и полное равноправие.

– Судя по всему, она не дошла до дома и не приготовила ужин, – сказал Утес.

– Вы не видели, когда точно она ушла? – спросила Лилья.

– К сожалению, нет.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– Думаю, около трех часов. У нас был перерыв на кофе.

– Вчера?

Библиотекарша кивнула.

– Вы не заметили ничего необычного в ее поведении?

– Что вы имеете в виду?

– Может быть, она слишком нервничала или была в напряжении. Может быть, говорила, что чувствует угрозу. Любое отклонение от ее обычного поведения.

Библиотекарша задумалась и уже собиралась что-то сказать, но тут к стойке подошел посетитель.

– Где у вас литература на английском языке?

– Идите прямо, а потом поднимитесь по лестнице с правой стороны. – Посетитель пошел дальше, а библиотекарша через стойку наклонилась к полицейским и заговорила тихим голосом: – Эльза ведь училась в том

классе, и мы, ее коллеги, конечно, интересовались, не беспокоится ли она. Но она не хотела об этом говорить и только отмахивалась, как будто ее это вообще не касается. Но если в газетах пишут правду и Йорген и Гленн издевались над другими, я бы, во всяком случае, на ее месте забеспокоилась.

– Это почему?

– Скажем так. Сама я против нее ничего не имею. Совершенно ничего. Даже наоборот. – Она оглянулась через плечо. – Но есть коллеги, у которых другое мнение, у них с ней большие проблемы. Некоторые даже уволились из-за нее.

– А что за проблемы?

– У нее, как бы это сформулировать, довольно острый язык, иногда на грани издевки. Но обо мне она никогда ничего плохого не говорила. По крайней мере, насколько мне известно.

Лилья обменялась взглядом с Утесом и увидела, что он думает то же самое, что и она.

– У вас есть комната для персонала?

– Конечно, пойдемте, я вам покажу. Вон там. – Женщина поставила на стойку табличку «Перерыв» и повела их по библиотеке.

Лилье все показалось знакомым. Кроме компьютерной комнаты и двора с застекленной крышей, за последние двадцать лет здесь ничего не изменилось.

– Вот наше маленькое гнездышко, – библиотекарша открыла дверь в комнату для персонала.

Комната была меньше, чем представляла себе Лилья. В самом дальнем углу находился потертый диван в зеленую полоску, а в другом углу – кухонька с кофеваркой и мойкой. В нескольких местах стояли кресла с напольными лампами, а вдоль одной стены – два письменных стола.

– Где она хранит свои личные вещи?

Библиотекарша подошла к самому дальнему письменному столу и выдвинула один из ящиков. Лилья осмотрела содержимое: несколько тюбиков губной помады, зубная нить, коробочка с порционным жевательным табаком, пакетик со жвачкой, пара ручек и зарядка для мобильного. Она вздохнула, почувствовав, что они топчутся на одном месте. Она понятия не имела, куда двигаться дальше. Сказывалась усталость – последнюю ночь она спала не больше двух часов, и сейчас ей хотелось только одного: лечь на уродливый зеленый диван в углу и закрыть глаза.

– А здесь есть одежда Эльзы? – спросил Утес, стоявший у шляпной

полки.

Библиотекарша подошла к нему, внимательно посмотрела на верхнюю одежду и протянула бежевый пиджак:

– Вот. Это ее пиджак.

– Вчера она была в нем?

– Думаю, да, а вот ее туфли. О боже… – Она закрыла рот рукой и показала на пару золотистых босоножек. – Значит, он забрал ее?

– Пока рано говорить, – сказал Утес и помог женщине сесть в кресло. Когда она успокоилась, он достал свой мобильный и показал ей фото Сета Корхедена. – Этот мужчина был здесь вчера?

Библиотекарша стала пристально вглядываться в фото, ничего не говоря. Только через полминуты она посмотрела на Утеса.

– Это он? Это он – убийца?

– Мы не знаем. На данный момент вам надо решить одно: вы вчера видели его здесь или нет?

– Не знаю. Может, да, а может, нет. – Она пожала плечами. – Каждый день у нас очень много народу.

Утес кивнул и подошел к Лилье, стоявшей у шляпной полки и осматривавшей карманы бежевого пиджака. В одном кармане она нашла кошелек, где помимо нескольких купюр лежали проездной на автобус, две карты Visa, удостоверение личности и толстая пачка различных членских карточек. Из другого кармана Утес выудил старый телефон Nokia.

– Это ее? – спросил Утес и показал мобильный библиотекарше.

Та кивнула. Она явно забеспокоилась.

Лилья взяла мобильный и нажала на кнопки. Зажегся дисплей, и она увидела восемнадцать пропущенных звонков и шесть голосовых сообщений. Без всякого пин-кода вошла в журнал вызовов и увидела тринадцать звонков от *Йеркана*, два из *Голливуда* и остальные три из *Дома*.

– Давайте лучше выйдем отсюда, – сказала она, посмотрев на библиотекаршу.

Они вышли из комнаты, набрали 222 и включили громкую связь.

– Добро пожаловать в голосовой почтовый ящик. У вас шесть новых сообщений. Принято восемнадцатого июля в 16:54.

– «Это Фрея из салона «Голливуд». Просто хотела спросить: вы уже едете к нам?» Принято восемнадцатого июля в 17:13.

– «Привет, это опять Фрея. Просто хочу сказать, что я говорила с моей начальницей, и она сказала, что мне придется взять с вас оплату за это время. Просто для вашего сведения». Принято восемнадцатого июля в 18:07.

– «Привет, мама. Это я, Бея. Почему ты не дома? Мне так страшно быть дома одной. И я хочу есть. Ты же скоро придешь? Пока. Чмоки-чмоки». Принято восемнадцатого июля в 18:11.

– «Привет, где ты? Звонила Бея. Она дома совсем одна. Я еще в спортзале. Позвони, как только услышишь это сообщение». Принято восемнадцатого июля в 18:36.

– «Мама, ты где?» – послышался плач. – «Але, мама…». Принято восемнадцатого июля в 21:46.

– «Я уже дома. Мы купили пиццу, и теперь она наконец заснула…» – послышался вздох. Было слышно, что Йеркер едва сдерживается. – «Эльза, это, черт возьми, не лезет ни в какие ворота». Принято восемнадцатого июля в 00:03.

Все молчали. Было только слышно, как кто-то тяжело и прерывисто дышит, а потом начинает рыдать.

– Новых сообщений нет.

Утес встретился с Лильей глазами.

– Или он каким-то образом выманил ее в парк, или схватил где-то здесь и увез отсюда так, что никто не заметил.

– Или она еще тут.

67

Дуня Хоугор лежала на диване под одеялом и на повторе слушала альбом «Wish» британской группы The Cure. В середине «High», одной из ее самых любимых композиций, зазвонил мобильный. Она отключила звук, поскольку у нее не было сил разговаривать, но увидела, как зажегся дисплей, и на нем появилось лицо Кьеля Рихтера. Она поставила Роберта Смита на паузу и ответила.

– Где ты пропадаешь? Посмотри на часы.

– Мне надо кое-что сделать, и я думаю, что раньше завтрашнего утра не управлюсь. У тебя что-то важное?

– Я просто хотел сказать, что я закончил, и что ты была совершенно права. Это, черт возьми, хладнокровный дьявол.

Мозг Дуни интенсивно работал, чтобы поймать волну, но она не могла понять, о чем он говорит.

– Он пробрался через потолок. К сожалению, не оставив после себя никаких следов. Кроме пыльных, конечно. Наверняка на нем была маска, там страшно много пыли.

Риск опять оказался прав.

Как бы между прочим он высказал предположение о потолке и дальше предложил пойти пообедать.

– Хорошо, но в каком месте он забрался через крышу?

– Через туалет в комнате ожидания. Как я сказал, это хладнокровный дьявол. Я даже думаю, что он не запер дверь туалета. Вероятно, чтобы не привлекать ненужного внимания.

– Значит, он сидел в комнате ожидания вместе с остальными журналистами, – подумала она вслух.

– Скорее всего.

У нее возникла идея.

– Если повезет, он должен где-то засветиться.

– Я тоже так думал, но в комнате ожидания камер наблюдения нет, а им вообще-то следовало бы обзавестись камерами, ведь там черт-те что творится. Кражи и все такое. Знаешь, как часто люди занимаются сексом в комнатах ожидания?

– Нет.

– Я тоже не знаю, но могу поспорить, что чаще, чем мы думаем.

– Но журналисты ведь делали массу снимков. Он мог случайно

попасть в кадр.

– Точно. Ты права.

– Потом поговорим. Я приду во второй половине дня.

68

Тувессон катила перед собой коляску по покрытым гравием дорожкам парка Рамлеса Бруннспарк. Ингела Плугхед никак ей не помогала, и она будто поднималась на крутую гору. Она почувствовала, что вот-вот начнет обливаться потом. К тому же ей хотелось пить и есть, и скоро у нее наверняка заболит голова.

Она надеялась, что место, где очнулась Ингела Плугхед, пробудит ее воспоминания. Но ничего не происходило. Ингела просто сидела в коляске, качала головой и даже не могла вспомнить, где она очнулась. Кроме того, что у преступника была синяя машина, их поход не дал практически ничего. Скорее наоборот, они потеряли то, что как раз сейчас представляло самую большую ценность.

Время.

Секунды превращались в минуты, а минуты в часы. Не успеешь оглянуться, как еще один день утечет сквозь пальцы. К тому же кончились сигареты.

Когда они подъехали к машине, несколько минут обе молчали. Тувессон открыла машину, помогла Ингеле сесть на пассажирское сиденье, сложила коляску и села за руль.

– Вы не сердитесь?

– Нет, вовсе нет. Просто немного устала. – Она повернула зажигание и тронулась с места.

– Мне жаль, что я ничего не помню и ничем больше не могу помочь.

– Ингела, ничего страшного. Это не ваша вина. Но если вы что-то вспомните, даже самую мелочь, обязательно дайте нам знать. Хорошо?

Ингела кивнула и посмотрела в окно на старое деревянное здание, где когда-то находился знаменитый ресторан «Ramlösa Wärdshus», а теперь была какая-то контора. Тувессон включила радио, но не нашла подходящего канала, и выключила. И тут зазвонил ее мобильный. На экране показался улыбающийся Муландер. Фото было сделано на последнем рождественском ужине, и по его лицу было отчетливо видно, что он уже успел пропустить рюмочку-другую. Тувессон включила громкую связь и положила мобильный на колени.

– Привет, Ингвар. Как дела?

– Да так. Ты можешь говорить?

– Я сижу в машине с Ингелой Плугхед. Подожди секунду, только

найду наушники. – Она перегнулась через Ингелу. – Извините, – и открыла перчаточное отделение. – Ты где?

– В Седеросене.

– А я думала, мы там закончили.

– Я тоже так думал. Но оказалось, что нет. Как там с наушниками?

– Спокойно… – она продолжала шарить в бардачке одной рукой, а другой вести машину, – они где-то здесь. Подожди, я остановлюсь. – Она притормозила, припарковалась у обочины и опять перегнулась через Ингелу, которая казалась все более затравленной. – Извините, Ингела, я только должна… Вот. Вот они. – Тувессон вытащила из бардачка замотанный шнур и начала разматывать самые запутанные узлы. Она слышала, как Муландер притворно похрапывает в трубку. – Даааа! Я их никогда не использую.

– Да, в этом и…

Рядом с дорогой промчался поезд и заглушил голос Муландера.

– Что?! Что ты сказал?

– Черт с ним. Надень их, а то земля разверзнется.

– Боже, что ты болтаешь! Какой же ты нетерпеливый! – Тувессон повернулась к Ингеле, которая теперь отрывисто дышала и не сводила глаз с моста, по которому в южном направлении ушел поезд.

– Ингела? С вами все в порядке?

– Houston? Are we having a problem?[32]

– Даа! – Тувессон вернулась к наушникам, и ей наконец удалось их подключить. – Але? Ты меня слышишь?

– Loud and clear[33].

– Ладно, рассказывай.

– Я думал, мы все обыскали.

– Но на самом деле не все, ты хочешь сказать?

– Нет, все, но это не помогает, когда не знаешь, что ищешь.

– И тут ты кое-что придумал?

– Именно. Я поехал туда и замерил радиоволны.

– Хорошо… И?

– Хотя поблизости никого не было и мой телефон был выключен, я зафиксировал активность в 2,2 гигагерца.

– Что означает?..

– Что поблизости есть какая-то разновидность мобильного устройства 3G.

– Так оно и оказалось?

– Да. Беспроводная снабженная микрофоном камера-отверстие, спрятанная в скворечнике на высоте пяти метров от стеклянной пластины.

– О черт… – Тувессон почувствовала приближение головной боли. – Значит, он знает, что мы нашли Шмекеля.

– С наибольшей вероятностью, да. Это также объясняет, почему он все время опережает нас на шаг. Если он разместил там камеру, у него, черт возьми, где угодно могут быть камеры. Возможно, он точно знает, как продвигается расследование. Например, он теперь знает, что я нашел…

Муландера заглушил еще один поезд, который ехал в другом направлении.

– Подожди, я тебя не слышу, – закричала Тувессон и обнаружила, что Ингела Плугхед плачет, уставившись на рельсы. – Эй! Ингела, в чем дело? Что-то случилось? Это из-за поездов? Это от них вы… – она положила руку Ингеле на ногу.

– Не трогайте меня! Не трогайте, я говорю! – она сбросила руку Тувессон, словно та была смертельной заразой, и попыталась отодвинуться от нее как можно дальше.

– Хорошо, спокойно. Спокойно. Я не прикоснусь к вам. Обещаю, – она подняла обе руки вверх. Но паника у Ингелы никак не проходила. Плача, она переводила глаза то на открытый бардачок, то на наушники в ухе Тувессон, то на добродушное лицо Муландера на дисплее мобильного. – Ингвар, я должна закончить. Я перезвоню.

Она вынула из ушей наушники и повернулась к Ингеле, которая задыхалась и обливалась потом.

– Я хочу назад. Назад в больницу.

– Конечно, Ингела. Обещаю, что сразу же отвезу вас. Только расскажите, в чем дело.

Ингела покачала головой и разрыдалась.

– Пожалуйста, отвезите меня обратно. Пожалуйста.

– Это поезда? Они на вас так подействовали?

Мимо промчался еще один поезд.

– Поезжайте! Поезжайте! – закричала Ингела и стала бить по панели.

Тувессон поняла, что продолжения не будет, и включила зажигание.

69

Луч карманного фонарика осветил старые компьютеры, стоящие в ряд вместе с пыльными толстыми мониторами, принтерами и клавиатурами. Лилья опустила ткань, которая закрывала проем в стене величиной в несколько метров. Помещение изначально служило хранилищем жидкого топлива для отопительного котла. Но с приходом центрального отопления котел стал не нужен, и теперь помещение использовалось как кладбище компьютеров, которые понимали только Basic и MS DOS.

Во всяком случае, Эльзы Халлин там не было.

А она была почти уверена, что Эльза находится где-то в библиотеке. Но они осмотрели почти весь подвал, и ни она, ни Утес не нашли ни малейшего подтверждения ее теории. Возможно, преступник счел слишком рискованным оставлять Эльзу в библиотеке? Ведь это же общественное учреждение, которое ежедневно посещают тысячи людей.

С другой стороны, создавалось впечатление, что преступник способен практически на все что угодно. Лилья не могла припомнить, когда последний раз испытывала во время расследования такую неуверенность и смятение, как сейчас. И тут ее осенило.

Лилья и Утес быстрым шагом прошли мимо стойки выдачи.

– Вы все? – прокричала библиотекарша им вслед.

– Почти, – ответила Лилья, направляясь в главное здание библиотеки. Утес тащился за ней.

– Ирен, ты можешь сказать, что происходит? Мы уже здесь были. – Утес вздохнул, всем своим видом показывая, что уровень сахара у него в крови упал до нижней отметки.

Не обращая на него внимания, Лилья поднималась по лестнице на верхний этаж в отдел отраслевой литературы. Сердце билось все сильнее. Только бы опять не ошибиться. Но вот она. Она помнила, что дверь находилась здесь, почти незаметная для непосвященных, в центре стеллажа, в окружении отраслевой литературы для самого фанатичного технаря. За своей спиной она слышала пыхтение Утеса.

Она положила ладонь на холодную дверную ручку, немного подержала ее и потом нажала. Точно как в тот раз, дверь была не заперта и открылась бесшумно и почти без усилий. Читальный зал ни капельки не изменился. На окнах висели те же занавески в зеленую полоску, и письменные столы

стояли на тех же местах, что и двадцать пять лет назад. Не хватало только совокупления коллег.

Зато на стуле сидела женщина. Голова опущена на грудь, темные длинные волосы закрывают лицо и большую часть белой блузки. Они подошли к женщине, ноги и руки которой были привязаны к стулу ремнями. Под стулом растеклась лужа крови с гладкой зеркальной поверхностью радиусом около метра.

Лилья подошла к краю лужи, села на корточки и дотронулась пальцем до свернувшейся крови; по гладкой поверхности пошли круги, и Лилья поморщилась. Утес принес прислоненную к стене швабру, приложил ее ко лбу женщины и осторожно приподнял ее голову так, чтобы открылось лицо.

Не было никакого сомнения в том, что на стуле сидит Эльза Халлин. Но не это заставило Лилью на секунду отвести глаза. От подбородка до грудины шел глубокий разрез, и из открытой раны на белую блузку свисало что-то красное, напоминающее кровавое филе.

– Этот дьявол вытащил у нее язык, – не сразу выдавил из себя Утес.

Лилья попыталась понять, но не могла заставить себя собраться с мыслями.

– Колумбийский галстук, – продолжал Утес. – Первый раз вижу это воочию. Ведь она так и говорила, библиотекарша.

– Что говорила?

– Что у Эльзы был острый язык.

Точно, подумала Лилья. У Эльзы Халлин был острый язык, и теперь преступник его вытащил, прямо из ее горла, и он висит у нее на груди, как плотный кровавый галстук.

Колумбийский галстук.

По словам Утеса, этот вид казни часто встречался во время гражданской войны в Колумбии, и его главной целью было напугать тех, кто обнаружил жертву, и заставить их замолчать. На глотке делали вертикальный разрез и вытаскивали язык так, что он свисал на грудь. Как галстук. Все делалось, пока жертва еще была жива. Смерть наступала в течение часа в зависимости от того, как умирала жертва, – от потери крови или от удушья.

– Значит, она могла сидеть здесь целый час и звать на помощь?

Утес пожал плечами.

– Сколько она прожила, сказать невозможно. Она могла кричать сколько угодно. Ее бы все равно никто не услышал, потому что у нее полностью порваны голосовые связки.

Лилья встала и покачала головой. С этого момента им придется взять за основу версию, что преступник не успокоится, пока не истребит весь класс. У нее зазвонил мобильный. Звонила Тувессон.

– У нас новая жертва.

– Ты имеешь в виду Эльзу Халлин? – спросила Лилья.

– Нет, Камиллу Линден. А что, вы нашли Халлин? Вы ее нашли?

Лилья почувствовала, что ноги у нее подкашиваются.

9 января

Первый день моей новой жизни. Вызывали на беседу с учительницей и директором школы. Мама с папой тоже были. Признался во всем и сказал, что раскаиваюсь. Хотя это не так. Ни капельки не раскаиваюсь. Но лучше им подыграть. Пусть думают, что я такой, какой был. С виду расстроенный, а на самом деле мне хочется рассмеяться им в лицо. Плюнуть в них! Они сказали, что у него сотрясение мозга и что он пробудет дома всю следующую неделю. Что еще за мозг?

На большой перемене несколько человек смотрели на меня, но никто не осмелился что-то сделать. Стоило мне встретиться с ними взглядом, они сразу же отворачивались. Слабаки чертовы. Его приятель смотрел, конечно, косо. Будто что-то замышлял. Я подошел к нему и залепил пощечину. Он хотел дать мне сдачи, но я пригрозил ему вилкой. Скоро его очередь носить мой поднос.

После уроков ко мне подошел кое-кто из старых приятелей, чтобы поговорить, но я послал их к черту. У меня больше нет товарищей. Зато задирал Юнаса. Меня всегда раздражала его уродская одежда. Бил его в живот, пока он не упал. Увидел страх в его глазах. Как круто!

Что надо сделать:

1. Начать тренироваться.
2. Достать стилет.
3. Навестить больного.

70

Фабиан Риск со всех ног бежал по покрытой гравием дороге. За ним раздавались крики: «Тео! Тео! Тео!» Он обернулся и увидел, что за ним бегут Лина с Йоргеном и большинство одноклассников, всем им было лет по пятьдесят.

Он находился в нигде, на нем ничего не было, и солнечные лучи жгли ему затылок. Он слышал свой пульс и причмокивание, когда пытался сделать глоток воды. Но воды у него не было. Скоро он не выдержит. Голоса за ним становились все громче: «ТЕОДОР!»

Что будет, если он сдастся? Нет, так не годится. Это невозможно. Ему нельзя сдаваться. Ни за что. Он подошел к отвесной скале и услышал чьи-то голоса. Голоса молили оставить им жизнь. Он стал взбираться вверх, все выше и как можно быстрее, и чем выше он поднимался, тем круче становилась скала. Он посмотрел вниз и увидел, что Томас и Ярму, двое его стокгольмских коллег, тоже карабкаются вверх и что-то кричат ему. Если он потеряет равновесие, он упадет к подножию, и все будет потеряно.

Словно из ниоткуда появилась рука, перетащила его через край и повела в большой подземный зал. Повсюду были нарядно одетые люди. Или существа в круглых головных уборах, похожих на большие шары. Фабиан наклонился, и мальчик с золотисто-коричневой кожей надел такой шар ему на голову. Кто-то набросил ему на плечи плотную шуршащую накидку белого цвета. От нее стало прохладно.

К нему подошел пожилой человек, посмотрел ему в глаза и что-то сказал, но он не понял что. И все же он точно знал, что надо делать. Он вытянул левую руку вперед, и пожилой провел по тыльной стороне его ладони инструментом с лучом света. Свет проник в его ладонь и зажурчал по венам, а в это время вверх по его руке быстро поднимался павлин высотой в несколько сантиметров.

Фабиан Риск открыл глаза. Все стало светлее, но не намного отчетливее. Он потер глаза и увидел на потолке две длинные узкие лампы дневного света без арматурного покрытия. Поэтому провода и конденсаторы были обнажены. Эти лампы не только светят уродливым светом, на них даже смотреть неприятно, подумал Фабиан и попытался сесть. Жгучая боль в спине сразу же дала о себе знать и перекинулась на затылок.

Он поискал мобильный, чтобы посмотреть время, но не нашел его. Телефон исчез. Вместе с компьютером и школьным альбомом. Он ничего не понимал. Разве в альбоме он не нашел преступника, скрытого за спиной Клаеса? Или и это был сон? Он потянулся к конусообразной тревожной кнопке и стал непрерывно нажимать на нее, хотя слышал, что сигнализация сработала в коридоре при первом же сигнале.

Дверь открылась. На пороге стояла брюнетка, не отличавшаяся особой услужливостью.

– Пора просыпаться!

– Где мои вещи? Мой телефон, компьютер…

– Вы работали до пяти утра.

Неужели это правда?

– Мы не считаем это отдыхом. Если бы вы следовали предписаниям врача, наверняка бы сейчас смогли поехать домой.

– Но мне надо позвонить и…

– Нет, вы должны отдохнуть. – Она заставила его лечь обратно в постель. – Ваш организм сейчас работает на полную катушку, чтобы выздороветь, и забирает все силы, какие только может. Что будете на завтрак: чай или кофе?

– Я только хочу знать, сколько времени.

– Самое начало третьего. Чай или кофе?

Фабиан ничего не хотел. Кофе был жидким, как чай, и он был уверен, что они греют воду для чая в кофейнике.

– Сок, дайте лучше два стакана сока. И если есть возможность подогреть в тостере бутерброды и сварить яйцо, буду вам вечно благодарен.

Медсестра позволила себе косо улыбнуться.

– С нынешним правительством о яйцах можете забыть. Но тостом угостить можем.

Теперь Фабиан нисколько не сомневался. Ему не снилось. Жертвенник в Седеросене и фото девятого класса. Все взаимосвязано. Как только медсестра вышла из палаты, он переборол боль и сел. У него в запасе максимум пять минут, пока она будет на кухне. Потом она вернется за стойку ресепшена, откуда виден весь коридор. Фабиан сполз с кровати, коснулся ногами пола и попытался выпрямить спину. В шкафу он нашел свои брюки, носки и ботинки. Рубашка и пиджак так прогорели, что их нельзя надевать. Он не мог понять, зачем вообще кто-то потратил энергию на то, чтобы их сюда повесить.

Он открыл дверь и увидел, что один молчаливый полицейский сидит и листает автомобильный журнал «Wheels Magazine».

– Пойду возьму кое-что на ресепшене.

Полицейский кивнул и вернулся к репортажу о лихаче.

На ресепшене, как он и предполагал, никого не было. Он стал рыться в папках и стопках бумаги, но ничего не нашел. В палате его вещей нет, и если их нет и здесь, то неизвестно, где их искать.

Медсестра вышла в коридор, держа в руках поднос с завтраком. Фабиан пригнулся, спрятавшись за стойкой, и стиснул зубы. От боли в спине лоб покрылся испариной. И тут, под стойкой ресепшена, он увидел свою компьютерную сумку, чехол с мобильным и документы. Он подождал, пока пройдет медсестра, взял свои вещи и пошел к лифтам.

71

ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА В КЛАССЕ ЗЛА

Тувессон, Лилья, Утес и Муландер стояли вокруг стола, уставившись в вечернюю газету «Квельспостен», на первой полосе которой был помещен снимок искореженной машины, кверху дном лежавшей на трассе Е6.

– И почему мы об этом не знали? – спросила Тувессон, думая, может ли она разрешить себе послать Флориана за сигаретами.

– По словам дежурной части, к ним поступила информация об аварии и ничего больше, – сказал Утес.

– И никто не отреагировал на то, что она училась в том самом классе? – удивилась Лилья.

– Это не они должны проверять такие сведения, а мы. А поскольку мы даже не знали, что она мертва…

– Как «Квельспостен» разнюхала об этом? – спросил Муландер и принялся листать газету.

– Или он сам сообщил им, или они просто делали свое дело и сложили два и два, – предположила Лилья.

– Но пока мы не знаем наверняка, была это авария или нет, – сказала Тувессон. – Машина следует сюда, так что посмотрим, что найдет Муландер. Но до этого предлагаю считать, что за всем этим стоит преступник.

– Ты хочешь сказать, что вчера он совершил два убийства? – спросил Утес. – Да еще какие убийства. Понятия не имею, что произошло на трассе Е6, но в библиотеке наверняка было непросто. Только заманить ее в зал так, чтобы никто не заметил, а потом сам ритуал, который…

Утес запнулся и покачал головой.

– Какое хладнокровие.

– Что мы знаем? Может быть, Риск прав, и это два разных человека, – сказала Тувессон.

– Подожди. Давайте попытаемся рассуждать логически, – слово взял Муландер. – Об аварии мы знаем точно только то, что она произошла вчера вечером в 17:38 на трассе Е6. Был ли преступник на месте или установил что-то в машине, покажет мое расследование. Что касается библиотеки, Коса уже определил время наступления смерти?

– Между тремя и пятью вечера, – сказала Тувессон.

– Понятно. Положим, он разрезал ее примерно в час – в половине второго, а спустя час-полтора она умерла. У него было много времени, чтобы успеть сделать что-то еще.

– Как бы то ни было, мы можем констатировать, что он опять взялся за свое. И даже перевыполнил норму, – сказала Тувессон. – Давайте сравним с Йоргеном и Гленном. В чем, например, виновата Эльза Халлин?

– По словам одной из ее коллег, у нее был острый язык, – ответила Лилья.

– Так, значит, она тоже занималась травлей, только словесной? Во всяком случае, это соотносится с вырезанным языком. – Тувессон повернулась к Утесу. – Никто в классе не упоминал это?

– Нет, не так буквально, – Утес листал свои документы. – О ней только сказали, что она задирала нос.

– А кто это сказал?

– Камилла Линд*е*н.

Тувессон вздохнула.

– Понятно. А что говорила о ней Эльза Халлин?

– Только то, что она обычно стояла и смотрела, как Йорген и Гленн издеваются над Клаесом.

– Но к аварии это не имеет отношения.

– Нет, по крайней мере, на данный момент.

– От Сета Корхедена по-прежнему ничего? – спросила Тувессон и посмотрела, остался ли еще кофе в термосе.

– Нет, – ответила Лилья. – Но мне подтвердили, что 15 июня он сел на самолет до Памплоны, а сегодня вечером должен вылететь домой из Сантьяго-де-Компостелы.

– Может быть, он проделал путь святого Иакова? – предположил Утес.

– Или создал видимость, – отозвался Муландер. – Он мог с тем же успехом вернуться обратно на машине.

– Что он там написал в шкафчике? – спросила Тувессон.

– «Никто меня не видит. Никто меня не слышит. Никто даже не издевается надо мной».

– Никто даже не издевается надо мной. Соответствует теории Риска о мхе. – Тувессон остановилась и посмотрела коллегам в глаза. – Так преступник воспринимает самого себя – в тени Клаеса Мельвика, над которым хотя бы издевались.

– Да, с ним так и хочется поменяться, – заметил Утес.

– Нам легко говорить. Вопрос только, что на самом деле хуже? Когда

над тобой издеваются или когда тебя полностью игнорируют и относятся к тебе как к воздуху?

– Ты хочешь сказать, что как раз это он и хочет изменить? – спросила Лилья.

– Именно. В этом все и дело. Он хочет стать кем-то. С кем надо считаться. Кого нельзя игнорировать. Кого никто никогда не сможет опять забыть.

– Но тогда он должен назваться, – сказал Утес. – Какой смысл быть известным, когда никто не знает, кто ты?

– Зависит от того, какая ему нужна известность, – заметил Муландер. – Предположим, мы или он сам уже сейчас назовем его имя. Конечно, это будет во всех заголовках. Но через несколько лет все наверняка уляжется и забудется, и когда он отсидит свой срок, никто больше не будет знать, кто он. Поэтому ему надо продолжать делать свое дело.

– Именно, – кивнула Тувессон. – Он творит миф о самом себе. Показывает всем, какой он хитроумный и непобедимый, что даже полиция никак не может его остановить.

– Получается, он лишает жизни своих бывших одноклассников, чтобы самому стать бессмертным, – сказала Лилья. Остальные кивнули. – И скольких ему надо убить, чтобы ему это удалось?

– Тебе нужно знать количество? – спросила Тувессон.

– Да. Сколько должно умереть, чтобы он пробился сквозь фоновый шум и его никогда не забыли?

– Вспомни школу «Колумбайн», – привел пример Муландер. – Тогда погибли двенадцать учеников и один учитель. Мы до сих пор это помним.

– Ты хочешь сказать, что он должен дойти до тринадцати человек?

Муландер покачал головой.

– К сожалению, думаю, теперь этого не хватит. В Колумбайне произошло первое массовое убийство в школе. Все последующие убийства такого рода забылись меньше, чем через полгода. И даже если этот преступник не имеет себе равных по части способов убийства, он, тем не менее, просто еще один серийный убийца, а таких мы уже видели. Другое дело, если он дойдет до восемнадцати-двадцати человек.

– Это же целый класс.

Муландер кивнул, и за столом воцарилась тишина.

– Вижу, что настроение у всех на высоте.

Все повернулись и увидели в дверях Фабиана Риска. Он стоял слегка наклонившись вперед и опираясь одной рукой на о дверной косяк.

– Фабиан? Что ты здесь делаешь? И где твое полицейское

прикрытие? – Тувессон подошла к Фабиану, но он предупреждающе поднял руку.

– Я знаю, кто это. – Он вошел в комнату и осмотрел распечатанные граффити, украшающие стены. – Ой, здесь кто-то потрудился.

– Фабиан, что ты…

– Я нашел его. Вот он. Смотрите, – Фабиан подошел к доске, где висела увеличенная фотография класса, и ткнул указательным пальцем прямо над Клаесом. – Он был здесь все время. Прямо перед нашими глазами.

Тувессон и остальные окружили Фабиана и принялись разглядывать фото.

– Это же Клаес, – Утес обернулся к Фабиану, – Фабиан, Клаес мертв.

– Нет, не Клаес, а тот, кто стоит прямо за ним. Вот волосы этого парня.

– Дайте-ка посмотреть, – сказал Муландер и протиснулся вперед с лупой. Он изучил фото, а потом повернулся к остальным и кивнул. – Он прав.

– К сожалению, его имя не подписано, – сказал Фабиан.

– Пожалуй, тут нет ничего удивительного, – заметила Лилья. – Его без сомнения легко пропустить.

– Но в таком случае он должен быть в списке отсутствующих, – предположил Утес.

– Да, пожалуй.

– Но с точки зрения логики, – подхватил Муландер, – он ведь явно был там, и поэтому не значился отсутствующим.

– Понятно, иными словами он должен быть в каком-нибудь альбоме других классов, – сказала Тувессон, и Фабиан кивнул.

– Именно поэтому я сейчас здесь, – Фабиан повернулся к Утесу, который развел руками.

– Все, с кем мы связывались, обещали искать, но пока никто ничего не нашел.

– Может быть, его имя по ошибке попало куда-то в другое место? – сказала Лилья и принялась листать альбом.

– Со мной один раз так было, или, точнее, со всем нашим классом, – сказал Утес. – По-моему, мы тогда учились в пятом классе. Наши имена перепутали с именами третьеклассников. Меня вдруг стали звать Рагнаром Блумом, и до окончания средней школы дразнили *Цветочком*[34], – со смехом продолжил Утес. – Другого парня обозвали Гретой и стали дразнить *Конфетой.*

– Фабиан, что с тобой? – прервала рассказ Тувессон.

Она подхватила Фабиана, который терял равновесие и, похоже, мог в любой момент упасть в обморок. На выручку пришел Муландер, и вместе они усадили его на стул.

Фабиан почувствовал, как на него наваливается усталость, а вслед за ней холодный пот и дурнота.

– Все нормально… Дайте только немного воды, все нормально…

Тувессон поставила на стол перед ним большой стакан воды.

– Совсем не нормально. Ты ранен и должен быть в больнице. Врач сказал, что ты должен лежать по крайней мере до послезавтра.

– Мне надо домой… Тео, мой сын. Он совсем один… – Фабиан взял стакан и стал пить, чувствуя, как вода разливается по телу живительной влагой. – В больнице они не давали мне работать, так что выбора у меня нет.

Тувессон дождалась, когда он все выпьет, села рядом с ним и посмотрела ему в глаза.

– Фабиан, а теперь выслушай меня. С этим делом работаем мы. Мы, а не ты. Понятно?

– Мне надо только связаться со школой и узнать его имя.

– Ничего тебе не надо, Фабиан. Ты отстранен. Ты больше не занимаешься этим расследованием. Ты в отпуске, и к тому же на больничном. Ты должен думать только об отдыхе, а мы уж как-нибудь узнаем его имя. Это вряд ли так трудно. Нам известно, в каком классе он учился, и где-то он точно значится. Важно, чтобы ты следовал предписаниям врачей. К тому же существует угроза в отношении тебя и твоих одноклассников. Поэтому я хочу, чтобы ты вернулся обратно…

– 349? Это номер шкафчика? – Фабиан показал на записку рядом с фото.

Фото изображало стертое граффити на внутренней стороне шкафчика. Утес кивнул.

– Фабиан, ты слышишь, что я говорю?

– Мы думаем, что это написал преступник, – сказал Муландер.

Фабиан взял фото и попытался разобрать текст.

– Никто меня не видит. Никто меня не слышит. Никто даже не издевается надо мной. Ч.Н., – произнес Муландер.

Фабиан встретился с ним взглядом.

– Ч.Н.?

– Человек-невидимка. Так он подписался в других местах.

– Человек-невидимка, который больше не хочет оставаться невидимым. Он хочет явиться и стать видимым.

Тувессон кивнула.

– Мы думаем, что он не раскроет свое имя, пока не убьет достаточно много людей.

– А достаточно много – это сколько? Весь класс?

– Этого я и боюсь.

Тувессон была права. Чтобы тебя помнили, не хватит нескольких изощренных убийств. Уставшей от СМИ общественности нужны как минимум двузначные цифры.

Тогда почему бы не выбить, как в боулинге, все кегли и не уничтожить весь класс, раз уж все равно начал? Ведь каждый, так или иначе, виноват, что преступник сделался невидимкой. Именно по этой причине Фабиан не может лечь в постель и ждать, когда Утес и компания *выполнят свою работу*. Если он ничего не будет делать, все быстро закончится.

Он встал, почувствовав прилив энергии. У него возникла идея.

– Фабиан, а теперь позволь нам самим заниматься этим делом.

– Хорошо, – с этими словами он вышел из комнаты для совещаний.

Идея не могла ждать.

Тувессон подошла к увеличенному снимку класса и внимательно посмотрела на волосы за Клаесом Мельвиком. Волосы мальчика, которого никто не помнит. Теперь им нужно только одно: его имя.

Одно только имя.

Если они узнают имя, остальное возникнет само, как последние слова в кроссворде. Скоро они приступят к заключительному этапу, и поэтому крайне важно делать все надлежащим образом. Следовать правилам. Пропущенный параграф. Отсутствие подписи на документе. Неопровержимое доказательство, полученное неправильным образом. Все может послужить препятствием в предстоящем процессе, и вследствие этого преступник выйдет на свободу еще до того, как они успеют взять свои отгулы.

У Риска так уже было. И она это знала. В ходе одного расследования в Стокгольме, не менее громкого, чем это. Риск не знал, что она знает, а она не собиралась затрагивать эту тему.

– Хорошо. Ирен и Утес, прошу вас опять связаться со всеми одноклассниками. Надеюсь, его кто-то вспомнит и назовет имя. И не забудьте еще раз сказать им, чтобы они поискали другие школьные альбомы.

– А как мы поступим с полицейским прикрытием? – спросил Утес. – Ты говорила с Мальме?

– Нет, не успела. Сделаю это прямо сейчас.

Лилья и Утес молча кивнули и пошли к выходу. Тувессон достала мобильный, набрала номер и посмотрела на Муландера, который не спешил уходить. – А ты можешь начать заниматься этой разбитой машиной, чтобы понять, что на самом деле случилось с Линде*н*.

Муландер кивнул и собрался было идти, но опять обернулся:

– Кстати… Как там поездка с Ингелой Плухгед?

– Да, точно, ведь это было сегодня. – Она позвала Лилью и Утеса. – Извините, я совершенно забыла одну вещь. Сегодня в первой половине дня я возила Плугхед.

– Ну и как? – спросила Лилья.

– Честно говоря, сама не знаю. Я подвезла ее к теплоходу, и она смогла только вспомнить, что ее забрал мужчина в синей машине.

– Синей? – переспросил Утес. – А она не помнит марку? Была ли машина старой или новой?

– Нет, только цвет.

– У кого только нет синих машин, – заметил Муландер.

– Твоя ведь тоже синяя? – Лилья повернулась к Муландеру, который кивнул и пожал плечами.

– И это все, что ты выяснила?

– Да, потом мы поехали в парк, и там ничего не произошло, кроме того, что я вся обливалась потом, когда везла инвалидную коляску по гравию… Но по дороге домой… – Тувессон замолчала, подошла к окну и посмотрела на город. – Мне пришлось съехать на обочину и остановиться. Ингвар, как раз когда ты позвонил и рассказал о камере, которую нашел в Седеросене… мы припарковались совсем рядом с железной дорогой, и как только появился поезд… – Она опять замолчала.

– И что? – спросила Лилья.

– Не знаю. У нее словно помутился рассудок и случился приступ паники. Она махала руками и кричала, чтобы я уезжала. Я пыталась успокоить ее и установить контакт, но это было невозможно. – Тувессон повернулась к остальным и пожала плечами.

– Может быть, звук поезда вернул ей память? – предположил Утес.

– А если он надругался над ней в поезде? – спросила Лилья.

– Нет, это слишком сложно. Но, может, рядом с железной дорогой?

– Но разве во время операции она не была накачана наркотиками и без сознания? – спросил Муландер.

– А если она зафиксировала звук в подсознании? – сказал Утес.

Муландер фыркнул и покачал головой.

– А что? Эти поезда грохочут что надо, – продолжал Утес. – Я обычно собираю грибы недалеко от железной дороги к югу от Рамлесы, и когда поезда идут мимо, хоть уши затыкай.

– Ладно, но если позволите, мне кажется, мы идем не тем путем, – вмешался Муландер.

– Это почему? – удивилась Тувессон.

– Совсем необязательно, что она отреагировала на звук. Это с тем же успехом могла быть реакция на то, что ее заперли в машине.

– Конечно, ты совершенно прав. Но учитывая сложность самого вмешательства, скорее всего преступник привез ее в такое место, где ему с большой вероятностью не могли помешать.

Лилья и Утес кивнули. Муландер пожал плечами.

– Что-то вроде отдельно стоящего дома без соседей, – продолжила Тувессон.

– Или какого-нибудь рабочего помещения, – сказал Утес.

– Рядом с рельсами, – заключила Лилья.

Тувессон задумчиво кивнула.

– Да, почему бы и нет? Я, наверное, поеду осмотрю места вокруг источника Рамлеса Брунн. Терять нам нечего.

– Кроме времени. Не знаю, как вы, но, по-моему, в нашей ситуации это дефицитный товар, – сказал Муландер и вышел из комнаты.

Лилья посмотрела ему вслед и повернулась к остальным.

– Что это с ним? Весь такой хмурый и недовольный.

– Он просто устал, – сказала Тувессон. – А кто нет?

– Думаю, он хмурый из-за того, что все идет не по его сценарию, – возразил Утес.

Тут зазвонил телефон Тувессон.

– Говорит Астрид Тувессон. Да, это так… Что? Самоубийство? Что вы такое… – Она повернулась к Лилье и Утесу. – Но я не понимаю. Как? И где?

72

Дуня Хоугор, выйдя из лифта и направившись в подразделение насильственных преступлений, как никогда постаралась придать себе беспечный вид. Она пришла сюда только работать, и ничего другого. Слейзнера видно не было. Но дверь в его кабинет была закрыта, а это означало, что он на месте. Если не выскользнул через какой-нибудь запасной выход.

Она вошла в свой компьютер, кликнула на входящие мейлы и увидела, что получила ответ от более или менее всех газет, к которым обращалась. Она просила их прислать все снимки, сделанные в комнате ожидания рядом с отделением, где лежал Мортен Стенструп, и, к ее удивлению, почти все охотно согласились. Из акул только «Юлландспостен» не выказала энтузиазма и потребовала гарантий, что они первые узнают новость, если окажется, что на их фото изображено что-то интересное.

Поэтому она начала с просмотра снимков оттуда и почувствовала своего рода облегчение, когда оказалось, что не может найти на них ни одного незнакомого лица. Она точно знала, кто пишет в каждой газете. Потом взялась за «Политикен» и пролистала большое количество фотографий самой себя, на которых она выглядела как полная развалина, нуждающаяся во всевозможном уходе. Потная, ненакрашенная и с такими темными кругами под глазами, как будто их нарисовали специально.

Радовало только то, что ни один из снимков не опубликован. Может быть, даже журналисты способны на милосердие? Или просто понимают, что не получат от нее ни одного интервью или предварительной информации, если им придет в голову напечатать хоть одно такое фото.

Дуня нашла его спустя полтора часа. В том, что это он, не было никаких сомнений. Снимок был сделан с высоты птичьего полета, словно фотограф держал фотоаппарат высоко над головой и щелкал наугад. Для публикации он не представлял никакой ценности – внизу виднелись срезанные головы журналистов с редкими волосами. Но для нее это фото – почти само совершенство.

Снимок изображал ряд стульев у самой дальней стены. Там сидел мужчина с газетой в руках и отстраненно смотрел на весь этот переполох. Дуня навела фокус на мужчину, отметив почти идеальную резкость, хотя его лицо получилось довольно расплывчатым и нечетким. Но, конечно, это был он, и никто другой.

Слейзнер, понятно, никогда не позволит ей отдать фото шведам. Что с того, что это единственный правильный шаг?! Пусть шведы обходятся без их помощи. Вместо этого дело раскроют датчане, или, правильнее сказать, Ким чтоб его Слейзнер. Если этого не произойдет, пусть дело вообще остается нераскрытым.

Как же она его ненавидела. Каждая клетка в ее теле исходила ненавистью, и мысль, которой она много раз тешила себя все эти годы, превратилась в более или менее определенное решение. Выбора у нее нет. Ей надо избавиться от Кима. Не только ради себя, но и ради расследования и всей датской полиции она вынуждена сделать все, что в ее силах, чтобы его уволили.

Прежде чем она успеет пожалеть об этом, она подняла трубку и набрала номер начальника Главного полицейского управления Хенрика Хаммерстена. Он сам подошел к телефону и легко согласился встретиться с нею с глазу на глаз в течение дня. Она положила трубку и несколько раз глубоко вздохнула.

– Так вот ты где, – раздался голос прямо за ее спиной.

Как давно этот черт здесь стоит? Она обернулась и встретилась с ним взглядом, но не смогла истолковать выражение его глаз.

– Как насчет того, чтобы зайти в мой кабинет и…. немного поговорить?

– А что, здесь нельзя?

– Можно, конечно, можно. Но на твоем месте я бы предпочел разговор за закрытыми дверями.

Ким Слейзнер закрыл дверь за Дуней, которая проигнорировала свой внутренний голос и села на стул для посетителей. Слизняк обошел стол и опустился на свой стул. К ее удивлению, на его лице не было привычной высокомерной ухмылки.

– Для начала хочу сказать, что очень сожалею по поводу случившегося вчера ночью.

Ей снится, или он шутит?

– Честно говоря, я точно не помню, как развивались события, что, наверное, к лучшему. Но того немногого, что я помню, мне хватит с лихвой, чтобы понять: ничто не может извинить мое поведение. Могу сослаться только на то, что как следует выпил и потерял над собой контроль. – Он сделал паузу и посмотрел ей в глаза. – Но это нисколько не оправдывает мое поведение. Ни сегодня ночью, ни… ну, ты понимаешь, о чем я. Я пытаюсь сказать, что хочу, чтобы ты знала: мне страшно стыдно.

Первый раз Слейзнер просил у нее прощения. Возможно, он вообще первый раз просил у кого-либо прощения. И, похоже, делал это искренне, подумала Дуня, не зная, должна ли она что-то сказать. Но зачем облегчать ему жизнь?

– Дуня, я был полностью уверен, что ты настучала в «Экстра Бладет». И только теперь, задним числом, понял, что это вовсе не ты. Поэтому я готов зарыть топор войны. И если ты не заявишь о моей дикой выходке, я не заявлю о твоем невыполнении приказа и подделке документов.

Значит, ему известен ее поступок с машиной.

– Я точно знаю, о чем ты сейчас думаешь, – продолжил Слейзнер. – И ответ «да». Я прекрасно знаю, что ты сделала. И всегда знал. Но я готов подвести подо всем черту и к тому же предоставить тебе полную свободу в работе над делом.

Он что, серьезно? Он действительно так сильно спалился, что единственный шанс – полная капитуляция? У него нет другого выбора, кроме как наступить на горло собственной песне и не мешать ей выполнять работу? Дуня слишком хорошо знала Слейзнера, чтобы позволить себе расслабиться, и старалась быть начеку. Но если сейчас он действительно имеет в виду, что она будет вести следствие, она не хочет вставлять ему палки в колеса. Пренебречь работой ради отстаивания своих собственных прав не в ее духе. Такого никогда не будет. Она едва заметно кивнула.

– Хорошо. Значит, с этим все, – продолжил Слейзнер. – Как идет расследование? Вы пришли к чему-то, о чем мне следует знать?

С ее стороны было бы должностным преступлением совсем не упоминать о снимке преступника. Вместе с тем, фото надо напрямую отослать шведам. А Слейзнер до сегодняшнего дня запрещал это и всячески этому препятствовал. Она решила проверить его.

– Мне кажется, он есть у меня на снимке.

Выражение лица Слейзнера изменилось.

– Правда? И как тебе это удалось?

Дуня рассказала об изысканиях Кьеля Рихтера, которые показали, что преступник забрался к раненому полицейскому через крышу, и, насколько она поняла, находился в одной комнате ожидания вместе с журналистами.

– Потрясающе, Дуня. Хорошо сработано.

– Предлагаю послать это шведам и посмотреть, что они скажут, до того, как мы что-то предпримем, – сказала Дуня.

– Хорошо, если хочешь. – Он обошел вокруг и сел перед ней на край стола. – Дуня, я действительно имею в виду то, что сказал. У нас с тобой с самого начала не заладилось, и, в основном, по моей вине. Ты все время

была прекрасным полицейским, и с этого момента я хочу, чтобы ты продолжала им быть. И если ты считаешь, что надо послать снимок шведам, так и будет.

Дуня кивнула и встала.

– И еще.

Она обернулась.

– Как я понял, ты просила Хаммерстена принять тебя. Если ты не против, я пойду с тобой.

Дуня не знала, что ответить, только заметила, что кивнула.

73

Тридцать семь… тридцать восемь, считала она про себя и остановилась, чтобы чуть-чуть передохнуть. Она уже запыхалась и почувствовала, что тонкая блузка пропиталась потом. Оказалось труднее, чем она думала, хотя она и опиралась на костыли. После четырех таблеток цитодона она почти не испытывала боли. В больнице ей предписали постельный режим минимум на неделю, чтобы исключить риск новых кровотечений. Проблему кровотечения она решила с помощью больничной пеленки и трех бинтов. Двое ее полицейских охранников настаивали на том, чтобы подняться вместе с ней, но после длительных препирательств согласились остаться внизу и охранять вход.

Она продолжала идти по круговой лестнице, допивая сок, купленный в газетном киоске на площади Стурторгет. Она жалела, что не купила бутылку побольше. На самом деле, ее-то она и хотела, но поскольку литровая бутылка стоила столько же, она купила маленькую назло. Кому и зачем? Скоро ничего не будет играть никакой роли.

Пятьдесят девять.

Шестьдесят. До самого верха ей осталось восемьдесят шесть ступеней.

Шестьдесят один.

Она взбиралась на башню Чернан второй раз в жизни. Первый раз она приходила сюда с одноклассниками, когда ей было тринадцать. Тогда им пришлось заходить в разные залы, смотреть на картины и слушать, как датчане в начале XIV века построили башню высотой тридцать пять метров, чтобы вместе с замком Кронборг наблюдать за устьем Эресунна и защищать его. Но ее и остальных школьников интересовало только одно: как можно быстрее посчитать ступеньки до самого верха.

Первым наверх забрался Гленн Гранквист. Он насчитал сто тридцать девять ступенек и ошибся. Она помнит это, как вчера. Может быть, потому что на самом деле первой поднялась она и прокричала правильное количество ступенек. Сто сорок шесть. Не больше и не меньше.

Семьдесят четыре.

Она вспоминала свои последние школьные годы как самые лучшие в жизни. Тогда она была на высоте. У нее были пятерки по всем предметам, и тем не менее, она была одной из самых популярных в классе. Тогда к Ингеле Плугхед прислушивались. Она собиралась стать одним из лучших адвокатов в стране и вкладывать всю свою энергию в помощь самым

слабым, оказавшимся на дне общества. Она без проблем поступила на юридический факультет Лундского университета и влюбилась в студенческую жизнь с первой минуты.

Сейчас она не понимала, как могла так хорошо учиться. Ни один вечер не проходил без вечеринки, причем каждая последующая была еще безумнее, чем предыдущая. Сегодня она до седьмого пота танцевала в студенческом землячестве Вестгета, а уже завтра в костюме Дамы с поленом отплясывала на вечеринке в стиле «Твин Пикс». Через два с половиной года влюбленности пришел конец.

Сто тринадцать.

Возвращаясь домой после поздних посиделок в землячестве Мальме, она наткнулась на Герхарда Кемпе, преподавателя по гражданскому праву. Он вызвался проводить ее до общежития. По дороге они обсуждали большую разницу в зарплатах между мужчинами-юристами и женщинами-юристами.

Герхард считал, что главным образом это объясняется тем, что мужчины лучше умеют себя подавать и знают себе цену. Сама она доказывала, что не играет никакой роли, как женщины себя подают. Они все равно получат зарплату ниже, чем у мужчин. Сегодня она, пожалуй, готова с ним согласиться.

Когда они дошли до корпуса Спарта, где она жила, он предложил выпить перед сном. Она отказалась, сказав, что сейчас алкоголь нужен ей меньше всего. После этого все произошло так быстро, что у нее остались только обрывочные воспоминания.

Сто двадцать шесть – Сильный удар в лицо, упала.

Сто двадцать семь – Ударилась головой об асфальт. Везде его руки.

Сто двадцать восемь – Пыталась царапаться, высвободиться, закричать.

Сто двадцать девять – Новый удар, выбиты передние зубы. Привкус крови.

Сто тридцать – Треск разорванных трусов.

Сто тридцать один – Настойчивые толстые пальцы лезут вверх.

Сто тридцать два – Сдалась, позволила ему продолжить.

Сто тридцать три – Перевернул ее на живот.

Сто тридцать четыре – Потянул за волосы, боль в анальном отверстии.

Сто тридцать пять – Предупредил, что будет, если она кому-то расскажет.

Сто тридцать шесть – Затихающие вдали шаги.

Она как можно быстрее одолела последние ступени и вышла на свет.

Легкий бриз охладил ее вспотевшее тело.

Помимо нее там была голландская семья, двое взрослых и двое детей. Она не понимала, о чем они говорят, но догадалась, что дочь клянчит деньги на подзорную трубу, а сын все время порывается перелезть через край.

Она встала в самый дальний угол, подальше от семьи, и ее поразило, какой прекрасный вид открывается отсюда. Она не помнила, чтобы этот вид произвел на нее такое же впечатление тогда, когда она была здесь с классом. Обычно все бывает наоборот: в детстве все кажется больше, круче, значительнее. Но в тот раз ее мысли были поглощены другим.

Как всегда, Йорген и Гленн не могли оставить Клаеса в покое – они подняли его на край стены, угрожая столкнуть его с башни. Она до сих пор слышала его голос. Как он умолял и просил их прекратить. Один за другим на башню поднимались запыхавшиеся одноклассники, сообщая количество ступеней. Но стоило им понять, что происходит, как они поспешно переходили на другую сторону и притворялись, что любуются видом.

Она подошла к ним и велела опустить Клаеса вниз. «Внизу он всегда будет», – с ухмылкой ответил Йорген. Рядом стояли Камилла и Эльза. Камилла просто смотрела, как они над ним издеваются. Она всегда так делала. Словно ей доставляло удовольствие видеть, как Клаес страдает. Эльза, как обычно, распустила язык: «Давайте! Какого черта вы медлите? Ветер разнесет его проклятую перхоть, как снег! До чего мерзко!»

До того, как появилась Моника Крусеншерна и сообщила правильное количество ступенек, прошла целая вечность. Но она даже не подумала обратить внимание на то, что Клаес по-прежнему всхлипывает и весь покраснел от рыданий.

Голландская семья стала спускаться вниз, и Ингела осталась одна. Наконец-то.

Она прислонила костыли к стене, сняла босоножки и поставила их рядом вместе с наручными часами, заколкой для волос и цепочкой. Взобравшись на стену и сев на край, почувствовала, как возвращается боль, но это ее нисколько не трогало. Она посмотрела на крыши домов и деревья далеко внизу и стала болтать в воздухе ногами. Она рассчитывала на то, что у нее появится головокружение и дурнота, но испытывала только чувство свободы. Скоро все кончится.

Ингела подумывала о самоубийстве уже после первого изнасилования. Даже делала несколько слабых попыток. Она где-то прочла, что те, кому не удается лишить себя жизни, на самом деле хотят жить, и попытка – просто крик о помощи. Но с ней все было не так. После случившегося в Лунде она

стала презирать себя до такой степени, что в глубине души хотела только одного: умереть. Без преувеличения она могла сказать, что последние годы ее жизни были ничем иным, как чередой неудач.

Опознание преступника, который надругался над ней, стало бы еще одним звеном этой цепи. Она могла опознать его. В машине этой женщины-полицейского к ней вернулась память. Стук колес и его лицо. Она думала, что не видела его, а, получается, видела. Какую теперь это играет роль? Ей все равно никто не поверит. Будь это кто-то другой, тогда, может быть. Но не он. Ни единого шанса. Ее слова противоречили бы его словам. Накаченная наркотиками женщина, наполовину без сознания, или…

Ингела Плугхед выбросила эти мысли из головы, закрыла глаза и подалась вперед.

74

Фабиан Риск нашел свободное место прямо перед домом на улице Польшегатан. Ключи от машины лежали на письменном столе Хуго Эльвина вместе с запиской о том, что машина стоит на парковке. Какая-то добрая душа перегнала его машину сюда аж из самого Седеросена.

Он запер машину и повернулся к таунхаусам из красного кирпича. Его охватило чувство, будто он не вернулся домой, а приехал кого-то навестить. Наверное, в этом не было ничего удивительного, – ведь он прожил здесь всего девять дней, да и то бывал только изредка. Он отсутствовал почти трое суток, и если он хорошо знает Теодора, все это время тот беспрерывно наслаждался пиццами, компьютерными играми и грохотом тяжелого рока.

Фабиан поднялся на крыльцо, вставил ключ в дверь и сразу же услышал глухой ритмичный шум любимой музыки смерти. Он никогда не воспринимал этих ударов. Не чувствовал от них ни куража, ни драйва. Они только вызывали в нем панику. Но он обещал самому себе никогда не критиковать музыкальные пристрастия своих детей, и хотя пару раз чуть было не ворвался к сыну, ему пока что удавалось держать свое обещание. Его собственные родители только и делали, что ворчали. Они не отличали «Kraftwerk» от «Depeche Mode» или от «Heaven 17». Для них все было только «бух-бух» и «а где же настоящие инструменты?».

– Вы, наверное, наш новый сосед, – услышал он голос у себя за спиной.

Фабиан обернулся и увидел грушеобразную женщину в коротких брюках с большими карманами, майке и шляпе от солнца. В руках она держала стеклянную банку со смородиной.

– Меня зовут Улла Стенхаммер. Мы живем в пятнадцатом доме.

Фабиан спустился обратно по лестнице и пожал женщине руку.

– Фабиан Риск.

– Вот как. А чем вы занимаетесь, если можно спросить?

– Занимаюсь?

– Ну, кем работаете?

– Пока что я в отпуске и изо всех сил стараюсь не думать о работе, – Фабиан выдавил улыбку ради добрососедства, надеясь, что первое впечатление от соседки окажется ошибочным.

– Ага… Я просто хотела поздравить вас с приездом, – женщина протянула банку с ягодами. – Знаете, нам всем было немного любопытно,

кто сюда въедет, и когда я поняла, что это совершенно нормальная обычная семья, страшно обрадовалась.

– Вот оно что. А с прежними соседями было что-то не так?

– Ну как вам сказать. На мой взгляд, в них безусловно было что-то странное. Например, они никогда не ходили на наши весенние или осенние праздники и… Ну, вы видели, как выглядит участок с задней стороны. Настоящие джунгли. Знаете, тень от них падает на наш дворик, и там растет только мох. Не очень-то приятно, если хотите знать мое мнение.

Фабиан отметил, что первое впечатление, к сожалению, его не обмануло.

– Обещаю все подрезать, как только найду время.

– Ну, не буду в это вмешиваться.

Оба замолчали, и Фабиан сделал поползновение уйти.

– В этих старых домах довольно толстые стены, и можно подумать, что здесь плохая слышимость. Но скажу вам: это не так. Не спрашивайте меня, как проникает звук. Я только знаю, что проникает.

– Мой сын слишком громко заводит музыку?

– Я бы не назвала это музыкой. Но если ночью он сделает немного тише, ничего не случится, так сказать. Хотя ни в какое сравнение с Палдинскими это не идет. Это прежние соседи.

– А они тоже слушали музыку?

– Нет. Или да, немного классики. Но проблема была не в этом, а в их ссорах.

– Ссорах?

Женщина приблизилась на шаг к Фабиану и посмотрела через плечо, словно боялась, что их подслушивают.

– Вы не представляете, как они кричали друг на друга. Иногда казалось, будто… Ну, не знаю, как сказать. Пятница 13-е. Знаете, когда мы лежали в нашей спальне, мы будто находились с ними в одной комнате. Точно я не знаю, но уверена, он ее бил.

Фабиан понял, что первое впечатление надо пересмотреть. Тетка оказалась гораздо хуже, чем он предполагал.

– Но в конце концов она сбежала, и никто ее за это не упрекнет. Даже если она поступила не самым лучшим образом. Но это не мое дело. Нет ничего хуже соседей, которые суют нос в чужие дела.

– Да уж, действительно. Спасибо за смородину, – Фабиан предпринял новую попытку подняться по лестнице на крыльцо.

– Знаете, он просто уехал на выходные. По-моему, в Берлин. Странный город, правда? Разве нет? Один раз я поехала туда в отпуск, и после этого

мне пришлось брать еще один отпуск, так мы устали. Но когда он вернулся домой, из дома исчезла вся одежда и игрушки. Это она и дети сбежали с полными чемоданами. Исчезли в один миг. Не очень здорово, если хотите знать мое мнение.

Значит, вот что риелтор назвал личными обстоятельствами.

– Да, не особо приятно. А известно, куда она уехала?

– Вот в этом вся соль, – она подняла указательный палец вверх и повела бровями, чтобы подчеркнуть странность ситуации. – Ему, похоже, не было никакого дела. Он просто пожал плечами и стал жить дальше.

– А он не пытался их найти?

– Не знаю. Мне показалось, что он скорее почувствовал облегчение. – Женщина покачала головой. – Я ничего не поняла, для меня это совершенно непостижимо. Вы только представьте себе: приходишь домой, а твоей семьи нет.

– И никто не знает, куда они делись?

Соседка расплылась в широкой улыбке.

– Тут уж я не смогла сдержать свое любопытство и все-таки спросила его, вот так без обиняков, и оказалось, что он прекрасно знает, где они. Что без сомнения объясняло его, мягко говоря, странное поведение.

– Вот как, – Фабиан ждал продолжения, но его не последовало. – Но он не сказал, где они?

– Нет, он только сказал, что знает, где они, и я не стала дальше спрашивать. Всему есть предел, – соседка рассмеялась. – Но примерно неделю тому назад я услышала от Вингордов из тринадцатого дома, что жена переехала в Данию, где, как я поняла, живет с новым мужем. По-моему, она знала его раньше.

Фабиан кивнул и пожал плечами.

– И когда это произошло?

– Несколько месяцев назад, весной. За несколько недель до того, как он продал вам дом. Ясно, что он не хотел оставаться здесь со всеми воспоминаниями.

Фабиан снова поднялся по лестнице на крыльцо. Он задумался, как бы сам отреагировал, если бы Соня так поступила. Повернув дверной ключ, Фабиан открыл дверь и признался самому себе, что какая-то крошечная часть его сочла бы, что это к лучшему.

Dead will dance for what is left![35]

Хотя бы не испытывать отчаяния, которое окатило его, как помои, было бы уже неплохо. Во всяком случае, хорошо, что он дома, подумал Фабиан, закрыл дверь и убедился, что все выглядит точно так же, как в

среду утром, когда он уехал отсюда на похороны в Данию. Три дня показались тремя неделями.

Save yourself from this![36]

Он прошел в кухню и увидел следы пребывания Теодора. Но не так много, как он ожидал. Не считая остатков кебаба, наполовину съеденной пиццы, лежавшей в своей коробке, нетронутого салата к пицце и пустой банки из-под колы, кухню можно считать чисто убранной. А вдруг сын наконец научился убирать за собой?

The world spread its legs for another star![37]

Мэрилин Мэнсон выкрикивал свое послание на фоне отдаленных гитар и пулеметных барабанов. Последние годы он был самым любимым исполнителем Теодора, тот постоянно его слушал. Фабиан мог понять реакцию соседки. Если они живут через стену от стерео, толщина стен значения не имеет. Но сейчас была только четверть пятого, и он не собирался подниматься к Тео и просить сделать потише. Вместо этого он послал смс, где сообщал, что он дома, и предлагал вместе перекусить на террасе.

Everyone will suffer now![38]

Через две минуты пришел ответ: «Пишу код. Очень занят. Перекус пропущу. Увидимся позже. Т».

Такого ответа Фабиан и ожидал, а в глубине души даже на него надеялся. Хотя было бы хорошо перекусить вместе, времени у него нет. До конца дня он должен узнать имя. Имя того, кого он видел тысячи раз, но совершенно не помнит. Преступника, который опять нанесет удар, если его не остановить.

У него возникла идея, как выяснить имя. Всего лишь догадка, и он не был уверен, что получится, но за неимением лучшего стоило попробовать. Только сначала он примет душ и переоденется. По дороге в ванную на втором этаже он попытался вспомнить, когда последний раз не мылся больше трех суток подряд, и решил, что, наверное, в 1995 году на фестивале в Роскилле.

Несмотря на ведра пива и постоянную проблему с равновесием, он помнил все, как будто это было вчера. Оглядываясь назад, можно сказать: это был самый топовый год, когда в лайн-апе были «Oasis», «Blur», «The Cure» и «Suede». За лайн-ап этого года с «Prince», «LCD Soundsystem» и «Vampire Weekend» тоже не стыдно. Это его так вдохновило, что он даже предложил Соне начать переезд с посещения фестиваля всей семьей. Она лишь выразительно на него посмотрела и спросила, не слишком ли поздно

для кризиса среднего возраста.

Он запер дверь ванной, стянул с себя больничную рубаху и брюки и стал осторожно снимать марлевую повязку, обмотанную вокруг верхней части тела. Слой за слоем, пока все не кончилось. Разумеется, она все время была с ним – боль, ноющая и покалывающая, – но последние часы он о ней не думал. Только сейчас, снимая последние слои, он вспомнил, как тяжело ранен. Смешанный с кровью гной приклеил марлю к ране, и ему пришлось встать под душ и осторожно по кусочкам отдирать повязку. Он перешагнул свой болевой порог и поблагодарил Мэрилина Мэнсона, перекричавшего его.

Целиком сняв с себя повязку, Фабиан сделал воду как можно холоднее и промыл горящие раны. Он простоял так пять минут, потом намылился, вымыл голову и, не вытираясь, стал обсыхать прямо на коврике в ванной.

Он посмотрел на себя в зеркало. Обычно, глядя на свое отражение, он чувствовал себя молодым. Ему сорок три года, а тело как у мужчины на десять лет моложе. Никаких лишних килограммов, как у многих в его возрасте. Никакого намека на проплешину. Ни одного седого волоса. Но мужчина, на которого он смотрел сейчас, выглядел по меньшей мере на десять лет старше. Бледный, как покойник, с таким дряблым лицом, будто сила притяжения одним махом увеличилась в два раза. Он хотел повернуться и осмотреть раны, но решил, что лучше не надо.

I lift you up like the sweetest angel[39]…

Одежда по-прежнему лежала в нераспакованных картонных коробках с его стороны кровати, и он долго рылся, пока не нашел пару чистых трусов, носки, красную просторную льняную рубашку вместо повязки и пару мятых льняных брюк.

I’ll tear you down like a whore[40]…

Фабиан вернулся на кухню, поставил мобильный на зарядку и пошел в подвал, взяв с собой остатки пиццы. Он точно знал, что ищет. Зеленую тумбочку. Но он не обнаружил ее там, где видел ее в последний раз. Раньше она стояла у одной из стен посреди подвала. Теперь там ее не было. Фабиан не знал, то ли это дело рук Сони, то ли он что-то напутал. У него возникло впечатление, что подвал выглядел по-другому, будто в нем все переставили.

К тому же подвал забит вещами, которые надо было отправить прямо на свалку, если бы не Сонины протесты. Соня не могла заставить себя что-нибудь выбросить. Она считала, что любая вещь может понадобиться, когда ты об этом даже и подозревать не будешь. Постоянным аргументом были ее собственные родители, которые никогда ничего не хранили и выбросили

целое состояние – устаревшие кухонные принадлежности, которые потом стали последним писком моды. Но что они будут делать со сломанными велосипедами, липкими детскими автомобильными креслами и ящиками с видеокассетами, Фабиан не понимал.

Через двадцать минут он нашел зеленую тумбочку за старым коричневым диваном с лежащими на нем тремя оплетенными бутылками. Он вынул средний ящик, достал свои старые фотоальбомы, сел между бутылками и стал листать. От многих фотографий отклеился скотч, и его комментарии с грамматическими ошибками остались висеть как забытая игрушка на выброшенной новогодней елке.

Фотографии были сняты на его фотоаппарат «Инстаматика», который он получил на десять лет, и хотя краски потускнели, а четкость снизилась, они сделали свое дело и вернули его назад в то время, когда он дальше всех мог прокатиться, не упав, на своем скейтборде, когда ездил с классом в Копенгаген, где съел три чизбургера в «Макдональдсе» напротив Тиволи, когда сгреб в кучу первый снег и соорудил «Большую гору» – невысокий холмик, чтобы кататься на минилыжах.

Почти все фото были сделаны во время каникул в средних классах – как только он пошел в седьмой, он забросил фотоаппарат. За исключением одного дня в восьмом классе, когда он взял фотоаппарат в школу и отснял целую пленку. Тридцать шесть снимков с одним и тем же мотивом. Все эти годы он совершенно не думал об этой фотосессии. Он забыл, что она вообще существует. И только когда увидел граффити на шкафчике, заснятое Утесом, он все вспомнил.

Вот они, все тридцать шесть снимков, наклеенные в один из альбомов школьной поры. Под всеми снимками он сделал одну и ту же надпись.

Одно-единственное слово.

Лина.

Она была на каждом фото. Не всегда в центре или в фокусе, но как естественное украшение снимка. Что фотограф был влюблен, не было никакого сомнения, и Фабиан вспомнил, как ловил момент и украдкой снимал, как только поблизости не было Йоргена. Он делал все, чтобы Лина ничего не заметила. Меньше всего он хотел, чтобы на него набросился Йорген. Но теперь он четко видел: она знала, что ее снимают. Притворялась, что смотрит в сторону. Якобы непроизвольно улыбается. Ей это понравилось, и она никогда не рассказывала Йоргену о фотосессии. Это был их секрет.

Фабиан поднял глаза от альбома и прислушался. В отдалении послышался голос, как будто кто-то кричал. Он никак не мог это объяснить.

И в то же время был абсолютно уверен, что голос ему не почудился. Голос раздавался из ниоткуда. Но, судя по исключительно низким частотам без дисканта и среднего регистра, можно было сказать, что это крик.

Фабиан встал и определил, что голос раздается из-за расположенной за ним кирпичной стены. И сразу же почувствовал облегчение. За стеной находился соседский дом, и, понятно, слышался голос той тетки. Он вернулся к альбому и быстро нашел фото, которое искал. Как он точно помнил, снимок изображал Лину, которая клала книги в свой шкафчик. Шкафчик рядом с ней был закрыт, но номер нельзя было спутать.

349.

Шкафчик Лины находился рядом со шкафчиком преступника.

75

Машина, серебристо-серая «БМВ» первой серии М Купе, за несколько секунд из сверкающего высокотехнологического чуда превратилась в груду металлолома.

Ингвар Муландер всегда любил немецкие машины, и начиная с первой половины 90-х последовательно менял одну немецкую марку на другую. Поэтому осмотр разбитой «БМВ» причинял ему особые страдания. Мало того: ему никак не удавалось найти причину аварии. Тем самым у него не оставалось выбора, кроме как еще раз просмотреть свои записи и попытаться понять, что он пропустил.

«Левая сторона, вмятины и сильные царапины кругообразной формы». Машина въехала в борт грузовика и попала в среднюю пару колес. Он уже взял пробу стертой серебристо-серой краски с колесных гаек грузовика. Отметил наличие «травинок и земли на всех четырех шинах», в первую очередь на правой передней и задней. Машина выскакивает на обочину и дальше на траву. «Правая передняя фара разбита». «БМВ» врезается в дорожный указатель правой передней частью, ее закручивает, и, сделав несколько оборотов, она опять выскакивает на трассу. «Большая часть задней половины машины вдавлена». На нее наезжает грузовик. «Несколько сильных царапин и вмятин, в первую очередь на крыше». Машина переворачивается на крышу и в конце концов останавливается.

Муландер был в недоумении. Он просмотрел все бог знает сколько раз, но не нашел никаких признаков убийства – ни отрезанных тормозных проводов, ни выкрученных колесных гаек. Замок руля и сервопривод тоже были в порядке, и в машине не осталось следов другого пассажира или воздействия какого-нибудь дистанционно управляемого постороннего устройства. Ничего. Машина выглядела абсолютно так, как должна выглядеть после наезда на нее грузовика и переворота на скорости 140 километров в час.

Он потратил три часа. Три часа без результата.

Он бросил курить вот уже почти пятнадцать лет назад. С тех пор он выкуривал одну сигарету в особых случаях. Можно ли этот случай отнести к разряду особых, он не знал. Но запах сигарет в машине убедил его в том, что бессмысленные неудачи тоже стоят затяжки.

Муландер выдвинул верхний ящик под верстаком, достал мятные леденцы, вытянул из пачки сигарету и сел на стул рядом с гаражом в

вечернем солнце. От огня зажигалки табак раскалился, и Муландер как можно глубже вдохнул дым и попытался насладиться своим провалом.

Зазвонил мобильный. Он не захотел отвечать: он выкурил только половину сигареты и понятия не имел, когда представится следующий случай. Но нервирующая мелодия продолжала настойчиво звучать. Ограниченный срок действия батарейки или третья мировая война, не имеет значения. Ничто не заставит телефон замолчать.

– Да, але.

– Привет, это Ирен. Мне просто любопытно, как там с машиной?

– Плохо.

– Что, ты еще не закончил?

– Закончил.

– Но…

– Я не нахожу никаких отклонений.

Оба замолчали, и Муландер воспользовался моментом и затянулся, отставив мобильный. В этот момент он увидел, что во двор полиции сворачивает эвакуатор.

В трубке послышался вздох.

– Ну, тогда тем более важно, что я здесь.

– А где «здесь»?

– В судмедэкспертизе. Коса покажет мне Эльзу Халлин, и я попытаюсь уговорить его также взглянуть на тело Камиллы Линден.

– А они ее еще не осматривали?

– Коса – нет. Линден ведь поступила как обычная жертва ДТП.

Теперь была очередь Муландера вздохнуть.

– Ты что, думаешь, это ничего не даст?

– Я уже не знаю, что и думать.

– Ты считаешь, что Камиллу Линден не убили?

– Люди ведь и сами попадают в аварии. Он услышал об аварии и сообщил прессе, что это дело его рук. А пока мы прикладываем усилия, пытаясь найти несуществующие доказательства, он продолжает готовиться к следующему нападению.

– Ты имеешь в виду Халлин?

– Например. Или кто-то еще? Сейчас мы руководствуемся версией, что он не успокоится, пока весь класс не будет лежать у Косы как сельди в банке.

– Возможно, ты прав, но по сути это ничего не меняет. Мы только и можем, что продолжать расследование. Больше не могу говорить. Пришел Коса.

Телефон замолчал, Муландер положил его обратно в карман, сделал последнюю затяжку и загасил окурок об асфальт. Машина-эвакуатор дала задний ход и остановилась у его гаража. Только сейчас он увидел, что у нее датские регистрационные номера и она доставила «Пежо».

– Это ты Муландер?

Муландер кивнул и подписал транспортную накладную.

– Это тоже тебе, – водитель передал написанную от руки записку.

Ингвару Муландеру. Фабиан Риск очень хорошо о тебе отзывался, а поскольку здесь ничего не происходит, надеюсь, вы найдете что-нибудь важное.

С наилучшими пожеланиями,

Дуня Хоугор, отдел убийств полиции Копенгагена.

Муландер знал Дуню Хоугор. Компетентный криминальный ассистент, но у нее не было никаких полномочий посылать вещдоки в Швецию, а это значило, что она очень рискует. Он перевел взгляд на «Пежо», который бесшумно скатывался на асфальт, по мере того как выпускали стальной трос эвакуатора, и задался вопросом, какие секреты хранит эта машина. Она уже привела Риска на место убийства в Седеросене. Может ли там быть что-то еще? Почему бы и нет?

Вся та работа, которую проделал преступник, пытаясь ликвидировать машину, говорила о том, что есть что-то еще. Согласно замыслу, место убийства в Седеросене должны были обнаружить, с навигатором или без него. Конечно, Риск нашел это место раньше, чем было задумано, но оно находилось там все время и просто ждало, когда они в назначенный срок клюнут на зацепку, осмотрят и изумятся. Седеросен – не что иное, как изощренная демонстрация власти, инсценированная для того, чтобы показать, как они отстают и, в первую очередь, как они бессильны.

Потому это не годилось для объяснения того огромного риска, на который преступник, судя по всему, пошел во время преследования. Этот риск могло объяснить только наличие в машине чего-то еще, что он любой ценой хотел скрыть от их глаз.

Ирен Лилья дала ему возможность высказаться. Ни разу не прерываясь, Эйнар Грейде, чью голову на этот раз украшали четыре косички, подробно показал ей, с какой хирургической точностью сделан разрез, идущий от горла Эльзы Халлин до грудины. Она позволила ему распинаться столько, сколько он считал нужным, объясняя, как преступник

не затронул аорту, чтобы жертва как можно дольше оставалась в живых. Лилья даже позволила ему продемонстрировать, как преступник вытащил язык и тот свесился жертве на грудь.

И только когда он замолчал, все рассказав, она бросила свою бомбу:

– Эйнар, я пришла сюда не ради Эльзы Халлин.

– Да? – Грейде стал похож на хорошо дрессированную собаку, которая только что показала свой лучший трюк и все равно не получила конфетку.

– Я знаю, что когда жертву заставляют страдать как можно больше и дольше, это впечатляет. И я знаю, что ты раньше никогда не видел ничего подобного, как, впрочем, и я. Но я сюда пришла не поэтому.

– Тогда зачем?

– Камилла Линд*е*н.

– А кто это такая, черт возьми? – теперь Эйнар больше напоминал недовольную дворняжку.

– Она погибла вчера в аварии на трассе E6, и мы подозреваем, что за этим стоит наш преступник.

– И она училась в том же классе?

Лилья кивнула, и Грейде принялся теребить одну из своих косичек, что делал лишь тогда, когда жизнь оборачивалась против него. Сейчас ей никак нельзя на него давить. Малейшая попытка ускорить процесс будет иметь противоположный эффект. Он зароет голову в песок и откажется даже пальцем пошевелить.

Через две минуты произошло то, чего она ожидала. Притворно усталый вздох, сопровождаемый сдержанным кивком. Через секунду Грейде вышел из комнаты, и Лилье пришлось почти бежать по длинному подземному коридору, чтобы не отстать от него.

– Должно быть, ее взял Арне, а ты знаешь его девиз, – прошипел Грейде, словно выплюнул комок.

– Нет, я…

– «Зачем все усложнять без нужды», – он изобразил пальцами кавычки. – Но в его случае на самом деле это означает: «Зачем вообще выполнять свою работу?»

– Эйнар, сейчас мы не уверены, что это так. Не исключено, что это просто авария.

Грейде покачал головой.

– Нет, все сходится. Арне не первый раз допускает ошибку. Он уходит в отпуск только на следующей неделе, но еще две недели назад от него не было никакого толку. Я обычно проверяю после него его тела, но в этот раз я…

– Был очень занят колумбийским галстуком.

Грейде посмотрел на нее, остановился у входа в морг и прокатил свой пропуск. Войдя внутрь, Лилья сразу пошла к рядам холодильников, а Грейде стал искать копию отчета о вскрытии.

– Вот он: Ля-ля-ля-ля… «Сильный удар по голове, слева сзади…» Ля-ля-ля-ля… «Перелом задней черепной кости, кровотечения между мозговыми оболочками, отек мозга, мозговые кровоизлияния, явные признаки повышенного внутричерепного давления…» Хм…

– Пропало дело? – спросила Лилья и выдвинула ящик с именем Камиллы Линд*е*н, написанным буквами с завитушками.

– Нет, но это стандартный формуляр 1А. Если ты попал в такую тяжелую аварию и тебе повезло не превратиться в котлету, ты, вероятно, так ударился головой, что умираешь от мозгового кровоизлияния. Этот отчет можно написать, даже не осматривая тело, и он все равно будет верным в восьми из десяти случаев. Проблема в том, что здесь больше ничего нет. – Грейде держал отчет в воздухе между большим и указательными пальцами, словно даже не хотел брать его щипцами.

Лилья откинула простыню, которая прикрывала голое тело.

– Ни одного описания индивидуальных особенностей трупа, – продолжил Грейде. – Ни одного собственного соображения или рассуждения. Ни одного наблюдения, кроме очевидных.

– Ты думаешь, он ее не осматривал?

– Я не думаю, я знаю.

Он выпустил отчет из рук, и тот упал на пол, как мусор. Затем обогнул стол и встал рядом с Лильей.

Закрытые глаза и лицо свидетельствовали о целом ряде сильных ударов и толчков. Грейде надел резиновые перчатки, перевернул застывшее тело на бок и заглянул жертве под голову, где под светлыми волосами находилась глубокая рана в кольце свернувшейся крови. Он опустил тело, вздохнул и опять принялся теребить одну из косичек.

Еще не задав вопроса, Лилья о нем пожалела, но он выскочил сам, словно мышь из дверной щели:

– Ты нашел то, что пропустил Арне?

Грейде оставил косичку в покое и посмотрел на нее так, словно ее следовало расстрелять на рассвете следующего дня, после чего положил руку на закрытые глаза Камиллы и поднял ей веки.

И левый, и правый глаз выглядели так, будто кто-то потушил о них сигарету.

76

– В половине седьмого я пойду на занятие по боксу, так что давайте проведем эту встречу как можно быстрее и эффективнее, – произнес Хенрик Хаммерстен и сел за свой письменный стол.

Дуня кивнула и опустилась в одно из кресел для посетителей рядом со Слейзнером. Она тоже больше всего хотела поскорее все закончить, чтобы продолжить расследование и пообщаться со шведами.

– Дуня, мы встретились по вашей инициативе. Поэтому предлагаю вам начать.

– Это так, – она откашлялась. В горле пересохло. – Я обратилась к вам, потому что считаю, что последние события в частной жизни Кима перевешивали все остальное и мешали ему руководить отделом так, чтобы следствие продвигалось вперед.

Хаммерстен кивнул и перевел глаза на Слейзнера.

– Ким? Что скажешь? У Дуни есть основания для критики?

Слейзнер кивнул.

– Безусловно. Последние сутки были, мягко говоря, турбулентными. Мою личную жизнь вывернули наизнанку и выставили на всеобщее обозрение. Моя жена ушла от меня и забрала с собой нашу дочь. В конечном итоге у меня осталась только моя работа, и я собираюсь сделать все, чтобы выполнять ее как можно лучше. Кстати, мы давно не играли. Какой у тебя сегодня гандикап?

– 18,7.

– Вау. Ты, наверное, много тренировался.

Никто так не умеет лизать задницу, как Слейзнер, подумала Дуня. Количество говна значения не имеет. Пока это может ему помочь, он будет лизать. Хаммерстен кивнул и посмотрел на Дуню.

– Ну, вы как? По-прежнему стоите на своем?

Дуня задумалась и хотела было кивнуть, но покачала головой. Ей хотелось только закончить и приступить к работе.

– Правильно ли я понимаю, что вы берете свою критику назад?

– Во всяком случае, пока я смогу сосредоточиться на своей работе.

– А вы сможете? Или как?

– Надеюсь.

Хаммерстен повернулся к Слейзнеру.

– А ты, Ким? Что ты думаешь? Тебе есть, что добавить, или мы все

выяснили?

Слейзнеру следовало бы кивнуть. Следовало бы понять, что ее молчание – золото, и что самое правильное – опустить занавес. Избавить Хаммерстена от продолжения спектакля. Но нет. Вместо этого он заерзал и поднял руку в знак того, чтобы Хаммерстен и Дуня задержались.

– К сожалению, должен сказать, что мое доверие к Дуне упало до нуля.

– Вот как? Как так получилось?

– Возможно, она сама в состоянии ответить, поскольку я тоже этого не понимаю. Я всегда считал ее прекрасным полицейским и не ставлю под сомнение, что для моего отдела она настоящий клад. Но, к сожалению, я больше не могу на нее полагаться, а если ты не можешь полагаться на своих сотрудников, это нехорошо. Это мое твердое убеждение.

– А почему ты не можешь на нее полагаться?

Она знала это. Она чувствовала это и слышала предупредительные звоночки, и все же угодила прямо в западню.

Слейзнер вздохнул.

– Не знаю, с чего начать. Во-первых, в большой степени именно Дуня стоит за всей этой историей. Это она организовала проверку моего мобильного, и когда оказалось, что я находился рядом с Лилле Истедгаде, позвонила в «Экстра Бладет», что я не назвал бы *сосредоточиться на своей работе*.

Ей захотелось встать. Возразить и перекричать его. Но в этом не было никакого смысла. Все это ударит по ней рикошетом и сделает еще более жалкой в их глазах.

– Кроме того, – продолжил Слейзнер. – Что касается самой работы, она много раз действовала за моей спиной и наперекор моим приказаниям. Она не только подделала мою подпись, но и отправила важные вещественные доказательства в Швецию до того, как наши собственные криминалисты успели их осмотреть. И в довершение всего она попыталась скрыть тот факт, что у нас есть фото преступника. Принимая все это во внимание, я считаю невозможным оставлять Дуню в моем отделе.

– Дуня, это правда, что ты подделала подпись Кима?

Дуня кивнула.

– Но чем ты руководствовалась?

– Интересами следствия, поскольку Ким сделал все, чтобы препятствовать шведам в их расследовании.

Она увидела, что Хаммерстен не слушает. Можно заменить эти слова какими угодно другими. Он уже принял решение.

– А то, что ты проверяла его мобильный, это тоже правда?

Дуня опять кивнула.

– Но не по той причине, как думает Ким. Я сделала это, чтобы проверить…

– Достаточно, – Хаммерстен поднял руку и посмотрел на свои наручные часы. – Дуня, мне жаль. Я всегда считал вас потрясающим полицейским, но, честно говоря, я не понимаю, что вы делаете, и не вижу никакого другого выхода, кроме как придерживаться линии Кима.

Он повернулся к Слейзнеру, который с довольным видом положил заполненную бумагу на стол.

– Вот твое заявление об увольнении. Ты получишь зарплату за три месяца. Тебе нужно только поставить подпись. Лучше свою собственную.

– А что дальше?

– Я слышал, что сейчас набирают людей в полицию на Фарерских островах.

Дуня быстро написала свое имя там, где стояла галочка, и вышла из кабинета.

77

Астрид Тувессон беспрерывно думала о том, почему Ингела Плухгед зашла так далеко и прыгнула с башни Чернан. Вопросов было так много, что они теснили друг друга. Это ее вина? Она слишком сильно на нее давила? И действительно ли она жертва преступника? Или прав Риск, и за этим стоит кто-то другой? Из-за всех этих вопросов ей словно было еще важнее выяснить, что произошло на самом деле.

Она заранее поискала на Гугл-картах дома, расположенные достаточно далеко друг от друга, чтобы преступник мог спокойно сделать Ингеле Плугхед операцию, и в то же время не так далеко от железной дороги, чтобы стук колес мог застрять у нее в подсознании. Пока что она успела побывать в десяти местах из запланированных двадцати семи.

Помимо трех жилых помещений, которые можно сразу вычеркнуть из списка, это были офисы и мастерские, причем большинство из них стояли закрытыми на период отпусков. Поэтому ей пришлось несколько раз перелезать через забор, заглядывать в окна и рыться в мусорных баках. Результатом стали грязные ногти, плохо пахнущая одежда и зуд в волосах. Муландер прав. Пока она заглядывает в грязные окна, закрытые на лето, преступник, скорее всего, планирует или совершает еще более изощренное убийство.

Она свернула на улицу Гамла Раусвеген и взяла влево. Узкая дорога петляла между плотными посадками, встречная машина практически исключалась. Она припарковалась, подошла к закрытой калитке и заглянула на участок. Судя по Гуглу, на участке располагались несколько прудов и отдельно стоящие дома различной величины. Но Тувессон не могла понять, жилые ли это дома или какая-то фирма.

Что бы это ни было, у нее возникло именно то ощущение, которого она ждала: *сюда, но не дальше. Спасибо, но нет*. Забор был обнесен колючей проволокой, а на запертой калитке висела табличка «Посторонним вход запрещен». Она вернулась к машине, села за руль, припарковалась максимально близко к калитке, взобралась на крышу машины и перепрыгнула через забор, стараясь приземлиться как можно мягче, чтобы не сместить шейку бедра.

Слева от покрытой гравием дорожки, которая шла прямо, находилось три пруда величиной с бассейны, а справа – пруд, по размеру как все три вместе взятые. Как маленькое озеро. Рядом с дорожкой прямо на земле

лежала брошенная рыбацкая лодка, и тут и там валялись старые удочки, сачки и блесны. Тувессон насчитала пять различных построек и решила начать с самого дальнего дома по другую сторону трех маленьких прудов. Именно этот дом привлек ее внимание на компьютере. Он находился прямо на границе участка и всего лишь в тридцати метрах от железной дороги. Подойдя к дому, она увидела, что это барак площадью примерно двадцать квадратов.

«Молот войны» – гласила белая эмалированная вывеска на зеленой двери. Не такое выгоревшее, как дверь, зеленое обрамление вывески и несколько старых просверленных дырок говорили о том, что ее недавно поменяли. Вероятно, тогда же, когда врезали новые сверкающие замки. Тувессон надела перчатку и потрогала дверную ручку, чтобы убедиться, что дверь заперта.

Потом она зашла за угол дома, посветила карманным фонариком под подвесным фундаментом и увидела, что в доме есть ванная, кухня и даже водопровод. С задней стороны под окном стоял ржавый старый мопед, прислоненный к стене. Она взобралась на него, встала на сиденье и заглянула внутрь.

Занавески были задернуты, но через щель между ними было все видно. Прямо под окном на чем-то типа верстака лежала пара прозрачных резиновых перчаток, несколько банок и бутылок, а также стандартный набор инструментов.

Среди них выделялся только скальпель.

Зазвонил мобильный.

– Да, это я.

– Говорит Утес. Думаю, тебе лучше всего приехать сюда.

– Что-то случилось?

– Случилось? Можно и так сказать. Иначе бы я не звонил. Мне удалось связаться с восемью одноклассниками.

– Кто-нибудь знает, как его зовут?

– Нет, но, по крайней мере, все задействованы и ищут свои школьные каталоги.

– И сколько еще осталось?

– Пять. Если не считать Риска. Ими занимается Лилья. Да, она попросила Косу снова осмотреть Камиллу Линден. Сначала она попала к этому Арне.

– Да? И? – она сама слышала свой раздраженный тон, но не стала притворяться.

Она действительно раздражена. Если с ней что-то случится, ее место

займет Утес. В принципе, в этом нет ничего плохого. Утес обладает компетенцией и опытом. Он все делает тщательно и методично, и нет такой задачи, с которой он бы не справился. Или за которую бы не взялся, в чем и заключается проблема. Как никто, Утес склонен цепляться за незначительные детали, которые отнимают время не только у него, но и у других.

– Утес, у меня нет времени. Что Арне на этот раз пропустил?

– Ее глаза. Как я понял, они полностью сожжены.

– Что значит сожжены?

– Ну, не знаю. Сожжены.

– Огнем или чем?

– Я не знаю и думаю, что на данный момент и Коса не знает. Суть в том, что, вероятно, само столкновение произошло потому, что она ослепла.

– Это она любила смотреть, как издеваются над Клаесом?

– Да.

– Значит, она получила травму глаз не в результате столкновения?

– Ответ: да.

Тувессон не знала, что и думать. Это состояние возникало у нее все чаще в ходе расследования. Если Камилла Линден, садясь за руль, еще не была слепой, то преступник ослепил ее – выжег ей глаза – когда она вела машину, сам при этом сумев избежать аварии. Чем больше она об этом думала, тем больше терялась в догадках, и тем более сверхъестественным и непостижимым представлялся ей преступник.

– Что еще?

– Если у тебя есть время.

– Нет, но продолжай.

– Камилла Линден – единственный опекун двух детей трех и пяти лет.

– Детей? Но никаких детей в машине не было?

– Именно.

– А где они были?

– Я тоже не мог понять и спросил в их детском саду. Заведующая сказала, что бывший муж Камиллы, Бьерн Йерц, забрал их за полчаса до аварии.

– Ты связался с ним?

– Его номер отключен, и он живет в Стревельсторпе всего лишь в нескольких километрах от места аварии. Я послал туда двух полицейских в форме, так что посмотрим, что они скажут.

– Хорошо. Что еще?

– У тебя есть время?

Тувессон закрыла глаза и изо всех сил постаралась не взорваться.

– Астрид? Ты здесь?

– Да.

– Датчане наконец перегнали «Пежо». Им уже занимается Ингвар, и насколько я понял, он не собирается заканчивать, пока что-нибудь не найдет.

– Хорошо. Будем надеяться, что найдет.

– А у тебя как?

– Точно не знаю, но думаю, я нашла место, где Ингеле Плугхед вырезали матку.

– Думаешь?

– Мы не можем быть уверены, пока не войдем внутрь, а для этого нам надо получить разрешение у Хегсель. Если там что-то есть, оно должно быть приобщено к делу.

– Разумеется. Но тогда рассчитываю скоро тебя увидеть. Нам надо поговорить.

– А разве мы не говорим? – Она услышала тяжелый вздох на другом конце.

– Нам надо поговорить о том, как поступить со всеми одноклассниками, а это не телефонный разговор. К тому же, я думаю, что Ирен тоже должна присутствовать.

– Я же сказала, что запрошу в Мальме, могут ли они…

– Астрид, я считаю, что мы не можем ждать Мальме. Когда мы говорим с этими людьми, они задают вопросы, а нам нечего ответить, хотя мы знаем, что они в опасности. Вопрос не если, а когда он нанесет удар и по кому. Не знаю, как ты, но у меня есть предчувствие, что…

Словно из ниоткуда раздался оглушительный грохот, который обрушился прямо на Тувессон. Она потеряла равновесие и упала с мопеда, но не успела она коснуться земли, как поезд уже проехал, и опять наступила тишина. Она поднесла мобильный к уху.

– Але? Утес?

Разговор прервался.

78

У дома Лины Польссон уже стояло несколько машин, поэтому Фабиану пришлось проехать дальше и припарковаться через два дома на той же улице. Он сделал последнюю попытку дозвониться, но опять услышал сообщение, что у номера отсутствует абонент. В справочной ему объяснили, что, вероятно, она перешла на тайный номер.

Ему очень не хотелось приходить без предупреждения, но сейчас у него не было выбора. Он протиснулся между машинами к дому и позвонил в дверь. Ему открыл тщательно причесанный и одетый в костюм человек, который явно перебрал с лосьоном для бритья.

– Открыто, входите. Только не забудьте надеть. – Мужчина протянул ему синие бахилы. – Если что-то нужно, зовите.

Фабиан ничего не успел сказать, как мужчина исчез. Значит, Лина занимается продажей дома. В этом нет ничего удивительного. Это ее шанс пойти дальше. Он не мог сказать, что осуждает ее.

Сам бы он ни за что не выжил в доме восьмидесятых годов в Эдокре. От одного посещения ему уже делалось плохо. Он никогда не мог понять, какой смысл жить на природе и одновременно тесниться в коттеджном поселке домов-клонов.

В связи со смертью Йоргена Лине наверняка выплатили какую-нибудь страховку, и если они не брали слишком большие кредиты, она может начать новую жизнь без распускающего руки мужа. Она поэтому поменяла номер на тайный, или это попытка скрыться от преступника?

Фабиан надел бахилы и отыскал риелтора.

– Извините, но мне вообще-то нужна Лина Польссон. Она где-то поблизости?

Риелтор с удивлением посмотрел на него.

– Вы здесь первый раз?

– Нет…

– О’кей, значит, я не заметил вас в среду. Нехорошо с моей стороны. Меня зовут Эд Перссон.

Они пожали друг другу руки.

– Фабиан Риск. Но я не…

– Риск. Если судить по фамилии, нас ждет заманчивое предложение. Однако не надо забывать об осторожности. В наше время не знаешь, как поведут себя процентные ставки, – риелтор похлопал Фабиана по плечу и

сунул ему в руки проспект.

– Я пришел не для того, чтобы смотреть дом. Я хотел бы встретиться с Линой Польссон, – Фабиан отдал проспект обратно.

– Ну, дело вот в чем. У нас с Линой двустороннее соглашение. Это означает, что она не может ничего делать на стороне, даже если захочет. Все предложения будут идти через меня и никак иначе. Ясно?

– Понятно. Дом меня совершенно не интересует. Мне только нужен новый номер ее мобильного.

– Чем могу вам помочь? – оставив Фабиана, риелтор переключил внимание на пару средних лет.

– Да, этот дом построен на опорной плите в начале 80-х годов. Как обстоят дела с балками? В нашем доме нам пришлось…

– Все это можно прочесть в протоколе осмотра. Но уже сейчас могу сказать, что эти балки никогда не вели себя лучше. Или вы чувствуете запах плесени?

Пара обменялась взглядами.

– Я, во всяком случае, нет, – продолжил риелтор. – И уверяю вас, с моим нюхом я бы мог работать в таможне в Стурупе.

Фабиан втиснулся между риелтором и парой:

– Извините, но в протоколе осмотра, кажется, написано, что здесь жила первая жертва убийцы одноклассников? По-моему, его звали Йорген Польссон.

– Он жил здесь? – переспросила женщина.

Риелтор тут же отвел Фабиана в сторону и сунул ему в руку записку.

79

Если бы Ингвар Муландер оценивал свои дни, этот день с легкостью попал бы в топ худших-дней-в-его-жизни. Если бы вообще не вышел на первое место, затмив тот день, когда фирма «Ljusne Kätting» обанкротилась и он потерял все свои сбережения.

Он получил и осмотрел две машины. Две машины, в которых должно быть много следов и зацепок. Но пока ничего не обнаружил.

По нулям.

Сначала «БМВ». В принципе, Лилья сообщила, что водителю выжгли глаза и это могло стать причиной столкновения. Но по-прежнему отсутствовало объяснение, *как* выжгли. То же самое с «Пежо». Он осмотрел все и сверх того, а нашел лишь намек на след. Учитывая, как рисковал преступник, чтобы получить машину обратно, в ней должно находиться нечто большее, чем след от навигатора Фабиана. В ней должен находиться криптонит. Что-то такое разрушительное, что могло уничтожить весь его план, если машина попадет в руки полиции.

Муландеру осталось проверить только одну маленькую вещь. Одну-единственную маленькую деталь, которую он оставил напоследок. Но поскольку это была очевидная глупость, он на самом деле не верил в нее. Они имели дело с преступником-интеллектуалом, почти суперинтеллектуалом. И оставлять такой след было бы ниже его достоинства и слишком маловероятно. Но он, Муландер, сделает это только по одной причине. Для порядка. Поставит галочку. Проверит. Чтобы потом никто не мог подвергнуть сомнению его работу и раскритиковать его за то, что он не сделал все и немного больше.

Он сел на водительское сиденье и принялся посыпать руль и приборную доску белым порошком.

– Как дела? – это была Тувессон.

– Ни к черту. Даже нет сил говорить об этом.

– И не надо говорить. Можем вместо этого обсудить мой день.

Муландер посмотрел на Тувессон.

– Что-нибудь нашла?

Тувессон кивнула:

– Во всяком случае, я так думаю. Но не надо беспокоиться. Обещаю не использовать это против тебя.

– Против меня?

Тувессон ответила с улыбкой.

– Разве не ты был на сто процентов уверен, что я ничего не найду и что это пустая трата времени?

Муландер вышел из машины и выпрямил спину.

– Астрид, что ты такое нашла?

– Если мои подозрения подтвердятся, – место, где оперировали Ингелу Плухгед. Это огороженное, уединенное место всего лишь в двадцати-двадцати пяти метрах от железной дороги. Я сама потеряла равновесие от чистого ужаса, когда мимо промчался поезд. Такое чувство, что лежишь на рельсах, и я уверена, что Плугхед отреагировала именно на это.

Муландер задумался и почесал щетину – доказательство того, что последние сутки он работал нон-стоп.

– Какой адрес?

– Улица Гамла Раусвеген. По-настоящему милое местечко с несколькими маленькими прудиками.

– Мне кажется, я знаю, где это. Я сам был там несколько лет назад.

– Ты? А что ты там делал?

– Рыбачил. Они разводили рыбу, всевозможные сорта, и можно было поехать туда и посидеть с удочкой. Надо было только сгрести их сачком. Не совсем равная борьба. Но с другой стороны, что такое равная борьба?

Они замолчали, и Тувессон посмотрела в сторону разбитой «БМВ».

– Я слышала, что она ослепла.

Муландер кивнул.

– У тебя есть какое-то предположение, как это могло произойти?

– Пока нет. В машине не было никого, кто бы мог это сделать, и я с трудом представляю, что там находился преступник.

– Это означает воздействие извне. Так ведь?

– Я уже сказал, что пока понятия не имею. Но вернемся к улице Гамла Раусвеген. Тебе удалось попасть внутрь и что-то разглядеть?

– Только через окно. Я не хотела заходить без разрешения Хегсель.

– Ну, тогда нам придется подождать до начала недели.

– А вот и нет. – Тувессон показал подписанный ордер на обыск.

Муландер вырвал бумагу у нее из рук и стал читать.

– Вот это да.

– Дело первостепенной важности. Полиция Мальме предложила прислать сюда своих криминалистов, но я никого не хочу, кроме тебя. Если ты в силах.

Муландер расплылся в усталой улыбке.

– Последние сутки я почти не спал, и еще несколько часов никакой

роли не сыграют. Мне осталось сделать здесь только одну вещь, и я заеду туда по дороге домой.

Тувессон обняла его, и обескураженный Муландер, не зная, как реагировать, предпочел просто стоять столбом.

– Спасибо, Ингвар. Что бы я без тебя делала?

– Не знаю. Но если ты меня сейчас не отпустишь, мне придется заявлять о сексуальном домогательстве.

Тувессон зашипела, как кошка, и двинулась к двери, подчеркнуто виляя бедрами. Муландер сел на водительское сиденье «Пежо» и опять принялся посыпать порошком все места, где могли остаться отпечатки пальцев.

Большинство криминалистов использовали золотистый или серебристый порошок и прозрачную желатиновую фольгу. Муландер предпочитал старый добрый белый порошок и черную фольгу, хотя в результате получался негатив, который надо было сфотографировать, чтобы получить позитив. Но зато отпечатки были видны сразу.

Он не нашел отпечатков ни на руле, ни на приборной доске. Был только след от полотенца из микрофибры. Следы он обнаружил на рычаге открывания крышки бензобака, вокруг бардачка, на противосолнечном козырьке и на кнопках стеклоподъемника. Преступник стирал следы в спешке и пропустил менее очевидные места. Но пульс Муландера участился не от этого. Это было нечто совсем другое, и чтобы исключить малейшее сомнение, ему придется изучить отпечатки под микроскопом.

Он снял защитный слой с куска желатиновой фольги, которую срезал с угла, чтобы легче видеть, где верх, а где низ, положил фольгу на отпечаток, нажал на воздушные пузырьки и осторожно высвободил фольгу. После чего вернул на место защитный слой, и отпечаток был снят. Спустя девяносто восемь минут и двадцать два снятых отпечатка, едва не заработав позвоночную грыжу, он вышел из машины.

За свои почти двадцать лет работы криминалистом Муландер успел проанализировать целый ряд отпечатков и так натренировал глаз, что сразу видел, о каком пальце какой руки – левой или правой – идет речь, и принадлежат ли отпечатки одному человеку или разным людям. Как в этом случае. Разным.

Двум разным.

Микроскоп подтвердил его подозрения. Двадцать отпечатков принадлежали Руне Шмекелю. Два оставшихся отпечатка, большого и указательного пальцев правой руки, с наибольшей вероятностью одного и того же человека, принадлежали кому-то другому.

Является ли это достаточным основанием для того, чтобы преступник пошел на такой большой риск? Ради двух отпечатков пальцев, которые в худшем случае могли установить его связь с машиной. Могло ли это действительно послужить обоснованным мотивом для убийства невинной девушки и полицейского? Привязка к машине не то же самое, что привязка к убийствам в Швеции. Мотив здесь другой, вот в чем дело. Разгадка проста.

Преступник уже есть в реестре.

Он уже попал туда по какой-то причине, что вместе с отпечатками пальцев равнозначно опознанию.

Муландер положил снятые отпечатки в папку, которую в свою очередь положил в обычное место, и написал мейл Лилье, где просил ее проверить отпечатки по реестру.

У него самого было еще очень много других дел.

80

Фабиан Риск свернул с улицы Тегатан на улицу Фростгатан и, сделав еще несколько поворотов, быстро проехал через торговый центр. Затем, еще больше увеличив скорость, выехал на трассу E4, ведущую на юг. Номер, который дал ему риелтор, оказался правильным. Лина Польссон взяла трубку, и он поймал себя на том, что это его удивило. А чего он ждал? Что за убийствами стоит Лина, которая ушла в подполье?

На его вопрос, почему она сменила номер, Лина ответила, что у нее не было выбора. После смерти Йоргена газеты атаковали ее круглые сутки, настаивая на интервью или комментариях по поводу случившегося, хотя она ясно дала понять, что этого не будет. Она рассказала, что переехала в район Норра Хамнен и с большим удовольствием примет его, как только у него будет время и желание. Он ответил, что у него сейчас есть время, и, хотя было понятно, что он застиг ее врасплох, она разрешила ему приехать.

Ему не давала покоя мысль, что тут что-то не так. Сперва она держалась строго и замкнуто, а уже в следующую секунду сменила тон и стала даже излишне гостеприимной. Словно сидела и ждала, когда он объявится и попросит ее о помощи. Она сменила и адрес, и телефон. Может быть, только он один знал, где она находится, и ехал прямо в западню? А не позвонить ли ему Тувессон и остальным и все рассказать?

Но это не Лина. Он ведь знал, что это мальчик, стоящий за Клаесом. Или это вовсе не он? Он поэтому совершенно его не помнит? Не был ли мальчик на фото на самом деле еще одним ложным следом, а само фото отретушировано? Могло ли так быть? Возможно, кто-то поменял его школьный альбом на другой? Кто-то из грузчиков?

Мысли Фабиана кружились бесконтрольно, как свободные электроны, и только когда он ехал по улице Хельсубаккен, ему удалось привести голову в порядок с помощью композиции «Disconnect the Dots» группы «Of Montreal». Он решил, что его бредовые теории можно списать на нехватку сна.

Припарковавшись за городским театром, он пошел наискось мимо старого кинотеатра «Sandrews», где в возрасте двенадцати лет ему удалось пробраться на Хэллоуин; после сеанса ему пришлось просить киномеханика позвонить его маме, чтобы она пришла за ним.

Он перешел улицу Роскиллегатан и обрадовался, обнаружив кондитерскую «Kafferepet» на прежнем месте. В этих кварталах не так

много изменилось, как в тех, что ближе к проливу. Район, некогда считавшийся задворками города, – промышленная зона со шпалами, обшарпанными складскими помещениями и ржавыми элеваторами – за годы его пребывания в ссылке превратился в очаровательную гавань для малых судов с прогулочной набережной, ресторанами и кафе.

Домофон был с камерой, и Фабиан постарался придать себе расслабленный вид. Дверь в подъезд запищала, и он вошел. Дверь в квартиру была открыта, и на лестничной клетке пахло только что сваренным кофе. Он прокричал приветствие. Ответа не последовало, и он наступил на полиэтиленовую пленку, покрывавшую пол в прихожей, закрыл за собой дверь и пошел по шуршащему полиэтилену в большую пустую гостиную свободной планировки, объединенную с кухней.

В кофеварке на кухне булькала черная отрава, и балконная дверь была открыта нараспашку. Фабиан вышел на балкон и посмотрел на пролив, по которому оживленно курсировали теплоходы. Ему пришло в голову, что, сколько на них ни любуйся, все равно не налюбуешься. Совсем не то, что автомобили. Он прикинул в уме, сколько могла стоить такая квартира, и пришел к выводу, что стоимость одного только вида наверняка перевалила за миллион.

– Вот ты где.

Фабиан немного поспешно обернулся.

– Ой, извини. Я тебя напугала?

Лина поставила поднос с чашками и полным кофейником. Фабиан достал из пакета плетеный пирог и положил его сверху.

– Мм… кондитерская «Kafferepet»?

Фабиан кивнул.

– Какой потрясающий вид.

– Спасибо. С тех пор как построили этот квартал, я мечтала сюда переехать. Но Йорген отказывался расставаться с Эдокрой. «Только через мой труп», обычно говорил он. – Она налила кофе. – Молоко?

– Да, спасибо. – Фабиан попробовал кофе – очень хороший для кофе из кофеварки. – Лина, как ты? Расскажи как есть.

Она села и перевела взгляд на пролив.

– Честно говоря, я давно уже не чувствовала себя так хорошо.

– Знаешь, преступник все еще на свободе, и многое говорит о том, что он…

– Да, но я никогда не участвовала в издевательствах. Я никогда не подзуживала, как Павла, и не стояла и не смотрела, как Камилла.

– Но Лина, мы больше не считаем, что мотив…

– Фаббе, – прервала его Лина и повернулась к Фабиану. – Для меня смерть Йоргена – самое лучшее, что могло произойти. Я не имею в виду те страдания, которым он подвергся. Но главное – что он исчез из моей жизни. Ты не представляешь, в каком аду я жила. Словно я впервые, не знаю, с каких пор, могу дышать. Я так долго жила в страхе, что больше не могу. Понимаешь? У меня больше нет сил бояться.

Фабиан кивнул.

– Почему ты не ушла от него?

Лина засмеялась.

– От такого мужчины, как Йорген Польссон, просто так не уйдешь, – она покачала головой, словно это была чья-то другая история, а не ее. – Тебе нужна моя помощь.

Фабиан достал школьный альбом и свои фотографии.

– Я думаю, что знаю, кто это.

Она посмотрела на него с таким видом, будто совсем не ожидала услышать от него эти слова. Он открыл фото девятого класса и показал на волосы Клаеса.

– Ты видишь, что кто-то стоит за Клаесом?

Лина взяла альбом и стала внимательно рассматривать.

– Точно… Но боже, кто это?

Фабиан пожал плечами.

– Я надеялся, что ты мне поможешь. У тебя случайно нет альбома? Лучше бы более младших классов.

Лина вздохнула и покачала головой.

– К сожалению, у меня ничего нет. Йорген все сжег.

– Сжег?

Лина кивнула.

– Это было страшно давно, где-то в начале девяностых. Они с Гленном отсутствовали целый вечер и большую часть ночи. Я помню, потому что позвонила Анки и спросила, знаю ли я, где они. Как обычно, я понятия не имела, но наверняка они творили что-то мерзкое, потому что, когда он пришел домой, я слышала, как он пьет и швыряет вещи с книжной полки. Я уже легла и боялась встать, этого никогда не следовало делать, когда он находился в таком состоянии. Но на следующее утро я увидела, что он сжег все, что связано со школой. Фото и аттестаты, учебники и альбомы. Все исчезло и превратилось в золу.

– А ты знаешь почему?

Лина покачала головой.

– Я всегда боялась спрашивать. – Она вернулась к альбому. –

Получается, он все время был здесь.

– Более того: я обнаружил его только вчера поздно вечером, и думаю, больше никто из класса этого не сделал. Похоже, даже те, кто составляли альбом, его не заметили.

– Откуда ты знаешь?

– Здесь нет имени. Все с именами, а он без. Посмотри сама.

– Я тебе верю. И ты уверен в том, что это он?

Фабиан кивнул.

– Мне нужно только имя, и ты должна мне помочь.

– Не понимаю, как я могу тебе помочь? Я понятия не имела, что у нас был еще один одноклассник. Ты правда в этом уверен? – Она взяла чашку и попыталась сделать глоток, хотя у нее дрожали руки.

– Лина, его шкафчик был справа от твоего.

– Что? Откуда ты знаешь…

– Мы знаем, какой у него был шкафчик. Смотри сюда.

Он раскрыл альбом и показал на фото, где Лина стоит спиной к объективу и кладет книги в свой шкафчик. Лина посмотрела на фото, а потом на другие снимки на развороте, которые изображали ее в различных ракурсах. Судя по снимкам, она более или менее отдавала себе отчет в том, что ее фотографируют.

– Это ты сделал все эти снимки?

Фабиан кивнул.

– И знай: ты первая и, надеюсь, последняя, кто их видит.

Она встретилась с ним глазами.

– Не знаю, что и сказать. Фабиан, мне жаль.

– Не надо жалеть. В свое время ради тебя я был готов на все. Но это время прошло. Теперь я счастлив в браке, и у меня нет никаких…

– Я не об этом, – прервала его Лина. – Просто я понятия не имею, чей это был шкафчик. Во всяком случае, с этим парнем я никогда не разговаривала. Он действительно учился в нашем классе?

Фабиан кивнул.

– Хорошо. Но, к сожалению, я его совершенно не помню.

– Ты уверена? Ты действительно на сто процентов уверена?

Лина кивнула, и Фабиан почувствовал, как из него уходит энергия. Хотя он не ждал, что Лина выпалит имя, как только он переступит порог, он надеялся, что она что-то вспомнит, и что в лучшем случае эти воспоминания приведут к тому, что она назовет имя. Но ничего такого не произошло. Память Лины была так же пуста, как и его собственная.

– Можно я еще посмотрю?

Фабиан разрешил, и Лина открыла еще один разворот со своими пожелтевшими изображениями.

– Точно. Это я никогда не забуду.

Она показала на снимок, где юная Лина готовилась ударить по теннисному мячу плоской битой. Рядом стоял Йорген с круглой битой.

– Что?

– Разве ты не помнишь? Йорген страшно рассердился. Он всегда хотел, чтобы я била круглой битой, но я могла попасть только плоской, и именно в тот раз у меня было прекрасное попадание. Мяч улетел далеко-далеко. Не спрашивай, как это получилось, но все дошли до финиша, а я даже успела сделать двойной оборот.

– Значит, это было тогда, – сказал Фабиан, который совершенно не помнил тот случай.

Лина кивнула и зацепилась взглядом за фото, где она со скучающим видом сидела за партой.

– Да, эти уроки немецкого. Боже, как я их ненавидела. Больше всех остальных. Aus, außer, bei, mit[41]… Как там дальше?

– Nach, seit, von, zu[42].

– Точно. Немецкий был твоим коньком.

– Разве? Это было скорее…

– Не отнекивайся. Я все помню – как ты сидел на самой первой парте, тянул руку и все время подлизывался.

– Я не подлизывался, а интересовался. Я правда считал, что это здорово.

– Немецкий? Здорово? Ты шутишь?

– Nein, ich schämten nicht! Für mich war Deutch immer viel immer viel spaß! Immer! Immer![43]

Лина рассмеялась.

– Как там его звали?

– Кого?

– Учителя немецкого?

– Хельмут какой-то, так ведь?

– Точно, Хельмут… Круль…

– Или нет, подожди. Кроппен… Кроппенгейм. Точно. Вспомнил! Хельмут Кроппенгейм, – у Фабиана было такое чувство, будто он только что выиграл затянувшийся раунд викторины.

Но от Лины он не услышал ни аплодисментов, ни криков «ура». Она смотрела прямо на залив.

– Да, действительно…

– Что?

– Как было тесно у шкафчиков. Помнишь?

Фабиан кивнул. Он прекрасно помнил, как было тесно, и как часто приходилось ждать, чтобы подойти к ним. Но он не хотел ничего говорить. Он понимал, что происходит, и ни за что на свете не хотел рисковать и помешать ей сосредоточиться. Именно ради этого он и пришел сюда.

– Несколько раз я случайно наталкивалась на него, поскольку даже не понимала, что он стоит сзади. «Ой, я тебя не заметила. Извини». И делала в точности то же самое после следующего урока. Боже, как ужасно, если задуматься, – Лина покачала головой, продолжая смотреть в пустоту.

Наступившая тишина длилась не больше нескольких минут. Но Фабиану они показались вечностью, и он стал искать в голове, что сказать, чтобы она очнулась.

– Да, именно… Он ведь всегда сидел рядом с Клаесом? – вдруг спросила она и повернулась к Фабиану. – Так ведь? С ним же все равно никто не хотел сидеть.

Фабиан кивнул, хотя сам он помнил только, что Клаес всегда обычно садился как можно ближе к учительскому столу. Он понятия не имел, кто сидел рядом. Но Лина была совершенно права. Это мог быть только он.

– Подожди, теперь я вспоминаю. Торгни… Вроде, его звали так, – продолжала она, повернувшись к нему. – Торгни Сёльмедаль.

Фабиан повторил про себя имя и понял, что оно не первый раз фигурирует в расследовании.

81

Прижав мобильный к уху, Утес раздавал одинаковые гамбургеры с картофелем фри и колой Лилье и Тувессон, которые сидели тихо и пытались разобрать его бормотания.

Они были одни в уличном кафе с грилем на улице Рундгонген, в двух шагах от полицейского участка. Утес предложил выйти на улицу. После обнаружения камеры в Седеросене он ни при каких обстоятельствах не хотел рисковать – преступник мог подслушивать их разговор.

– Хорошо. В любом случае выйду на связь. Пока.

Утес положил мобильный в нагрудный карман и откусил довольно большой кусок гамбургера. Тувессон и Лилья терпеливо ждали, пока он прожует и проглотит, но он сразу же откусил еще кусок.

– Может быть, ты расскажешь нам, что они сообщили? – начала Тувессон.

Утес кивнул и показал на свои энергично работающие челюсти.

– Извини, страшно хотел есть. Во всяком случае, дети у Бьерна Йертца.

– Славу богу!

– Да, это хорошо. Только из детского сада их забирал не он, – произнес Утес, откусив еще кусок.

Тувессон и Лилье оставалось только переждать.

– О’кей, значит, дети у него, но забрал их не он, вопреки тому, что утверждают в детском саду? – уточнила Лилья.

Утес кивнул и начал говорить, хотя еще не прожевал до конца.

– Вот что я думаю: поскольку папа не является опекуном детей, он, вероятно, никогда не был в детском саду, а если и был, то максимум пару раз, поэтому преступник без труда мог выдать себя за папу. Напомните мне завтра, чтобы я послал фото папы в детский сад.

Тувессон и Лилья переглянулись.

– А как дети попали к своему отцу?

– В этом-то все и дело, – Утес набил рот картофелем фри. – Их привез наш парень.

– Что? Преступник? Он там был?

Утес кивнул.

– Сначала явно поднялся переполох. Папа ведь понятия не имел о том, что к нему привезут детей и кто их привезет.

– Но что он сказал?

– Преступник представился как папа другого ребенка из того же детского сада и сказал, что решил привезти детей из-за аварии на трассе E6.

– Не понимаю, зачем он потратил массу времени на то, чтобы забрать и привезти детей жертвы, – сказала Тувессон.

– Или почему мама ехала в северном направлении по трассе E6 вместо того, чтобы ехать в детский сад? – спросила Лилья.

– Она была в детском саду. Но детей там не было, и ей сказали абсолютно то же самое, что и нам: папа уже забрал детей, – объяснил Утес. – Значит, он, вероятно, знал, что она поедет за ними в Стревельсторп.

– Значит, он следил за ней от детского сада, – заключила Лилья.

– Хотя это по-прежнему не объясняет, как ему удалось выжечь ей глаза, – заметила Тувессон. Они замолчали и вернулись к еде, которая уже успела остыть и стала еще более невкусной, если такое вообще возможно. Съев половину гамбургера, Тувессон отодвинула от себя бумажную тарелку. – Давайте поговорим о другом. Сколько одноклассников вы обзвонили?

– Я восемь, – ответил Утес.

– А я четырех, – отозвалась Лилья.

– Таким образом, мы связались со всеми, кроме одного.

– Если не считать Риска.

– Он не считается. До кого вы не сумели дозвониться?

– До Сета Корхедена, – сказала Лилья.

– Точно, он в паломническом туре, – произнес Утес. – Он вроде бы прилетает в Каструп сегодня вечером?

Лилья кивнула и допила колу.

– И никто не помнит, что в классе был еще один ученик? – спросила Тувессон.

Утес покачал головой.

– Двое моих, Стефан Мунте и Анника Нильссон, сказали, что они смутно помнят, что был еще кто-то, – ответила Лилья.

– Что же ты раньше молчала? Ты знаешь, как его зовут?

– К сожалению, нет.

Тувессон вздохнула и почувствовала, что у нее пропадает желание. Желание крутить-вертеть каждую зацепку, рассуждать и предполагать, пытаться увидеть взаимосвязь, которая не видна никому другому и, может быть, вообще не существует. И это все, чтобы схватить преступника, которого никто не помнит, но скоро никто не сможет забыть.

– Но Астрид, мы не можем просто так сдаться, – сказал Утес.

– Естественно, мы не сдадимся. Об этом и речи нет! – Краем глаза она увидела, что Лилья и Утес переглянулись. – Вопрос только в том, как нам двигаться дальше?

– Если позволите, я считаю, что наша обязанность – предложить всем какую-нибудь форму защиты. Ясно, что они в опасности, и мы несем за них ответственность, – сказал Утес.

Тувессон кивнула.

– А сколько человек сейчас находится за границей?

– Из моих четверо, но двое завтра прилетают.

– Из моих только паломник, но он скоро будет здесь, – сказала Лилья.

– Кто-нибудь проводит отпуск в Швеции?

– Нет, но Кристин Вингокер снимает со своей семьей дом в Люсечиле.

– Тогда у нас одиннадцать человек. Кто-нибудь переехал из Сконе? Например, дальше, чем на четыреста километров.

– Лотта Тинг, она живет в Осло, – сказала Лилья.

Утес покачал головой.

– Десять человек. Нужно двадцать человек, которые постоянно будут находиться на местах. Если считать по сменам, то нам потребуется минимум пятьдесят, – подсчитала Тувессон. – А сколько мы можем наскрести? Пять? Сами видите.

– Тогда Мальме? – предложил Утес. – Ты так и не говорила с ними?

– Говорила, но они могут выделить максимум десять человек, что вообще-то больше, чем я ожидала. К тому же только с понедельника.

Утес издал протяжный недовольный вздох.

– Не имеет значения. Мы просто не можем позволить ему продолжать брать одного за другим. Так не пойдет. А он будет это продолжать, и именно сейчас… именно сейчас у него, черт возьми, развязаны руки.

Тувессон ничего не оставалось, как согласиться.

– А что, если мы их соберем? – предложила Лилья. – Что, если собрать их в одном месте. Тогда хватит наших пятерых ребят. Что скажете?

Утес кивнул, а Тувессон пожала плечами.

– И где ты предлагаешь это сделать?

– Не знаю. Может быть, в гостинице? У кого-то дома или где угодно.

– Я знаю где! – вскричал Утес. Тувессон и Лилья повернулись к нему. У него был такой вид, словно он только что разгадал кроссворд. – Как я раньше не додумался. Вот только пойдут ли они на это…

– Утес, *где*? – спросила Тувессон, но было поздно.

Он уже откусил большой кусок от ее гамбургера.

82

Фабиан Риск запер машину, быстро перешел дорогу и почувствовал, что пульс у него зашкаливает. Все-таки в конце туннеля показался свет. Как он и надеялся, Лина Польссон вспомнила имя преступника. Остальное пусть делают его коллеги. А зная имя, Торгни Сёльмедаль, не представляет никакого труда узнать адрес.

Было уже начало десятого, когда он отпер замок и открыл дверь таунхауса на улице Польшегатан, 17. В доме было тихо. Мэрилин Мэнсон не обрушился на него лавиной. Смеет ли он надеяться, что Теодор, в конце концов, устал сидеть взаперти в своей комнате и бить себе по ушам? Или просто соседка приходила к нему жаловаться?

Кухня выглядела точно так же, как тогда, когда он уходил из дома сегодня вечером; значит, Теодор ничего не ел несколько часов. Наверное, так поглощен компьютерной игрой «Call of Duty», что нет времени ощутить голод. Фабиан не мог понять, как от компьютерных игр молодежь толстеет. Все должно быть наоборот. Он крикнул, что он дома, но ему никто не ответил. Тогда он взял мобильный и послал смс.

«Привет, Тео, я уже дома. Ты где? Предлагаю через полчаса пойти покутить в ресторан Pålsjö krog. Папа».

Осталось всего полчаса. Потом он начнет свой отпуск с того, что позвонит Соне и Матильде и попросит их сесть на ближайший поезд. После этого вытащит Теодора из его комнаты и познакомит с его новым родным городом. Теплым летним вечером самое лучшее – спуститься по холмам в лес и прогуляться до ресторана.

Он открыл компьютер и ввел логин. Тут ему на мобильный пришел ответ от Теодора:

«Дома. Все еще пишу код в наушниках, но Pålsjö krog это заманчиво. У них есть бургеры?»

Фабиан засмеялся.

«Наверняка есть. Но боюсь, они раз в сто круче, чем в кафе Donken».

«Класс»

Как только компьютер связался с внешним миром, Фабиан зашел на справочный сайт «Eniro» и в поисковой строке ввел «Торгни Сёльмедаль». Как он и ожидал, нашелся только один человек с таким именем, и он проживал в Хельсингборге по адресу: Моталагатан, 24, район Хусенше. А вот в Гугле, наоборот, нашлось 879 результатов, что удивило Фабиана,

который ожидал найти только одну ссылку на «Eniro».

Сверху шла подводка к ссылке акционерного общества: «Sömedals Tekniska AB – Изобретаем, конструируем и строим – Для нас нет технически неразрешимых проблем!»

Ясно, что у него есть техническая изобретательская фирма. Что еще у него может быть, подумал Фабиан, кликнул на «Контакты» и записал адрес: улица Фрейагатан, 2. Им придется разделиться на две группы и посетить оба адреса одновременно.

Он вернулся к поиску и стал просматривать результаты. Большинство касалось различных патентов на все, начиная от мелких деталей машин и кончая электронными системами управления. Через несколько страниц он нашел ссылку «Читать еще о Т. Сёльмедале», что вывело его обратно на фирму Сёльмедаля, где он прочел:

> *Торгни Сёльмедаль родился в Экебю 12 августа 1966 года. Он выше поверхности земли на 185 см и отягощает земную кору меньше, чем на 73 кг. Он одинаково владеет правой и левой рукой, и его IQ равен 131 и выше в зависимости от теста. С детских лет, когда ему на Рождество подарили конструктор Мекано, он любит технические конструкции. В 1986 году он основал фирму «Sömedals Tekniska AB» под девизом: «Неразрешимых проблем не существует», в результате чего получил несколько различных патентов и экономическую независимость. Несмотря на это, он продолжает руководить своей фирмой. «Потому что это здорово», – как говорит сам Торгни Сёльмедаль.*

«Потому что это здорово», повторил про себя Фабиан, не зная, смеяться ему или плакать. Листая дальше, он нашел ссылку на статью, вызвавшую у него интерес. В ней говорилось о том, как хирург Руне Шмекель забыл две пары пластмассовых зажимов во время операции простаты. «Пациент Торгни Сёльмедаль в настоящее время не собирается подавать в суд». Может быть, поэтому он выбрал Клаеса Мельвика в качестве своей главной жертвы? Сначала Клаес в школе отвлекал все внимание на себя, а потом вот это.

Мысли Фабиана прервал странный шум с верхнего этажа. Шум все усиливался, и стало казаться, будто кто-то говорит в мегафон. Через несколько минут раздались свистки и аплодисменты публики, и за секунду до того как грянули ударные и отдаленные гитары, он понял, что это опять Мэрилин Мэнсон. Причем на полную громкость.

I am so all-American[44]

Часы показывали тринадцать минут десятого. Не слишком поздно, но учитывая, что соседка уже, пусть и в мягкой форме, выразила свое недовольство, а Мэрилин наверняка горланит весь день, на сегодня хватит, подумал Фабиан и направился вверх по лестнице.

Fuck it! Fuck it! Fuck it![45]

На верхнем этаже громкость зашкаливала и была почти на грани выносимого. Он не понимал, как Теодор может находиться в одной комнате с динамиками. Поэтому он сидит в наушниках? Дверь была приоткрыта, и Фабиан собрался ее распахнуть, как у него в кармане завибрировал мобильный. Звонила Соня. Она, конечно, интересовалась, как идут дела. Он несколько раз порывался ей позвонить, но никак не получалось. Быстро сбежав вниз по лестнице, он вышел на террасу, чтобы оказаться как можно дальше от музыки, и ответил:

– Привет, любимая.

– Ты так долго не отвечал. Я не вовремя?

– Нет, ничего страшного.

– Просто хотела узнать, как ты.

– Даже не знаю. Я чувствую себя так, как заслуживаю, – ответил Фабиан и понял, что за последние часы у него не было времени подумать о своих ожогах.

– Ты еще в больнице?

– Нет, только что вернулся домой. Соня, я…

– Вот как. Значит, ты видел Тео. Ничего, что он был один?

– Ну… Думаю, да. Пока что мы только обменивались смс. Но, во всяком случае, на них он отвечает, а стерео он включил на такую громкость, что уши…

– Фабиан, я с ней виделась.

– Что? Как? С кем?

– С Нивой Экеньельм. Мы сегодня вместе пили кофе. Лисен взяла детей, так что мы успели о многом поговорить.

Фабиан не знал, что сказать.

– Она все рассказала. Вплоть до мельчайших деталей. Я хочу, чтобы ты это знал.

Она не отступила, подумал Фабиан. Она не может оставить его и его семью в покое. И только потому, что он попросил ее об услуге? Интересно, что она сказала на самом деле. Как далеко на это раз зашли ее живое воображение и бесплодные мечтания. Ему хотелось все опровергнуть.

Сказать, как Нива наверняка все преувеличила, чтобы вбить между ними клин. Но он сдержался, понимая, что это не играет никакой роли. Битва давно проиграна.

– О’кей. Тебе стало легче?

– Не знаю. Может быть.

– Хочешь что-то обсудить?

– Нет.

Фабиан ждал, что жена скажет что-то еще, но она молчала. Она явно ждала его реакции.

– Я люблю тебя. Знай: я тебя люблю.

– Позвони мне, когда закончишь свои дела, и передай Тео, что он должен отвечать на звонки.

– Но любимая, ты уже можешь заказывать би…

Раздался щелчок. Он со вздохом положил мобильный в карман и вошел.

I’d rape the raper![46]

Когда он поднимался вверх по лестнице, в нем все сильнее зрело чувство, которое зародилось у него с тех пор, как он вошел в дом. И когда он снова оказался у двери Теодора, чувство переросло в уверенность: что-то не так. Чудовищно не так. Он нажал на дверь и ворвался в комнату.

I am the idiot who will not be himself![47]

Он стал жать на кнопки усилителя, но грохот никак не прекращался.

Fuck it! Fuck it! Fuck it![48]

В конце концов, он вырвал весь усилитель с проводами и всем прочим и бросил на пол. Наступила тишина, но она не принесла никакого удовлетворения. Зная, что это бесполезно, он заглянул под кровать, за занавески и в гардероб. Но Теодора в комнате не было.

Он не ждал никакого ответа и, тем не менее, стал звать сына, снова и снова, как можно громче. Слова иссякли. Он продолжал выть, пока не кончились силы, и рухнул на край кровати, пытаясь собраться с мыслями. Это невозможно. Ему хотелось только заплакать и отдаться панике. Словно в глубине души он не знал, что все потеряно. По его вине.

Фабиан закрыл глаза и попытался заставить себя дышать глубже и медленнее. Через несколько минут он смог открыть глаза и осмотреться. Был ли Теодор в комнате, когда он заходил домой этим вечером? Тогда на него обрушилась та же музыка. Тот же диск с адским шумом. Последний раз они виделись, когда ходили в кино и ездили в Данию. Это было во вторник. Сегодня пятница. С момента последнего разговора прошло трое

суток.

Соня приставала к нему и просила звонить, что он и делал. Но никакого ответа не получал, кроме смс. И этим довольствовался. Ни разу не услышав голос сына и не имея возможности убедиться в том, что все хорошо, он этим довольствовался.

Он мог думать только о расследовании.

Он положил голову на руки. Как бы он хотел, чтобы оказалось, что Теодор просто сбежал из дома. Вполне понятный поступок. Сам он, возможно, поступил бы точно так же. Но сын не сбежал, в этом Фабиан был уверен. Он нисколько не сомневался, что произошло что-то другое, и гораздо худшее.

Он поднялся и стал искать в комнате зацепки. Большинство вещей лежало в коробках. Кроме кое-какой одежды, по-настоящему распакованными были только компьютер и стерео. На письменном столе лежал ежедневник, который он никогда раньше не видел. Ежедневник был обмотан шнурком, за который была воткнута ручка. Он вытащил ручку, развязал шнурок и открыл блокнот.

> Этот дневник принадлежит:
> Теодору Нильсу Риску
> Если ты не вышеуказанный, и у тебя нет разрешения от вышеуказанного, немедленно закрой книгу

Неужели его сын вел дневник? Он начал листать и читать отдельные отрывки.

> Пишу в тебе первый раз, хотя мама подарила мне тебя на позапрошлое Рождество и сказала, что надо записывать, чтобы не забыть, что я и делаю…

> Пытался понюхать, пахну ли я. Думаю, что нет. Но я урод, и знаю это. Жутко уродливый… Ненавижу школу. Ненавижу!.. слышал, как они искали и кричали, что я гомик… ударили меня в живот и сказали, что я сам виноват… Плюнули мне в лицо… как же я их ненавижу. Они ни черта не понимают… они взяли мою шапку и написали в нее, а потом заставили меня снова ее надеть…

> …ненавижу самого себя… хотел дать сдачи, но не смог… в

клетке, как будто спал, хотя он не спал. Воткнул иголку ему в спину, и сначала он заскулил и попытался вырваться… Чертовски здорово!.. подошел к одному из них и ударил его в лицо спрятанным под варежкой кастетом… повалил на землю и стал бить его головой об асфальт… Это был лучший момент в моей жизни. С тех пор, как я впервые побывал в Леголанде…

7 июля. Уже неделя, как мы переехали в эту вонючую дыру. Папашина идиотская затея. Все будет чертовски прекрасно и замечательно. Как бы не так. Он мастер давать обещания… как бесконечный ад… Сижу тут один и ненавижу… Пишу код… Папаша взял меня на жуткий фильм и попытался поговорить. Какая тоска… Так и хочется кому-то врезать. Просто выйти и…

На этом текст обрывался, и последняя буква не была толком дописана. Как будто его оборвали посреди мысли. Фабиан не знал, что и думать. Да, для него не было секретом, что Теодору приходится в школе несладко и он часто ссорится с одноклассниками. Но чтобы так! Это что-то совершенно другое. А Соня знает? Он пролистал еще страницу, чтобы убедиться, что больше ничего нет.

Если когда-нибудь захочешь увидеть своего бездарного сыночка, предлагаю тебе надеть кепку, которая лежит на картонной коробке слева, и следовать моим инструкциям / Ч.Н.

Фабиан не мог дышать. В глубине души он знал это с тех пор, как вошел в комнату, но сейчас получил доказательство. Голова шла кругом, и чтобы не потерять равновесие, ему пришлось опять сесть на край кровати. Он был здесь. Он был в его доме и забрал его сына. Преступник полностью изменил схему. До этого он охотился за одноклассниками. Но не за их детьми. Это что-то новое. Он достал мобильный и написал Теодору смс:

«Спускайся вниз. Мы выходим. Бургер ждет».

У него так сильно дрожали руки, что пришлось отложить мобильный, пока он ждал ответа. Телефон пискнул гораздо раньше, чем он думал.

«Попытка засчитана, но лучше слушаться моих советов».

Фабиан понял, что у него нет выбора, и огляделся. Черная кепка, повернутая к нему козырьком, действительно лежала на одной из коробок слева от письменного стола. Он хорошо знал эту кепку – нажатием кнопки на козырьке зажигались пять световых диодов. Он сам подумывал купить

такую, когда был в магазине хозтоваров, но потом выбросил это из головы, когда мысленно услышал насмешливый голос Сони.

Он поднял кепку и увидел, что средний диод заменили мини-камерой. Он засомневался, обдумал альтернативные решения, пришел к выводу, что альтернатив у него нет, и надел кепку на голову. Она идеально подошла, словно ее уже подогнали под него. Пришла новая смс.

«Введи логин: http://89.162.38.99:8099/cam12 пароль: sNarisLut»

Фабиан набрал адрес в мобильном браузере и открыл ссылку.

На дисплее возникло расплывчатое изображение, сделанное камерой, находящейся в тесном помещении, где на спине со связанными руками лежал Теодор. Кровавые раны на руках и ладонях свидетельствовали о том, что он пытался высвободиться. Сын поднял голову и пристально посмотрел прямо в объектив. В глазах стоял кромешный ужас. Было видно, что он кричит изо всех сил.

– Тео, ты где? Скажи только, где ты, и я приду и заберу тебя! – закричал Фабиан в трубку.

– Он тебя все равно не слышит.

– Ты слышишь меня?

– Никто не знает, на сколько хватит кислорода. Но совершенно ясно, что он кончится. Может быть, завтра? Может быть, на следующей неделе или через два часа?

– Зачем сюда впутывать моего сына? Какое он имеет к этому отношение? Возьми лучше меня!

– Ты должен выполнить задание, если хочешь снова увидеть его живым.

Фабиан посмотрел на мобильный. Адрес по-прежнему значился в адресной строке, и ему оставалось только ввести пароль. Но вместо изображения веб-камеры он увидел сообщение: Неверный пароль! Неавторизованный вход отклонен. Он сделал новую попытку, но опять увидел то же сообщение.

– Бери свою машину, поезжай в полицию и припаркуйся так, чтобы тебя никто не обнаружил.

Фабиан даже не успел задуматься над тем, что его ждет, как раздалось:

– Тик-так, тик-так…

83

– На данный момент мы точно знаем одно: это состоится завтра, в субботу, в десять часов, но уже появились самые разные домыслы по поводу того, о чем будут говорить. Ваш комментарий? – спросил один полосатый галстук другого.

– Да, это, безусловно, самая последняя соломинка. Учитывая, что выяснилось вчера, Киму Слейзнеру следовало бы сразу созвать пресс-конференцию. Но вместо этого он дает эксклюзивное интервью «Экстра Бладет», что отнюдь недостаточно для того, чтобы восстановить доверие. Поэтому завтрашняя пресс-конференция ему совершенно необходима.

Дуня Хоугор не была ни капельки удивлена. Все, что касалось Слейзнера, ее больше не удивляло. После его последнего хода из нее словно вытекла вся энергия. Она взяла пульт и переключила с галстуков на молодую Джулию Робертс, стоящую на Голливудском бульваре у красного «Феррари» вместе со своей подружкой-проституткой. «And remember, don’t mouth off. They don’t like that»[49]. Эту сцену из фильма «Красотка» она видела минимум сто раз, так, что, судя по всему, этот фильм показывали по телевизору гораздо чаще остальных.

Сама того не желая, она переключила обратно.

– И, по-твоему, о чем будет идти речь?

– Вероятно, он объявит о своем уходе и попытается сделать вид, что это его собственный выбор.

– Означает ли это, что его на самом деле уволили?

– Да, вероятно. Но люди с опытом и компетенцией Слейзнера всегда востребованы. Поговаривают даже о том, что он может стать нашим следующим министром юстиции. Так что кто знает, что он припас.

– А если на пресс-конференции не будут говорить о его уходе?

– Тогда он должен предъявить что-то конкретное по расследованию. Что показывало бы, что расследование продвигается и что он по-прежнему сила, с которой считаются в полицейском ведомстве.

– Но это маловероятно?

– Да.

Дуня выключила телевизор, вытащила батарейки из пульта и отшвырнула их, чтобы не поддаться искушению вставить их снова. Она точно знала, о чем пойдет речь на маленькой пресс-конференции Слейзнера.

Фото преступника.

Ее фото.

Он будет бить себя в грудь и проводить мысль о том, как хорошо работал отдел под его руководством. Что дело скоро будет раскрыто, а преступник схвачен. Не шведами, а датчанами.

Как будто Ким мать его Слейзнер хоть сколько-нибудь радел о деле.

Все это просто игра. Спектакль с целью отвлечь внимание от его личных скандалов. Согласовать свои действия со шведами и посмотреть, к чему они пришли, прежде чем бить в литавры, не для него. Эта пресс-конференция посвящена ему самому и никому другому. И плевать на все.

И глазом не моргнув, он солгал ей прямо в лицо и пожертвовал и ею, и ее работой. Еще не успели высохнуть чернила на ее заявлении об уходе, как он отобрал у нее ключи, бейджик, пропуск и служебное оружие. Дал ей две минуты собрать личные вещи в ящик и все время, как ястреб, маячил у нее за спиной.

Точно так же, как Фабиана Риска, ее выбросили за дверь, и так же, как и он, она не отступит. Она ни за что не отойдет в сторону и будет идти дальше, пока дело не перестанет быть открытой гнойной раной.

Дуня не знала, какие последствия будет иметь завтрашний спектакль Слейзнера. Но предполагала худшее. Преступник, вероятно, уйдет в подполье, и его будет почти невозможно найти. Чем дольше он пребывает в неведении относительно того, сколько известно полиции, тем лучше. Это увеличивает шансы, что он, в конечном итоге, потеряет бдительность, начнет халтурить и допустит роковую ошибку.

Необходимо что-то предпринять. Она не может помешать Слейзнеру обнародовать фото, но может сделать так, что шведы получат его раньше. Она взяла свой мобильный и нашла номер Фабиана Риска. Послышались гудки, но никто не ответил. Было только двадцать минут десятого. Не слишком рано, но и не слишком поздно для звонка. Она сделала новую попытку, оставив на этот раз короткое сообщение. Что у нее есть одна вещь, на которую ему следует посмотреть, и что она едет в Швецию, чтобы показать ее.

Поскольку существовал риск, что кто-то еще прослушивает его автоответчик, она не сказала, что это. Она не собиралась говорить, что поедет в Швецию. Еще меньше она собиралась ехать. Но подумав, решила, что оно того стоит. Конечно, у нее есть его мейл, но, как и с автоответчиком, она не была уверена, что только Риск имеет доступ к своей почте.

Дуня открыла компьютер и кликнула на электронную почту, чтобы

увидеть фото. Но почта со всеми ее мейлами не открылась, и ее попросили ввести пароль. Она напечатала «Shawarmapaj55» – пароль, который использовала в слишком многих местах и который надо было сменить, как только у нее будет время.

На дисплее появилась надпись на английском:

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПАРОЛЬ.

Она попробовала еще раз.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПАРОЛЬ.

Неужели этот подонок приказал сменить ей пароль?

– Реннинг слушает…

– Ты сменил пароль на моем мейле?

– Привет, красотка. Послушай, я сейчас немножко занят, – зашептал он. – У меня люди, и мы только что закончили есть суши, и…

– Микаэль, какого черта, – прервала его Дуня. – Это важно. Это ты сменил пароль?

Она услышала, как он вздохнул. На заднем плане слышался саундтрек к фильму «Титаник».

– Я слышал, ты уволилась.

– Слизняк не оставил мне выбора, а сейчас я должна войти в мою почту.

Раздался новый вздох.

– Он пришел ко мне, как только ты ушла, и приказал мне сменить пароль. Чисто юридически эти мейлы не твои.

– Микаэль, мне очень важно получить доступ к одному из моих писем именно сейчас. Не позже. Сейчас. Понятно?

– Почему?

– Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Ты должен просто-напросто положиться на меня. Тебе только надо дать мне новый пароль.

– Сорри, но так не пойдет. Наверняка именно в эту секунду Слейзнер просматривает твою входящую почту. Завтра у него пресс-конференция. И он сразу же увидит, что в почту пытаются войти с другого адреса IP, и как только до него дойдет, что это твоя почта, он поймет, что я тебе помог.

Он прав. Проклятие.

– Но… У меня было чувство, что ты позвонишь, и я сделал копию всего твоего компьютера до того, как Слейзнер вцепился в него зубами. Я могу поместить копию в Dropbox.

– Прекрасно. Лучше всего прямо сейчас.

– Похоже, мы пришли к консенсусу.

Через двадцать пять минут Дуня смогла перекинуть фото преступника

на флэшку, а еще через пятнадцать почистила высохшие картриджи и распечатала фото. Спустя десять секунд она вышла из квартиры на улице Блогордсгаде и поспешила на станцию метро «Неррепорт».

84

– СИЗО? – переспросила Тувессон.

– А почему бы и нет? Только на выходные, – сказал Утес. – Он же охраняется, и нам не надо ждать, пока Мальме выделит людей. В понедельник посмотрим, есть ли более подходящее решение.

Они поели около киоска гриль и пошли направо по улице Рундгонген; на другой стороне дороги виднелись СИЗО и полиция. Тувессон еще не определилась, нравится ли ей эта идея. Ей надо привыкнуть к мысли. Взять оставшихся одноклассников и предложить им защиту в виде пребывания под замком в СИЗО, без сомнения, решение радикальное и более чем спорное. Но, может быть, это все же не такая плохая идея.

– Честно говоря, это ясно как день. Других альтернатив у нас нет, – произнес Утес, будто читал ее мысли.

– Ты понимаешь, сколько грязи на нас за это выльют?

– Никакого сравнения с тем, сколько грязи на нас выльют, если мы ничего *не* сделаем и просто позволим ему продолжать брать одного за другим.

Утес был прав. Все говорило о том, что преступник может в любой момент опять нанести удар и не собирается останавливаться, пока не уничтожит весь класс. В пользу идеи говорило время. Если они начнут сейчас, и все пойдет гладко, они успеют собрать всех за ночь. Против идеи была сама идея.

– Слушайте, а разве Риск не уехал на машине домой? – спросила Лилья, показав на машину Риска, припаркованную рядом с полицией.

– Очевидно, нет, – отозвался Утес. – Он ведь еще не в состоянии водить?

– О’кей, давайте так и сделаем, – вмешалась Тувессон. – Мы заберем их на выходные. Но чтобы план сработал, мы должны вести себя как можно тише и ставить в известность только тех, кому нельзя не знать. Ни при каких обстоятельствах не должно быть утечки – это основа всего.

Его сын со связанными руками и ногами лежит в каком-то помещении, тесном, как гроб, и дышит кислородом, который в любой момент может кончиться. Если уже не кончился? Образ запертого Теодора впечатался в сознание Фабиана, и он все время думал о том, что пережил его сын. Не только за эти последние сутки, но и за все годы в школе. Как это все могло

полностью пройти мимо него? Неужели он действительно до такой степени был занят самим собой? А Соня? Если бы она знала, она бы рассказала. Или?..

Фабиан вспомнил, как один раз жена забеспокоилась по поводу Теодора, когда тот пришел домой с двумя сломанными ребрами и сотрясением мозга. Тогда Фабиан посчитал, что она преувеличивает. Он считал вполне нормальным, что ребята возраста Тео дерутся. Бахвальствовал, как сам сломал ребро, сильно кашляя во время простуды.

Но Соня не сдалась. У нее состоялся очень подробный разговор с классным руководителем, и она ходила в школу, чтобы получить представление о том, каково там их сыну. Как оказалось, все шло нормально. Точно так, как он сам и Теодор все время говорили. В конечном итоге она успокоилась и согласилась, что преувеличивала.

Как же он ошибался.

Страшно ошибался.

Теперь ему предъявлен счет, и его ждет расплата. Он заплатит, сколько бы это ни стоило. Какое бы задание ему ни дали, он собирается его выполнить. Если еще есть возможность спасти Теодора, он готов пойти на все. Ни расследование, ни его собственная жизнь не играли больше никакой роли. Если окажется, что поздно, тогда… Не должно быть поздно.

Он до запятой последовал всем указаниям, сел в машину и самым коротким путем поехал в полицию, где припарковался в стороне от других машин, все время не снимая кепку. Преступник, или Торгни Сёльмедаль, как теперь знал Фабиан, мог видеть то, что он видел, и слышать, что он слышать. Но обратная связь шла через смс. Ему позвонила датская женщина-полицейский, но ему запретили брать трубку.

Когда он вошел в фойе с ночным освещением, никого из его коллег не было. Никакого Флориана Нильссона за стойкой ресепшена. Он просто прокатил свой пропуск через считывающее устройство, набрал код и вошел. Ему надо было попасть в лабораторию Ингвара Муландера. Он никогда там не был, но понял, что она находится где-то на нижнем этаже. Он спросил, что ему делать, если там окажется Муландер, и ответ не заставил себя ждать.

– Разобраться с ним.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И. МУЛАНДЕР было написано на табличке рядом с закрытой дверью. Фабиан положил руку в карман пиджака, проверил, на месте ли табельное оружие, открыл дверь и вошел. Помещение с потолком и стенами из бетона походило на большой гараж, где находилось несколько освещенных островков – рабочих станций.

Муландера здесь не было.

– Встань в центр, повернись кругом. Медленно.

Фабиан сделал так, как ему велели, и в ту же секунду понял, что преступник тоже не знает, что ищет. Это-то он и должен выяснить. Ясно только одно: он подозревает, что Муландер что-то нашел.

– Возьми тряпку и подойди к «Пежо».

Фабиан не сводил взгляда с разбитой серебристо-серой «БМВ», и только сейчас обратил внимание на то, что и «Пежо» находится здесь. Значит, к датчанам наконец вернулся разум и они перегнали машину сюда. Он подошел к машине и на ветровом стекле прочел написанную от руки записку.

Ингвару Муландеру. Фабиан Риск очень хорошо о тебе отзывался, а поскольку здесь ничего не происходит, надеюсь, вы найдете что-нибудь важное. С наилучшими пожеланиями. Дуня Хоугор, отдел убийств полиции Копенгагена.

Получается, за всем этим стоят датчане. Как только все это закончится и он выкарабкается, он свяжется с ней и поблагодарит ее. Нельзя недооценивать хорошие контакты по другую сторону пролива.

– Сядь на водительское сиденье и осмотрись.

Фабиан открыл дверь со стороны водительского сиденья, сел за руль и просканировал интерьер машины кепкой. В разных местах – на приборной доске, вокруг бардачка и на рычаге переключения передач – были наклеены маленькие кусочки скотча со стрелочками и номерами. Эти маркировки означали, что Муландер нашел отпечатки пальцев и снял их. Поэтому машина представляла такую важность?

– Сними маркировки и вытри дочиста.

Фабиан снял кусочки скотча и принялся протирать приборную доску. Время от времени он получал указания протереть еще более тщательно или повернуть камеру под другим углом. Через двадцать две минуты он смог выйти из машины.

– Достань отпечатки.

– К сожалению, я понятия не имею, где они.

– Ищи.

Сейчас где-то между девятью и десятью, может быть, между половиной и без четверти десять, подумала Астрид Тувессон, хотя на самом деле ей было все равно. Какой бы час ни был, она не могла

избавиться от чувства, что они на шаг отстают. Что все каким-то непостижимым образом рассчитано и предопределено. Но Утес прав. Не предложить оставшимся одноклассникам временное защищенное проживание было бы крайне безответственно.

Она легла на спину на диван, задернула шторы и погасила все лампы, которые только можно было погасить. Но, к сожалению, полная темнота, на которую она надеялась, не наступила. Этому эффективно препятствовали штук пятнадцать мигающих диодов. Она не могла понять, почему производители электронных товаров по-прежнему упорно насаждают их повсюду, и решила, что, возможно, они в детстве начитались научной фантастики.

Она поговорила с Рагнаром Пальмом, ответственным за СИЗО, и объяснила ситуацию. Он мог предложить ей только две свободных камеры, которых максимум хватит для четырех из девяти. Общая камера подошла бы идеально, но, насколько она знала, таких в Швеции нет. Зато Пальм предложил ей отгородить часть общего помещения для заключенных. Туда без проблем можно поставить десять кроватей. К тому же у них будет доступ к телевизионной комнате, кухне и небольшой библиотеке, что поможет им не чувствовать себя в тюрьме.

Лилья и Утес вызвались обзвонить всех и проинформировать, и она воспользовалась возможностью отдохнуть. Что-то подсказывало ей, что это последний шанс. К сожалению, ее мысли отказывались взять паузу. Они словно нажимали на газ, когда она пыталась тормозить.

Мысли кружились вокруг Ингелы Плугхед. Хрупкая маленькая женщина, которая чувствовала себя далеко не лучшим образом и не хотела с ней ехать. Пыталась отказаться. Но она предпочла не слушать. Ни Ингелу Плухгед, ни врача. Вместо этого толкала Ингелу вперед, как только могла, и была уверена в том, что рядом с железной дорогой к той вернулась память. Звук поезда осветил ее подсознание. Осветил тьму сильным оранжевым светом.

Тувессон почувствовала, как начинает покрываться потом под солнцем. Как теплые лучи греют ее тело, а пульс бьется и колотится от всего оранжевого. Она любила тепло и никак не могла насладиться им вдоволь. Тридцать пять градусов, шезлонг и звук волн, бьющихся о берег на Ко Чанге. Лучше и быть не может. Как только у нее появятся средства, она закроет лавочку и навсегда оставит позади скандинавскую тьму. Она не знала, где состарится. Знала только, что если у нее будет хорошая еда и хороший климат, это не играет большой роли.

Но Стена ей никогда не удастся сдвинуть с места. Он словно хмурая

рыба-луна, которая отказывается от всего. Она сделала еще глоток прямо из бутылки, и ей стало трудно фокусировать взгляд. Но она видит, как он идет к ней. Проклятый черт… Имеет наглость требовать, чтобы она оставила бутылку. Бутылку ей дал кто надо. Она закричала, как сильно она его ненавидит, и швырнула бутылку, которая разбилась вдребезги о стену. Он подошел и попытался ее остановить, и она ударила его бутылкой и услышала, как бутылка разбилась, но все равно продолжала бить…

Сигнал мобильного, наконец, прорвался сквозь крепкий сон и заставил Тувессон понять, что она находится отнюдь не на пляже в Таиланде и не дома на кухне со Стеном, а лежит в офисе на диване.

– Ты так долго не подходила. Спала? – спросил Муландер на другом конце.

– Нет. Привет, Ингвар. Что-нибудь нашел?

– Кое-что. Но ничего, что представляет для нас интерес.

Тувессон села на диване.

– Уверен?

– Астрид…

– Да, но… Ты в том доме?

– Ты же сказала самый крайний слева от калитки? И на двери написано «Молот войны».

– Точно. Но я уверена, что видела скальпель.

– Ты его видела. Только он используется не для удаления маток, а для того, чтобы конструировать и модифицировать фигуры в игре Вархаммер[50].

– Вархаммер? А что это такое?

– Игра номер один у умников. Но у тебя две лишних груди и слишком маленький пенис, чтобы понять, а более подробное объяснение заставит мобильного оператора отказаться от своего безлимитного тарифа, так что мы обсудим это в другой раз.

– А ты осмотрел весь дом?

Она услышала тяжелый вздох на другом конце.

– Он не такой уж большой.

– Тогда другие. Другие дома?

– Ордер выписан только на обыск этого дома. Тебе придется снова говорить с Хегсель.

– Точно… Черт.

– Кстати, а Лилья успела проверить реестр?

– Что? Какой реестр?

Она услышала, как он опять вздохнул.

– Я нашел в машине отпечатки и послал ей мейл с просьбой проверить их по реестру.

– Думаю, она еще не успела прочесть свои мейлы. Мы кое-куда сходили, а теперь она с Утесом обзванивает…

– О’кей, но проконтролируй, чтобы она сразу же прочла почту. Сейчас пойду посплю несколько часов.

– Но подожди, что за отпечатки?

– В письме все написано. Спокойной ночи.

Раздался щелчок, и Тувессон посмотрела на мобильный. Ее удивило, что Муландер прервал разговор на полуслове. Она много раз сталкивалась с тем, что люди резко кладут трубку, но Муландер никогда так не делал. Она вышла из кабинета и пошла к Лилье. От сильных ламп дневного света в коридоре зажмурила глаза. Лилья сидела на матрасе в своей комнате и говорила по телефону.

– О’кей, хорошо… Сейчас я не могу ответить, но я перезвоню, как только узнаю больше. Главное, чтобы мы могли до тебя дозвониться по этому номеру. – Она положила трубку и посмотрела на Тувессон.

– До скольких ты дозвонилась?

Лилья подняла два пальца.

– Только до двух?

Лилья кивнула.

– Яфаар Умар и Сеселия Хольм не отвечают, и я как раз собиралась звонить Стефану Мунте. Но Никлас Бекстрем и Хелен Нахманссон уже все знают. Как дела у Утеса?

– Понятия не имею. Но я только что говорила с Муландером. Он послал тебе важный мейл.

Лилья посмотрела вопросительно, встала с матраса, подошла к заваленному письменному столу и включила компьютер.

> От: ingvar.molander@polisen.se
>
> Тема: Важное!
>
> Думаю, нашел в машине и взял отпечатки пальцев преступника. Также думаю, что он есть в реестре. Надо проверить сразу, а поскольку Туван отправляет меня на задание в Рамлесу, вся надежда на тебя. Отпечатки найдешь в обычном месте./И

– О’кей, лучше всего, если ты проверишь сразу, а я позвоню Стефану Мунте, – сказала Тувессон.

Лилья кивнула и натянула свои поношенные кеды Converse.

– Да, Сет Корхеден приземляется через двадцать минут, так что посмотрим, будет ли он и дальше упорно не включать мобильный. В таком случае он как минимум только через два часа доедет до своего домашнего телефона.

Тувессон кивнула.

– А как мы поступим с Сесилией и Яфааром?

– Давайте надеяться, что они просто в кино или где-то в этом роде.

– О’кей, подождем немного, и я попытаюсь еще раз.

– Да, и еще. Нахманссон интересовалась, ей приехать самой или за ней заедут.

– Думаю, мы с Утесом будем объезжать их каждый в своей машине. Я хочу, чтобы было как можно меньше посвященных.

Лилья кивнула и пошла к двери.

– Да, кстати. Туван. Вы меня так называете?

Лилья ухмыльнулась и вышла.

Фабиан проверил все ящики, какие только смог найти. Просмотрел весь старый архивный шкаф, набитый папками со старыми незаконченными делами. Он даже поискал в гардеробе с рабочей одеждой Муландера и в большом металлическом шкафу с техническим оборудованием. Но нигде не увидел ничего, что хотя бы отдаленно напоминало об отпечатках пальцев.

– Может быть, здесь их нет? Он мог забрать их домой, отдать кому-то или сделать с ними что угодно.

Зажужжал мобильный.

– Позвони ему. Скажи, что вам надо встретиться.

Фабиан лихорадочно искал в голове выход, но видел перед собой только массивные непроходимые отвесные стены. Надо встретиться с Муландером с глазу на глаз, другого пути нет. Он хотел было позвонить, как на дверную ручку нажали, и открылась дверь.

Он поискал глазами, куда бы ему спрятаться, но было поздно. Лилья уже вошла в комнату и заметила его.

– Фабиан? Какого черта ты тут делаешь?

Он не знал, что сказать, и промолчал.

– Мне показалось, что я видела твою машину на парковке. Разве ты не должен лежать дома и отдыхать?

– Я не смогу отдыхать, пока это расследование не закончится. Ты меня знаешь… Или нет, не знаешь. Но, во всяком случае, я такой.

Он засмеялся и попытался говорить расслабленным тоном. Но судя по выражению лица Лильи, она не купилась на его игру.

– Фабиан, расскажи. Что ты затеял?

Он почувствовал, как снова завибрировал мобильный.

– Муландер просил тебя внести отпечатки в реестр.

Он посмотрел Лилье в глаза и сделал несколько шагов в ее сторону.

– Звонил Муландер. Не спрашивай, почему он позвонил именно мне, понятия не имею. Может быть, подумал, что все остальные слишком заняты, и что я все равно не смогу просто так лежать и отдыхать. Не знаю, – он замолчал, поняв, что слишком много говорит.

Слова выскакивали в отчаянной попытке скрыть очевидное. Он ждал от Лильи какой-нибудь реакции, но ее не последовало. Она просто стояла и смотрела на него, а чтобы тишина не стала слишком давящей, ему ничего не оставалось, кроме как продолжить:

– Во всяком случае, он взял отпечатки пальцев в «Пежо», предположительно преступника, и хотел, чтобы я проверил их по реестру.

Она с подозрением посмотрела на него.

– Странно. Потому что он попросил меня сделать то же самое.

Фабиан пожал плечами.

– Он, наверное, хотел, чтобы это точно было сделано. Проблема только в том, что я не могу их найти.

– Они, конечно, в обычном месте, но ты ведь не знаешь, где.

– Нет, откуда мне знать? Я пока еще здесь не работаю.

– Именно.

У Фабиана завибрировал мобильный.

– Snar2sLut.

Он перевел взгляд на браузер мобильного, ввел новый пароль и опять увидел Теодора, лежащего в тесной комнате. На этот раз он не поднимал головы. Возможно, у него нет сил. Но, по крайней мере, он все еще жив. Фабиан заметил, как у него поднимается и опускается грудная клетка, причем интервалы между вдохами становятся все чаще.

– Фабиан, почему ты все время трогаешь свой мобильный? – спросила Лилья. Он поднял глаза. – Поезжай домой. Я сама все сделаю.

Он покачал головой.

– Нет, лучше я это сделаю, а ты продолжай заниматься своими делами. У тебя их наверняка по горло.

– В чем дело? Что-то случилось?

– Нет, просто Муландер попросил нас обоих об одном и том же, и самое лучшее, если ты позволишь мне выполнить его просьбу.

– Но ты прекрасно понимаешь, что я не позволю.

– Это почему?

Он встретился с ней глазами и попытался придать своему лицу как можно более удивленное выражение. Она ответила ему снисходительной, почти печальной улыбкой.

– Потому что он к тебе не обращался. Если бы обращался, ты бы знал, где лежат отпечатки. Так ведь?

Фабиану оставалось только кивнуть и признать свою ошибку. Тем временем он опустил правую руку в карман пиджака и достал пистолет. Лилья попыталась отойти назад, но было некуда. Она уперлась в стену. Тогда она подняла руки, закрывая голову. Он убрал ее руки и удивился ее силе, но тут почувствовал на ногах что-то тяжелое и потерял равновесие. Лилья набросилась на него и закричала, чтобы он успокоился.

Попытка отобрать пистолет увенчалась успехом, и Лилья рухнула на Фабиана. Из раны сочилась кровь и капала ему на рубашку. Он повалил ее на пол и встал. Теперь он знал, где искать. Она бросила взгляд на лампу под потолком и тем самым выдала себя. Он взял стул, взобрался на него и потянулся к лампе, за которой лежала папка с отпечатками пальцев.

Засунув папку за пояс, он слез со стула, посмотрел по сторонам, чтобы показать, что он ничего не упустил. Потом повернул голову к Лилье, думая, что это выглядит вполне естественно. Одновременно вытянул правую руку так, чтобы она не попала в объектив камеры, и нацарапал что-то на конверте. Завибрировал мобильный.

– Покажи, что ты делаешь правой рукой!

Фабиан подчинился приказанию и посмотрел на конверт, где корявыми буквами было написано: «Прости. Он взял моего сына. Его зовут Торгни Сёльмедаль».

Реакция не заставила себя ждать.

– Если тебя хоть сколько-то волнует твой сын, ты знаешь, что делать.

85

Он не понял, что проснулся. Казалось, что он все еще находится во сне. По-другому и быть не может. Только через несколько минут он начал подозревать, что бодрствует. Он видел и ощущал реальность в ее самом грубом обличье. Темно, жестко и тесно. Он встал, но так сильно ударился головой, что почувствовал, как в правый глаз стекает кровь. Он попытался ее вытереть, но руки у него были связаны. Та же веревка была привязана к ногам.

И тут его охватила паника. Она накатила на него, и за долю секунды температура тела упала на несколько градусов, и он весь взмок. Он закричал как можно громче, прямо в темноту, и только когда в его легких не осталось больше крика, замолчал и начал думать.

Он сидел дома за письменным столом и писал в своем дневнике. Извергал злобу, переполнявшую его, рвущую его на части. Он слушал Мэрилина Мэнсона и плевать хотел, что громкость включена на полную. Папаши все равно не было дома. И тут он что-то уловил краешком глаза, но не отреагировал. Едва заметное движение в оконном отражении, тень тени. Он поднял глаза, посмотрел прямо в окно и увидел, как кто-то входит в его комнату.

Сначала он подумал, что это явился папаша, – сделать музыку тише и еще раз затеять свой так называемый «разговор». Но его насторожила одежда вошедшего. Летом папа почти всегда ходил в светлом. Вошедший был одет во что-то темное, напоминающее военную форму. Тогда он обернулся, но человек уже подошел к нему и прижал к его лицу тряпку.

Несколько раз помещение озарялось таким сильным светом, что ему приходилось закрывать глаза. Он решил, что открывали люк. Признак того, что его вызволят из плена. Но никто не приходил и не развязывал ему руки и ноги, и через какое-то время он понял, что ничего не открывают, а зажигают сильную лампу.

Один раз он услышал кого-то поблизости. Во всяком случае, подумал, что услышал. Звуки доносились сквозь стены. Глухо и отдаленно. Он изо всех сил закричал и стал бить локтями в стены. Но кто бы это ни был, никто не пришел и не освободил его. Может быть, это мужчина в военной форме? После этого он ничего не слышал. Ничего, кроме собственного сердцебиения и дыхания.

Наверное, вот что значит быть погребенным заживо? Надо просто

закрыть глаза и уснуть. Но ему нельзя засыпать. Больше нельзя. Он не хочет пропустить следующий раз, когда раздадутся звуки. Он не должен был тогда спать. Следующий раз – если он будет – может стать его последним шансом.

Теперь он лучше подготовлен и не станет просто кричать и до крови бить локтями в каменную стену. Несколько часов назад ему удалось сползти вниз на несколько десятков сантиметров, пока ноги не нащупали что-то холодное и металлическое. Люк.

У него появилась надежда. Несмотря ни на что, может быть, он все-таки выживет. Он принялся колотить ногами по люку, который, конечно, оказался закрытым, но звук его ударов походил на звуки басового барабана, который невозможно не услышать, если находишься поблизости. Но никто не пришел, и тишина стала казаться еще более всепоглощающей. Надежда умирала в нем по мере того, как кончался кислород.

Сначала он этого не замечал. Не понимал, почему становилось все труднее собраться с мыслями и чаще клонило в сон. И лишь когда он осознал, что дышит так, будто пробежал десять километров, до него дошло. Только тогда он понял, что медленно задыхается.

Он никогда не думал, что станет это делать, никогда-никогда, но теперь сделал.

Сложил руки и стал молиться.

86

Ей пришлось отвести глаза – висящие на потолке лампы дневного света чуть было не ослепили ее, и когда она повернула голову, за левым виском ее пронзила глухая боль. Она провела пальцами по припухлости над ухом и нащупала свернувшуюся кровь у корней волос. Ничего серьезного, но ее первый раз в жизни сбил с ног коллега. Риск ударил ее так, что она потеряла сознание.

Лилья подозревала его с тех пор, как прочла о событиях в Стокгольме. Но что он зайдет так далеко и ударит ее, стало для нее полной неожиданностью.

А теперь он исчез с отпечатками.

Но это же все равно не он? Нет, не может быть.

Или?

Она оперлась о верстак, встала и вышла из лаборатории. По дороге в отделение попыталась позвонить ему, но услышала только его автоответчик, чего и следовало ожидать.

– Нет, Стефан, конечно, вас не задерживают. Просто сейчас это единственный способ взять вас под защиту… – Тувессон отставила телефон от уха и, посмотрев на Утеса, закатила глаза.

Утес сидел напротив и тоже говорил по телефону.

– Хорошо. Тогда мы заедем за вами немного позже. Точное время сказать трудно, но мы позвоним накануне. Разумеется. До свидания.

Утес положил трубку и потянулся.

– Нет, мы совсем не сдались. Мы вовсю работаем над этим делом, но, по нашим оценкам, вы все находитесь в опасности, и поэтому мы сейчас… именно… точно. Я перезвоню, как только буду знать, когда мы приедем. До свидания, – Тувессон закончила разговор и глубоко и протяжно вздохнула. – Какой идиот. Он должен радоваться и быть благодарен. Но не тут-то было.

– В семье не без урода, – отозвался Утес и зевнул.

Тут вошла Лилья.

– О боже! Ирен, что случилось? – Тувессон подошла к Лилье и внимательно посмотрела на рану над виском.

– В лаборатории Муландера я наткнулась на Риска.

– На Риска? Что он там делал?

– Он искал те же отпечатки, что и я, и утверждал, что Муландер попросил его проверить их по реестру.

– Что? Почему он должен это делать?

– Я задала тот же вопрос, и получила, – Лилья показала на рану.

– Ты хочешь сказать, что он тебя ударил?

– Да, мэм.

– Но… Ты в порядке?

– Сначала я отключилась, но сейчас все нормально.

– Ничего не понимаю. А ты? – Тувессон повернулась к Утесу, который покачал головой.

– Ты пыталась ему позвонить?

– Он не отвечает.

– Это, конечно, уже ни в какие ворота не лезет, – произнес Утес. – Но хочу сказать. Ведь не может… Или? Ведь все равно не может?

Они замолчали и переглянулись.

– Нет. Давайте думать. Наверняка есть какое-то объяснение. Должно быть, – сказала Тувессон и снова села.

– Мне эта мысль тоже пришла в голову, – сказала Лилья.

– Черт, вы все должны отдавать себе…

– Но ты посмотри на факты. На первом месте убийства он помещает фото класса, в результате чего мы подключаем его к расследованию и полностью вводим в курс дела, которое он потом может повернуть в нужную ему сторону. Согласитесь. Он не очень-то охотно делится с остальными, чем он занимается. Затем он продолжает, несмотря на то, что его отстраняют, и «находит» Руне Шмекеля, словно обладает магическим даром все время выискивать то, что нужно. И вместе с тем он вне всяких подозрений.

– А мальчик на фото класса? – спросил Утес. – Кто это?

– Ты имеешь в виду волосы? – Лилья пожала плечами. – Понятия не имею. Но кто показал на него? И с чьего альбома мы сделали копию снимка? Просто говорю для сведения.

На какое-то время воцарилось молчание. Словно каждому надо было восстановить весь ход событий с самого начала и проверить, могут ли быть оправданы подозрения Лильи. Через несколько минут Тувессон подняла глаза и посмотрела на своих коллег.

– Нет, так не может быть.

– А почему? – поинтересовался Утес. – Ведь еще недавно любая идея была хороша.

– Утес, я не знаю. Но я отказываюсь верить в то, что это Риск. Когда

бы он успел? Взять хотя бы тот случай, когда позвонила девушка с заправки. Тогда он был с нами у Муландера.

– Да. Но на звонок ответил Риск. И мы понятия не имеем, действительно ли ему звонила та девушка, или она уже была мертва.

– Хорошо, но кто-то все равно задавил датского полицейского в то время, когда Риск был с нами. С этим, по крайней мере, все согласны?

– А если их двое? – предположил Утес.

– Должно быть другое объяснение. Ирен, помимо того, что он сбил тебя с ног, ты еще на что-то обратила внимание? На что угодно?

– Я не так хорошо с ним знакома, но, похоже, он был сам не свой. В его взгляде что-то было. Страх. Ужас. Я не знаю… И он все время держал свой мобильный, словно…

– Словно что?

– Не знаю.

– Может быть, он на связи с преступником. Даже если не является соучастником, – сказал Утес, и все развернулись к нему. – Например, по какой-то причине преступник держит Риска на крючке и поэтому смог использовать его, велев ему проникнуть сюда и забрать отпечатки.

– Во всяком случае, одно ясно наверняка, – заключила Тувессон. – Подозрения Муландера, что преступник значится в реестре, верны. Иначе бы он не прилагал столько усилий. Так ведь? – Утес и Лилья кивнули. – А поскольку он по ошибке случайно оставил свои отпечатки в машине, он мог совершить ту же ошибку в другом месте.

– Ты хочешь сказать, что он допустил еще промахи? – уточнил Утес.

– Никто не совершенен.

Лилья поняла, что Тувессон права. Есть как минимум еще одно место, где преступник мог забыть свои отпечатки.

И она точно знала, что это за место.

87

Хотя была только первая половина июля, чувствовалось, что с каждым днем темнеет все раньше. Не настолько, чтобы это омрачало жизнь, но достаточно, чтобы не забывать, что лето скоро станет всего лишь воспоминанием.

Фабиан Риск приглушил двигатель и бросил взгляд на красные цифры, показывающие 22:13. Он получил указание припарковаться на улице Эстхаммаргатан, которая шла под углом к улице Моталагатан, где в доме 24 жил Торгни Сёльмедаль. Он посмотрел в ветровое стекло и отметил, что находится в районе сплошных вилл, причем большинство из них построено в первой половине XX столетия. Хусенше. В детстве он много раз он слышал это название, но никто из его знакомых здесь не жил, и потому у него никогда не было повода бывать здесь. Этот раз был первым.

Он опустил голову и наклонил ее вправо, чтобы камера в кепке могла зафиксировать, как он взял папку с отпечатками пальцев с пассажирского сиденья. В ту же секунду завибрировал мобильный. Новое смс. Но на этот раз не новое приказание. Наоборот, дар небес. Шанс действовать.

«Ты где? Что ты сделал с камерой?»

– Я на месте, запираю машину, – сказал он, чтобы проверить правильность своих подозрений.

«Я полагаю, ты усвоил, как опасно не подчиняться моим командам».

Он поспешил послать смс: «Почти на месте. Может быть, сели батарейки?» Потом снял кепку, положил ее на пол у заднего сиденья, открыл бардачок и достал два магазина к своему пистолету Sig Sauer P228, спрятанному под инструкцией по эксплуатации.

На самом деле ему совсем не нравилось носить оружие, и он до последнего избегал этого. До сего дня он ни разу не стрелял в человека. Вопреки мнению большинства, такие ситуации крайне редко возникали в его работе. Зимой он впервые столкнулся с необходимостью нажать на курок, и до сих пор не мог объяснить, почему не сделал этого.

Двое коллег. По его вине.

И крики.

Сейчас он опять их слышал. Они словно потеряли его из вида из-за переезда, и только сейчас снова вышли на его след и, подобно гиенам, охотились за ним.

Сдавленные крики, отчаянно молившие о пощаде.

Он вспомнил, как его коллегам пришлось встать на колени в подземном зале, который тогда еще не начал использоваться, но теперь наверняка вовсю функционирует. Как они спросили, где он, там ли он, и получили в ответ только рыдания. Они ведь не могли знать, что он рядом и у него есть возможность все изменить. Что он держит оружие в руке, но это ничего не даст. Его рука не смогла нажать на спусковой механизм.

На английском закричали, что они зашли слишком далеко и увидели слишком много. Потом на них наставили пистолеты, и он прицелился. Попытался, но не смог. Выстрелы отозвались эхом, и он увидел, как они рухнули на блестящий новый кафель, окрасившийся в красный цвет. И тут крики смолкли, но только на короткое время. Теперь он снова их слышал. Громче, чем когда-либо.

И отдающий эхом вопрос:

«И в этот раз у него не получится?»

Фабиан дал себе несколько сильных пощечин, чтобы вытеснить воспоминания, и вставил один из магазинов в пистолет. Он оставил ключ от машины в замке зажигания и направился по Эстхаммаргатан в сторону Моталагатан, где свернул направо и перешел на другую сторону улицы с четными номерами. Продолжая идти по тротуару, через несколько метров случайно споткнулся о маленькую неровность на асфальте и чуть было не упал вниз головой.

– Смотри, куда идешь. Здесь все в рытвинах, – сказал мужчина в тренировочных штанах, выгуливающий собаку.

Фабиан выдавил в ответ улыбку и увидел, что часть тротуара заасфальтирована не самым лучшим образом.

– Да, мягко говоря, – отозвался Фабиан и сделал поползновение пойти дальше.

– И не спрашивай меня, почему они все время латают и чинят. Похоже, это делал какой-то ученик профучилища.

Фабиан почувствовал, как завибрировал мобильный.

«Это не у меня нет времени».

– Зимой на этом месте споткнулась Черстин из пятого дома и сломала шейку бедра со всеми вытекающими. Включи это в общий счет – выйдет, что положить везде новый асфальт обошлось бы дешевле.

Фабиан кивнул из вежливости и поспешил дальше. Он подошел к дому 26, где сильно заросший сад служил эффективной защитой от посторонних взглядов. За бурной растительностью дом едва было видно. Но Сёльмедаль жил не здесь, а в доме под номером 24, который оказался прямой противоположностью 26-му и ожиданиям Фабиана. Настолько открытый,

словно приглашал незваного гостя зайти. Низкий белый забор, а за ним – аккуратно подстриженный газон перед полностью просматриваемым домом, справа от которого находился гараж, а слева – высокая плотная изгородь.

Фабиан не мог свести все воедино. Здесь действительно жил человек, которого они разыскивают? Совершенно открыто и рядом с соседями. Во всяком случае, на почтовом ящике было написано «Т. Сёльмедаль», а в окне, выходящем на улицу, горел свет. Он остановился и сделал вид, что завязывает шнурок, чтобы получше все разглядеть, и вскоре убедился, что первое впечатление обманчиво. Гостеприимный вид относился только к переднему фасаду. Остальной участок – совсем другое дело. Высокий дощатый забор хорошо защищал от посторонних глаз.

Он поднялся и пошел дальше по улице Вексегатан, где свернул направо. В первом доме с левой стороны горел свет, и он увидел, как за окном двигаются тени. Пятничный ужин с гостями и откупоренной бутылкой вина. В следующем доме было темно, а въезд в гараж зиял пустотой. Он прошел мимо дома к задней стороне, где под навесом от дождя стояла садовая мебель и гриль, наверняка стоимостью с месячную зарплату. Фабиан пошел наискось по газону к посаженным в ряд кустам шиповника, просунул руки в рукава пиджака, раздвинул ветки и протиснулся сквозь колючую стену.

Он оказался в одном из дальних углов участка Сёльмедаля. Отсюда он увидел, что дом больше, чем ему показалось на первый взгляд. С задней стороны он строился в несколько приемов и теперь был раза в два больше, чем вначале.

Под покровом кустов шиповника Фабиан стал крадучись пробираться дальше вдоль границы участка к сараю, который обошел с задней стороны. Через грязное окно сумел разглядеть газонокосилку, пару беговых лыж, несколько свернутых ковров и детали стоматологического оборудования, сваленные в кучу.

В кармане у Фабиана опять зажужжал мобильный. Но на этот раз это было не смс, а звонок от Ирен Лильи. Получается, она очнулась, что означает, что Тувессон и остальные в течение нескольких минут узнают, что произошло. Включив автоответчик, он продолжал идти вдоль задней стороны сарая. Дойдя до фронтона, определил, что расстояние до дома составляет примерно пять метров.

Пять неприкрытых метров по газону.

Адреналин зашкаливал, как перед стометровкой. Он понятия не имел, что его ждет, и колебался. Но тело приняло решение, и ему ничего не

оставалось, кроме как пойти по газону к стене дома и обойти следующий фронтон, откуда вела лестница на террасу с несколькими шезлонгами. Фабиан вытащил оружие, потрогал кобуру и стал подниматься по лестнице.

Когда он поднялся на террасу, его сердце билось так сильно, что он слышал, как кровь бежит по жилам. Этот звук словно напоминал ему о том, что он все еще жив. Что он все еще может изменить ситуацию.

Он сделал несколько шагов к стеклянной раздвижной двери и заглянул прямо в освещенную гостиную. Посреди комнаты стоял рояль, всю стену занимал книжный стеллаж, напоминавший стеллаж в доме его родителей. В другом конце комнаты перед большим плоским телевизором стоял угловой диван и…

Послышался звук. В равной степени незначительный и жизненно важный. Еле слышное поскрипывание. Это могло быть чем угодно. Но только не в данной ситуации. Фабиан свернул к шезлонгам.

– Аристократы всегда приходят с опозданием, это известно. Но чтобы они подкрадывались с задней стороны, – это что-то новое.

– Где мой сын? Я только хочу видеть моего сына.

Фабиан направил пистолет на тень, которая встала из шезлонга и направила на него какое-то оружие с глушителем.

– Предлагаю войти. Иначе кофе остынет.

– Что, черт возьми, ты сделал с моим сыном?

– Мы до этого дойдем. Мы должны еще кое-что выяснить, и это не я тянул время. – Мужчина направился к Фабиану, протянув свободную руку. – Поэтому предлагаю попытаться вести себя цивилизованно. Когда мы закончим, ты получишь его обратно. Хорошо?

Фабиан колебался и не мог отвести глаз от человека, стоявшего перед ним в темноте. Он видел его раньше или сейчас видит в первый раз? Они действительно учились в одном классе или все это блеф?

– Ты ведь все равно не захочешь в меня стрелять, пока не выяснишь, где твой Теодорчик.

Он не узнавал этого человека. Или как? Может быть, просто было слишком темно? Они как будто впервые виделись, и вместе с тем в нем было что-то знакомое. Какое-то дежавю.

Фабиан оставил попытки вспомнить, отдал пистолет и вслед за хозяином прошел в дом через гостиную, где приглушенно звучала «Валькирия» Вагнера, и дальше через несколько коридоров в кухню, где на столе стояли две чашки, френчпресс и блюдо с печеньем.

– Садись.

Фабиан заставил себя сесть на один из стульев, хотя его так и

подмывало наброситься на мужчину, до крови бить его головой о стол и заставить рассказать, где он спрятал Теодора.

Торгни Сёльмедаль сел на стул напротив, положил оружие на колени и стал медленно давить на френч-пресс.

– Тебе наверняка интересно узнать почему.

– Мне ничего не интересно. Я только хочу, чтобы ты отпустил моего сына. Он не имеет к этой истории никакого отношения.

– Это не входит в мой замысел, но лишив жизни нескольких наших одноклассников, я сделал мир чуточку лучше. Маленький позитивный побочный эффект, который должен нас всех радовать, – он улыбнулся, продолжая продавливать кофе.

– Мой сын! Где ты его держишь?!

– Знаешь, когда я стал собирать сведения о каждом, отсутствие у них интеллекта почти вызвало во мне омерзение. Ты, возможно, думаешь, что я преувеличиваю. Но взять хотя бы поездку в машине с Йоргеном. Это было одно из самых неприятных впечатлений в моей жизни. Поверь мне, у амебы IQ выше.

Кофейное ситечко наконец достигло дна, и он наполнил две чашки.

Фабиан изо всех сил старался не сломаться, одновременно изучая лицо Торгни Сёльмедаля в свете лампы на потолке. Он мог понять, почему его никто не узнает. Лицо было таким заурядным и невыразительным, что глазу не за что было зацепиться. Нос, щеки, рот, глаза – все выглядело так, как обычно, до мельчайших деталей.

– Смотри, смотри. Все равно ничего не застрянет. И не спрашивай почему. Если мы бы через неделю прошли мимо друг друга по улице Куллагогатан, ты бы ничего не заметил.

Фабиан подумал, что, вероятно, так и есть. Но это не играет никакой роли. Именно сейчас это совершенно неважно. Он достал папку с отпечатками пальцев и положил ее на стол. На папке остались темные пятна от его пота.

– Вот твои отпечатки пальцев. А теперь отдай мне моего сына.

Торгни Сёльмедаль даже не взглянул на папку.

– С молоком или без?

– Ты можешь мне объяснить, какое отношение имеют к этому наши дети?!

– Так с молоком или без?

– Отвечай! – Фабиан так ударил кулаком по столу, что расплескал кофе.

Торгни Сёльмедаль посмотрел на него и вытер стол салфеткой в

цветочек.

– Как я понял, молока тебе не наливать, – он придвинул Фабиану черный кофе и взял печенье. – К сожалению – а я действительно сожалею, – думаю, ты опоздал. Как я все время говорил, я не знал, насколько хватит кислорода. Но подводя итоги, должен все же признать, что хватило на дольше, чем я рассчитывал. 46 часов и 33 минуты – неплохо для такого тесного помещения. В семнадцать минут одиннадцатого он сдался.

Сёльмедаль придвинул планшет с тем же изображением, которое Фабиан видел раньше. С той только разницей, что теперь Теодор лежал совершенно неподвижно.

Даже грудная клетка больше не двигалась.

88

Ингвар Муландер был уверен, что лежит без сна на раскладушке в подвале, чтобы не разбудить Гертруду, и перемалывает в голове события последних суток. Все кружилось, как карусель. И все же оказалось, что он спал, а теперь проснулся.

Он взял звонивший мобильный. Это была Лилья. Настроения отвечать у Ингвара не было. Больше всего ему хотелось притвориться, что он не слышит, и спать дальше. Но это было бы слишком подозрительно. Все в полиции знали, что он спит чутко и просыпается от малейшего звука, независимо от степени усталости.

– Муландер.

– Привет, это Ирен. Я тебя разбудила?

– Будем надеяться, что у тебя что-то важное.

– Отпечатки пальцев, которые ты нашел в «Пежо», пропали. Риск взял их и, вероятно, отдал преступнику.

Муландер сел.

– Что ты несешь? – выдавил он из себя, хотя прекрасно все слышал.

– Объясню потом. Важно, что отпечатков нет, и что мы должны…

– Но подожди. Они есть в реестре?

– Понятия не имею. Я не успела это проверить до того, как они исчезли.

– Но каким образом они могли взять и исчезнуть?

– Как я сказала, их взял Риск, но сейчас плевать. Самое главное – как можно быстрее найти новые отпечатки.

– И как ты себе это представляешь, черт побери?

Муландер почувствовал, что отчаяние наступает на него, как немецкая оккупация, и он совершенно неспособен противостоять ему. Его не только вырвали из столь необходимого ему сна. Они к тому же умудрились остаться без отпечатков, по которым могли бы опознать преступника. А ведь их датская коллега поплатилась работой ради того, чтобы он смог снять отпечатки в качестве доказательства.

– Я вот что подумала: если он схалтурил в машине, он должен был сделать это еще где-то. Разве нет?

– Может, да, а может, нет. А если да, остается один маленький, но весьма значительный вопрос: где?

– Дома у Гленна.

– Что?

– Гленн Гранквист, ну, ты знаешь, вторая жертва.

– Да, конечно, знаю. Но почему…

– Он же ударился затылком о калошницу, и у него потекла кровь. Так ведь?

Точно. Воспоминания начали пробуждаться от криогенного сна и теперь медленно выползали из сигарообразной капсулы.

– Ты же сам мне показал, как преступник вытер кровь во всей прихожей половой тряпкой, а затем даже сполоснул и выжал ее, чтобы не капало.

– Да. И?

– Ты не думаешь, что он снял перчатки, когда споласкивал и выжимал тряпку?

Лилья права. Действительно, вполне вероятно, что он снял перчатки и случайно оставил в чулане один-два отпечатка.

– Едем немедленно.

89

Пропотевшая одежда прилипла к телу, хотя он так замерз, что дрожал. Кровеносные сосуды сузились, кровь перетекла к важнейшим органам. Он находился в шоке, и тело реагировало соответственно. Все, что раньше было таким важным, теперь казалось расплывчатым и нечетким. Ему хотелось плакать и принять позу зародыша, но он не мог. Пока не мог.

Он оперся руками о стол, чтобы встать, но передумал, почувствовав, что не хватит сил.

– Где он? Где ты его запер?

– По иронии судьбы, ты вдруг так заинтересовался своим сыном.

– При чем здесь ирония?

– При том. Теперь самое время беспокоиться о нем. У меня самого нет детей, но смею утверждать, что ты припозднился. Я полагаю, что, во всяком случае, ты прочел отрывки из его дневника, и поэтому спрашиваю: где родители? Ты наверняка тоже бы задал этот вопрос, если бы речь шла не о твоем сыне. Ты так не думаешь? – Торгни Сёльмедаль взглянул на Фабиана, ожидая согласия, но Фабиан сохранял бесстрастное выражение лица. – Нам с тобой следовало бы признать, что еще полчаса назад твой любимый сыночек интересовался, где же его родители.

Каждый мускул у Фабиана дрожал от нетерпения – он готов был наброситься на сидящего напротив мужчину и в кровь разбить его ухмыляющееся лицо. Но он сдерживался, желая любой ценой сохранить самообладание.

– Я только не понимаю, почему ты втянул его в это дело.

– Давай лучше поговорим, почему ты вообще здесь сидишь. Ведь ты даже не входил в базовый план. Ты жил в Стокгольме и годился только на то, чтобы в конце улучшить показатели. Кроме тебя и Лотты Тинг, все остались жить здесь. Но тут ты переезжаешь. Почему, не спрашивай. Я никогда не понимал, зачем возвращаться на место преступления. Но вот ты приехал, и тогда я решил отвести тебе более значительную роль, при этом, честно говоря, я совсем не волновался. Беглый просмотр того, что ты учудил, – чтение не из приятных. Так что я не считал тебя реальной угрозой, что оказалось грубым просчетом. Охотно признаю: пока что это, безусловно, моя самая большая ошибка, которая почти стоила всей этой операции. Так что пью за тебя и за твой, так сказать, полицейский

инстинкт. – Он сделал паузу и отпил кофе. – Твоя работа с машиной в самом деле произвела на меня большое впечатление. Я пытался вычислить, как ты смог ее найти, но мне это не удалось. Не отвечай – я, в конечном счете, сам пойму. Кстати, твой кофе остывает.

– Пусть остывает.

– Как хочешь. Как бы там ни было, твои силовые приемчики внесли в план изменения, и теперь он гораздо лучше. Теперь, когда ты стал венцом творения вместо Моники Крусеншерна. Ты ее помнишь? Наша учительница, всегда носила клетчатую юбку и отводила глаза, как только случалось что-то неприятное. Немного тебя напоминает. Как только случается что-то неприятное, ты смотришь в другую сторону. Держу пари, что ты не раз и не два чувствовал, что у твоего сына не так уж все гладко. Но ты, как Моника, предпочитал поворачиваться к нему спиной.

Фабиан больше не мог сдерживаться. Вскочив с места, он опрокинул стол и набросился на Торгни Сёльмедаля, который потерял равновесие и упал со стула. Фабиан увидел, как его пистолет скользит по полу, и ему удалось остановить его одной рукой, но тут он почувствовал, как тело начинает сводить судорога, и острая обжигающая боль распространяется от живота по всему телу.

Торгни Сёльмедаль выключил электрический пистолет и освободился от хватки Фабиана.

– И ты называешь это цивилизованным поведением?

Фабиан не сумел ответить. Он лежал на полу, тело свело в судороге. Он мог думать, но не шевелиться. Краешком глаза он увидел, как Сёльмедаль поднял с пола пистолеты, положил их на мойку, выдвинул ящик с приборами и достал оттуда ножницы для мяса, а из холодильника – шприц. Фабиан попытался что-то сказать, но смог издать только слабый стон.

Тем временем Сёльмедаль засунул ножницы под воротник его рубашки и сделал большой разрез, чтобы высвободить шею. Фабиан пытался оказать сопротивление, но тело не слушалось, и Сёльмедаль спокойно нащупал его сонную артерию.

90

Ирен Лилья ехала медленно, почти скользила, чтобы не разбудить спящий коттеджный поселок, и отметила, что в кои-то веки прибыла на место первой. Она свернула на обочину и остановилась. Наконец-то наступила ее очередь ждать Муландера. В отличие от нее самой, он никогда не опаздывал, и, как правило, опережал всех на шаг и приходил с уже готовым решением.

Но на этот раз с опережением шла она, придумав настолько хорошую идею, что ее осуществление нельзя было откладывать до утра. Возможно, поэтому он тянет время и заставляет ее ждать? Она подумывала о том, чтобы просто войти и взять отпечатки, но решила не рисковать – ведь он может рассердиться не на шутку. К тому же ключи у него.

Она заглушила двигатель так, что дворники остановились прямо в зоне видимости. Это и многое другое нервировало ее в машине, и поэтому она обычно выключала дворники до того, как выключить двигатель. Но не в этот раз. Она так устала, что у нее не было сил раздражаться.

Вместо этого она немного откинула спинку сиденья и стала смотреть на дождь. Он начался совершенно неожиданно всего лишь несколько минут назад и как нельзя кстати. Лето выдалось таким жарким и безоблачным, что она почти забыла, что дождь вообще существует.

Капли оставались на ветровом стекле и превращались в маленькие амебообразные лужицы, которые держались за счет поверхностного натяжения. Скоро ничего не будет видно. Свет от одинокого уличного фонаря преломлялся и превращался в гипнотическое смешение отражений и красок. Лилья откидывалась все дальше, пытаясь подсчитать, сколько часов спала за последнюю неделю.

Через двенадцать минут она открыла глаза и огляделась, но не увидела ничего, кроме дождя, который еще сильнее барабанил по листовому железу машины. Ирен даже стала беспокоиться, что на лаке останутся отметины. Но разбудило ее не это. Сейчас она не была уверена, но каких-то несколько секунд назад ей показалось, что она слышит сильные удары. Удары раздались снова. Совсем рядом с ней, и теперь она увидела, что кто-то стоит у машины, но из-за воды было невозможно разглядеть кто.

Она опустила боковое стекло, и перед ней предстало мокрое лицо Муландера.

– Ты думаешь, мне приятно стоять здесь и ждать тебя?

– Значит, это тебе пришлось ждать? – спросила Лилья, но тот уже направлялся к дому.

Она вышла из машины под проливной дождь, раскрыла зонтик и догнала Муландера.

– Почему ты не взял зонтик?

Муландер в ответ фыркнул, вставляя в замок один ключ за другим.

– Какой идиот пометил эти чертовы ключи?

– Подожди, дай мне.

Лилья отобрала у Муландера связку, а тот без колебаний взял зонтик и стал держать его так, чтобы она как следует прочувствовала дождь.

– Вот. ГГ – Гленн Гранквист, – сказала она, отпирая дверь.

Без единого слова Муландер вернул ей зонтик и скрылся в доме. Пока Лилья думала, что это – рвение или просто плохое настроение, вода стекала на коврик у двери. Но теперь это не играло никакой роли.

Когда она подошла к чулану, Муландер уже вовсю обрабатывал кистью выключатель, и хотя он делал все, чтобы скрыть это, она увидела едва заметную улыбку.

– Тебе повезло. Здесь есть несколько отпечатков, и у крана, и у выключателя.

– Повезло? Ты хочешь сказать, что я была права? – уточнила Лилья. Ответом была плотная тишина. – А ты уверен в том, что это его, а не Гленна?

Муландер бросил на нее усталый взгляд и достал пленку для отпечатков пальцев.

91

Сёльмедаль вытер с пола пролитый кофе. Чашка не разбилась. Оставалось вымыть и высушить ее вместе с другой чашкой и поставить их на место в шкафу. Он взял два печенья и положил в рот. Остальные выбросил в мешок для мусора и завязал его. Хотя он никогда сюда не вернется, ему казалось важным оставить все красивым и чистым. Он отключил холодильник и морозилку, вытащил из розетки шнуры от тостера и кофеварки, погасил свет и вышел из кухни. Другие помещения уже были подготовлены. Оставалось только попрощаться.

Он прожил в этом доме почти восемнадцать лет. Это был хороший дом, и ему по большому счету отлично здесь жилось. Но теперь дом продан, и эпоха подходит к концу. Новые владельцы въедут в начале октября, а значит, у полиции будет достаточно времени закончить свое расследование. У него перед глазами уже стояла картина: как они демонстрируют общественности все свои находки, которые он с таким тщанием разложил по дому.

Он увеличил громкость на пульте – «Валькирия» хорошо подходит для саундтрека к их появлению, – открыл наружную дверь и вышел. Начался дождь – пока что мелкий, но было видно, что скоро он усилится. Он раскрыл зонт, запер дверь и вышел на улицу.

Машина была припаркована в четырнадцати минутах ходьбы от дома на пересечении улиц Мальмегатан и Чепингевеген. Он не спешил и мог идти спокойным шагом. Последние часы ему все благоприятствовало, и впервые за несколько дней он не выбился из графика. Единственное, что заставило его ускорить шаг, – дождь, который скоро должен был забарабанить по его зонтику. Меньше всего он хотел промокнуть. Конечно, у него в машине лежала сменная одежда, но одежда на нем была подготовлена к событиям предстоящей ночи, и пока он не закончит, у него не будет возможности переодеться.

Пока полностью не закончит и не окажется на пароме.

Не замедляя шаг, он выбросил ключи от дома в уличный сток, и их смыло водой. Затем свернул направо на улицу Йончепингсгатан. Как всегда, проходя мимо школы Тихо Браге, вспомнил, что окончил школу со средним баллом 5,0, лучше всех в выпуске, и все же был вынужден наблюдать, как дают стипендию Клаесу Мельвику, у которого было только 4,63. Думая об этом, он по-прежнему испытывал раздражение. Все

слишком хорошо осознавали, как тяжело пришлось Клаесу, и дали ему стипендию в качестве утешительного приза.

Конечно, Йорген и Гленн, не говоря уже об Эльзе и Камилле, отвратительно относились к нему в средней школе и заслуживали наказания. Но это не меняло его отношения к Клаесу, который не нравился ему с самого первого класса. Что бы он ни делал, Клаес буквально поглощал весь свет.

В средней школе это наверняка происходило непреднамеренно. Но в гимназии Клаес научился извлекать из этого выгоду. Его больше никто не трогал, и, тем не менее, он старался, чтобы все были в курсе, как он натерпелся. Чтобы все его страшно жалели. Церемония вручения стипендии стала последней каплей, и он пообещал себе никогда больше не быть в тени Клаеса.

Обещание, которое уже несколько недель спустя имело непосредственные последствия. Он поступил в Высшее техническое училище в Лунде и спустя несколько дней узнал, что и Клаес попал в Лунд. На ходу он принял решение покончить с университетскими планами и открыть свое дело. Инженеру хватит и гимназии.

Он придумал открыть мастерскую изобретателя, специализирующуюся на сделанных на заказ станках. Заказы не то чтобы текли рекой, но, во всяком случае, он мог оплачивать аренду квартиры. А когда рынок завоевали микропроцессоры, он проштудировал все книги, какие только мог раздобыть, и работал по пятнадцать часов в сутки. Ему это нравилось. Несколько патентов спустя – в частности, на точилку для ножей, которую ИКЕА теперь продавала во всем мире, и на устройство для загрузки в большинстве автоматов утилизации – его материальное положение стало стабильным.

Задним числом он понял, что никогда ему не было так хорошо, как в те годы. Даже Клаес исчез из его жизни. Тогда он не подозревал, что через каких-то несколько лет Клаес опять возникнет и причинит ему столько боли, что он снова начинал ее испытывать, стоило ему лишь подумать об этом. С самого детства нерешенной оставалась только одна проблема.

Одиночество.

Дождь усилился, и ему пришлось взять зонт обеими руками, чтобы не промокнуть. Он свернул налево на улицу Мальмегатан и увидел машину. Взглянув на часы, убедился, что у него еще есть время, даже с запасом. И даже есть силы посмеяться над воспоминанием о том, как, отчаянно стремясь кого-то найти, он завел себе профиль на сайте знакомств. Какая глупость!

Да, у него состоялось несколько свиданий, но все ограничились встречей за чашкой кофе. Каждый раз ему приходилось испытывать унижение – женщины придумывали самые разные предлоги, чтобы поскорее уйти. От вежливой лжи, призванной утешить и смягчить удар, становилось еще хуже.

Из-за одной он переживал особенно сильно. Та женщина даже не сочла нужным придумать предлог. Прямо посреди разговора она встала, чтобы пойти в туалет, и так и не вернулась. Он сидел и ждал сорок три минуты, пока не осознал, что произошло, и не оплатил счет. Сейчас он не понимал, почему принял эту историю так близко к сердцу, почему не смог просто проглотить унижение и идти дальше.

Ему необходимо было поставить точку, и он решил вновь связаться с той женщиной и потребовать у нее извинений. Но поскольку она его заблокировала, он создал совсем новый профиль, представившись как А.Д. из рекламного агентства, который также работает моделью. Он поместил фото из анонса магазина рубашек «Stenströms skjortor». Довольно скоро он возобновил с женщиной контакт и уговорил ее встретиться в ресторане «Le Cardinal».

Он пришел за четверть часа до назначенного времени и сел в укромное место рядом с баром, откуда хорошо просматривался вход. Вскоре он увидел, как она вошла и просканировала глазами все помещение в поисках того, кто назначил ей свидание. Он мог спокойно наблюдать за тем, как ее проводили за столик, как она села и заказала бокал красного, как смотрела на часы и испытывала все больший дискомфорт от того, что сидит одна, и как в третий раз была вынуждена сказать официанту, что еще не готова сделать заказ. Еще один бокал вина и блюдо с орешками. Он наслаждался каждой секундой, словно каплями самого прекрасного шампанского, найденного в обломках погибшего корабля.

Через пятьдесят восемь минут она расплатилась и ушла из ресторана, не подозревая, что за ней кто-то идет. Быстрым раздраженным шагом дошла до вокзала Кнутпунктен и села в автобус. Он без проблем занял место прямо за ней. Как и все остальные, она его не заметила. На остановке Адольфсберг женщина сошла, и он последовал за ней до ее подъезда, держась от нее на расстоянии. Через пять минут он вошел и позвонил в звонок у ее двери…

Погруженный в воспоминания, он подошел к машине. Дождь лил с такой силой, что он закрыл зонт только когда сел в машину. Положил зонт на коврик перед пассажирским сиденьем, закрыл дверь, повернул зажигание и включил двигатель. Пусть поработает на холостом ходу, чтобы

исчезла изморось.

…Она открыла через минуту с небольшим. Но он запомнил эту минуту как одну из самых долгих в своей жизни. Она вопросительно посмотрела на него. Относилось ли это к его щетине или к незапоминающейся внешности, он не знал. Она спросила, кто он и что ему надо, и он напомнил ей об их маленьком свидании.

Она попыталась закрыть дверь, но он опередил ее, протиснулся сквозь дверную щель, схватил ее и изнасиловал. Он взял ее прямо на коврике в прихожей. Не потому, что хотел ее. Он жаждал унижения.

Такого же, какое испытал сам.

Естественно, она заявила в полицию, и его вызвали на допрос. У него взяли отпечатки пальцев и попытались заставить во всем сознаться. Но он упорно отрицал, что это было изнасилование. Да, у них был секс, и, наверное, порой немного жесткий, но все с ее согласия. В конечном итоге, после нескольких суток в СИЗО им ничего не оставалось, кроме как отпустить его.

Он забил адрес в навигатор, тронулся с места и выехал по Мальмегатан в сторону улицы Седра Стенбоксгатан. Через восемнадцать минут он доедет до первого.

92

– Вот все, что мы смогли сделать, – Рагнар Пальм показал рукой на общее помещение, предоставленное в их распоряжение.

Тувессон обвела помещение взглядом.

– Так и пахнет СИЗО.

– Может, дело в том, что это и есть СИЗО?

Она вздохнула.

– А сколько у них будет ванных комнат?

– Две. Кстати, а сколько у нас мужчин и сколько женщин?

– Пять на пять.

Десять коек стояли вдоль стен напротив друг друга на расстоянии в несколько метров. Между ними стояли стулья, служившие ночными столиками. Тувессон присела на одну из коек и спросила себя, согласилась бы она здесь спать. Даже если бы речь шла только об одних выходных. Честно говоря, они понятия не имели, сколько это может длиться.

Пальм опустился на койку напротив.

– Думаешь, получится?

– Должно получиться. Альтернатив нет.

– Я надеюсь, ты понимаешь, что если это станет известно, то…

– Рагнар, это не должно стать известно. Ни при каких обстоятельствах. Только после того как мы схватим преступника. Сколько твоих об этом знают?

– Только самый минимум. Мой начальник и кое-то из персонала. Но проблема не в них. Все они давали подписку о неразглашении. А вот заключенные – нет.

У Тувессон зазвонил мобильный. Это был Утес.

– Я обзвонил всех и теперь собираюсь поехать за ними.

– Все согласились?

– Да, но они задают массу вопросов, на которые я не могу ответить. Как у тебя дела?

– Да так, я сейчас в СИЗО и… давай надеяться, что им не придется пробыть здесь долго.

– Ты всех обзвонила?

– Всех, кроме Сета Корхедена. Он должен был прилететь в Каструп два с половиной часа назад и в любой момент будет дома.

– Он еще не включил свой мобильный?

– Выходит, нет.

– А где он живет?

– Домстен. Пока я стану забирать остальных, я буду продолжать ему звонить, а если он не ответит, все равно поеду к нему. – Она закончила разговор, встала и направилась к выходу.

У Фабиана Риска не было сомнений, что пришла его очередь и что он умрет, точно так же, как остальные одноклассники. Но поскольку он все-таки очнулся, хотя и с сильной головной болью, его очередь явно еще не настала. Очнуться – наказание хуже смерти. Резкий удар хлыстом по лицу – и он вернулся в кошмар. Кошмар наяву, в котором он жив, а его сын мертв.

Фабиан уловил еле слышное слабое жужжание и ощутил, что голова слегка вибрирует. Сразу же вернулась полная тишина. Он попытался встать, но понял, что привязан к старому зубоврачебному креслу. Ноги и руки были связаны ремнями, а голова… Он не видел, как она закреплена, но когда пытался пошевелить ею, боль над висками усиливалась. Что бы там ни было, с обеих сторон на лице были какие-то шоры, которые ограничивали поле зрения, и он мог смотреть только вперед. Видел лишь огороженный экран, который под углом висел перед ним на стене.

Слабое жужжание вернулось, и Фабиан снова почувствовал, как вибрирует голова. В эту секунду зажегся экран, и на нем появился черно-белый снимок молодого Торгни Сёльмедаля. Судя по всему, снимок был сделан в годы учебы в средней школе настоящим профессионалом-фотографом в настоящем ателье с поставленным светом и по всем правилам искусства. Сёльмедаль сидел на высокой табуретке в своей самой нарядной рубашке, с аккуратно расчесанными на прямой пробор волосами, и смотрел прямо в объектив, тепло улыбаясь.

Удивительно, что он никогда не обращал на Торгни внимания. Фабиан не мог понять, как это произошло, – что никто в классе его не замечал. Даже их классная руководительница Моника Крусеншерна. И вот теперь ему пришлось занять ее место в маленькой комнате без окон со сводчатыми задрапированными стенами, освещенной только экраном. Опять раздалось слабое жужжание, и на этот раз Фабиан заметил легкое смещение поля зрения вправо.

До него дошло, что происходит. Все встало на свои места, и он понял, что Торгни Сёльмедаль прав. Он виноват в том же, в чем и Моника.

Только перед собственным сыном.

Ирен Лилья сидела сзади по диагонали и смотрела, как Муландер

сканирует отпечатки, а компьютер анализирует их и сверяет с реестром. Ее усталость, ровно как плохое настроение Муландера, как рукой сняло. Словно они оба чувствовали, что приближаются к прорыву. Все говорило о том, что совпадение найдется. Проблема только в том, что на получение ответа может уйти от нескольких минут до нескольких часов.

– А мы не можем как-нибудь ускорить поиск? – спросила Лилья.

– Да, можно задать параметры поиска: мужчины, 1965-1967 год рождения.

– И сколько на это уйдет времени?

– Кто его знает, – со вздохом ответил Муландер, положил подушку на пол, лег сам и закрыл глаза.

Лилья поняла, что Муландер поступил единственно правильным образом. Но она все равно не заснет. Теперь, когда они так близко. Она не могла оторвать глаза от экрана, где мелькал, не кончаясь, реестр проанализированных отпечатков пальцев. Но она чувствовала. Ощущала всем своим существом.

Скоро, в любую секунду, мелькание прекратится.

93

Неопределяемый номер.

Он вернулся домой в четверть второго ночи и пробыл там не больше пятидесяти минут. Но за это время телефон звонил уже пять или шесть раз. Но он не собирался отвечать. Нет ничего хуже неопределяемых номеров. В его глазах это высшее проявление слабости. Если ты не смеешь говорить от собственного имени, ты не заслуживаешь ответа.

Вместо этого он принял душ и побрился. За недели отпуска у него отросла борода, и ему сначала пришлось пройтись триммером и только потом взяться за бритвенный станок. Усы он оставил. Усы, предмет его гордости, он носил столько, сколько себя помнит. В разное время мода диктовала то одно, то другое – от узких усиков до окладистой бороды. Но свои усы он никогда не трогал, только проходился по ним триммером два раза в неделю.

Наверное, это звонит Черстин. У нее единственной из его знакомых неопределяемый номер. Она завела его несколько лет назад и утверждала, что сделала это потому, что он никогда не отвечает на ее звонки. Как будто теперь он отвечает чаще. Только бы она перестала звонить и дала ему возможность спокойно побыть дома.

Он попытался отбросить мысли о Черстин, надел пижаму и подошел к камину, где скомкал несколько старых газетных страниц, добавил древесную стружку и скатал шарик. Над ним поставил три полена. Как обычно, хватило одной спички.

Он совсем не чувствовал усталости и с нетерпением ждал газету «Хельсингборгс Дагблад», которую скоро должны были просунуть в дверную прорезь. Пожалуй, в поездке ему больше всего не хватало именно этого. Сидеть перед камином, пока все остальные спят, и читать утреннюю газету от корки до корки. Черстин этого не одобряла. Ее раздражало, что ей всегда приходилось читать «использованную» газету, когда она наконец вставала.

Она наверняка пыталась дозвониться и по мобильному. Откуда ей знать, что он от него избавился. Он решил выключить телефон на все время паломнического тура, и, к его удивлению, это не составило для него никакого труда. Наоборот, быть недоступным оказалось чистым наслаждением. У одной из самых глубоких долин в Пиренеях он решительно выбросил телефон, и во время оставшейся части тура получал

удовольствие от того, что его единственная компания – он сам и тишина.

Иногда другие паломники пытались заговорить с ним. Но он не шел на контакт и не ответил ни единого раза. Пусть думают, что хотят. Во всяком случае, он не собирался нарушать молчание, которое с каждым днем представлялось все более важным. И через какое-то время они пришли – его собственные мысли. Хрупкие, как только что вылупившиеся маленькие черепашки. Он не мог вспомнить, когда последний раз имел возможность додумать мысль, чтобы она созрела и полностью сформировалась, – его все время прерывали то начальник, то Черстин, то…

Опять раздался звонок. Но на этот раз это был не телефон, звонили в дверь. Кто это может быть в такое время суток? Одно дело телефон. На него можно плюнуть, пусть звонит. Можно даже выдернуть шнур из розетки. Но дверной звонок – совсем другое дело. Он подошел к двери и открыл. На улице, под дождем, с зонтом в руке, стоял человек, которого он раньше никогда не видел.

94

Он дышал, но казалось, что воздух к нему не поступает. Или он совсем не дышал? Возможно, его тело уже перестало функционировать, и представление о том, что он дышит, – не что иное, как последняя мысль, оставшаяся у него перед полным отключением мозга. Как болтающаяся паучья ножка, которую оторвали от паука.

Может быть, так чувствует себя человек, который тонет? Он слышал, что это один из самых болезненных способов ухода на тот свет. Ему, напротив, совсем не больно. Он почти ничего не чувствует, даже металлический люк под ногами. Только испытывает смутное ощущение, что медленно угасает. Истончается. Исчезает.

Но тут подвернулся случай, которого он ждал несколько суток. Или всего несколько часов? Он понятия не имел, поскольку уже давно перестал ориентироваться во времени. Глухой звук, блуждающий по стенам. Где-то далеко открылась и закрылась дверь. Раздался чей-то крик. Он не мог разобрать слов, но было совершенно ясно, что кто-то кричит. Или это еще одна отчаянная мысль из глубины его души, отказывающейся принять действительность? Иллюзия, что спасение близко?

Он решил, что это не играет никакой роли. Если он мертв, значит, мертв. Если нет, это его самый последний шанс. Собрав все силы, он поднял ноги и попытался ударить ими о люк, чтобы произвести как можно больше шума. Он хотел крикнуть, но смог только прошипеть. Зато он услышал удары о люк. Глухие удары барабана.

Три раза он сумел поднять ноги и ударить ими о люк. После чего пришел конец. Как бы он ни пытался, ноги не поднимались. Даже мысленно. Вернулась удушливая тишина, и, казалось, он задержал дыхание.

Слишком долго и еще чуть-чуть.

Он слышал, что мировой рекорд по задержке дыхания составляет больше семи минут. На сколько его хватит? На сколько уже хватило? На самом деле, он не хочет умирать, сейчас – не хочет. Несколько лет он только и думал о том, как это здорово – сдаться, принять и перестать бороться. И исчезнуть в никуда.

Темнота приняла его в свои прекрасные теплые объятия. Если бы он знал, что все так просто. Если бы он только решился. Тогда бы ему не надо было бороться, так бояться и биться до крови. Он проваливался все глубже

и наконец…

Наконец он увидел свет.

95

Его лицо заняло весь экран. Несмотря на довольно большую бороду, оно было таким безликим, что Ирен Лилья только теперь смогла понять, почему никто не обращает на него внимания. Почему он никак не отпечатывался в сознании людей. Она пристально смотрела на экран, не моргая, пока у нее не заслезились глаза в лихорадочных поисках какой-нибудь запоминающейся детали. Но ничего такого не было – ни легкой асимметрии, ни большого или маленького носа. Даже глаза не имели определенного цвета. Лилья закрыла глаза и мысленно попыталась представить себе лицо человека за бородой, но у нее получились только два глаза, один нос и один рот. Такие нормальные и обычные, что они не запоминались и исчезали.

Он не выглядел как человек, способный отрубить руки все еще живой жертве, перерезать горло или сделать колумбийский галстук. Скорее он выглядел, как кто-то, кто… Да, как же он выглядел? Ирен оставила попытки. Она бы никогда не смогла описать его внешность. Во всяком случае, никаких деталей, кроме того, что он носит бороду и у него самая обычная внешность.

Но его имя показалось ей знакомым. *Торгни Сёльмедаль.* Она слышала его раньше.

– Что за чертовщина? Неужели совпадение?

Лилья, совершенно забыв, что Муландер спит на полу прямо рядом с ней, молча кивнула. Она была занята тем, что копалась в глубинах своей памяти, пока не поняла взаимосвязи.

Тем временем Муландер встал и прочел вслух с экрана.

– «Торгни Сёльмедаль… Арестован в 2005 году за изнасилование»…

– Но освобожден из-за отсутствия доказательств. К тому же он и раньше фигурировал в расследовании, – продолжила Лилья. К ней повернулся Муландер. – Клаес Мельвик, или Руне Шмекель, как его тогда звали, оперировал этому человеку простату в 2004 году и случайно забыл внутри два пластмассовых зажима, ну, ты понимаешь… Об этом много писали в газетах, и на какое-то время ему даже запретили работать по специальности.

– Точно, я это помню. От одной мысли об этом становится больно.

Прижав мобильный к уху, Астрид Тувессон под проливным дождем обошла машину и помогла Лене Ульссон сесть на заднее сиденье.

– А вы уверены, что это он?

– Вернее не бывает, – ответила Лилья. – Есть только один человек с таким именем, и он зарегистрирован по адресу: ул. Моталагатан, 24, район Хусенше.

– В Хельсингборге?

– Да, мэм. Мы с Мулле можем быть там через десять минут.

– Только с группой захвата, – сказала Тувессон и попыталась втиснуть сумку Лены Ульссон в багажник. – Позвоните в Мальме и дождитесь их.

– Астрид, очнись. Мы не можем ждать людей из Мальме. На это уйдет больше полутора часов. Нам надо туда сейчас.

Ирен права, подумала Тувессон. Нет никаких сомнений. Она вытащила громоздкую сумку и захлопнула крышку багажника. Но она не хотела терять двух своих лучших сотрудников в возможной засаде.

– Але? Ты здесь?

– О’кей. Но я хочу, чтобы вы были осторожнее. – Она запихнула мокрую сумку под пассажирское сиденье и закрыла дверь машины. – Малейшее сомнение, и вы уходите, хорошо?

– Да, да.

– Ирен, я серьезно!

– О’кей, о’кей. Кстати, как у тебя дела?

– Я только что забрала Лену Ульссон и Стефана Мунте и скоро поеду к Лине Польссон.

– А одинокий странник? Он так и не ответил?

– Нет, попытаюсь последний раз, и если он не ответит, поеду к нему и позвоню в дверь.

Они закончили разговор. Тувессон обошла машину и поискала номер Корхедена. Пошли гудки. Она открыла дверь со стороны водительского сиденья и уже собиралась сесть, как гудки внезапно прекратились.

– Корхеден слушает, – раздался голос на другом конце.

– Добрый день, не ожидала, что вы ответите. Меня зовут Астрид Тувессон. – Она не знала, сесть ли ей в машину или стоять под дождем, и решила, что мокрее уже не станет.

– Извините, а мы знакомы?

– Простите, я криминальный комиссар полиции Хельсингборга.

– Вот как?

– Я пыталась дозвониться до вас весь вечер.

– Да, я только что вернулся домой из Испании.

– Да, мы это поняли. Вы следили за новостями, пока были в отъезде?

– Нет, совершенно не следил. Именно поэтому я и уехал. Но в

Каструпе я не мог не увидеть, что пишут в газетах. Это правда? Он охотится за всем классом?

– Мы не знаем. Но, к сожалению, не так много фактов, которые бы говорили об обратном.

– Это ужасно. И у вас нет никаких его следов?

– Есть, но я не могу об этом говорить. Я звоню вот почему. Сейчас мы можем предложить только один способ защиты – поместить вас в СИЗО вместе с вашими бывшими одноклассниками. Так что мой вопрос: как вы относитесь к тому, что я приеду за вами?

– Что, прямо сейчас?

– Да, примерно через полчаса.

Послышался вздох.

– А нельзя подождать до завтра или послезавтра? Понимаете, меня не было больше месяца, я только что вернулся домой.

– Скажем так: мы оцениваем риск как крайне высокий, но в конечном итоге решение за вами. Мы не можем никого заставить.

Опять молчание.

– О’кей. Я понимаю.

Тувессон дала отбой, села за руль и повернула зажигание. В салоне витало напряженное ожидание. Все молчали. В зеркале заднего обзора она увидела, как пассажиры отводят глаза и смотрят на дождь.

И она их понимала.

96

Раздалось слабое жужжание, и Фабиан почувствовал, что голова повернулась еще немного. Должно быть, угол поворота уже составлял девяносто градусов или даже чуть больше. В поле его зрения зажегся еще один экран. На нем также появился черно-белый снимок Торгни Сёльмедаля. Такая же аккуратная прическа и такая же приветливая улыбка с той лишь разницей, что теперь он был взрослым.

Сёльмедаль хотел, чтобы его видели таким, и когда вся эта история закончится, снимки наверняка будут обнародованы, и подобно Фабиану, сидящему сейчас с закрепленной головой в зубоврачебном кресле, никто не сможет отвести глаза.

Но тут со снимком что-то случилось. Или ему показалось? Нет, теперь он не сомневался. Что-то определенно произошло. Расстояние между глазами уменьшилось, нос изменился. То же самое с волосами. Они стали темнее и длиннее. Фабиан не понимал, смотрит ли он по-прежнему на Торгни или на кого-то другого. Но одно было ясно наверняка: лицо перед ним менялось.

Снова раздалось жужжание, и голова Фабиана еще немного повернулась. Теперь в шее тянуло как следует, хотя о реальной боли еще не было речи. Но он не сомневался, что это только вопрос времени. Интересно, сколько еще градусов он выдержит? Свернут ли у ему шею одним махом, или к неизбежному концу приведет несколько маленьких катастроф? Но его раздумья ничего не дали. Он даже не знал, какой вариант предпочтительнее. Сама мысль о смерти не составляла для него особой проблемы. Куда страшнее была мысль о том, что он может выжить.

Лицо на экране перед ним все еще менялось, и теперь он отчетливо видел, что оно становится все больше похожим на лицо Теодора. Фабиан сам сделал этот снимок весной. У Теодора был день рождения, и они отмечали его в кафе «Hard Rock Cafe», где Фабиан думал только о том, до чего же громкая и назойливая там музыка.

Опять зажужжало, и его голова снова немного повернулась. Но этот раз отличался от предыдущих. В этот раз он и услышал, и почувствовал, как хрустнула шея.

97

Дождь наконец перестал, словно кто-то закрыл кран, и превратился в отдельные капли. Но вода по-прежнему лилась, вернее, стремительно текла вдоль обочины в поисках не слишком переполненного стока. Ирен Лилья сунула ноги в сапоги, подошла к Муландеру и помогла ему надеть пуленепробиваемый жилет. Он ничего не сказал, но было ясно, что у него нет ни малейшего желания идти вместе с ней.

«Я криминалист, а не чертов спецназовец», – говорил он взглядом и раздраженными вздохами, когда она затягивала на нем ремни. Вероятно, он имел дело с чем-то, хоть сколько-то напоминающим оружие, только на рыбалке. Когда Ирен закончила с Муландером, она сама надела жилет.

– Все, идем.

Они заперли машину, взяли по сумке с оборудованием Муландера и двинулись по пустынной улице Моталагатан. Ничего удивительного, подумала Лилья. С одной стороны, глубокая ночь, а с другой – обрушившийся на город водопад заставил сидеть дома большинство ночных гуляк. Они дошли до дома 24 и смогли убедиться, что он ничем не отличается от других домов на этой улице. А чего она ждала? Старый ветхий особняк, где кто-то играет на органе, выплескивая таким образом свое безумие?

– О’кей, как мы поступим? – спросил Муландер.

Лилья задумалась. Хотя в нескольких окнах горел свет, скорее всего, его не было дома. С другой стороны, ни в чем нельзя быть уверенным наверняка. Только в том, что они должны торопиться.

– Пойдем самым коротким путем.

Лилья быстро подошла к крыльцу с фасада, осторожно потрогала дверную ручку, убедилась, что заперто, и пропустила вперед Муландера, который вскоре отпер дверь.

Они сняли свои пистолеты с предохранителей и вошли в холл. Из освещенной гостиной доносились звуки классической музыки.

– Вагнер, – прошептал Муландер у нее за спиной. – «Валькирия».

Они прошли через холл в гостиную, где горели лампы и громко играла музыка. Лилья хотела было войти в комнату, но Муландер положил ладонь ей на руку.

– Он хочет, чтобы мы вошли. Зажженные лампы и музыка. Он хочет увидеть, сколько нас.

– А нельзя просто выключить музыку? Она меня нервирует.

Муландер кивком показал на электрощит и открыл его. Пробки были помечены этикетками, надписанными красивым почерком. Каждая пробка соответствовала определенной комнате. Он вывернул предохранитель с пометкой «гостиная», но музыка не прекратилась. Попытался сделать то же самое с другими пробками – опять никакого результата.

– Похоже, он подключил как-то по-другому. Тебе придется смириться с музыкой. Это одно из лучших произведений Вагнера.

– Послушай, а если он так и задумал? Мы останавливаемся на пороге, и продолжает звучать зловещая музыка. Возможно, он хочет использовать музыку как прикрытие? И если он повесил здесь камеры, где гарантия, что их нет в остальных помещениях?

Муландер вздохнул, вошел в гостиную, подошел прямо к стерео и нажал на кнопку «стоп». Музыка прекратилась.

– Довольна?

Лилья вошла в комнату и огляделась. Если не считать стереоустановки, из мебели там стояли только кожаный диван, кожаное кресло, стеклянный стол и пустой книжный стеллаж. Когда Муландер осмотрел комнату и убедился, что в ней нет ни скрытых камер, ни микрофонов, они прошлись по всему дому, практически пустому. Везде было тщательно убрано. Даже на кухне и в ванной Муландер не сумел найти отпечатки. Единственная зацепка – маленький фарфоровый осколочек на полу в кухне. То же самое в подвале и на чердаке. Убрано и пусто.

Муландер стал выражать нетерпение – он считал, что они должны поехать по другому адресу, где находилась мастерская, но Лилья не была готова покинуть дом. Пока не готова. Она чувствовала, что они что-то упустили. Проблема заключалась в том, что они не знали, где искать. Они уже везде побывали, и у них не оставалось сомнения в том, что в доме убрали все, что могло стать зацепкой и повести их дальше.

Понятно, что он рассчитывал на их приход и подготовился. Неужели их действия были до такой степени предсказуемыми? Лилья вздохнула и присела на край кровати в спальне, а Муландер принялся прослушивать стены своим стетоскопом. Он ясно дал ей понять, что это самое последнее, что он готов сделать. Она согласилась, что если он не услышит ничего подозрительного, они поедут дальше.

Он повернулся к ней.

– Ничего?

Муландер покачал головой.

– К сожалению. Даже вентиляция не гудит.

– Тогда где он, черт возьми?

– Риск или Сёльмедаль?

Лилья пожала плечами.

– Оба.

– Они могут быть где угодно, но нам надо проверить еще один адрес. Его мастерскую.

Лилья кивнула. Муландер прав. Им надо немедленно ехать туда. Она встала, подошла к шкафу, стоящему напротив кровати, и открыла его.

– Тут ты ничего не найдешь, – сказал Муландер, пока она осматривала висящую на вешалках одежду – невыразительные вещи бежевого цвета.

– О’кей, едем в мастерскую. Где она находится?

– Улица Фрейагатан, 2. Рядом с промышленной зоной сразу к северу от Роо.

Они вышли из спальни и прошли через холл, где опять раздавались звуки «Валькирии». Переглянувшись, покинули дом и направились к машине. Лилья кипела от негодования. Это все равно что играть в «камень, ножницы, бумага», так, будто он все время заранее знает их следующий ход. Если у них «бумага», то у него «ножницы». Каждый раз он удивлял их неожиданным ходом.

Она не ждала, что он будет дома, и не ждала, что он окажется в своей мастерской. Но им больше ничего не оставалось, кроме как поехать туда в надежде что-то найти. Все это он знал. Естественно. У них был «камень», и ему только оставалось взять «бумагу». Вопрос только в том, что на этот раз означала «бумага»? Другой адрес, записанный на кого-то другого? Нет, это слишком предсказуемо. Если он захочет удивить, нужно что-то другое. Что-то…

Мысли Лильи прервал Муландер, который остановился на пересечении с улицей Эстхаммарсгатан и уставился прямо на чей-то сад.

– Что это?

Вместо ответа Муландер подошел к электрощиту, который торчал из тротуара рядом с забором.

– Ингвар, в чем дело? Что ты делаешь?

– Вот оно где, – он наклонился и приложил ухо к гудящему воздухозаборнику рядом с электрощитом.

– Будь так добр, объясни, что ты…

– Проверяю. Он, черт возьми, дотянул кабель аж досюда, чтобы в доме ничего не было слышно, – Муландер показал на тротуар – там была покрытая свежим асфальтом траншея шириной в полметра, ведущая к дому Сёльмедаля.

Я знала. Я так и знала, подумала Лилья, глядя вслед Муландеру, который уже спешил обратно к дому.

98

Когда Тувессон подъехала к подъезду Лины Польссон, та уже ждала ее у входа.

– Привет, я Астрид. Садитесь сзади, а я возьму вашу сумку, – сказала Тувессон и открыла багажник.

Лина кивнула и отдала сумку.

– Судя по всему, вы его еще не взяли. Но как идут дела? Теперь, когда вы знаете, кто это?

– Извините, но как вы об этом узнали? – спросила Тувессон.

Лина рассказала, как Фабиан приходил к ней и как они вспомнили имя забытого одноклассника.

Тувессон не знала, что и думать. Так вот почему Фабиан вел себя так странно? Мысль работала с такой скоростью, что у нее чуть было не закружилась голова. В конце концов, она поняла, что испытывает слишком сильный стресс, чтобы просчитать последствия, и попросила Лину пока ничего не говорить остальным.

Через двенадцать минут она свернула на маленькую покрытую гравием площадку перед домом Сета Корхедена. Никто из бывших одноклассников не произнес в машине ни одного слова. Несколько раз Тувессон пыталась нарушить молчание, которое, словно надувающийся воздушный шар, высасывало из салона весь кислород. Она спросила их, встречаются ли они, и рассказала о своей школе в Мальме. Насколько она понимала, большинство ее одноклассников регулярно виделись. Но в ответ она получила лишь несколько формальных ответов, и шар все продолжал надуваться. Она даже попыталась включить радио, но вскоре оставила эту затею. Бодрое шведское диско 80-х показалось не вполне подходящим вариантом.

Наконец они подъехали. Сет Корхеден ждал их на улице, зажав сумку между ног. На глаза была надвинута кепка, такая выгоревшая и поношенная, что, наверное, он не снимал ее во время всего паломничества. Тувессон помахала ему и указала на пустое пассажирское сиденье.

Дождь перестал, но она решила не выходить из машины, чтобы подсушить подогревом сиденья свои джинсы. Корхеден обошел машину, открыл дверь со стороны пассажирского сиденья, сел и изо всех сил постарался не испачкать сумку Лены Ульссон, которая занимала большую часть пространства для ног.

– Привет. Вы, должно быть, Астрид Тувессон.

Тувессон пожала ему руку, поприветствовала его и отметила, что в жизни он выглядит даже лучше, чем на снимке, который они нашли в Интернете. Довольно красивый, если бы не эти жуткие усы. Он обернулся к сидящим на заднем сиденье.

– Подождите, ничего не говорите. Ты ведь Лена Ульссон?

Лена кивнула.

– Сколько лет, сколько зим. Но клянусь, никогда не забуду, как ты мастерски играла в «классики». Так ведь? С тобой никто не мог сравниться.

Лена рассмеялась.

У Тувессон зазвонил телефон, и она ответила, одновременно выруливая на дорогу. Звонила Лилья. Она рассказала, что они с Муландером вернулись обратно в дом Торгни Сермедаля после того, как Муландер обнаружил вентиляционный выход в конце улицы. Тувессон не до конца поняла, что это значит, и, хотя полностью доверяла интуиции Муландера, все же хотела бы понять, чем они занимаются. Но не успела спросить.

– Я должна прервать разговор, – послышался голос Лильи на другом конце. – Кажется, он что-то нашел.

– Хорошо, будьте осторожны, – только и успела сказать Тувессон, прежде чем в телефоне щелкнуло.

– А вот и наш весельчак! Стефан, как ты? Я слышал, ты открыл свое дело.

Стефан Мунте кивнул и рассказал о своей консалтинговой фирме, которая занималась улучшением внутренней коммуникации на предприятиях.

– Я ни с кем не говорил три недели, и вы уж простите мне мою болтовню. У меня, так сказать, неудовлетворенная потребность.

– А как насчет меня? – спросила Лина Польссон. – Ты меня не узнаешь?

Сет Корхеден повернулся к Лине и улыбнулся.

– Остатки сладки. Разве можно забыть самую красивую девочку в классе?

Лина засмеялась, и Тувессон вздохнула с облегчением. Дорога до СИЗО уже не покажется такой длинной. Она притормозила и остановилась на красный свет на улице Дроттнинггатан рядом с городским театром. Было уже больше половины второго ночи, и темнота все еще висела над улицей мокрым покрывалом. Несколько ночных гуляк потерянно бродили в поисках нового водопоя, после того как полчаса назад на танцполе

безжалостно включили свет.

Тувессон читала все отчеты о преступлениях и знала всю статистику. Но ничто не могло изменить ее мнения, что укороченные часы работы ночных заведений – преступление против прав человека и приносит больше вреда, чем пользы.

На светофоре загорелся зеленый, и она поехала дальше по улицам Хельсубаккен и Энгельхольмсвеген, где никого не встретила, кроме редких такси. Она нажала на газ, радуясь, что ей везет со светофорами.

Свернув к СИЗО, отметила, что Утес только что подъехал в своем миниавтобусе и что Рагнар Пальм выходит их встречать. Она огляделась, но не увидела ни журналистов, ни просто любопытствующих. Они выбрали самое подходящее время. Теперь надо как можно быстрее запустить всех внутрь.

Она подъехала к входу, остановилась за машиной Утеса и попросила бывших одноклассников выйти, взять свой багаж и войти вслед за остальными. Они без возражений послушались. Но в их глазах она прочла скепсис. По отношению к новому, но полностью закрытому зданию. К высокому забору с колючей проволокой. К электрическим воротам, которые сейчас закроются за ними. К суровому выражению лица Рагнара Пальма. К его форме. Оружию.

На контроле безопасности, где у них досмотрели каждую взятую с собой вещь, легче не стало.

«Нет, эти ножницы для ногтей взять нельзя. Мы вам выдадим». «Но мне же нужен шампунь…» «Нет. К сожалению, запрещено».

Хотя надзирателям сообщили, что это особые гости, их отношение к своим подопечным так глубоко укоренилось в их подсознании, что они не смогли отказаться от профессионального жаргона, а также провели у вновь прибывших досмотр тела, как у любых других заключенных. *Для их же собственной безопасности*. Некоторые запротестовали, напомнив персоналу, кто они такие.

Сет Корхеден оказался самым громогласным и несговорчивым. Он заявил во всеуслышание, что пришел сюда за защитой, а не за наказанием, и грозился уехать домой. Это возымело действие, и ему даже позволили взять с собой инсулиновые шприцы без разрешения тюремного врача, которого не было на месте.

Тувессон видела по Утесу, что он одного с ней мнения, но, как и она, он делал все, чтобы этого не показывать и сохранять хорошую мину. Притворялся, что все происходящее продумано и обоснованно.

Что их вовсе не посадили за решетку как заключенных.

99

Он услышал едва уловимое тиканье, которое, как он теперь усвоил, предшествовало жужжанию – самому моменту поворота. Первые разы, осознав, что происходит, он напрягал шейные мускулы и изо всех сил пытался сопротивляться. Но теперь он понял, что самое лучшее – расслабляться и по возможности двигаться в такт.

Шея уже несколько раз трещала, и он выдержал гораздо больше, чем смел надеяться. Но теперь все должно скоро кончиться. Максимум еще четыре жужжания. Он вычислил, что паузы между жужжаниями длились чуть больше трех минут, и что каждое пятое жужжание было немного сильнее, а следующий за ним поворот – на несколько градусов больше. Еще один такой поворот он не переживет.

На экране перед ним появился новый снимок его сына.

Теодор с закрытыми глазами лежал на полу в своей комнате в доме, куда они переехали всего лишь неделю назад. Он узнал полосатый ковер, который они купили в ИКЕА несколько лет назад. Теодор хотел черный, но Соня настояла на ковре с разноцветными полосками. Теперь Теодор лежал на этом ковре, раскинув руки, как Иисус на кресте. Вероятно, потому что его усыпили.

И тут он понял.

Сын не покидал дома. Он все время находился в нем. Нельзя за секунду вынести тело более или менее взрослого человека, не рискуя, что это не увидят соседи или проходящие мимо люди и не начнут интересоваться. Почему он не подумал об этом раньше? Звуки, которые он слышал в подвале, издавала не соседка, а Теодор.

Он лежал запертый в печи, о которой как-то упоминала Соня. Оттуда он пытался докричаться до своего отца. Но отец его не слышал. Или нет, слышал, но не придал значения. Его мысли были заняты другим.

Совершенно другим.

И тут опять раздалось едва уловимое тиканье.

Скоро останется только три жужжания.

– Там. Видишь? – Муландер показал на плинтус.

Лилья проследила за тем, куда указывала его рука, но не увидела ничего примечательного.

– Вижу. Выкрашенный в коричневый цвет плинтус.

– А над ним?

– Провод.

– Именно. Он как будто тоже выкрашен в коричневый цвет и проведен в шкаф, так?

Лилья кивнула.

– Но для чего? – продолжил Муландер, открыв шкаф с одеждой бежевого цвета. – Здесь нет ни лампы, ни чего-либо другого.

– Может быть, он идет дальше к кровати?

Муландер покачал головой:

– Нет, он исчезает где-то за шкафом. Пойдем, попробуем его отодвинуть.

Они взялись каждый со своей стороны и попытались отодвинуть шкаф от стены, но его нельзя было сдвинуть с места.

– Наверное, он прикреплен и к стене, и к полу, – сказал Муландер, пытаясь заглянуть за шкаф.

Тем временем Лилья перебирала бежевую одежду. Что-то ее зацепило. Она не знала, что именно, но теперь, снова оказавшись здесь, поняла, что точно такое же ощущение возникло у нее и в первый раз. Невыразительные бежевые вещи, но дело было не в этом. Две пары вельветовых брюк, три пары брюк-чинос, несколько рубашек и свитеров. Но только когда в манжете одной рубашки она нашла маленький полиэтиленовый пакетик с двумя запасными пуговицами, до нее дошло, в чем дело. Она посмотрела вниз на Муландера, который лежал на животе и светил карманным фонариком под шкафом.

– Послушай, одежда совершенно неношеная.

– И что?

– Абсолютно вся. Эти вещи ни разу не надевали, и они висят здесь только для видимости.

Она отодвинула вещи в сторону и ощупала руками заднюю стенку шкафа, но никакой щели не обнаружила.

Муландер подошел к Лилье и посветил фонариком по краям. Вскоре он убедился, что щель есть. Очень маленькая, но есть. Они вместе вынули из шкафа всю одежду и попытались надавить на заднюю стенку. Но та не поддавалась. Муландер принялся стучать в разных местах, но везде раздавался один и тот же глухой звук.

– Здесь должен быть какой-то пульт, – предположил Муландер, вылез из гардероба и осмотрелся.

– Попробуй перерезать провод.

Муландер кивнул и перерезал провод кусачками.

Лилья осталась стоять в шкафу, приложив ухо к задней стенке, и сразу

почувствовала в воздухе шевеление. Слабую тягу. Муландер присоединился к ней, и вместе им удалось сместить заднюю стенку вглубь сантиметров на десять, а потом отодвинуть ее в сторону, как раздвижную дверь. Перед ними зажегся ряд лампочек накаливания, осветивших деревянную лестницу, которая, похоже, вела прямо под землю.

Фабиан пытался отвлечься и подумать о чем-то другом. О чем он только ни пытался думать. О Соне и Матильде и о том, чем они сейчас занимаются – бодрствуют или уже легли спать.

Он попытался подумать о Стокгольме с его суровыми зимами, особенно последней. Об отпуске в Таиланде три года назад и о новом доме. Но ничего не помогало. Он мог думать только о боли. Боль поглотила все и требовала полного внимания.

И тут он услышал тихое тиканье, которое ждал три минуты, и через секунду раздалось жужжание. Четвертое и последнее перед пятым сильным треском, которое поставит точку страданиям. Три минуты.

Три длинных минуты.

Лилья и Муландер спустились вниз по крутой деревянной лестнице, сняв пистолеты с предохранителей. Внизу у них моментально пропало ощущение, что они в подземелье. Они словно оказались в космическом корабле 60-х годов. Потолок осветился слабым светом, и они увидели, что находятся в узком трубообразном коридоре, который под легким уклоном шел вниз и был покрыт пушистым красным ковром. Рядом стояла калошница с парой домашних тапочек, а на крюке висел белый халат.

Полицейские пригнулись, чтобы не удариться головами о потолок, и двинулись вперед по трубе, которая через несколько метров разделилась на два коридора, оба примерно пять метров длиной. В коридорах стены были прямые, и можно было встать в полный рост. По обеим сторонам каждого коридора было по две двери. Всего восемь дверей.

– Иди налево, а я пойду направо, – сказал Муландер и открыл первую дверь с правой стороны.

Дверь вела в выкрашенную в красный цвет комнату с мигающими диодами на потолке и спортивными снарядами на полу. Из нескольких встроенных динамиков лилась фоновая музыка.

Лилья открыла первую дверь со своей стороны и вошла в комнату, где обнаружилось множество аккуратно развешенной одежды. В одном углу находился туалетный столик с зеркалом с подсветкой, а на полке стояло несколько голов манекенов, на которые были надеты самые разные парики.

Здесь было что осматривать, но детали пусть подождут. Она вернулась в коридор.

Муландер оглядел комнату, похожую на маленькую квартиру с заправленной кроватью и ночным столиком в одном конце и маленькой диванной группой и телевизором в другом. Стены были обиты обоями с классическим рисунком ар-деко, а всю стену занимал книжный стеллаж, заставленный книгами и виниловыми пластинками. В комнате было еще две двери. Одна видимая, которая вела в ванную, и еще одна, спрятанная в узорчатые обои. Если бы не вытоптанное ковровое покрытие, Муландер никогда бы не обратил на нее внимания.

Он сунул палец в маленькое отверстие и отодвинул дверь в сторону. Его обдало теплом соседнего помещения, а когда он увидел тысячи и тысячи мелькающих в темноте диодов, прекрасно понял, что обнаружил.

Лилья повернула дверной замок, но дверь была заперта. Она отошла назад, разбежалась, насколько позволяло место в коридоре, и изо всех сил ударила дверь ногой. Потом еще раз. Но дверь не поддавалась. И только выстрелив несколько раз по замку, смогла выбить дверь. Ее встретила плотная тишина. Лилья пыталась нащупать на стене выключатель, не сразу поняв, что за дверью висят три тяжелые портьеры. Она отодвинула портьеры, одну за другой, и обвела взглядом полукруглую комнату, одновременно направив пистолет на мужчину, который сидел к ней спиной на стуле, напоминающем старое стоматологическое кресло.

Она крикнула ему, чтобы он медленно встал и поднял руки над головой. Но никакой реакции не последовало. Мужчина был или мертв, или по какой-то причине неспособен ответить. Лилья обошла стул и увидела, что это Фабиан Риск. Отчасти она волновалась из-за того, что он может быть в опасности. А отчасти – из-за того, что он стоит за всем этим. Но она была совершенно не готова увидеть то, что увидела. Его голова была зажата между двумя пластинами и так сильно свернута набок, что от одного вида ее чуть не вырвало.

Положив руку на его вытянутую шею, Ирен убедилась, что у него еще прощупывается пульс. Вероятно, от боли он потерял сознание. Она изо всех сил стала звать Муландера, но прекратила, как только почувствовала, что пластины, сжимающие голову Фабиана, начали слабо вибрировать. Чем бы ни было это странное приспособление, оно вот-вот свернет ему шею.

Ирен засунула пистолет за пояс и стала хватать все подряд, пытаясь помешать вращению. Одной ногой она уперлась в подлокотник кресла. Но

ничего сделать ей не удалось, и она явственно ощущала, что кресло продолжает вращаться. От злости она хотела ударить по конструкции, но побоялась принести больше вреда, чем пользы.

Благодаря ее усилиям или по какой-то другой причине, но внезапно жужжание смолкло, весь свет погас, и она легко смогла вернуть всю конструкцию на место. В кромешной тьме дрожащими кончиками пальцев она нащупывала пульс у Фабиана. Ей казалось, что она тонет в потоке вопросов, которые хочет задать.

Сводчатая стена осветилась карманным фонариком, и вскоре она услышала голос Муландера:

– Думаю, я нашел блок предохранителей.

100

Фабиан проснулся с сильной резью в затылке и пульсирующей головной болью. Ему хотелось пить, и он был весь в поту. Попытался сглотнуть, но во рту словно был наждак. Было светло, слишком светло, и он не осмелился открыть глаза. Постарался собраться с мыслями, но в конечном итоге был вынужден признаться самому себе, что понятия не имеет, ни что произошло, ни где он находится.

Он восстановил те последние события, которые сумел запомнить. Как плохое лето побило все рекорды, и как они решили поехать в теплые края. Он, Соня и дети. На Майорку. Точно, Ильетас, вот где он был. В шезлонге у бассейна.

Он попытался повернуть голову, но шея не двигалась. Наверное, он заснул в неудобной позе. Или получил солнечный удар? Поэтому у него путаются мысли? На самом деле, он не любил пляжный отдых. От проклятой жары голова болела еще сильнее. Не говоря уже об орущих детях повсюду. Могли хотя бы ввести возрастные ограничения в бассейновой зоне. Будь это его отель, он бы вообще не пускал сюда детей.

Может быть, стоит окунуться? Может быть, именно это ему и нужно? Окунуться. А потом выпить пива, и он придет в себя. Он открыл глаза и зажмурился от сильного света. Где остальные? Он видел их шезлонги и мокрые пляжные полотенца.

В шезлонге Сони лежал раскрытый роман «Происшествия у воды» Черстин Экман. Она уже успела дочитать до середины. Наверное, он пролежал в отключке несколько часов.

Фабиан встал и почувствовал, что нужно нормализовать давление, чтобы суметь добраться до бассейна. Он шел вдоль бортика, по которому можно было спуститься к нижнему бассейну на два метра ниже. Дети все время упорно шныряли мимо, прыгали в бассейн и пытались как можно сильнее обрызгать загорающих на солнце постояльцев. Но теперь настала его очередь.

Важно прыгнуть более или менее красиво, так, чтобы не было видно, что он прилагает слишком много усилий. Наверняка на него кто-то смотрит. Втянуть живот. Руки вперед и вниз. Прямые ноги вместе. Тело погрузилось в прохладную воду. Руки ударились о что-то твердое. Потом настала очередь лба. Он услышал, как в затылке хрустнуло. Вода окрасилась в красный цвет.

Какой-то мужчина попытался помочь ему выбраться наверх, он говорил по-немецки и пытался уложить его. Но он не хотел ничьей помощи. Не хотел залить бассейн кровью. Он только хотел уйти оттуда. Подальше от бассейна и липкой воды. Подальше от Сони и детей. Подальше от всего.

Кто-то поднес к его рту стакан с водой, и он открыл глаза. Все кренилось то туда, то сюда. И женское лицо. Он узнал ее. Она хорошо выглядела. Он был уверен, что они встречались раньше. Или все это только сон? Нет, он отчетливо помнит, как нырнул в бассейн и ударился головой. И кровь, ручьями стекавшая на бортик бассейна, когда немец пытался его уложить. Он приложил ладонь ко лбу, но не нащупал никакой раны.

А он вообще жив? Он почувствовал, что ему стянуло шею и затылок. И тут послышался голос. Он слышал этот голос раньше, но не мог понять, кому он принадлежит. «Фабиан… Фабиан…» Он опять открыл глаза и увидел ту же женщину. За ее спиной все двигалось. Точно, это она. Как там ее зовут? Лилья… Ирен Лилья. Это должно означать, что он жив. Если только она тоже не мертва? Теодор… Он должен поехать домой и проверить, как там Теодор. Он попытался встать, но Лилья уложила его обратно на жесткую койку.

– Лежи, мы еще не приехали.

– А куда мы едем?

– В отделение неотложной помощи. Скоро будем. Сейчас тебе лучше всего расслабиться.

Но расслабляться он не хотел. Еще меньше он хотел ехать в неотложку и часами ждать помощи. Не нужна ему никакая помощь.

– Со мной все в порядке. Мне только надо домой. Домой к Теодору.

– Это наркоз так действует, – сказала Лилья и похлопала его по лбу. – Успокойся и попытайся расслабиться.

Он закричал, что она ошибается и что он должен ехать домой. Домой к Теодору, своему сыну. Но она отказывалась слушать, только улыбалась и без конца повторяла, что ему надо успокоиться. Все наладится. Он не должен был видеть, но увидел: она постучала в стекло водительской кабины. И тогда он ее ударил. Не прошло и суток, как он ударил ее второй раз, ударил голой ладонью.

Она замолчала и схватилась за свою пылающую щеку.

И наконец послушалась.

Он не помнил, как выбрался из скорой и поднялся по ступеням на крыльцо, пыталась ли Лилья остановить его или дверь была заперта. Он

помнил только, что внезапно оказался в своем собственном подвале и увидел, что Теодор лежит на полу.

На спине. Бездыханный.

Верхом на нем сидела женщина и прижимала свой рот к его. Кто это и что она делает? Он же мертв. Женщина встала и принялась ритмично нажимать обеими руками на его грудную клетку.

– Пятнадцать… Шестнадцать… Семнадцать…

Только теперь до него дошло, что это сотрудница полиции из Копенгагена. Но что она делает здесь, у него дома? Он попытался спросить, но не получил ответа.

– Она сейчас не может говорить, – сказала Лилья, которая, очевидно, стояла у него за спиной.

Он обернулся, но она уже поднималась по лестнице. Он не знал, сколько она отсутствовала и сколько он смотрел на датскую сотрудницу полиции, пока та пыталась вернуть к жизни его мертвого сына.

Время словно остановилось, и внезапно из ниоткуда появились они – врачи скорой, которые открыли свои сумки, достали свои приборы и подключили провода и шланги различных цветов. Тео вставили в рот трубку с воздуходувкой, ножницами разрезали на нем одежду и намазали ему грудь каким-то желе. Возле него совершенно без сил лежала датская женщина-полицейский. Рядом на корточках сидела Лилья и поила ее.

Громкий свистящий звук и две ручки, приставленные к слишком юной груди. Тело выгнулось мостиком и упало. Бездыханное и без пульса. Один врач проверил, правильно ли подключены провода. Другой стал сжимать воздуходувку.

Новый высокий звук и новый мостик.

Как долго и сколько раз? Фабиан понятия не имел.

Наверняка он знал только одно: это его вина.

101

Астрид Тувессон отметила, что со времени ее последнего посещения Рагнар Пальм сделал все возможное, чтобы развеять тюремную атмосферу. На наружной стене повесили шторы, чтобы скрыть отсутствие окон, а остальные стены украсили афишами всех выставок в Луизиане. Вероятно, его собственными: Тувессон знала, что Пальм не пропускает ни одной выставки.

Но эта попытка практически ничего не дала. Не было никакого сомнения в том, где они находятся. «Надеюсь, они хотя бы чувствуют себя в безопасности», – думала она, пока гости выбирали себе кровати.

Получилось именно так, как она и представляла. Мужчины вдоль одной стены, женщины – вдоль другой. Только она не рассчитывала на все эти вопросы. По своей наивности она решила, что все, как и она, страшно устали, и сразу же захотят спать. Вместо этого ей стали задавать вопросы, на которые у нее не было ответов: «Как вы думаете, сколько нам придется здесь пробыть?» «Здесь есть вай-фай?» «Мои дети возвращаются в воскресенье. Их тоже привезут сюда?» «А вы вообще-то все как следует продумали?»

Ей хотелось наорать на них. Выкрикнуть одно длинное «Нееееет!». Происходящее никак нельзя считать продуманным. Решение было принято спонтанно, в состоянии, которое можно описать как панику. В ситуации, где каждая потерянная минута увеличивала риск, что в списке жертв появится еще одна, а СМИ станут продавать новые номера газет и еще больше раздувать миф о неуловимом преступнике, которому как никому другому удалось обвести полицию вокруг пальца.

Какое она имеет право говорить, что нет других и, возможно, лучших способов выйти из положения? Может быть, она слишком устала, чтобы ясно думать.

Она взвешивала свои слова и пыталась дать более или менее разумное объяснение, почему она не может ответить на все их вопросы, и насколько важно ни при каких обстоятельствах не раскрывать, где они находятся. Но в ту же секунду, как она произнесла эти слова, почувствовала, какой пустотой они отдают. «Что вы пытаетесь сказать»? «Я должна отводить и забирать детей». «А мне надо на работу, и я собираюсь здесь только ночевать».

В конце концов, Утесу пришлось встать на стул и расставить все точки над «и»:

– Лучше вам понять это сразу! Пока сложившаяся ситуация не изменится, ни один из вас не сможет отсюда выйти!

– А если мы откажемся? – спросил Стефан Мунте.

– Как я сказал, пока ни один из вас не сможет отсюда выйти! Смысл в том, что никто не должен знать, где вы находитесь. И поэтому я должен забрать у вас ваши мобильные телефоны. Вы получите их обратно, как только все закончится, а в дневное время персонал поможет вам сделать отдельные необходимые звонки. Понятно?

Утес слез со стула и начал собирать мобильные. Никто ничего не сказал. Все хранили молчание. Интересно, подумала Тувессон, это потому что они в шоке, или слишком устали, чтобы ругаться? В глубине души она хотела подбежать к Утесу и остановить его. Вернуть всем мобильные и сказать, что они могут ехать домой и все забыть. Но Утес поступил совершенно правильно. Странно, что они не подумали об этом раньше. Ведь существовал риск, что кто-то позвонит родственнику, другу или даже журналисту и раскроет всю затею.

– Я понимаю, что вы не знаете. Но как вы думаете, это надолго? – нарушил тишину Сет Корхеден.

– Да, мне бы тоже хотелось знать, – сказала Сесилия Хольм. – Вы же не можете держать нас здесь взаперти до бесконечности только потому, что не в состоянии обеспечить нам защиту в наших домах.

– Нет, не можем, – ответила Тувессон, не зная, что говорить дальше. – Конечно, мы рассчитываем и надеемся, что это не продлится слишком долго.

– Надеетесь?

Тувессон повернулась к Лене Ульссон и увидела на ее лице выражение безнадежности, которое сказало больше, чем все протесты вместе взятые. Тувессон поняла, что вынуждена дать им какую-то гарантию. Иначе они никогда ее не отпустят, а сами не смогут расслабиться и лечь спать.

– Мы ничего не хотим обнародовать. Но поскольку вы все равно отрезаны от внешнего мира, могу сказать, что мы не настолько далеки от раскрытия преступления, как может показаться. Ничего не обещаю, но речь идет о нескольких сутках. Максимум. А если операция затянется, обещаю лично позаботиться о том, чтобы те из вас, кто захочет поехать домой, сделали это, и им была обеспечена охрана.

Большинство кивнули и, к ее немалому удивлению, похоже, сочли это разумным.

– Что вы знаете такого, что не знают все остальные?

Корхеден опять задал трудный вопрос. В отличие от других, его явно

не так легко взять на крючок.

– По понятным причинам я не могу ответить на ваш вопрос. Это все, что я могу сказать. Спокойной ночи. Надеюсь, вам удастся хоть немного поспать.

Она повернулась к ним спиной и быстро пошла к выходу, чтобы ее подопечные не успели задать еще вопросы.

102

Теодор всегда был красив. Еще в родильном доме акушерка отметила его внешность, утверждая, что он один из самых красивых детей, которым она помогла появиться на свет. Фабиан вспомнил, как обрадовался, но в глубине души подумал, что так говорят всем родителям. Акушерок, наверное, учат этому на каких-нибудь курсах. И только когда акушерка вышла в коридор и позвала своих коллег, Фабиан понял, что его сын – нечто совершенно особенное.

Красота никуда не делась ни в детстве, ни в подростковом возрасте. Светлые кудрявые волосы упрямо свисали на голубые глаза, смотревшие обращенным вовнутрь, немного мистическим взглядом. Очерченные щеки и нежная кожа, на которой, насколько Фабиан знал, ни разу не выскочил ни один прыщик.

Теперь сын красил волосы в черный цвет и почти всегда убирал их под шапку. Он проколол себе обе брови и в целом сделал все, чтобы изуродовать себя, что ему не очень-то удалось. Теодор по-прежнему был одним из самых красивых созданий, которые когда-либо видел Фабиан.

Несколько лет назад Соня предложила Теодору обратиться в модельное агентство, чтобы подзаработать, но в ответ получила только фырканье. Как будто меньше всего ему хотелось быть красивым. Как будто это абсолютное унижение.

Теперь Теодор лежал в постели с закрытыми глазами, полностью расслабленный, и Фабиан не мог не думать о том, что смотрит на смерть. В ее самом красивом обличье. Больше всего ему хотелось заплакать, но он не был способен даже на это.

К счастью, его сын не умер. Но был настолько близок к смерти, что на короткое время его объявили умершим. Но потом сердцебиение возобновилось. Теперь он лежал под наркозом, подключенный к целому машинному парку, который контролировал его состояние.

Если бы не Дуня Хоугор, Теодора по-прежнему считали бы мертвым. Но благодаря ей в его кровь поступил кислород, и кровь стала циркулировать. Дуню уволили за то, что она помогла шведской полиции. И все же она пересекла пролив, чтобы лично вручить снимок Торгни Сёльмедаля, но Фабиана не было дома, и он не ответил, когда она звонила.

Зато он, судя по всему, забыл запереть дверь, так что она вошла в дом и позвала его. Стояла глубокая ночь, и Дуня, немного подождав, закричала

снова. Но на этот раз громче, а в третий раз – еще громче. Дуня не получила никакого ответа, но услышала звуки из подвала.

В отличие от Фабиана, она поняла, что звуки доносятся не из соседнего дома, а из стены. Ему эта мысль вообще не приходила в голову, хотя он знал, что в доме есть печь.

Когда Дуне удалось вытащить Теодора, у него не прощупывался пульс и он не дышал. И все же она не сдалась, а сразу же начала оказывать ему первую помощь, и делала это до тех пор, пока они не пришли почти целый час спустя. Сможет ли он когда-нибудь отплатить ей?

Фабиан сидел как можно ближе к кровати и держал спящего Теодора за руку. Будь его воля, он бы так и сидел, пока сын не проснется. Но считалось, что угроза в отношении него самого так велика, что он не может оставаться в больнице. Он всячески отказывался, ссылаясь на поврежденный затылок. Но когда рентген показал, что ничего не сломано, врачи разрешили ему покинуть больницу, снабдив лечебным воротником и пузырьком с болеутоляющим.

Открылась дверь. Вошла медсестра, протягивая ему телефон. Ей не надо было ничего говорить. Он точно знал, кто это, и попытался приготовить слова, но у него ничего не получилось.

– Привет.

– Привет.

– Ирен все рассказала?

– Да.

Он ничего не говорил. Она тоже. На этот раз молчать было нетрудно. Он слышал ее дыхание и почувствовал, что это его успокаивает. Он закрыл глаза, и ему показалось, что она лежит рядом и дышит ему в ухо. Как же он скучал по ней.

– Соня, я… Я понятия не имел.

– Мы завтра выезжаем. Тогда поговорим, как нам быть.

– Хорошо.

В ухе щелкнуло, и он отдал телефон сестре, которая, выходя из палаты, встретилась с Лильей.

– Ты готов?

Фабиан кивнул и встал. Поцеловав сыну руку, вышел вслед за ней из палаты.

103

Блэксберг, Каухайоки, Бейли, Монреаль, Джексборо, Ред Лейк, Колд Спринг, Ред Лайон, Эрфурт… Список массовых убийств в различных школах скоро можно будет продолжить до бесконечности. Все они какое-то время были новостями номер один, но теперь их судьба одинакова. Полное забвение, глубокое, как пропасть. Сегодня никто не знает, что это за список. Никто, кроме скорбящих родственников и близких. Остальные уже давно забыли.

Это – другой случай. Во всех отношениях другой. Его никогда не предадут забвению. Наоборот, он отпечатается в сознании миллионов и миллионов, и его имя никогда никого не оставит равнодушным. Процесс уже в полном разгаре. Информация о сенсационных убийствах распространилась далеко за пределами Швеции, и последние сутки CNN все время говорили об этом как об одной из своих главных новостей.

А ведь пока было известно только о шести убитых. Что они скажут, когда найдут еще пятерых, с которыми скоро будет покончено? Когда все поймут, что никто не мог быть в безопасности, даже если переехал из Сконе в Осло или случайно оказался в отпуске за границей?

Он так близко подошел к цели, как когда-то даже и мечтать не смел. Последние годы он внушал себе, что ему все удастся и что альтернативы нет. Что это естественное и совершенно логичное следствие всех его скрупулезных приготовлений. И только теперь он осмелился признаться самому себе, каким был наивным и как ничтожны были его шансы. Но сейчас это более или менее свершившийся факт. Он бежал дистанцию и впереди видел финишную ленточку.

У него осталось девять человек. Девять человек, к которым по первоначальному плану он должен был прийти ночью домой. К одному за другим. По его расчетам, на все про все должно было уйти пять часов. Теперь обстоятельства полностью изменились.

Теперь все девять были заперты в одном помещении.

И он вместе с ними.

Он попытался притвориться, что спит, но ему было трудно скрыть улыбку. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Словно Бог испытывал его на прочность и теперь наградил его, расстелив перед ним красную ковровую дорожку. Его впустили в святая святых без всяких проблем.

Похоже, никто даже не подозревал, что он не тот, за кого себя выдает.

Усы сделали свое дело, и свернувшаяся кровь вместе с контактным клеем сработали лучше, чем можно было надеяться. К тому же он хорошо играл свою роль и был поражен, как легко все шло, учитывая, что у него совсем не было времени на подготовку.

Было бы естественным вести себя тихо и производить как можно меньше шума. Держаться в тени и позволить остальным занимать места. Как он всегда делал. Но стоило ему сесть в машину, как он решил действовать наоборот. Говорить. И первый раз они слушали. За последний час он говорил со своими бывшими одноклассниками больше, чем за все школьные годы.

В то время, когда он к ним обращался, они едва отвечали. Сейчас все по-другому. Теперь они охотно рассказывали о себе. О детях и семейной жизни. О разводах и изменах. О карьере, которую сделали в компании «Эрикссон», и о последующем увольнении. И теперь они опять сидят за партой и учатся составлять резюме. О разрушенных надеждах и депрессиях, новых ванных на открытом воздухе и процентах по ипотеке.

Все они думали, что знают, с кем говорят. На самом деле, они не имели ни малейшего представления. Как же он наслаждался. Рассказы об их никчемных маленьких неудавшихся жизнях звучали для него как музыка и служили эффективным лекарством от многолетней зависти. Зависти ко всем одноклассникам, всегда таким счастливым, и ко всему тому, что было у них и никогда не будет у него.

Его всегда удивляло, как все остальные могут быть такими самоуверенными. Все, кроме него самого. С какой легкостью они сыграли бы главные роли в фильмах о самих себе. Теперь его это не удивляло. Теперь все по-другому. Они поменялись местами. Теперь они всего лишь статисты в фильме о нем. Команда неудачников. Серая безликая масса с такими неинтересными жизнями, что он удивлялся, как они вообще в состоянии рассказывать о них. Не говоря уж о том, чтобы проживать их.

Нет никакого сомнения, что большинству из них он окажет неоценимую услугу, положив всему этому конец. Если бы у них была возможность, многие наверняка бы потом поблагодарили его. Теперь у их бессмысленных маленьких жизней, по крайней мере, будет осмысленный финал. Они превратятся в еще один крестик. В цифру, сложенную вместе с другими цифрами в сумму, от которой никто не сможет защититься. Никто никогда не брал весь свой класс целиком.

Никто.

Еще девять, и он завершит свое дело.

Двадцать из двадцати.

Большинство даже ничего не заметит. Один укольчик – и через несколько секунд все будет кончено. Некоторые наверняка попытаются оказать сопротивление, но это ничего не изменит. Исход будет тот же.

Двадцать из двадцати.

В течение нескольких часов все будут считать, что их девятнадцать, что есть один выживший. Тот, кому удалось защититься и воткнуть шприц в преступника. А именно герой Сет Корхеден. И пока они в суматохе разберутся, что и Корхеден мертв, он уже будет далеко. Посмотрим, кого он назначит на роль преступника.

Сейчас все погасили свои прикроватные лампы, и он слышал, как кто-то открыл крышку своей каппы, кто-то снял колготки, а кто-то выдавил таблетку из упаковки. Через пятнадцать минут все будут спать. Наручные часы показывали двадцать минут четвертого, и он чувствовал новый прилив энергии с каждым тиканьем секундной стрелки.

Уловив бряцание ключей, он не мог понять, что это значит, пока не услышал, как открылась тяжелая металлическая дверь. Не шевелясь, открыл глаза и увидел, как два надзирателя внесли еще одну кровать и поставили ее в ряд напротив него. Будет еще один? Он ничего не понимал. Все уже здесь.

Он увидел, как они стелют постель и ставят стул. Может быть, для кого-то из надзирателей? Само по себе это не представляет особой проблемы. Ему только придется выждать еще как минимум полчаса.

Оказалось, что его подозрения ошибочны. Они ввели мужчину, но в темноте он не разглядел, кто это. И только когда мужчина снял куртку и показался лечебный воротник, до него дошло. Но он по-прежнему ничего не понимал. Это действительно Фабиан Риск сидит на кровати и обводит глазами комнату?

У Риска не было ни малейшей возможности выбраться самому. Единственное разумное объяснение – они нашли его укрытие, что, в свою очередь, означает, что его опознали. Он не мог понять – как?! Об отпечатках из машины он позаботился. Разве нет? Или были еще отпечатки?

Он закрыл глаза и сделал усилие, чтобы не подавать вида, что сна у него ни в одном глазу, а сердце бешено колотится. Как же ему хотелось подбежать к этому мерзавцу и всадить в него шприц. Покончить с ним раз и навсегда. Но не получится. Пока что. Сейчас надо лежать с закрытыми глазами. Обдумать альтернативы. Он не может рисковать и споткнуться на финишной прямой. Он слишком далеко зашел.

То, что его опознали, само по себе не обязательно причинит ему особо

большой вред, учитывая, что еще несколько часов – и он сам назовет себя. Процесс уже в полном разгаре, и в данную минуту в него вовлечено как минимум сто человек. Так что при ближайшем рассмотрении оснований для беспокойства нет.

И тем не менее, он испытывал именно беспокойство.

Неизвестность. Вот что его тревожило. Именно сейчас ему это меньше всего нужно. Что еще они узнали? Знают ли они, что он здесь? И если так, за кого он себя выдает? Может быть, именно по этой причине Фабиан сейчас находится здесь? Или это место считается самым безопасным и для него?

Он пришел к выводу, что они понятия ни о чем не имеют. Будь у них хоть малейшее подозрение, они бы давно ворвались с группой захвата и доставили каждого на допрос. Чем больше он об этом думал, тем больше росла его уверенность.

Они понятия не имеют.

Во всяком случае, Тувессон и ее коллеги. А вот что происходит в голове Риска, это совсем другой вопрос. Здесь не помогут никакие логические умозаключения. Этот урок он усвоил. Нет, Фабиан Риск явно подчинялся совсем другим естественным законам, чем его коллеги.

Он должен был умереть больше двух часов назад. Но вот он сидит по диагонали от него, самый крайний в женском ряду, и обозревает спящую компанию. Ничто, касающееся этого человека, его больше не удивляло. Нет никакой гарантии, что Риск не подозревает, что он находится среди них. Что ему каким-то необъяснимым образом удалось точно вычислить, как все произошло, и поэтому по собственной инициативе он предпочел провести здесь ночь. Конечно, он должен был проинформировать своих коллег.

Должен был.

Но Риск не первый раз поступал не так, как должен. С тем же успехом он мог решить оставить свои подозрения при себе. Или он ничего не предполагает и просто хочет поспать несколько часов в безопасности?

Он перевернулся на бок, притворяясь, что делает это во сне. Никто не должен видеть, как он улыбается, включив таймер на своих наручных часах.

Тридцать минут. И ни секундой дольше.

Он нашел своего преступника.

104

Снимок был почти совершенен. В отличие от снимка в архиве, он был без этой всклокоченной бороды, и черты лица, пусть и стертые, все равно просматривались. Вот так теперь выглядел Торгни Сёльмедаль.

– И тебя уволили за то, что ты хотела передать нам фото? – спросила Тувессон.

Дуня кивнула.

– За это и за машину, – ответила она, пытаясь говорить по-шведски.

Тувессон покачала головой и переглянулась с Лильей, Утесом и Муландером. Она не знала, что сказать. Несколько раз она встречалась с Кимом Слейзнером, и он всегда производил на нее впечатление немного надменного человека.

Но немного надменные люди – не такая уж редкость в полиции по обе стороны пролива. Конечно, как и все остальные, Тувессон слышала байки о Слейзнере и воспринимала их именно как байки. Не больше и не меньше. Но то, что он ради собственной выгоды будет ставить палки в колеса полицейскому расследованию в Швеции, – совсем другое дело.

– Значит, он понятия не имеет, что ты здесь?

– Нет, он даже не знает, что у меня есть снимок. Этот чертов психопат заблокировал мою почту, как только уволил меня.

Тувессон и остальные переглянулись.

– Сорри, – произнесла Дуня. – Я хотела сказать, что он…

– Думаю, мы поняли, – прервала ее Тувессон. – Но как ты раздобыла снимок?

– Один мой очень хороший друг работает в отделе информационных технологий.

– Таких друзей много не бывает, – заметил Утес.

– Чтобы ты знала: здесь ты всех нас можешь считать своими друзьями, – сказала Тувессон. – Без тебя мы бы не… Даже не хочу об этом думать.

– Я только не могу понять: почему он против того, чтобы мы получили снимок? – спросила Лилья.

– Думаю, он сам хочет показать его на пресс-конференции через несколько часов.

– Получается, речь идет только о славе.

– И чтобы отвлечь внимание от того факта, что он не ответил на

звонок Астрид, – заметил Утес.

Тувессон задумалась, хотя на самом деле уже приняла решение. Слейзнер, понятно, придет в ярость, смешает всех с грязью и позаботится о том, чтобы отношения между датской и шведской полицией по возможности стали еще хуже.

– Мы объявим его в розыск. Прямо сейчас.

Дуня почувствовала, как у нее в животе разжимается комок. Наконец-то она попала в отделение полиции, где на первом месте стоит расследование.

– Я выложу это на сервер, – сказал Муландер и вышел.

Утес и Лилья начали обзванивать утренние газеты.

– Дуня, если хочешь пить или есть, кухня вон там. Чувствуй себя как дома, – сказала Тувессон. – Если хочешь отдохнуть, у нас есть…

– А если я хочу помочь?

105

Начиная с 16 июня она просто проходила мимо, и каждый раз ей казалось это странным. Она не приносила ему газету три с половиной недели. Целая вечность, если речь о Корхедене. Она разносила газеты почти десять лет, и не могла припомнить, чтобы он хоть раз делал такой большой перерыв. А если подумать, она не помнит, чтобы он вообще когда-либо делал перерыв.

Это был скучный период, и ей, честно говоря, не хватало Корхедена. Не потому что она была с ним знакома. Она едва представляла, как он выглядит. Но она знала одно: никто так не ждал газету, которую она приносила; вероятно, момент доставки был кульминацией его дня.

Сейчас, во всяком случае, все вернулось на круги своя. Она будет приносить газету, и порядок восстановится. Она слезла с плоского мопеда, взяла «Хельсингборгс Дагбладет» и по дороге к дому сложила ее. Как обычно, из трубы поднимался дым, хотя был разгар лета. Ночью шел дождь, и в старом доме наверняка сыро. Но, насколько она поняла, Корхеден верен своим правилам.

Не доходя до двери, в которой он проделал прорезь, чтобы не выходить на улицу, она передумала, вернулась обратно к мопеду и захватила по экземпляру «Дагенс Нюхетер» и «Свенска Дагбладет». Небольшой подарок по случаю его возвращения домой. Как еще ей показать, что она его ценит. Дойдя до двери, она сложила «Свенска» и медленно опустила газету в прорезь. Интересно, как он отреагирует. Решит, что она принесла ему не ту газету и быстро откроет дверь, или из любопытства возьмет газету и воспримет это как маленькое приключение в серый будний день?

Но ничего не произошло.

Газета замертво упала на пол в прихожей и легла там, словно в ней никто не нуждался. Ее никто не поднял. Никто. Она поспешно сложила «ДН» и просунула ее в прорезь. То же самое.

Ничего.

Что это значит? Ведь он дома. Может быть, заснул? В секундном порыве она позвонила в дверной звонок, одновременно опустив в прорезь «ХД». И увидела, как та упала вниз на другие газеты. Ей стало не по себе. Что делать? Ехать дальше, словно ничего не произошло?

Конечно, так и надо было поступить.

Но вместо этого она до упора нажала на дверную ручку и убедилась,

что дверь не заперта. Она вошла, не подняв газеты с пола. Перед открытым камином, где тлели поленья, стояло классическое красивое кресло для чтения. В точности, как она себе и представляла.

Но где же Корхеден? Звуков душа не было слышно. Она прокричала приветствие и, как и ожидала, не получила никакого ответа. Его нет дома. Вопрос только почему. И кто затопил камин? Но это не играло никакой роли. Что бы то ни было, это ее не касается. Ей надо уйти отсюда, сесть на мопед и поехать дальше. Ведь не одному Корхедену нужны газеты.

Она прошла дальше в гостиную и обвела ее взглядом. Одна дверь была приоткрыта. Вероятно, дверь в спальню. Может быть, он просто спит? Она понятия не имела, где он так долго отсутствовал. Возможно, дело в разнице во времени.

Ей надо уходить.

Она открыла дверь ногой. Он действительно лежал в постели, одетый в пижаму. Но он не спал. Перед ней лежал мертвец, чьи руки и ноги были привязаны к кровати.

Она ничего не поняла. Ей вспомнились все прочитанные детективы и все следы, которые можно найти на месте убийства. Ей не следовало бы входить, но пришлось. Первый раз она по-настоящему видела мертвого человека – за исключением того раза, когда проехала мимо машины, перевернувшейся на шоссе 111, рядом с которой уже стояла машина скорой помощи. Тогда она притормозила и увидела покрытые носилки.

Но сейчас все было по-другому.

Она нажала указательным пальцем на голую ступню. Ступня была холодной, и на ней осталось светлое пятно. «Можно ли по пятну определить, как давно он умер?» – подумала она. Во всех детективах есть свои приемы, но до какой степени они соответствует действительности? Например, много где говорится, что тело начинает застывать сразу же после наступления смерти.

Она посмотрела на его руку. Рукава пижамы были закатаны, и на предплечье виднелась струйка засохшей крови. Она присмотрелась внимательнее и обнаружила маленькую красную точку на сгибе руки. Его отравили. Кто-то ввел шприц ему в руку и отравил его. Она почувствовала, как у нее учащается пульс. Она хорошо чувствовала такие вещи.

Она никак не могла понять, что с его лицом. Когда она сначала заглянула в комнату, ей показалось, что у него усы. Но подойдя ближе, поняла, что все как раз наоборот. Усов не было. Их срезали вместе с кожей, и на лице осталось только месиво из свернувшейся крови.

106

Ким Слейзнер проснулся в холодном поту на мокрой простыне. Было только без десяти четыре. Он мог бы спать еще два часа и даже успел бы спокойно принять душ и позавтракать перед пресс-конференцией.

Он испытывал нетерпение. Наконец-то софиты будут направлены на то, что действительно имеет значение.

На настоящего преступника.

Преступник лишил жизни шесть шведов и двух датчан. Скоро газеты станут писать о чем-то существенном, а не копаться в его личной жизни. Он посмотрел в окно и перевел взгляд в сторону востока. Было по-прежнему темно, необычно темно для июля, но далеко в направлении Швеции небо уже начинало светлеть. Несмотря ни на что, всегда приходит новый день. Новый день, полный возможностей.

По каналу в сторону разводного моста Лангебру прошел катер с зажженными огнями, и он мысленно перенесся в гараж, доехал на машине до моста, прыгнул на палубу и оставил все это дерьмо позади. Вперед, навстречу новым приключениям, и никогда не возвращаться назад.

Сердце по-прежнему стучало быстро, он явственно это ощущал. Только не мог понять почему. За весь вчерашний день он не выпил ни одной чашки кофе, и все шло по плану. Дуня вышла из игры, и скоро он сообщит новость, которая разом положит конец всякой критике в его адрес. Но вместо уверенности Слейзнер испытывал одно беспокойство.

Он сделал несколько вдохов и выдохов, наклонился как можно ниже и встал, одновременно глубоко вдохнув. Потом вытянул руки над головой и описал ими круг. Именно так делала Вивека, когда занималась йогой. Слейзнер попробовал еще раз, но никаких изменений не почувствовал.

Он сдался, подошел к письменному столу, включил ноутбук и проверил почту.

Три сообщения пробрались сквозь спам-фильтр.

10 июля 2010 02.12.40 CET viveca.sleizner@gmail.com:

Обратилась к риелтору. Он придет смотреть квартиру сегодня в 13:00. Надеюсь, там чисто, красиво и не будет тебя. /В.

10 июля 2010 03.32.51 CET jens.duus@politi.dk:

Снимок распечатан, взят в рамку и выложен на нашем

сервере. Пароль Kb48Grtda7. До связи! Йенс

Слейзнер не мог понять, почему Йенс Дус всегда упорно придумывает такие сложные пароли. Всего лишь через несколько часов пароль будет передан всем журналистам страны, чтобы они смогли получить доступ к снимку, и уже сейчас он знал, что как минимум треть из них ошибется при наборе.

> 10 июля 2010 03.51.10 CET niels.pedersen@politi.dk:
> http:/politiken.dk/

Никакого приветствия. Только ссылка на газету «Политикен». Слейзнер посмотрел на часы и понял, что сообщение пришло только что. Но кто такой Нильс Педерсен? Он его не знает. Или знает? Он кликнул на ссылку, после чего на экране открылся браузер с сайтом газеты.

Слейзнер не поверил своим глазам и ничего не понял. Совершенно ничего.

Они уже получили снимок. Снимок, который он велел взять в рамку и подготовить, чтобы первым его обнародовать, теперь красовался на весь экран.

> Вот он!
>
> Шведская полиция объявила в розыск убийцу одноклассников Торгни Сёльмедаля и говорит, что вышла на его след. «Скоро его должны задержать».

Слейзнер зашел на сайт газеты «Берлингске» и увидел тот же снимок.

> Шведская полиция делает большие успехи в поисках убийцы одноклассников Торгни Сёльмедаля!

Они даже узнали его имя. Наверное, это Дуня. Кто же еще? Но как, черт возьми, это произошло? Она хуже таракана – сколько ее ни дави, все равно будет путаться под ногами. Он ведь велел заблокировать ее электронную почту. И все же ей удалось сбыть снимок шведам. Снимок, который вопреки всем слухам о том, что он объявит о своем уходе, был краеугольным камнем всей его пресс-конференции.

Ему придется все отменить. Понятно, это означает реальную потерю престижа, да и Хаммерстен удивится. Но выбора у него нет. Без снимка ему нечего сказать, и речь тогда пойдет о его возможной отставке. Как ни

крути-верти эту ситуацию, вывод один. Маленькая мерзкая проклятая шлюха выиграла и отправила его в нокдаун.

Но он и раньше поднимался.

Его отнюдь нельзя сбрасывать со счетов.

107

– Послушай…

– Да?

– Не забудь, что он крайне опасен.

В трубке раздался щелчок, и разговор закончился.

Он взял чашку с кофе, но рука так дрожала, что ему пришлось держать ее обеими руками. Кофе успел остыть, но он надеялся, что сахар даст ему необходимую энергию. Он не испытывал особого желания, но знал, что выбора у него нет. Малейшее колебание с его стороны в худшем случае приведет к новым жертвам. Он встал – ноги, по крайней мере, держали его. В туалете спустили воду, после чего вышел его коллега, держа в руках газету.

– Что с тобой? Ты выглядишь совершенно… Что, черт возьми, произошло?

– П-позвонили из к-криминального от-тдела. Эта, Т-Ту-Тувессон.

– Да? И какого черта ей нужно?

– Он здесь. Убийца к-к-класса.

– Что? Что ты мелешь? Как так здесь?

– С-Сета Корхедена нашли у него дома, – ответил он с облегчением, поскольку заикание наконец стало проходить.

– Ты хочешь сказать, что преступник лежит здесь вместе с остальными, загримированный под Сета Корхедена?

Он кивнул и почувствовал, что начал успокаиваться. Теперь, когда они вдвоем, ему стало гораздо лучше.

– Проклятье.

– Они вызывают спецназ. Но ты и я, мы… Мы должны его взять, чтобы он не успел еще что-нибудь натворить. Мы не можем ждать.

– О’кей. Давай прямо сейчас. Давай. Ты поможешь?

– Конечно. Как я могу не помочь?

Коллега слегка ударил его кулаком по плечу.

– Подумать только, как круто. Мы с тобой схватим это чудовище.

Они быстро проверили свое снаряжение и вышли из комнаты надзирателей. Дойдя до запертой двери, которая вела в спальную комнату, остановились и обменялись взглядами.

– Готов?

Он кивнул, а его коллега повернул ключ как можно осторожнее и

открыл дверь.

– Подожди-ка. Давай снимем ботинки, чтобы никого не разбудить.

– Ладно.

Они сняли обувь, вошли в помещение в носках, закрыли за собой дверь и стали ждать, пока глаза привыкнут к темноте. Они точно знали, кто он и в какой кровати он лежит. Это он больше всех выступал против идеи ночевки в СИЗО. Хладнокровный дьявол. Но скоро его схватят. Он совершенно перестал нервничать. Все пойдет, как надо, в этом не было сомнений.

Через несколько минут они разглядели ряд кроватей вдоль одной стены и направились к предпоследней кровати с левой стороны. Его коллега приготовил наручники. Предложение снять ботинки оказалось гениальным. Их шагов по полу было не слышно.

Подойдя к кровати, они увидели, что он спит на животе. Голова повернута к ним затылком, правая рука лежит под подушкой, левая вытянута вдоль тела. С виду не очень удобно, но за семнадцать лет работы ночным надзирателем успеваешь насмотреться на самые странные позы спящих людей.

Они переглянулись и кивнули, будучи более чем готовы.

Он поднял левое колено в воздухе и выдвинул его вперед, одновременно склонившись над спящим мужчиной, чтобы ударить его коленом в спину и завести ему руки за спину – это движение в крови у каждого надзирателя. Он сам производил его столько раз, что уже сбился со счету.

Но когда колено уже опускалось на спину, мужчина выскользнул и перевернулся, после чего надзиратель почувствовал укол в левом бедре. Он попытался рассмотреть, что это, но не успел, поскольку мужчина выскочил из кровати и схватил его коллегу за горло. Коллега осел на пол, не издав ни единого звука.

Сам он понял, что лежит на полу. Наверное, у него подкосились ноги. Почему он ничего не чувствует? Он попытался встать, но не мог пошевелить ногами. Он попытался помочь себе руками, но те тоже не двигались.

Он даже не мог дышать.

108

Двери закрылись, а потом опять открылись. Все как обычно в это время суток. Всегда какой-нибудь ханурик держит дверь и зовет своего приятеля, который стоит, прислонившись к одной из колонн на перроне.

Сиверт Шедаль вспомнил, как он сам точно в таком же возрасте прислонился именно к этой колонне именно на этой станции и был точно таким же пьяным. Это было в середине 80-х, и он совершенно уверен, что тогда было веселее. Группа «Lustans Lakejer» давала в клубе «Ritz» заключительный концерт, и он стоял рядом со сценой и даже потом взял у Юхана Чинде автограф.

Да, точно как сейчас, он ждал поезда. С одной только разницей, что теперь он ждал, когда поезд отойдет, чтобы спрыгнуть вниз с ведром, щеткой и стремянкой на плече.

Главное – смотреть, куда ставишь ноги, даже если и делаешь это так много лет, что без проблем можешь выполнить всю процедуру с закрытыми глазами. Во всяком случае, он не должен ничего пропустить. Реклама, которую он расклеивал последние годы, была такой безнадежно скучной и глупой, что он был уверен, что ни один из миллионов пассажиров, пользующихся метро, не придавал ей никакого значения. Даже с этим в 80-е было лучше: фирмы «Gevalia» или «Nokia» проводили знаменитые рекламные кампании, которые никто не понимал, но которыми все интересовались.

Но та реклама, которую он сейчас собирался вешать, несколько отличалась от всех остальных, и он все время гадал, что бы это значило.

Сначала портрет мужчины с более чем заурядной внешностью, а потом в самом низу красными буквами:

ЭТО СДЕЛАЛ Я /ТОРГНИ СЁЛЬМЕДАЛЬ

109

Фабиан проснулся от ударов собственного пульса. Он задыхался – наверное, ему опять снились сны. Обычно он спал без сновидений. Но последние сутки стоило ему закрыть глаза, как он сразу же начинал видеть сны. Болезненные искаженные видения, которые, казалось, не имеют ничего общего с его фактическими переживаниями. В отличие от предыдущих снов, в этот раз он ничего не запомнил. Словно на самом деле ему ничего не снилось. Но ему снилось, в этом он был уверен.

Или?.. Возможно, его разбудило что-то другое?

Он сел в постели и у противоположной стены увидел ряд разложенных кроватей. Точно, он находится в СИЗО вместе со своими бывшими одноклассниками. Он взял со стула наручные часы и посмотрел время: 04:23.

Он устал, слишком устал, чтобы проснуться после часового сна. Фабиан обвел взглядом другие кровати, но все вроде бы спали. Почему он проснулся? Обычно он не просыпался среди ночи. Хотелось в туалет. Может быть, это его и разбудило?

Фабиан встал на ноги и пошел к дверям в противоположном конце помещения. На одной из них он увидел табличку «ванная комната». Он открыл дверь как можно тише, вошел и нащупал на стене выключатель, но не стал зажигать свет. Иначе он ничего не увидит по дороге обратно.

В ванной была кромешная тьма, и он передвигался на ощупь, вытянув обе руки вперед. Справа он обнаружил задернутую полиэтиленовую занавеску для душа. Он провел рукой по занавеске вниз и, почувствовав что-то холодное и твердое, понял, что это край ванны. Может быть, завтра стоит принять ванну?

Он прошел мимо раковины и добрался до унитаза. Потрогал руками холодный немного липкий край из фаянса. И крышка, и стульчак были откинуты. Нащупав пальцами стульчак, опустил его и сел. Как обычно, когда ночью он справлял малую нужду, вышло так мало, что нечего было огород городить. Но если уж он проснулся, то не сможет опять заснуть, не сделав попытки.

На кафельной стене справа Фабиан нашел большой держатель туалетной бумаги, но чтобы оторвать бумагу, ему пришлось засунуть в держатель всю руку и попытаться найти остатки рулона. Он вытерся, встал и спустил воду. Звук получился громче, чем он предполагал, и он надеялся,

что никого не разбудил. Он нашел кран и даже жидкое мыло и вымыл руки.

Руки было нечем вытереть, и он повернулся обратно к двери; занавеска для душа находилась у него по левую руку. Одной ногой он наткнулся на какой-то предмет на полу и услышал, как этот предмет покатился по кафельным плиткам. По звуку что-то твердое и металлическое, и он наклонился вниз и стал шарить руками по полу, чтобы выяснить, что это.

Наконец у стены он действительно нашел металлический полукруг диаметром в несколько сантиметров. На выпуклой стороне он нащупал рельефный узор, а с другой стороны торчала маленькая петелька. Он понял, что это за предмет.

Пуговица.

Пуговица от униформы.

Все стало вставать на свои места. Почему он проснулся и почему задернута занавеска.

Он подошел к ванне, сел на корточки, опустил руку вниз и сразу же почувствовал то, что подозревал. Нога, а потом рука. Стопа без ботинка. Затылочная часть и лицо. И еще одно.

Двое надзирателей, оба мертвые.

Он здесь.

Торгни Сёльмедаль здесь. Естественно. Где ему еще быть? Эта мысль ему самому в голову не приходила, как, впрочем, и всем остальным.

Вопрос только, кто он? Вероятно, не Яфаар или кто-то из женщин. Стефан А. или Стефан М.? Сет? Никлас? Кто-то из них.

Фабиан вышел из ванной и, стараясь не вызывать подозрений, как можно быстрее направился обратно через общую спальню мимо своей кровати к выходу. Но дверь была заперта, а тревожную кнопку он не мог найти. Мобильного у него не было, как, наверное, и у всех остальных. Он потер виски и почувствовал, что слишком устал. Убийца воспользовался ключами надзирателей и уже выбрался отсюда?

Фабиан вернулся на свое место и осмотрел другие кровати. Во всех, кроме его собственной, кто-то лежал. Значит, он еще здесь. Фабиан открыл свой несессер, осторожно отделил зеркальце от крышки и подошел к ряду кроватей напротив.

В первой, самой крайней справа, на спине лежал мужчина с полуоткрытым ртом. Хотя он сильно поправился, Фабиан сразу же узнал в нем Яфаара Умара. Он сел на корточки у края кровати и вспомнил, как Яфаар мог веселить их часами и всегда говорил о том, что хочет стать комиком. Фабиан близко поднес зеркальце к его рту и попытался

вспомнить, не слышал ли чего-нибудь о нем, но ничего вспомнить не мог.

Зеркальце не запотело.

На всякий случай он слегка надавил на сонную артерию Яфаара.

Ничего.

Яффе был уже мертв, но Фабиана это не удивило. Вопрос только, скольких еще он успел убить.

Он подошел к соседней кровати, где на боку лежал Стефан Андерссон. Зеркальце не запотело. Проклятье. Он пришел слишком поздно. Он быстро подошел к другой кровати, где лежал Сет Корхеден. Усы нельзя перепутать. Сколько Фабиан его помнил, тот всегда носил усы. Он поднес зеркальце ко рту и быстро понял, что здесь то же самое. Он потер зеркальце о брючину и попробовал опять, но результат был тот же.

Неужели он действительно успел лишить всех жизни? И как получилось, что он сам все еще жив? Значит, вот почему он проснулся? Когда убийца собирался заняться рядом напротив? От большой усталости Фабиан не мог мыслить ясно и чувствовал, как им овладевает бессилие. На самом деле он хотел только одного: сдаться. Вернуться к своей постели, лечь и закрыть глаза. Ждать своей очереди.

Он положил руку на сонную артерию Сета Корхедена и констатировал то, что уже знал. Но тут было что-то другое. Что-то странное.

Усы.

Они сидели криво. Словно были… Фабиан осторожно потрогал их: да, они действительно легко отделились. Посмотрев на них, отметил, что для накладных усов они невероятно хорошо сделаны, по крайней мере, судя по тому, что он увидел в темноте. Постепенно до него дошло: это вовсе не накладные усы. Фабиан отшвырнул их, словно они были заразные, и посмотрел на Сета Корхедена. И тут его осенило. Перед ним в постели лежал не мертвый Сет Корхеден.

Это был Никлас Бекстрем.

Он попытался понять взаимосвязь, но не сумел и почувствовал, как что-то шевелится на полу по другую сторону кровати. Ему ничего не удалось разглядеть, а через секунду у него кольнуло в нижней части голени. Он постарался увернуться, но не мог пошевелиться. Руки под кроватью уже схватили его за лодыжки и потащили вниз.

Фабиан мгновенно упал и почувствовал, как лечебный воротник ударился о край кровати, в которой лежал Стефан Андерссон. Он увидел, как из кровати словно два щупальца к нему тянутся руки. Попытался отбиться от настойчивых рук и увидел, что из его ноги торчит шприц. Вот куда тянутся руки. Самому ему тоже не дотянуться, и тогда остается одно –

продолжать брыкаться и оказывать сопротивление.

Он наткнулся на что-то твердое и почувствовал, как настойчивые руки ослабили хватку. Попытался подтянуть к себе ноги, но совершенно не мог ими пошевелить. Если он не отойдет, скоро руки вернутся опять. Фабиан повернулся на живот и попытался встать на четвереньки, но ноги отказывались слушаться. Скоро руки достанут до шприца и введут в его тело яд.

Фабиан протянул руку к ножке кровати Андерссона, но не достал. Оставались какие-то десять сантиметров. Он пополз и услышал, как кровать за ним перевернулась. Ухватился за ножку кровати и попытался выбраться оттуда, собрав все силы.

Он должен уйти от того, что находится за ним, что бы это ни было. Он думал только об этом, передвигаясь по полу с помощью рук. Любой ценой добраться до двери. Он все больше терял чувствительность, и хотя совсем не верил, что успеет до того, как будет поздно, продолжал упорно продвигаться вперед по блестящему линолеуму. Он один остался в живых, или есть еще кто-то?

Фабиан наполнил легкие воздухом, чтобы крикнуть, но в ту же секунду его потянули обратно и перевернули. Торгни Сёльмедаль подошел к нему и встал так, что он оказался у него между ног. Выдавил из себя улыбку, приготовился и прыгнул. Фабиан понял, что сейчас произойдет, и попытался откатиться в сторону. Но он больше не мог шевелиться, и Сёльмедаль приземлился на колени прямо ему на грудь.

Фабиан услышал, как у него сломалось несколько ребер, и почувствовал сильную боль в легких. Он закашлялся, ощутив запах крови. Попытался вдохнуть, но воздух не поступал. Сёльмедаль улыбнулся и, наклонившись к нему, прошептал ему в ухо:

– Бороться дальше бессмысленно. Все кончено.

Он был прав. Ничего не оставалось, кроме как смотреть, как он поворачивается и протягивает руку к шприцу в его ноге. Но почему он медлит? Почему не колет яд, чтобы положить всему этому конец? Фабиан закашлялся кровью и услышал, что каждый раз, когда он пытается вдохнуть воздух, у него свистит в груди.

Рука Сёльмедаля дрожала, словно он прилагал усилия, чтобы дотянуться до шприца в ноге Фабиана. Вторую руку он держал на своем горле, пытаясь ослабить ремень, который стягивался все сильнее. Кто держит ремень? Лицо Сёльмедаля становилось все бледнее, оно почти посинело. И все же он сопротивлялся, словно отказывался признать, что через какое-то время все закончится.

Секунды или минуты? Фабиан понятия не имел. Казалось, борьба длится целую вечность, а Лена, Сесилия и Анника, стоящие сзади и стягивающие ремень, не справятся. Фабиан слышал, как они зовут на помощь, но никто не шел. Зато к лицу Сёльмедаля прилила краска, а с ней вернулись силы, и он опять стал тянуться к шприцу. Фабиан сделал последнюю попытку сдвинуть ногу с места, но она осталась неподвижна.

И тут словно из ниоткуда возникла другая рука, которая схватила шприц и выдернула его из ноги Фабиана. Фабиан ничего не понял, пока не увидел Лину. Через секунду она воткнула шприц в горло Сёльмедаля и выдавила содержимое.

И только тогда все закончилось.

Он лежал мертвый, с высунутым языком.

Они стащили тело с его груди. На потолке зажегся свет, и Фабиан услышал, что кто-то бежит. Ему пришлось опустить веки. Свет вонзился ему в глаза, словно острая игла. Опять потекла кровь, и он услышал взволнованные голоса, которые перебивали друг друга.

Тувессон, Лилья и Утес были рядом. Кто-то потрогал рукой его горло и что-то закричал по-датски. Фабиан не разобрал слов, но казалось, это что-то важное. Опять послышался крик, но он не был уверен, что кто-то слушает.

Он опять закашлялся и почувствовал, как рот наполняется кровью и та течет в горло. Но теперь ему не было больно. Боль постепенно стихала. Вместе с голосами.

Наконец стало тихо.

Темно и тихо.

110

Несмотря на раннее утро, уже давно рассвело, и солнце явно намеревалось поднять температуру намного выше двадцати. Наверняка будет еще один рекордно теплый день. Машин было еще мало, но с каждой минутой движение становилось все более интенсивным, и у паромного терминала набитые вещами машины отпускников выстраивались в длинные очереди.

На пляж Фриа Бад прибывали первые отдыхающие, которые расстилали на песке свои одеяла, занимая самые хорошие места и обретая относительное спокойствие. Еще несколько часов, и пляж превратится в какофонию кричащих семей – дети с капающим на песок мороженым и усталые родители.

Магазины на пешеходной улице Куллагогатан еще были закрыты, но в кондитерской «Fahlman» на углу площади Стурторгет нанятые на лето официантки уже вовсю расставляли столы и стулья.

Вчерашние газетные афиши у табачных киосков, помимо новостей о двойном убийстве на трассе E6 и в главной библиотеке, рекламировали солнцезащитный крем и давали советы, как не поссориться во время отпуска.

В целом, совершенно нормальная субботняя жизнь в разгаре июля.

Только одно но.

Все говорили только об этом.

Везде. По всей стране.

О том лице, которое еще не попало на газетные афиши, но, несмотря на это, бросалось в глаза, как только люди выходили из дома.

Оно было на автобусах и на автобусных остановках. На рекламных тумбах и на электричках.

Те, кто уже прочитал в Сети, объясняли всем остальным и отвечали на их вопросы. Объясняли, что это не какая-то странная реклама. Что скоро все будут узнавать анонимное лицо, лицо Торгни Сёльмедаля.

И узнают, что он это сделал.

111

Фабиан Риск вздрогнул и осознал, что лежит с закрытыми глазами. Значит, он жив. Он попытался пошевелить пальцами, но не знал, получилось ли. Вместо радости и облегчения он испытывал сплошную черную тоску. Он опять стал думать о цифрах, которые никак не давали ему покоя.

Он так замерз, что весь дрожал, хотя чувствовал, что лежит под толстым одеялом. Он попытался подумать о чем-то другом, но цифры настойчиво напоминали о себе, возвращаясь и повторяясь до бесконечности как навязчивая идея.

Его спасли Лина, Сесилия, Анника и Лена. Четыре человека. Четверо выживших. Вместе с ним получается пять. Пятеро из двадцати одного. Шестнадцать его бывших одноклассников лишились жизни, считая Ингелу Плугхед. С классной руководительницей будет семнадцать. Один-семь. Беспрецедентная катастрофа. Правда, трое из них, кто находится далеко от Швеции, остаются под вопросом, но Фабиан не питал иллюзий. Торгни Сёльмедалю в целом удалось осуществить задуманное.

Сам он по всем мыслимым фронтам потерпел фиаско.

Двадцать, считая датского полицейского и двух надзирателей.

И это даже без Метте Луизе Рисгор.

Фабиан открыл глаза и увидел потолок с лампами дневного света и перфорированными плитами цвета прокуренных зубов. Помещение было ему знакомо. Он был здесь не так давно. Повернув голову, насколько позволяла боль, он увидел, что на соседней кровати лежит Теодор. Теодор не спал. Он посмотрел на отца и встретился с ним взглядом. Оба молчали. Словно тишина именно сейчас представляла для них наивысшую ценность, и ее нельзя было нарушать ни при каких обстоятельствах. И все же они многое скажут друг другу. Со временем. Так много ничего не значащих «прости». Так много натужных объяснений. Обещаний, которые никогда не будут исполнены.

Теодор протянул ему руку. Фабиан взял ее в свою и почувствовал, как тепло растекается по руке, а потом и по всему телу.

Эпилог

Спустя восемь суток после событий в СИЗО Хельсингборга Андерс Андерссон по-прежнему находился с семьей в отеле «все включено» в Алькудии на Майорке. Хотя он не прочел ни одной газеты, он не мог не знать, что произошло. Об этом не говорил только ленивый, и уже через двое суток все в отеле знали, что он учился в том самом классе, и вели бесконечные разговоры об ангелах-хранителях и везении.

Сам Андерс во все это не верил, но что он знает? Может, они и правы, подумал он и, заказав в баре еще одно пиво, открыл последнюю взятую с собой коробочку с жевательным табаком, будучи в неведении, что три недели назад в нее что-то впрыснули с помощью шприца.

Несмотря на все старания врачей, он вскоре скончался.

Через трое суток после того, как у Лотты Тинг кончился отпуск, ее нашли в ящике в ее винном погребе по адресу улица Колбьернсенс, 12, Осло, со связанными за спиной руками и ногами. Согласно судмедэкспертизе, по причине жаркого лета она мучилась не больше пяти дней.

В воскресенье 11 июля Кристина Вингокер и ее муж вышли из коттеджа, который они снимали в Люсечиле, чтобы поехать домой, выйти на неделю на работу, а потом отправиться с детьми в поход по островной Греции. Рано утром в понедельник Кристина села в свой «Ниссан Микра» и поехала в офис, находящийся на улице Дроттнинггатан в Хельсингборге. Как обычно, она взяла с собой бутылку с биодобавкой, из которой пила каждое утро и каждый вечер. Вообще-то эти биодобавки были ей не по карману, но, как и обещала ее подруга, Кристина не болела ни одного раза с тех пор, как стала их пить, и сейчас шел уже пятый здоровый год.

Когда машина, потеряв управление, врезалась в один из бетонных столбов на закрытой парковке под вокзалом Кнутпунктен, других пострадавших не было.

Люди срывали плакаты с Торгни Сёльмедалем и спреем писали на них проклятия. Все больше народу требовало прекратить эту кампанию и заменить на что-то другое. Что на практике оказалось не таким простым делом в разгар летних отпусков, и лицо Торгни продолжало украшать Швецию в течение двух последующих недель.

Спасибо

Ми

За помощь и идеи. Без тебя и твоей уверенности в том, что все получится, ничего бы не получилось. Люблю тебя за это и за все остальное.

Касперу, Филиппе и Сандеру

За то, что выдержали все эти годы.

Петеру и Микаэлю

За то, что нашли время и осмелились выражать свое мнение. Это значило больше, чем вы думаете.

Юнасу, Юлии, Адаму и Саре

За вашу потрясающую энергию и профессионализм до мозга костей.

Кафе String и кафе Lilla Cafeet на Седере

За все те разы, когда вы позволяли мне сидеть в моем углу за давно остывшей чашкой чая.

---

notes

Примечания

1

Ян Ингемарк Стенмарк, 1956 г.р., выдающийся шведский горнолыжник.

2

Название модели стула, разработанного датским дизайнером Арне Якобсеном в 1952 г.

3

Тропический пляж (*англ.*).

4

Герой книг шведского писателя Хеннинга Манкелля.

5

И если бы я только мог заключить сделку с Богом и поменяться с ним местами, взбежав по этой дороге, взбежав на этот холм, – слова из песни «Взбегая на холм» («Сделка с Богом») британской певицы Кейт Буш.

6

Знаменитый шведский теннисист.

7

Датский музей современного искусства, расположенный в Хумлебеке на берегу Эресунна, в 35 км к северу от Копенгагена.

8

Вы говорите со мной? (*англ.*) Фраза из фильма «Таксист».

9

Фамилия Руне Шмекель. М.б. намек на то, на что «шмекл» и «шмекеле» пришли из детской речи на идише – что-то вроде «пиписька». Это объяснение дает канадский писатель Векс Майкл в своей книге «Жизнь как квеч. Идиш: язык и культура»

10

(В пер. с англ. – «Да здравствует вор») – шестой студийный альбом группы.

11

Так в Швеции в шутку называют жителей Стокгольма, поскольку код города – 08.

12

Телефонный код Дании.

13

Композиция американского певца и композитора Принса.

14

Что это? (*нем.*)

15

Крепко прижимаю твою подушку (*англ.*) – слова из песни «Enter Sandman» (Приди, Песочный человек) американской группы Metallica.

16

Выйди из света – слова из той же песни.

17

Войди в ночь – то же самое.

18

Возьми мою руку – то же самое.

19

Мы отправляемся в волшебную страну.

20

Фамилия героя по-шведски пишется Mällvik. Mäll по-шведски – перхоть.

21

Ты не можешь это потрогать (*англ.*) – название композиции группы MC Хаммер.

22

Стоп! Время Хаммера!

23

Я животное, которое не хочет быть собой (*англ.*). Строка из песни Мэрилина Мэнсона Irresponsible Hate Anthem (Гимн безответственной ненависти).

24

Давай его, давай его, давай его! (*англ.*) – здесь и далее на странице слова из той же песни.

25

Лучше, лучше, лучше (*англ*.).

26

Эй, жертва, это ты вложила палку в мою руку (англ.).

27

Давай его – оттуда же.

28

Ты меня не хочешь? Здесь и далее перевод песни Don’t you want me (Human League, the).

29

Ты работала официанткой в баре, когда я встретил тебя. Я выбрал тебя, встряхнул тебя. Вывел на нужный путь.

30

И сделал из тебя другого человека.

31

Твоя любовь – король. Сингл с альбома Diamond Life (1984) английской группы Sade.

32

«Хьюстон, у нас проблемы?» (*англ.*)

Произнесено 14 апреля 1970 года Джимом Ловеллом, членом экипажа шаттла «Аполлон-13». Из-за аварии на шаттле посадка на Луне была отменена, и экипаж вернулся на Землю. Фраза также стала слоганом фильма «Аполлон-13», вышедшего в прокат в 1995 году.

33

Громко и ясно (англ.).

34

Фамилия Блум происходит от шведского слова blomma, цветок.

35

Мертвецы судорожно трясутся над остатками – из песни Мэрилина Мэнсона «Litte Horn».

36

Спасайте себя от этого сами – из той же песни.

37

Мир раздвигает ноги для другой звезды – из той же песни.

38

Теперь каждый будет страдать – из той же песни.

39

Я вознесу тебя как прелестного ангела – слова из песни Мэрилина Мэнсона Deformography (Деформография).

40

Я порву тебя как шлюху – из той же песни.

41

Немецкие предлоги.

42

Немецкие предлоги.

43

Нет, я не шучу! Для меня немецкий всегда был в удовольствие! Всегда! Всегда!

44

Я типичный американец – слова из песни Мэрилина Мэнсона Irresponsible Hate Anthem (Гимн безответственной ненависти)

45

Давай его! – оттуда же.

46

Я изнасиловал бы насильника – оттуда же.

47

Я идиот, который скоро не будет мной! – оттуда же.

48

Давай его! – оттуда же.

49

И запомни: не надо перечить. Они этого не любят (*англ.*).

50

От английского Warhammer (Молот войны).